

Российская академия наук
Институт психологии

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 1

Состояние и перспективы
исследований

Ответственные редакторы

Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9
ББК 88
С 69

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редакционная коллегия:

*Т. А. Нестик (отв. ред.), Ю. В. Ковалева (отв. ред.), А. Е. Воробьева,
Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Н. Н. Хащенко*

С 69 Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 483 с. (Труды Института психологии РАН)

ISBN 978-5-9270-0386-0

УДК 159.9
ББК 88

Первая часть сборника научных трудов, посвященного 45-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 70-летию академика РАН А. Л. Журавлева, включает статьи известных авторов по сложившимся социально-психологическим направлениям, традиционно разрабатываемым в этой отрасли психологии. Рассматриваются вопросы методологии, теории и их перспективного развития, в частности, процессов интеграции, дифференциации и применения принципа целостности в психологии. Поднимается широкий спектр проблем личности и группы, а также межличностных и межгрупповых отношений. Среди направлений изучения личности выделяются вопросы взаимодействия личности и организации, отмечается интерес исследователей к проблемам сознания и менталитета, а также к различным формам деструктивного поведения, что приобретает актуальность на настоящем этапе общественного развития.

Особое место отведено творческому наследию Е. В. Шороховой, ее вкладу в исторический анализ становления и развития отечественной социальной психологии, взглядам на предмет социальной психологии, его роль и место в системе научного знания, а также на его связь с другими науками.

Для психологов, педагогов, социальных работников и широкой читательской аудитории.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-013-20073

ISBN 978-5-9270-0386-0

Содержание

А. Л. Журавлев, В. П. Позняков

Основные направления разработки Е. В. Шороховой проблем истории, теории и методологии социальной психологии	11
---	----

Раздел 1 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. В. Акопов

Социальная психология искусства vs искусство манипуляций	27
--	----

Е. Е. Бочарова

Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности (на примере старшеклассников Саратовской области)	36
---	----

Т. В. Галкина

Возможности экстраполяции научных идей Я. А. Пономарева о психологическом механизме группового творчества	42
---	----

А. В. Капцов

Модель ценностной системы психосоциального человека	52
---	----

А. А. Криулина

Принцип целостности как методологический вектор интеграции социально-психологической информации	58
---	----

С. А. Липатов

Возможности и проблемы интеграции качественных и количественных методов в социальной психологии.	66
--	----

<i>В. А. Мазилев, Ю. Н. Слепко</i>	
Интеграция в современной психология: лики интеграции	73
<i>Д. К. Паркина</i>	
Концепция А. Г. Асмолова в свете методологии историко-эволюционного подхода	81
<i>В. Е. Семенов</i>	
Полиментальность как методологический принцип социальной психологии	88
<i>Н. В. Ткаченко</i>	
Перспективы полевой этнопсихологии: культура как цель и средство познания	97
<i>А. С. Чернышев, С. В. Сарычев</i>	
Проблема единства теории, эксперимента и практики в социальной психологии	103
<i>А. П. Якунин</i>	
Принцип субъекта и социальная психология: к построению программ исследований	111

Раздел 2 ЛИЧНОСТЬ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Н. Г. Артемцева</i>	
Отношение к моде и созависимость у людей с разным типом темперамента	121
<i>М. М. Басимов, И. А. Николаева</i>	
Нелинейная зависимость параметров коммуникативной толерантности от убежденности в благосклонности мира.	129
<i>Т. С. Вавакина</i>	
Ключевые признаки партнерских отношений	135
<i>В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, С. Ю. Коробова</i>	
Векторы социально-ролевой идентичности менеджеров в контексте ресурсов инновационного развития организации	141

<i>О. И. Деревянко</i>	
Вариативность психологического содействия руководителю в состоянии ролевого конфликта (на примере социономического типа профессий)	148
<i>Т. И. Дрынкина, Е. А. Карпова</i>	
Социокультурные особенности восприятия и оценки организационно-профессионального пространства	156
<i>Л. Н. Котлярова</i>	
Организационная идентичность и поведенческие стратегии выпускников технического университета в процессе трудоустройства	165
<i>Л. В. Куликов, О. В. Грива</i>	
Чувственные характеристики мужского дружеского общения . .	173
<i>Н. Д. Нагибина, Л. А. Сабра</i>	
Идеальный образ Я и идеальный образ мира субъекта познания и общения на примере модели перфекционизма . . .	181
<i>Т. А. Нестик</i>	
Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования	190
<i>А. Г. Оболенская</i>	
Организационный вандализм как реакция на ограничение свободы индивида	213
<i>Е. С. Письменюк</i>	
Психологические факторы выбора ценности карьеры в условиях неопределенности профессиональной деятельности	219
<i>С. Е. Поддубный, Е. В. Эгамбердиева</i>	
Личностные качества, акцентуации характера и механизмы психологической защиты у женщин среднего возраста	225
<i>Е. В. Федосенко</i>	
Социально-психологические особенности учащихся учреждений начального профессионального образования . . .	237
<i>В. А. Чикер</i>	
Оценка персонала в организациях: современное видение	246

И. А. Юров

Социально-психологические особенности эффективности
деятельности менеджеров с различным уровнем образования . . . 254

Раздел 3

ГРУППА И МЕЖГРУППОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Н. Р. Апреликова, Д. А. Китова

Специфика потребностей молодежи в знаниях по психологии . . . 267

И. В. Атаманова, С. А. Богомаз

Инновативность современной молодежи
и культурные факторы социально-экономического развития . . . 281

Г. В. Бровман

Когнитивные и аффективные аспекты влияния
большинства и меньшинства на отношение студентов
к социально значимым явлениям 289

В. В. Глебов, В. В. Ерофеева

Деструктивные отношения в студенческой группе:
формы проявления и проблематика 298

Д. С. Горбатов

«Женское начало толпы»: гендерные стереотипы
и предрассудки в теориях стихийных объединений
конца XIX—начала XX вв. 304

И. В. Девятковская, А. О. Сунцова

Формы деструктивного поведения персонала в организации . . . 310

С. Г. Елизаров, Г. Н. Ларина

Проектирование социально-психологической помощи
учащейся молодежи в личностном развитии 317

Н. Д. Елисеева

Роль природно-географических факторов
в становлении якутского менталитета 326

Н. А. Журавлева

Психологические аспекты исследования динамики
экономического сознания предпринимателей
в российском обществе 332

<i>В. А. Капустина, К. С. Манзыркова</i>	
Сравнительный анализ выраженности агрессивности у жителей большого и малого городов	338
<i>А. Д. Карнышев, О. А. Карнышева</i>	
Идентичность и патриотизм: этнопсихологические и региональные особенности и уровни проявления.	349
<i>Д. А. Китова</i>	
Программа социально-психологического исследования представлений молодежи о коррупции.	360
<i>В. Е. Купченко</i>	
Феноменологическое описание подростков с различной степенью суицидального риска	380
<i>Н. А. Ладзина, Л. С. Назырова</i>	
Влияние национально-психологических особенностей на экономическое сознание казахстанских предпринимателей	390
<i>З. В. Машарский, О. С. Машарская</i>	
Проблемы взаимодействия в бригаде летного экипажа воздушного судна	402
<i>А. С. Силаков</i>	
Актуальность социально-психологического обучения школьников начальных классов.	408
<i>Т. В. Фоломеева</i>	
Стиль жизни героев телевизионных сериалов как фактор формирования потребительских предпочтений зрителей	414
<i>Р. М. Шамионов</i>	
Ценностно-смысловые ориентации как основания социальной активности молодежи.	423
Аннотации (Abstracts)	429
Об авторах	476

*Посвящается 45-летию лаборатории
социальной и экономической психологии ИП РАН
и 70-летию академика РАН
Анатолия Лактионовича Журавлева,
работающего в ней со дня основания
и прошедшего путь от аспиранта до заведующего*

Основные направления разработки Е. В. Шороховой проблем истории, теории и методологии социальной психологии

А. Л. Журавлев, В. П. Позняков

В настоящей статье, представленной на юбилейную конференцию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, авторы хотели бы отдать дань памяти Екатерине Васильевне Шороховой – видному советскому и российскому психологу, внесшему большой вклад в возрождение и развитие отечественной социальной психологии, основателю и первому научному руководителю лаборатории. Представляемая публикация не претендует на историко-психологический анализ жизни и научной деятельности Шороховой, ее роли как организатора отечественной психологической науки и ответственного редактора ряда крупных коллективных трудов, посвященных актуальным проблемам развития психологии. Эта сторона ее деятельности еще ждет специального рассмотрения. Авторы хотели бы дать краткий анализ ее личного вклада как ученого в разработку фундаментальных проблем социальной психологии, поэтому предмет нашего анализа являются только авторские публикации ученого. При этом мы сознательно ограничиваем себя рамками тех проблем психологии, в постановку и решение которых Шорохова внесла наиболее значительный вклад. Речь идет о разработке теоретических, методологических и прикладных проблем социальной психологии. Особое внимание уделяется результатам ее исследования психологических проблем социальной детерминации поведения человека.

Работы по истории, теории и методологии социальной психологии

Анализ истории отечественной социальной психологии был дан Шороховой в специальном разделе учебника, подготовленного коллективом лаборатории социальной и экономической психологии ИП

Публикация подготовлена по государственному заданию № 0159-2018-0001.

РАН. Автор убедительно отстаивает тезис о том, что возникновение и развитие отечественной и западной психологии происходило параллельно. «Традиционным было мнение о том, что истоки социальной психологии восходят к западной науке. Историко-психологические исследования показали, что социальная психология в нашей стране имеет самобытную историю» (Социальная психология, 2002, с. 10). В этой истории автор выделяет периоды интенсивного развития во второй половине XIX в. и в первой трети XX в. Шорохова особенно отмечает роль В. М. Бехтерева в становлении отечественной социальной психологии.

Период, длившийся со второй половины 30-х до второй половины 50-х годов XX в., автор обозначает как «перерыв в развитии социальной психологии». Но и в данный период продолжались теоретические и эмпирические исследования, которые с полным правом можно отнести к сфере социальной психологии. Тщательно изучив работы Б. Г. Ананьева, В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, Л. И. Божович, А. Г. Ковалева, А. С. Макаренко, В. Н. Мясищева, А. Л. Шнирмана, Шорохова убедительно доказывает, что, несмотря на идеологические запреты и прямые репрессии, которым подвергалась отечественная психология в конце 1930-х годов, исследования фундаментальных проблем социальной психологии продолжались. Она выделяет три основных вопроса исследований личности в группе: исследования отношений коллектива и личности, характеристика проявлений личностных особенностей человека в группе и изучение психологических механизмов взаимовлияния коллектива и личности (Шорохова, 1974).

Во многом именно благодаря преемственности передачи знаний, методов и опыта стало возможным интенсивное восстановление социальной психологии в конце 1950—начале 1960-х годов. Одной из первых публикаций этого периода, который Шорохова обозначает как *восстановительный*, явилась статья трех авторов в журнале «Вопросы психологии», в которой были изложены оригинальные представления о сущности социально-психологических явлений, предмете и задачах социальной психологии, перспективных направлениях ее развития (Шорохова, Мансуров, Платонов, 1963). Завершила же данный период работа «Методологические проблемы социальной психологии» (Методологические проблемы..., 1975), в которой ведущими социальными психологами страны того времени были проанализированы основные проблемы и направления исследований.

Шорохова пишет об организационном становлении социальной психологии, важным этапом которого стало создание в Институте психологии АН СССР в декабре 1973 г. первого в стране научного подразделения – сектора социальной психологии. Именно она стала заведующей данным сектором, совмещая эту работу с основной своей должностью заместителя директора по научной работе ИП АН СССР. Отличительной особенностью научного творчества Шороховой в данный период является последовательная разработка ею теоретических и методологических проблем социальной психологии с позиций марксизма. Во вводной статье упомянутой выше коллективной работы она представляет различные точки зрения на предмет социальной психологии и ее место в системе научного знания. В качестве ключевых общетеоретических проблем автор выделяет проблему *социальной обусловленности* психики, поведения личности в коллективе и воздействия коллектива на личность: «В системе психологических дисциплин на долю социальной психологии падает задача конкретной реализации действия принципа общественно-исторической обусловленности психических процессов» (Шорохова, 1975, с. 5). В качестве ключевого положения, определяющего направление анализа механизмов связей человека с обществом, Шорохова предлагает рассматривать следующее представление К. Маркса: «Общественное в психике человека – продукт социальных отношений. Вместе с тем общественное составляет сущность, ядро человеческой психики. Таким образом, без раскрытия закономерностей психологического содержания этого общественного и механизмов его формирования в строгом смысле нельзя понять сущности и индивидуального. Индивидуальное – лишь форма существования общественного» (там же). Отметим, что в этой работе Шорохова по сути формулирует проблему соотношения социального и психического, индивидуального и общественного, а в качестве центральной категории ее анализа предлагает воспользоваться *категорией отношений*: «Социально-психологическая природа личности, ее структура в теснейшем взаимодействии с социальной средой, и прежде всего в цепи человеческих взаимоотношений, составляет основной объект социальной психологии» (там же, с. 9). Раскрывая идеи Маркса о взаимосвязи индивидуального и общественного, личности и общества применительно к задачам социальной психологии, Шорохова отмечает: «Личность выступает как явление и зависимое от общества в целом, обусловленное принадлежностью к той или иной соци-

альной группе, и активное, самостоятельное, критически свободно воздействующее на окружающий мир, изменяющее, направляющее, совершенствующее его» (Шорохова, 1974, с. 8).

В качестве одного из важных механизмов реализации соотношения социального и психического, индивидуального и общественно-го Шорохова выделяет проблему *взаимоотношений личности и группы*: «Одним из важнейших положений современной науки о человеке следует считать доказанный социальной психологией факт, что человек осуществляет свою жизнедеятельность как член той или иной малой группы, участвует в ее жизни и работе, действует в обществе, совершает поступки как член такой группы. Принадлежность к группе существенно определяет социальное поведение человека и оказывается условием воздействия на личность и поведение человека» (Шорохова, 1975, с. 10). Вместе с тем автор отмечает, что, в отличие от многих западных социально-психологических теорий, психология малых групп не выступает в советской науке как исключительная и самодовлеющая социально-психологическая проблема. Шорохова анализирует различные точки зрения ученых, предлагавших рассматривать в качестве объектов социальной психологии и личность в ее взаимоотношениях с коллективом, и общение людей, и массовидные психические явления. При этом автор не противопоставляет различные подходы, считая, что это разнообразие свидетельствует о широте охвата социально-психологических явлений и способствует развитию социально-психологической науки. В качестве основного, *центрального объекта исследования* социальной психологии автор рассматривает все-таки *личность*, т. е. конкретного человека как носителя социальных качеств и как субъекта социальных отношений.

Еще одной важной теоретической проблемой, которую ставит и анализирует Шорохова в работах этого периода, является *проблема взаимосвязи социальной психологии с другими общественными науками*, ее значения для решения общенаучных проблем: «В развитии социальной психологии заинтересованы прежде всего общественные науки. Это обусловлено тем, что всякая социальная проблема есть в то же время одной из своих сторон, граней, зависимостей и психологическая проблема. В системе социальных взаимоотношений в качестве центральной образующей выступает человек. Целый ряд общенаучных проблем не может быть успешно разрешен без участия социальной психологии» (там же, с. 5). Справедливость высказанных Шороховой суждений была подтверждена всем дальнейшим

ходом развития отечественной социальной психологии, который в полной мере можно характеризовать как процесс развития *междисциплинарных связей* и исследования психологических аспектов социальных проблем современного российского общества (Журавлев, 2011).

Шорохова разрабатывает ряд фундаментальных научных проблем *социальной психологии личности*. В опубликованной в 1974 г. статье «Психологический аспект проблемы личности» анализируются основные тенденции социально-психологических исследований личности: включение психологии личности в комплекс наук, изучающих человека, развитие системного подхода к личности, реализация принципа единства сознания и деятельности. Специальное внимание уделяется рассмотрению психологии личности и психологии коллектива как разных сторон одного *предмета* социальной психологии. Шорохова поясняет: «Это обусловлено тем, что в психологии коллектива как совокупности личностей нет таких черт, которых бы не было у людей, образующих этот коллектив. Вместе с тем в коллективе у индивидов возникают психологические особенности, не свойственные им вне коллектива. На этом основании можно сказать: нет никакой специфической социальной психологии, которая не была бы психологией личностей, находящихся в определенных отношениях, которые порождают общие для всех них настроения, интересы, потребности, мнения, профессиональные, классовые и национальные особенности психических процессов, свойств и состояний» (Шорохова, 1974, с. 21).

Исследование проблем социальной детерминации поведения человека

Дальнейшее развитие представлений Шороховой о *взаимосвязях личности и общества*, индивидуального и общественного связано с анализом психологических проблем и факторов *социальной детерминации поведения* человека (Шорохова, 1976). Шорохова обращается к следующей мысли К. Маркса: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» (Маркс, 1955, с. 2). Опираясь на эту мысль, она делает

важнейший для развития социальной психологии *вывод*: «Человек в процессе исторического развития выступает в двояком противоречивом качестве: он является и объектом истории, он и ее субъект» (Шорохова, 1976, с. 5). Это принципиальное положение об активности личности в изменяющихся социальных условиях послужило методологической основой многих дальнейших теоретических и эмпирических исследований динамики социальной психологии личности и группы в изменяющемся российском обществе (Динамика социально-психологических явлений..., 1996; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.).

Последовательно анализируя и развивая идеи Маркса о социальной сущности человека применительно к исследованию психологических проблем социальной детерминации поведения, Шорохова обращает внимание на ключевую формулировку, которую она называет «величайшим открытием Маркса»: «Особенно следует избегать того, чтобы снова противопоставлять „общество“, как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни» (Маркс, 1956, с. 590). Одновременно Шорохова обращает внимание и на основную форму взаимосвязи и взаимовлияния общества и индивида, предложенную Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», — *жизнедеятельность человека*. Эта категория также станет одной из ключевых в дальнейших социально-психологических исследованиях личности и группы российскими учеными (Психология совместной жизнедеятельности..., 2001; и др.).

Рассматривая факторы социальной детерминации поведения человека, Шорохова акцентирует внимание на том, что «не просто социальная среда, культура, как это довольно часто делают буржуазные социологи и психологи, а именно определенный общественно-исторический строй с его существенными характеристиками определяет в самом широком смысле слова процесс формирования человека, его жизнедеятельность» (Шорохова, 1976, с. 8). При этом автор полагает, что «для перехода от общефилософской к психологической характеристике детерминирующего влияния общественных явлений на поведение человека необходимо разделение системы общественных отношений определенной общественно-экономической формации на разные ее составляющие» (там же). В качестве центральной

такой составляющей Шорохова выделяет производственные отношения, в первую очередь, *отношения собственности*: «Отношения собственности реализуются в области распределения общественного продукта и детерминируют реальные возможности человека реализовать свои способности: обладание определенными материальными и духовными благами является реальной социальной силой, детерминирующей человеческое поведение» (там же, с. 9). Этот тезис об определяющей роли отношений собственности среди факторов социальной детерминации психики и поведения человека стал ключевым в становлении и развитии отечественной экономической психологии (Журавлев, Позняков, 2004; Позняков, 2004; и др.).

Подводя итог общей характеристике социальных факторов, регулирующих поведение, Шорохова объединяет их в три группы: материальные условия жизни общества, общественные (прежде всего производственные) отношения и формы общественного сознания. При этом автор отмечает, что «указанные социальные факторы следует рассматривать как исходные, определяющие поведение, но не исключительные составляющие реальной жизнедеятельности человека. В процессе жизнедеятельности, в котором осуществляется постоянная связь человека с внешним миром, человек выступает как активная сторона взаимодействия» (Шорохова, 1976, с. 12).

Следующим шагом в теоретическом анализе проблемы социальной детерминации поведения является раскрытие *психологических механизмов* этой детерминации. И здесь Шорохова вновь обращается к категории отношений: «Наибольшим общественно-историческим изменениям в личности подвергаются те ее свойства, процессы, состояния, в которых отражаются общественные условия жизни человека, в которых отражается *отношение* (курсив наш. — А. Ж., В. П.) человека как общественного существа к влияниям общественной жизни» (там же, с. 14).

Рассматривая психологические механизмы социальной детерминации поведения человека, Шорохова обращается к взглядам С. Л. Рубинштейна на соотношение внешних обстоятельств, среды, в которой протекает жизнь и деятельность людей, и собственно условий их жизни: «В качестве условий жизни из среды, из внешних обстоятельств выделяются те и только те, которые находятся в объективных отношениях к жизни людей, которыми их жизнь реально обусловлена. В выделении из среды — общественной и природной, из всей совокупности внешних обстоятельств, среди которых протекает жизнь

людей, условий их жизни, — в этом выделении объективно проявляется активность, избирательность человека как субъекта жизни» (Рубинштейн, 1957, с. 15). При анализе механизмов социальной детерминации жизнедеятельности людей Рубинштейн, как и Шорохова, обращается к *категории отношений*, различая при этом объективные отношения, в которые включается человек, и его субъективное отношение к внешнему миру, в котором выражается его *самоопределение*: «Требования, которые условия жизни предъявляют человеку, задачи, которые она перед ним ставит, заставляют его самоопределиваться. Объективные отношения, в которые включается человек, определяют его субъективное отношение к окружающему, выражающееся в его стремлениях, склонностях и т. д.» (там же).

Анализируя психологические механизмы социальной детерминации поведения человека, Шорохова вступает в полемику с А. Н. Леонтьевым, который утверждал, что формулировка принципа детерминизма, предложенная Рубинштейном, — «внешние причины действуют через внутренние условия, которые сами формируются в результате внешних воздействий» (Рубинштейн, 1957, с. 226), — не снимает постулат непосредственности. В представлениях Рубинштейна о социальной детерминации психики и поведения важнейшим является тезис об *изначальной активности человека* во взаимодействии с внешними условиями жизнедеятельности: «Специфика человеческого существования, — отмечает Шорохова, — определяется мерой соотношения самоопределения человека и зависимостей его от того, что вне человека является по отношению к нему иным, другим. Во взаимодействие с этим другим человек вступает как существо активное, своими действиями преобразующее окружающую действительность. Сами эти действия детерминированы ситуацией, но и в саму ситуацию включается и человек с его потребностями, интересами, склонностями» (Шорохова, 1976, с. 18). И вновь Шорохова обращается к категории психологического отношения (она называет их субъективными отношениями человека, противопоставляя объективным отношениям обстоятельству): «Объективные отношения обстоятельств раскрываются, преломляются через внутренние закономерности субъекта, через его способ видения, восприятия этих обстоятельств, через систему субъективных отношений человека» (там же, с. 19). Такой подход к соотношению внешнего и внутреннего, по мнению Шороховой, принципиально противоположен бихевиористским представлениям.

Шорохова одна из первых обратила внимание специалистов на фундаментальное значение категории психологических отношений для развития социальной психологии. Взяв за основу концепцию психологических отношений В. Н. Мясищева, она развивает его идеи, вводя понятие *социально-психологических отношений* и призывая рассматривать их на разных уровнях анализа: личностном, межличностном и межгрупповом (о вкладе Е. В. Шороховой в развитие теории психологических отношений в социальной психологии см. подробнее: Позняков, 2013). Идея субъективных психологических отношений как феноменов самоопределения человека в изменяющихся социальных условиях также получила свое дальнейшее развитие в теоретических и эмпирических исследованиях психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов экономической деятельности (Позняков, 2017, 2018; и др.) и в исследованиях экономического самоопределения личности и группы (Журавлев, Купрейченко, 2007; и др.).

Психологический анализ актуальных социальных явлений

На всем протяжении своей научной деятельности Шорохова уделяла пристальное внимание исследованию актуальных социальных явлений и проблем: производственного коллектива (Социально-психологические проблемы..., 1983), социалистического соревнования (Шорохова, Платонов, Зотова, Новиков, 1977), социально-психологического климата трудового коллектива (Социально-психологический климат..., 1979). Так, уже в статье 1975 г. центральным направлением развития теоретических и эмпирических исследований в области социальной психологии Шорохова называет психологию управления: «Узлом, в настоящее время связывающим всю социально-психологическую проблематику, предстает *психология управления*» (Шорохова, 1975, с. 11). При этом автор убедительно показывает, что психологические проблемы управления не могут быть решены исключительно в рамках психологии труда, поскольку управление производством представляет собой прежде всего *руководство людьми*, которое, в свою очередь, есть не что иное, как особый вид *взаимодействия*. Таким образом, автор утверждает, что социально-психологические проблемы управления являются определяющими для развития психологии управления.

В последние годы научной работы предметом теоретико-эмпирических исследований Шороховой стали радикальные социально-экономические изменения, происходившие в России на рубеже 1990-х годов. Именно радикальными социально-экономическими реформами того времени было в значительной степени обусловлено становление и стремительное развитие российской *экономической психологии*. Необходимость научного осмысления и анализа социально-психологических факторов и последствий происходящих изменений в системе базовых экономических отношений (и прежде всего отношений собственности) объективно требовала усиления внимания и участия психологов. Именно в 1990-е годы произошло институциональное оформление новой научной дисциплины, что нашло свое отражение в изменении названия лаборатории, в которой в то время работала Екатерина Васильевна в качестве главного научного сотрудника. Она была переименована в лабораторию социальной и экономической психологии Института психологии РАН.

Интерес сотрудников лаборатории к социально-психологическим проблемам экономической жизнедеятельности личности и группы проявлялся и раньше. Так, в статьях и монографиях, посвященных социально-психологическим особенностям больших социальных групп российского общества, в частности, психологии крестьянства (Зотова и др., 1983), специальное внимание уделялось социально-психологическим характеристикам крестьян, обусловленных особенностями их экономической (хозяйственной) деятельности. При исследовании социально-психологических проблем социалистического соревнования (Шорохова и др., 1977) социально-психологические отношения, складывающиеся между его участниками, рассматривались как отражение более фундаментальных социально-экономических связей, обусловленных всей системой производственно-экономических отношений. К изучению закономерностей взаимодействия экономических и социально-психологических явлений исследователи подошли вплотную при анализе социально-психологических факторов и последствий таких организационно-экономических нововведений, как бригадная форма организации труда (*Социально-психологические проблемы...*, 1987) и создание коллективных органов самоуправления (*Совместная деятельность...*, 1988). Начало радикальных экономических реформ, связанных со сменой базовых экономических отношений — отношений собственности на средства производства, с появлением в российском обществе но-

вых социальных групп и новых социально-экономических проблем, всего лишь резко повысило актуальность и востребованность подобных научных исследований.

Своеобразным итогом научных трудов Е. В. Шороховой в области экономической психологии явилась подготовка под ее руководством и публикация первой в истории отечественной науки коллективной работы, посвященной теоретико-эмпирическим исследованиям социальной психологии экономического поведения (Социальная психология..., 1999).

Итак, мы представили лишь некоторые направления разработки Е. В. Шороховой проблем социальной психологии. К их числу относится прежде всего совершенный ею исторический анализ становления и развития отечественной социальной психологии и, в частности, проблем взаимодействия личности и группы, предпринятых в советской науке в 1920–1950-е годы. Шорохова убедительно доказала, что возникновение и развитие отечественной социальной психологии проходило параллельно с развитием мировой науки и не прекращалось даже в период идеологического давления и политических репрессий в нашей стране. Она проанализировала основные взгляды на предмет социальной психологии, ее связь с другими науками, роль и место в системе научного знания, дала характеристику специфики социально-психологического подхода к пониманию и изучению личности, раскрыла особенности теоретических представлений о личности в отечественной социальной психологии.

Существенный теоретический вклад Екатерина Васильевна Шорохова внесла в разработку представлений о социальной обусловленности психики человека, социальной детерминации поведения и его психологических механизмах. Специальные ее исследования были посвящены теоретическому анализу проблем больших социальных групп и теоретико-эмпирическим исследованиям социальной психологии конкретных социальных групп: российского крестьянства и российского предпринимательства.

Не менее значимо исследовательское участие Шороховой в развитии психологической теории отношений: ею впервые сформулированы представления о феномене социально-психологических отношений, их структуре и функциях, проанализированы характер и механизмы взаимосвязей объективных общественных и субъектив-

ных психологических отношений. Шорохова справедливо утверждала, что сознательные, избирательные отношения человека к окружающему миру характеризуют его активность во взаимодействии с внешними условиями, самоопределение и субъектность.

Литература

- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В.* Особенности психологии крестьянства. М.: Наука, 1983.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: В 39 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 1–4.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956.
- Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Позняков В. П.* Экономическая психология как отрасль психологической науки // Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 27–57.
- Позняков В. П.* Развитие теории отношений в современной отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 30–35.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АПН СССР, 1957.

- Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. Е. В. Шорохова, А. Л. Журавлев. М.: Наука, 1987.
- Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова и др. М.: Наука, 1983.
- Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1979.
- Шорохова Е. В.* Психологический аспект проблемы личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 3–33.
- Шорохова Е. В.* Социальная психология (проблемы и задачи) // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 3–16.
- Шорохова Е. В.* Социальная детерминация поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 5–28.
- Шорохова Е. В., Мансуров Н. С., Платонов К. К.* Проблемы общественной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 73–82.
- Шорохова Е. В., Платонов К. К., Зотова О. И., Новиков В. В.* Социально-психологические проблемы социалистического соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 23–40.

Раздел 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социальная психология искусства vs искусство манипуляций

Г. В. Акопов

Искусство как важнейшая составляющая жизни человека, а вместе с наукой — неотъемлемая часть познания и конструирования внешнего и внутреннего мира личности, на протяжении многих веков сохраняет свою загадочную привлекательность. Попытки разгадать магию эстетического воздействия определили многообразие подходов и соответствующих ориентаций в решении проблем сущности, определения функций и видов, критериев и признаков, отношений и оценок, генезиса и будущего искусства.

В контексте этих попыток можно говорить о различных ориентациях, определяющих методологию, предмет, задачи и методы исследований в сфере искусства. Перечислим некоторые из них, наиболее близкие к психологии: антропологическая ориентация в эссе В. П. Зинченко, посвященном поэтической антропологии; культурологическая ориентация с масштабной атрибуцией психологических аспектов (Ю. М. Лотман, Н. А. Хренов и др.); социологическая ориентация (В. С. Жидков, К. Б. Соколов и др.); лингво-литературно-поэтическая (Р. Познер, М. Риффатер и др.); информационно-эмпирическая (Г. А. Голицын, В. М. Петров и др.).

Существенную часть других подходов составляют психологические проекты искусства. Один из первых связан с работой Л. С. Выготского «Психология искусства» (Выготский, 1987). Проект выполнен до перехода автора на позиции культурно-исторической психологии — в русле литературно-психологического направления со спецификой основного метода, в качестве которого заявлен метод аналитический, а в качестве объекта берется «не автор и не зритель, а само произведение искусства» (там же, с. 26). Характеризуя направленность используемого метода, Выготский следующим образом определяет логику исследования: «от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию

эстетической реакции и к установлению ее общих законов» (с. 27), «безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства» (с. 27). Сам исследователь в этом случае, очевидно, не образует вместе с автором произведения предметное (для изучения) социально-психологическое «поле». Вместе с тем, определяя в качестве центральной идеи психологии искусства «преодоление материала художественной формой, или, что то же, признание искусства общественной техникой чувства» (там же, с. 8–9), Выготский выходит в область социальной психологии воздействия искусства на человека, что, по-видимому, определялось идеологическим контекстом постреволюционного времени в России.

Позже А. Н. Леонтьев, ссылаясь на работы Л. С. Выготского, выдвинул гипотетические положения, касающиеся психологии эстетической деятельности (Леонтьев, 1983). В качестве первого положения утверждается, что «искусство по самой природе своей коммуникативно» (там же, с. 233). Дифференцируя «эстетическое и познавательное отношения человека к действительности» в логике психологических средств, автор соотносит их с «аппаратом чувственных форм, чувственно-образных представлений», и с «аппаратом понятийного мышления», соответственно (с. 234). Вместе с тем «продукт эстетической деятельности не есть простое выражение или воспроизведение эмоций», а «деятельность по очищению эмоций, по очищению чувств и страстей», т. е. катарсис. Однако главным продуктом эстетической деятельности Леонтьев считает *личностный смысл*, относя его, во взаимосвязи с предметным значением, к общей динамике сознания человека, к тому, «без чего, в сущности, нет сознания» (с. 237). Этимологически продолжая линию со-знания, Леонтьев заключает, что «искусство и есть та единственная деятельность, которая отвечает задаче открытия, выражения и *коммуникации личностного смысла действительности, реальности*» (курсив мой. — Г. А.) (с. 237).

Личностно-смысловая концепция искусства нашла продолжение в работе Д. А. Леонтьева и в некоторых исследованиях международного коллектива авторов (Л. Дорфман, К. Мартиндейл, В. Петров, П. Махотка, Д. Леонтьев, Дж. Купчик и др.) многоаспектного сборника «Творчество в искусстве — искусство творчества» (Творчество..., 2000).

К новой волне концептуально обновленных исследований сознания и его приложений к проблематике искусства можно отнести проекты В. Ф. Петренко (Петренко, 2010), В. М. Аллахвердова (Аллах-

вердов, 2000) и автора настоящей статьи (Акопов, 2010). Модус художественного сознания в этих исследованиях можно в той или иной степени проецировать в область социальной психологии. Так, психосемантическая методология и метод существенным образом основаны на совокупном «пространственном» оформлении множества значений и их оценок в больших группах людей по определенному алгоритму (Петренко, 2014). Методология и методы логико-психологической концепции искусства выдержали опыт верификации в многочисленной группе экспертов – представителей различных областей науки и философии (Аллахвердов, 2001). Двухфакторная модель сознания, основанная на социально-коммуникативной парадигме, позволяет структурировать художественный модус сознания в пространственно-временном и духовно-ментальном измерениях (Акопов, 2013).

Более или менее выраженный социально-психологический аспект содержится и в работах других исследователей по психологии искусства (В. Г. Грязева-Добшинская, О. И. Даниленко, Л. Я. Дорфман, О. А. Кривцун, Е. В. Рягузова и др.). Однако следует признать, что наиболее масштабное и обстоятельное построение системы социально-психологических представлений, фактических знаний, закономерностей и теоретических положений представлено в концепции В. Е. Семенова, определяющей искусство как межличностную коммуникацию (Семенов, 2007).

В своей фундаментальной работе В. Е. Семенов последовательно рассматривает искусство «как процесс художественной коммуникации между художником и аудиторией» (Семенов, 2007, с. 24). Проблематика психологического анализа при этом существенно выходит за пределы текста, его содержания, формы и открывает также психологическое портретирование автора художественного произведения, читателей (зрителей), процесса художественного творчества, особенностей восприятия художественного произведения и др. В. Е. Семенов впервые в отечественной психологии системно рассмотрел вопрос о возможных негативных воздействиях искусства, связанных с массовым производством арт-объектов (поп-культура) и ввел дополнительное к катарсису понятие «антикатарсис» (Семенов, 1988, 2007). В исследовательской методологии восприятия искусства В. Е. Семенов определяет в качестве основных принципов положение о «личностной совместимости художника и реципиента, всех участников процесса художественной коммуникации» и «прин-

цип постоянной взаимной связи искусства и социальной действительности» (Семенов, 2007, с. 183). Они приобретают особое значение в условиях современной социальной жизни, характеризующейся насыщенной быстро распространяющейся информацией, отсутствием общеразделяемого базиса ценностей и высокой активностью некоторых групп населения, воспринимающих безусловно свободу слова, как и свободу действий, направленных на подавление тех или иных форм самовыражения в искусстве. Современные переходные процессы в экономике, политике, социальной организации и т. д., обусловленные глобализацией (Акопов, 2011; Ионесов, 2011; Хренов, 2005; и др.), существенно усложнили и обострили соотношение коллективного и индивидуального, инновационного и традиционного, объективного и субъективного, логического и образного и т. д. в жизнедеятельности человека.

Обозначенный спектр проблем, несомненно, присутствует и в современном искусстве. Безусловно, прав В. А. Шкуратов, утверждая, что «искусство... не только отражает жизнь, но и конструирует реальность» (Шкуратов, 2006, с. 221). Обращаясь к культурно-историческим истокам искусства и последовательно анализируя сложившуюся в мире ситуацию после серии террористических атак, автор приходит к заключению, что «искусство участвует в настоящей крови, настоящей смерти, а политика, возможно, — это постановка при участии масс-медиа» (там же, с. 230).

Таким образом, в современном мире условность образов сознания посредством искусства трансцендируется в событийную реальность сознания. Медиасообщения, заправленные «соусом» искусства, становятся «оружием массового поражения» в условиях все более расширяющихся современных информационных войн. Каковы возможности противодействия такой манипуляции сознанием посредством так называемой фейковой информации?

Обращение к категории общения и к концепции уровней коммуникации (Акопов, 2010, с. 164–169) позволяет в рамках коммуникативной парадигмы в психологии искусства предупреждать или преодолевать так называемые явления «информационной интоксикации».

В отечественной психологии по поводу большинства используемых понятий сложилось некоторое согласие. Однако в отношении отдельных категорий существуют принципиальные расхождения во взглядах, обусловленные, с одной стороны, различными концептуальными подходами, с другой — сложностью, противоре-

чивостью самого явления, наделенного категориальным статусом. Наиболее дискутируемой до настоящего времени является *категория общения*. Трудность увеличивается ввиду существенной специфики трактовки этого понятия в различных отраслях психологии, таких как зоопсихология (этология), общая психология, социальная психология, этнопсихология, психология ментальностей и др. Известный психолог Ф. Е. Василюк считает возможным выделить общение не только как важную среди равных категорий (установка, отношение, деятельность) и не просто как один из методологических принципов, а как центральную категорию и главный объяснительный принцип: «Мы убеждены, что создание общепсихологической теории (равно-ранговой теории отношения, установки и деятельности), которая сделала бы общение центральной категорией и последовательно свела бы к ней все психологические реалии, принципиально возможно и даже желательно» (Василюк, 2003, с. 167–168).

Тезис об изначальной социальности деятельности, как и общения, скрепляющий их родовой общностью, вовсе не устраняет сомнения в существенном различии проявлений деятельности и общения, так как, исключив из рассмотрения актерское или иное профессиональное общение, трудно соотнести мотив—цель—задачу с многообразием не вполне осознаваемых, а зачастую и вовсе неосознаваемых актов общения.

Структурно-уровневый подход к общению позволяет снять обозначенное противоречие. В большинстве структурных описаний общения (Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, А. А. Бодалев, А. А. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Г. М. Андреева и др.) мы не находим уровневой градации актов общения, за исключением работы Б. Д. Парыгина. Предложенное им параметрическое описание общения, включающее психологический контакт, обмен информацией, взаимодействие и взаимовлияние, наиболее адекватно для уровневого рассмотрения. Ученый выделяет следующие «основные параметры общения: а) психический контакт, возникающий между индивидами и реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг другом; б) обмен информацией посредством вербального и невербального общения; в) взаимодействие и взаимовлияние друг на друга» (Парыгин, 2011, с. 19).

Действительно, любые акты общения предполагают установление контакта, т. е. такую взаимообусловленную психическую активность двух или более людей (аутокоммуникация или внутрен-

ний диалог требует отдельного рассмотрения), в процессе которой attentionные, мнемические, перцептивные и т. д. процессы находятся в совокупно регулируемом состоянии, обеспечивающем возможность установления тем или иным способом обратной связи между общающимися (Парыгин, 2009).

Итак, контакт — минимально необходимое условие общения, позволяющее реализовать его на самом поверхностном уровне. Контакт может обеспечиваться как в знаковой (речевой) форме, так и с использованием тех или иных незнаковых (невербальных) средств. Ни в том, ни в другом случаях нет передачи какой-либо содержательной информации, это всего лишь некий аналог сигнализации в характерных для человека выразительных средствах.

Неотъемлемым атрибутом контакта является психологический момент (интенция, мотив, установка, направленность и т. д.), иначе невозможен следующий уровень общения — коммуникация, в процессе которой осуществляется передача и, соответственно, прием определенной информации. На этом уровне общение вполне соотносимо с деятельностью.

«Сильный» эмоциональный момент выводит коммуникацию на третий уровень общения, связанный с необходимостью определения смысла вступления в контакт. Этот смысл, в свою очередь, может в той или иной степени раскрывать те или иные ориентации общающихся. Следует согласиться с А. Г. Асмоловым, что «невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности. Она представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов» (Асмолов, 2002, с. 370). Хотя, возможно, автор излишне категоричен, утверждая невозможность создания «кода, словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации» и говоря о том, что «в соотношении вербальной и невербальной коммуникации выигрыш коммуникации на уровне значений оборачивается порой проигрышем коммуникации на уровне смыслов» (там же, с. 371).

Таким образом, уровневая градация (структура) общения складывается из *общения-контакта*, *общения-коммуникации* и *смыслового общения (раскрытия смысла)*. Первый и третий уровни в этой структуре могут носить случайный характер, не оформляясь в деятельность, в то время как на уровне коммуникации (передача информации) общение невозможно без деятельностных компонентов. Такое структурирование общения, не отменяя других подходов (функцио-

нальный, динамический и т. д.), позволяет разрешить проблему соотношения категорий деятельности и общения.

В качестве контура, замыкающего структурные компоненты общения, можно рассматривать метакоммуникацию (рефлексия в общении). Мысленная дискретизация общения и последовательная рефлексия процесса установления контакта (по критерию продолжения либо прекращения процесса коммуникации), совмещенного с информационной коммуникацией (содержание сообщения), рефлексия которой наименее трудоемка и периодически возобновляется в таком оформлении смысла (смысл может неосознанно переживаться), определяет более или менее сложную линию контура.

Таким образом, метакоммуникация, определяя высший уровень общения, в случае восприятия и оценки произведения искусства предполагает подготовленного читателя (слушателя, зрителя) либо достаточно мотивированного в поисках сути воспринимаемого произведения.

В «текущем настоящем» времени в качестве «произведения» все чаще выступает медиапродукция, информационные сообщения СМИ, разнообразные интернет-сюжеты. Традиционная логическая интерпретация текстовых или сюжетно-образных сообщений уходит в прошлое вместе с искусством модерна, постмодерна и «смертью автора». Сегодня произведение искусства – это главным образом, если не оглядываться назад, искусство перформанса вкупе с искусством манипуляции сознанием воспринимающего.

Возможностей для ответного отклика либо действия не так уж много. Это могут быть отказ от коммуникации и самоизоляция; принятие либо отвержение; фактологическое опровержение; учет в надежде на отсроченный отклик; оперативный метакоммуникативный ответ. Адекватным ответом на опасность перехода из обозначенной выше зоны неопределенности в состояние турбулентности может быть стимулируемое дополнение социального управления обществом (релевантные социальные институты, главным образом образовательные учреждения) многообразными инновационными проектами в различных сферах искусства, расширенной метакоммуникативной активностью потребителей информационной продукции. Такая метакоммуникативная прививка, на наш взгляд, позволит сформировать иммунитет к манипулятивным воздействиям, сколь искусными они бы ни были.

Литература

- Акопов Г. В.* Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Акопов Г. В.* Глобализация как фактор трансформации сознания // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной ежегодной научно-практической конференции (15–16 апреля 2011 г.) / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: Отечество, 2011. С. 14–17.
- Акопов Г. В.* Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. Самара: ВЕК#21, 2013.
- Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
- Аллахвердов В. М.* Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: ДНК, 2001.
- Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
- Ионесов В. И.* Культура на переходе: императивы трансформации и возможности развития. Самара: ВЕК#21, 2011.
- Леонтьев А. Н.* Некоторые проблемы психологии искусства // А. Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 232–239.
- Парыгин Б. Д.* Коммуникация как общение: тенденции и возможности // Психология общения. XXI век. 10 лет развития: Материалы Международной конференции (Москва, 8–10 октября 2009 г.): В 2 т. Т. 1. М.: Психологический институт, 2009. С. 80–84.
- Парыгин Б. Д.* Общение: методолого-теоретические проблемы // Психология общения: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. С. 19–20.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Петренко В. Ф.* Психосемантика искусства. М.: МАКС Пресс, 2014.
- Семенов В. Е.* Искусство как межличностная коммуникация (социально-психологическая концепция). Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2007.
- Семенов В. Е.* Социальная психология искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

Г. В. Акопов

Творчество в искусстве – искусство в творчестве / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. М.: Смысл, 2000.

Хренов Н. А. Социальная психология искусства: переходная эпоха. М.: Альфа-М, 2005.

Шкуратов В. А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-на-Дону: Наррадигма, 2006.

Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности (на примере старшекласников Саратовской области)

Е. Е. Бочарова

Выраженным трендом, синхронно проявляющимся в различных областях научного знания, является тенденция «измерения» общественных трансформаций с фиксацией социальных индикаторов, имеющих достаточно выраженную психологическую составляющую, среди которых особое внимание заслуживает изучение социальной активности личности и группы. Многие исследователи отмечают необходимость включения социальной активности в дискурс транзитивных изменений российского общества, подчеркивая при этом вариативность ее детерминации, обусловленной совокупностью многочисленных и многообразных факторов разноуровневого порядка (например, индивидуально-психологических, личностных, социально-психологических, социокультурных, субкультурных), включая общий социально-исторический контекст. Следует подчеркнуть, что взаимодействие этих факторов во многом определяет содержание социальной активности и приводит к трансформации тех или иных форм ее проявления.

Резюмируя изложенное, отметим значимость фиксации доминирующих тенденций изменяющегося общества и их влияния на процессы социальной активности личности, а также условий, способствующих повышению роли личности в качестве субъекта социальных изменений.

Особую важность в свете сказанного приобретают работы К. А. Абульхановой-Славской, В. Ф. Бехтерева, А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко, А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, В. И. Моросановой, В. С. Мухиной, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Татарко, А. С. Чернышева, В. А. Ядова, обогатившие историю развития проблемы социальной активности личности и группы.

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 18-18-00298.

Научные изыскания в области социальной активности связаны прежде всего с уточнением понятийного аппарата исследуемого конструкта, факторов и механизмов ее реализации, с изучением ее структурно-функциональной организации и специфики ее проявления в разных сферах социальной практики.

Феномен социальной активности рассматривается как качество субъекта деятельности, состоящее в интеграции его возможностей, способностей и их направленности на достижение цели (Ломов, 1991); как обеспечение непрерывного взаимодействия субъекта с миром (Крупнов, 1984); как социально-психологическая готовность личности к деятельности, преобразующая объективную действительность и саму личность (Петровский, 1996); как объективно детерминированное субъективное отношение к социально значимой деятельности (Сухобская, 2007); как инициативно-творческое отношение личности к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия (Шамионов, 2012); как преобразовательная активность, связанная с изменением условий жизни, своего социального статуса, социальных отношений, психологических свойств, воздействия на других людей и т. д. (Демин, 2009); как целенаправленная деятельность человека, связанная с преобразованием общественной среды (Коган, 1970); как индивидуальные или групповые действия, направленные на изменения Я социального, своего места в обществе (социуме), а также общества (социума) в целом (Журавлев, Купрейченко, 2007; Купрейченко, 2012); как деятельное состояние субъекта, направленное на социальные изменения или противодействие им (Акбарова, 2015), и др. Наблюдаемое понятийное разночтение социальной активности вполне объяснимо, поскольку связано с систематизацией, конкретизацией этого знания в зависимости от научной локализации исследовательских задач, с попыткой зафиксировать органично взаимосвязанные параметры социальной активности частного порядка.

Принимая во внимание, что социальная активность является собой индивидуальную или групповую деятельность, направленную на изменения социального Я, своего места в обществе и общества в целом (Журавлев, Купрейченко, 2007; Купрейченко, 2012), вполне правомерно обратиться к изучению факторов, обуславливающих эти изменения. Таким образом, целью нашего исследования стало изучение регулятивных и мировоззренческих факторов различных форм социальной активности старшеклассников.

Исследование было выполнено на выборке старшекласников общеобразовательных школ г. Саратов (N=60) и г. Балашов Саратовской области (N=58), средний возраст 16,4 лет; выборки выравнены по полу: женский 56% и мужской 44%. Отметим, что респонденты отличаются местом проживания: Саратов – крупный культурный, экономический и образовательный центр Поволжья, город областного значения, население которого превышает 1,2 млн человек. Балашов (районный центр) входит в пятерку средних городов Саратовской области, численность населения – более 77 тысяч человек.

В качестве диагностического инструментария были применены: 1) анкета, направленная на выявление различных форм социальной активности (альтруистическая, досугово-коммуникативная, социально-политическая, интернет-сетевая, социально-экономическая, гражданская, образовательно-развивающая, религиозная, духовная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) с использованием пятишаговой шкалы (min=1; max=5), 2) «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008) и 3) опросник «Стиль саморегуляции поведения и деятельности» (Моросанова, 1998). Анализ результатов исследования осуществлен на основе методов описательной статистики и факторного анализа с использованием процедуры Varimax (метод главных компонент).

В выборке саратовских старшекласников факторизация эмпирических данных позволила выделить три фактора, объясняющих 57,7% общей дисперсии. Первый фактор «*Саморегуляция социальной активности*» (27,2% объясняемой дисперсии) представлен следующими переменными: общий уровень саморегуляции (0,940), планирование (0,788), оценка результатов (0,710), гибкость (0,688), духовная активность (0,641), социально-экономическая активность (0,610), доброжелательность окружающего мира (–0,575). Можно полагать, что эти данные свидетельствуют о рациональной согласованности последовательного планирования с предвосхищением ожидаемых результатов своей социально-экономической, духовной активности и проявлением способности оперативно ориентироваться в случае возникновения сомнения в благосклонности окружающего мира.

Второй фактор «*Справедливость*» (21,3%) представлен следующими переменными: справедливость (0,806), самостоятельность (–0,763), досугово-коммуникативная активность (0,746), альтруистическая активность (0,720), интернет-сетевая активность (0,690),

убеждение в позитивном образе Я (0,684). Убеждение в справедливости окружающего мира, в ценности собственного Я, или, иначе говоря, убеждение в собственной безопасности, в безопасной возможности доверять окружающим, способствует «безболезненному» вовлечению их Другими в досугово-коммуникативную, альтруистическую и интернет-сетевую деятельность.

Третий фактор «Протестная активность» (8,97%) представлен тремя переменными: протестная активность (0,746), радикально-протестная активность (0,736) и моделирование (-0,508). Возможно, это является свидетельством того, что неспособность быстро ориентироваться в меняющейся ситуации и оперативно интерпретировать события приводит к инициации реактивной (ситуативной) активности, принимающей протестную и радикально-протестную формы.

На выборке балашовских старшеклассников выявлено три фактора, объясняющих 85,2% общей дисперсии. Первый фактор «Социальная ригидность» (43,71% объясняемой дисперсии) представлен следующими переменными: общий уровень саморегуляции (0,932), программирование (0,808), моделирование (0,690), планирование (0,580), убеждение в необходимости контроля (0,578), субкультурная активность (-0,531), интернет-сетевая активность (-0,479). Можно полагать, что эти данные являются свидетельством рационального выстраивания приоритетов последовательного планирования достижения намеченных целей, объясняемого уверенностью в необходимости контроля своей активности.

Второй фактор «Доверие к окружающему миру» (25,56% объясняемой дисперсии) характеризуют пять переменных: гражданская активность (0,718), досугово-коммуникативная активность (0,703), альтруистическая активность (0,690), социально-экономическая активность (0,642) и доброжелательность окружающего мира (0,510). Убеждение в доброжелательности мира, в безопасной возможности доверять окружающим способствует реализации гражданской, досугово-коммуникативной и альтруистической форм активности.

Третий фактор «Недоверие к окружающему миру» (11,54%) представлен следующими переменными: убеждение в доброжелательности окружающего мира (-0,628), радикально-протестная активность (0,616), образовательно-развивающая активность (-0,600), убеждение в позитивном образе Я (-0,561), убеждение в удаче (-0,516), субкультурная активность (0,504). Очевидно, недоверие к окружающим, неверие в удачу актуализируют радикально-протестную и субкуль-

турную формы активности на фоне снижения активности образовательно-развивающей.

Резюмируя вышесказанное, отметим тенденцию *дифференциации* регулятивных и мировоззренческих факторов различных форм социальной активности. Так, у саратовских старшеклассников отмечается некоторое превалирование регулятивных факторов, а у балашовских старшеклассников, напротив, наблюдается преобладание мировоззренческих факторов.

Литература

- Акбарова А. А.* Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. «Акмеология образования. Психология развития». 2015. Т. 4. Вып. 1. С. 41–45.
- Демин А. Н.* О границе преобразовательной активности субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 107–120.
- Дубов И. Г.* Социально-психологические аспекты активности. М.—СПб.: Нестор-История, 2012.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Крупнов А. И.* Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 25–32.
- Купрейченко А. Б.* Проблема определения и оценки социальной активности // Психология индивидуальности: Материалы IV Всероссийской научной конференции (г. Москва, 22–24 ноября 2012 г.) / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, В. А. Штроо. М.: Логос, 2012. С. 181–182.
- Ломов Б. Ф.* Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–13.
- Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998.
- Падун М. А., Котельникова А. В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 98–106.

- Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Сухобская Г. С.* Социальная и социально-психологическая зрелость: основы идентификации личности в образовательном процессе // Понятийный аппарат педагогики и образования: Сборник научных трудов. Вып. 5 / Отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос-Пресс», 2007. С. 215–218.
- Шамионов Р. М.* Социальная активность личности и риски // Известия Саратовского университета. Новая серия. «Акмеология образования. Психология развития». 2012. Т. 1. Вып. 3. С. 3–7.

Возможности экстраполяции научных идей Я. А. Пономарева о психологическом механизме группового творчества

Т. В. Галкина

Современное общество не может развиваться без внедрения инноваций, для разработки которых требуется нестандартный творческий подход, причем не отдельных личностей, а малых групп, коллективов, организаций (подробнее см.: Психологическое знание..., 2018; Творчество..., 2011; и др.). Получение новых научных результатов, создание творческих и инновационных продуктов требует интеграции индивидуальной и совместной (групповой, коллективной) креативности, поскольку нахождение креативного решения и его внедрение в практику стали невозможны силами одного сотрудника, ему приходится опираться на знания и опыт других специалистов (см.: Современные исследования..., 2015; Творчество..., 2015; и др.).

За последние тридцать лет в психологической науке произошло смещение акцента изучения с индивидуального творчества и индивидуальной креативности на совместное творчество и коллективную креативность. Возникла новая междисциплинарная и относительно самостоятельная отрасль научного знания — *социальная психология творчества*, которая сегодня интенсивно развивается как в России, так и за рубежом. Если в 1950–1980-е годы основные усилия прилагались к повышению индивидуальной креативности, то начиная с 1990-х годов внедрение серьезных инноваций в различные сферы общественной практики, осуществлявшееся командами, превратило управление групповой креативностью в одну из наиболее актуальных проблем теории менеджмента, социальной и организационной психологии (Журавлев, Нестик, 2011). Стало очевидным, что креативность невозможна вне социального взаимодействия, поскольку она является не только индивидуально-психологической, но и социально-психологической характеристикой. Творчество стало рассмат-

Публикация подготовлена по государственному заданию № 0159-2018-0005.

риваться как *совместная деятельность*, индивидуальное творчество — как продукт взаимодействия индивида с широкой социальной средой (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2011; и др.).

Таким образом, предпосылками возникновения в конце XX в. *психологии группового творчества (или социальной психологии творчества)* как относительно самостоятельной области психологической науки явились несколько факторов. Во-первых, преобладание индивидуальных форм творческой деятельности сменилось преобладанием коллективных, командных его форм. Во-вторых, превращение командной работы в основную форму организации труда, повышение сложности решаемых командами задач и развитие информационных технологий привели к использованию совместно-взаимодействующего вида организации совместной деятельности там, где раньше применялись совместно-последовательный и совместно-параллельный ее виды. Как результат, неотъемлемым атрибутом повседневной жизни современной организации стало совместное творчество в виде мозговых штурмов. В-третьих, многочисленные зарубежные исследования социальной природы творчества показали, что индивидуальная креативность определяется характером межличностного и внутригруппового взаимодействия в не меньшей степени, чем индивидуальными способностями (Нестик, Журавлев, 2011).

Значительный вклад в переход от изучения индивидуальных форм творчества к исследованию коллективной (групповой, совместной) творческой деятельности внесли многие отечественные психологи: М. Г. Ярошевский, П. Г. Белкин, Н. Л. Булат, Е. Н. Емельянов, А. Л. Журавлев, М. А. Иванов, В. П. Карцев, Г. Н. Королева, А. В. Котенева, Т. А. Нестик, Л. А. Сидорова, В. В. Умрихин, А. В. Юревич, а также Б. М. Кедров, С. Р. Микулинский, Н. Л. Гиндилис, В. В. Максимов, А. Матейко, Я. А. Пономарев, Ч. М. Гаджиев, Г. М. Кучинский, В. Г. Грязева, Н. Г. Алексеев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, А. В. Растяников, М. И. Найденов и другие. При этом объектом исследования в 1970–1980-е годы стали в основном коллективы изобретателей и ученых, а также специально созданные экспериментальные группы.

Среди ученых, разрабатывавших проблемы группового творчества, особое место занимает Яков Александрович Пономарев, талантливый человек и выдающийся психолог, философ, методолог, создавший оригинальную *философско-психологическую систему научных представлений*, которую можно рассматривать как концеп-

туально-методологическую основу современного теоретико-экспериментального изучения разных психологических феноменов. Концепция Я. А. Пономарева вызывает интерес научного сообщества не только в рамках психологической науки, но и смежных с ней социогуманитарных наук, поскольку носит *общепсихологический и общенаучный характер* (Галкина, 2017; Галкина, Журавлев, 2016, 2018; Журавлев, Галкина, 2015; и др.).

Научные представления Я. А. Пономарева о психологическом механизме группового творчества

Прежде чем рассмотреть научные представления Я. А. Пономарева о психологическом механизме группового творчества, перечислим основные итоги его теоретических и экспериментальных исследований (Пономарев, 1967, 1976, 1981, 1983, 2006, 2010 и др.):

- открытие феномена неоднородности результата действия человека, т. е. наличия в нем прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого, связанного с работой интуиции) продуктов деятельности, выявление психологического механизма интуиции и введение категории взаимодействия;
- учение о психологическом механизме решения творческих задач, индивидуального творчества и позже — поведения в целом и о его центральном звене — внутреннем плане действий (способности действовать «в уме»);
- открытие универсального *закона ЭУС* — закона преобразования *этапов* развития системы в структурные *уровни* ее организации и *ступени* дальнейших развивающих взаимодействий;
- учение о фазах творчества и структурных уровнях его организации; разработка методологических принципов общения и взаимодействия; введение категории рефлексии наряду с интуицией и выявление ядра психологического механизма коллективного (группового, совместного) творчества;
- теория этапов развития психологического (научного) знания и разработка идеи экспериментальной методологии как атрибута третьего, гипотетически выделенного ученым, действительно-преобразующего типа знания.

Логика развития философско-психологической теории Пономарева реинтерпретировалась в соответствии с концептуально-методо-

логической эволюцией его научных идей, но константой в теории ученого всегда оставались выдвинутые им положения об определяющей роли взаимодействия и развития, осознания побочного продукта, трансформации этапов решения творческой задачи в уровни творческого мышления и групповые роли творческого коллектива.

Переход Пономарева к изучению *группового творчества* был вполне закономерен и объяснялся рядом объективных факторов: во-первых, появившийся социальный заказ, связанный с ускорением изменений в научно-технической сфере и экономике, и возникающие в связи с этим комплексные инновационные задачи, решение которых невозможно силами одного, даже очень креативного, специалиста; во-вторых, закономерности развития самой психологической науки в целом и ее отдельных областей — в частности (социальной психологии, психологии творчества и др.). В-третьих, и это самое главное, решению заняться исследованием проблем коллективного творчества способствовал также и ряд факторов, связанных с научной биографией ученого. В конце 1960—начале 1970-х годов, работая в Институте истории естествознания и техники, Пономарев занимался изучением проблем *научного творчества* в советской психологии, что вплотную приблизило его к проблеме исследования *коллективного изобретательства и группового творчества*. В 1973 г. ученый был приглашен Б. Ф. Ломовым на работу в только что организованный им Институт психологии Академии наук СССР. Приглашение было с радостью принято, и Пономарев с воодушевлением занялся теоретической и экспериментальной разработкой проблемы коллективного творчества, изучением роли общения в решении творческих задач и выявлением психологического механизма группового творчества, тем более что это в полной мере соответствовало генеральной стратегии научных исследований, проводимых тогда институтом. Б. Ф. Ломов обосновал *новый подход к исследованию общения как ключевой общепсихологической категории*, своеобразного «логического центра» всей системы психологической проблематики.

Изучение проблемы совместного творчества невозможно без учета и специального рассмотрения проблематики общения. *Творческое общение* и его организация имеют свою специфику и ряд своеобразных моментов, влияющих на эффективность решения творческих задач. Даже недоучет этих моментов приводит к тому, что коллективная творческая деятельность (например, совместное решение изобретательской задачи) оказывается безуспешной или по продуктив-

ности уступает индивидуальному творческому поиску (Пономарев, Гаджиев, 1990, с. 94–95).

Анализ отечественных и зарубежных исследований *эффективности* группового творчества позволил Пономареву прийти к выводу о весьма противоречивых результатах, полученных в них. Одни исследователи принципиально отвергали саму возможность группового творчества, другие не находили преимуществ коллективного творчества по сравнению с индивидуальным, а третьи, наоборот, указывали на явные преимущества совместного решения творческих задач. По мнению Пономарева, эта противоречивость результатов связана с типом построения экспериментов, с выбором экспериментальных задач и критериев оценки хода работы испытуемых и успешности их решения, а также средств видоизменения группового взаимодействия. Попытка же экспериментатора учесть все эти факторы делает его рабом эмпирической многоаспектности, не позволяя выявить общие закономерности и психологический механизм изучаемого явления (Пономарев, 1981). Поэтому Пономарев предложил следующее: изменить стратегию исследования и перейти к *действенно-преобразующему типу* научного знания (Галкина, Журавлев, 2018; Пономарев, 1983, 2006), выделив ядро (иначе – центральное звено) психологического механизма группового решения творческих задач. Выделение этого ядра – вот главное, что должна сделать группа для успешного решения творческой задачи. По мнению Пономарева, подобным ядром, лежащим в основе психологического механизма решения творческой задачи, является так называемый «побочный продукт». Именно процесс порождения и преобразования ядра и должен подвергаться экспериментальному изучению (Пономарев, Гаджиев, 1983, с. 280–281).

К тому моменту, как Пономарев занялся разработкой проблем коллективного творчества, он уже сформулировал универсальный закон ЭУС и имел четкое представление о психологическом механизме *индивидуального* решения творческих задач и о его центральном звене (Пономарев, 1976). Согласно его концепции, в основе решения творческих задач (и творчества в целом) лежит *психологический механизм* возникновения в деятельности решающего неосознаваемых *побочных продуктов*, которые выступают в качестве *подсказки*, ведущей к интуитивному решению. Последующая вербализация и формализация найденного решения приводит к преобразованию интуитивного решения в логическое, а побочного продукта – в прямой.

По мнению Пономарева и в соответствии с результатами экспериментальных исследований, проведенных им с учениками (Ч. М. Гаджиевым, А. В. Семеновым и О. А. Колосовой) с использованием творческой задачи «Монотипная панель», этот же механизм порождения и преобразования побочного продукта лежит и в основе совместного творчества (Пономарев, 1981). Однако в случае группового решения творческой задачи складывается *особая коллективная форма преобразования побочного продукта*. Именно в ней скрываются преимущества коллективного решения по сравнению с индивидуальным (при индивидуальном решении сам субъект, занятый достижением сознательно поставленной цели, может и не заметить возникший побочный продукт, а в случае коллективного решения этот продукт может быть замечен другим членом группы). Побочные продукты, возникающие в действиях одного из членов группы, могут быть использованы в качестве подсказки любым другим членом коллектива и могут регулировать действия других участников совместного решения (Пономарев, Гаджиев, 1983). Важнейшей же особенностью психологического механизма как индивидуального, так и группового творчества является *единство* логического и интуитивного, осознаваемого и неосознаваемого, прямого и побочного продуктов.

О развитии некоторых научных идей Я. А. Пономарева в области психологии группового творчества

Научные идеи Я. А. Пономарева получили свое развитие во многих современных исследованиях, которые вносят серьезный вклад не только в общую теорию психологии, но имеют также большое практическое значение для решения инновационных задач, возникающих в самых различных областях общественной практики (Галкина, Журавлев, 2016, 2018; Нестик, Журавлев, 2011; и др.).

В философско-психологической системе научных представлений Пономарева одной из центральных является *категория взаимодействия*, которая была конструктивно использована им в его общепсихологической и общенаучной теории. В понятии взаимодействия подчеркивается не только активность субъекта по отношению к объекту, но и наоборот, что является чрезвычайно важным отличием данной категории от категории деятельности (Пономарев, 1976, 1983, 2006, 2010 и др.). Подобное понимание взаимодействия было положено в основу при разработке целого ряда других научных направ-

лений исследования, — в частности, психологии управленческого взаимодействия (Журавлев, 2004) и психологии совместной деятельности (Журавлев, 2005).

Идеи Пономарева о периодизации становления психологии творчества и о структурно-уровневой организации творческого процесса, введение им в структуру психологического механизма творчества рефлексии (помимо интуиции), его представления о сочетании интуитивного и логического «режимов» в творчестве и возникший в 1980—1990-е годы социальный заказ — все это способствовало зарождению отечественного «рефлексивного движения» (работы Н. Г. Алексева, В. А. Лефевра, В. Е. Лепского, Г. П. Щедровицкого и др.) и развитию новой отрасли психологического знания — *рефлексивной психологии творчества, или психологии рефлексии* (Психолого-педагогические аспекты..., 1988; и др.). В русле этого направления исследований наибольшее внимание уделялось рефлексивным механизмам (наряду с интуицией) как центральному моменту творческого процесса (работы И. Н. Семенова, С. Ю. Степанова, А. В. Растяникова, Д. В. Ушакова, Л. М. Попова, В. К. Зарецкого, М. И. Найденова, Е. Р. Новиковой, Л. Н. Алексеевой, Е. П. Варламовой и др.). Было показано, что рефлексия превращает совместное творчество в такую форму межличностного взаимодействия, в ходе которой происходит развитие личности и группы. На основе изученных рефлексивных и интуитивно-рефлексивных механизмов коллективного творчества были разработаны различные методы стимулирования эффективной совместной творческой деятельности, а также модели и формы организации со-творческого проектирования (Растяников, Степанов, 2011; Растяников, Степанов, Ушаков, 2002; и др.).

В настоящее время интенсивно развивается новая междисциплинарная отрасль психологической науки — *социальная психология творчества* (или психология совместного творчества) (Журавлев, Нестик, 2011, 2016; и др.). Ее возникновение было бы невозможно без классических работ Пономарева и Гаджиева в области коллективного творчества, имевших широкий резонанс и успешное практическое внедрение (Пономарев, Гаджиев, 1983, 1990). Исследования Пономарева и Гаджиева способствовали переводу внимания ученых и практиков с индивидуальной креативности на коллективную креативность как групповой феномен. Была показана возможность распределения функций между участниками творческого процесса, выявлена ролевая структура коллектива изобретателей. Распре-

деление и согласование ролей повышает эффективность группового творчества, но при этом ролевая структура на разных этапах решения творческой задачи должна оставаться динамичной.

В рамках социальной психологии творчества понятие креативности стало сближаться с понятием инновации (создание новых товаров, услуг и обеспечение их поддержки и внедрения в деятельность организации) (Нестик, Журавлев, 2011; и др.). Исследования в области социальной психологии творчества подтвердили *универсальность методологического принципа взаимодействия*, сформулированного Пономаревым.

Возникновение глобальных инновационных сообществ (подробнее см.: Психологические исследования..., 2018; и др.) и вовлечение в творческие процессы не только малых, но и больших социальных групп ставит *новые задачи* в области *социальной психологии творчества и креативности*. Так, выделяются психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах; активное развитие Интернета открывает новые перспективы в области совместного творчества. Творческие процессы не просто приобретают массовый характер, но становятся межгрупповыми и действенными (Журавлев, Нестик, 2016).

Проблематика группового (коллективного, совместного) творчества является комплексной и находится на стыке разных наук и их направлений. Для ее исследования необходимы усилия специалистов многих отраслей научного знания (см.: Психологическое знание..., 2018; Современные исследования..., 2015; и др.). Концепция Я. А. Пономарева, имеющая общепсихологический и общенаучный характер, дает возможность разносторонне и глубоко исследовать не только данную проблему, но и многие другие, стоящие перед современной наукой. Его философско-психологическая система научных представлений может стать концептуально-методологической основой современного теоретико-экспериментального изучения разных психологических феноменов.

Исследования Я. А. Пономарева, его учеников, коллег и последователей в области психологии коллективного творчества и рефлексии, эволюция и реинтерпретация основных идей его философско-психологической теории способствовали разворачиванию целого комплекса работ по внедрению полученных результатов в различные

социальные практики: управление, государственную службу, образование, социальную работу, рекламу, политический, организационный и личностный тренинг, консультирование и т. д. Очевидно, что исследования, связанные с изучением психологических механизмов группового творчества, помимо вклада в общую теорию психологии, имеют большое значение для решения инновационных задач в разных сферах общественной практики.

Литература

- Галкина Т. В.* Философско-психологическая теория Я. А. Пономарева о возможных причинах агностицизма в современном познании // Рефлексивные процессы и управление. 2017. № 1–2. С. 32–43.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Развитие научного творчества Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Проблема типов психологического знания в трудах Я. А. Пономарева // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 246–274.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Роль теории Я. А. Пономарева в развитии гуманитарных наук // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 5–19.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические проблемы совместного творчества // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 442–467.
- Пономарев Я. А.* Знания, мышление и умственное развитие. М.: Педагогика, 1967.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.

- Пономарев Я. А.* Роль непосредственного общения в решениях задач, требующих творческого подхода // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 79–91.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Пономарев Я. А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–276.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М.: ООО «ТИД „Арис“», 2010.
- Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М.* Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983. С. 279–295.
- Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М.* Закономерности общения в творческом коллективе // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: Наука, 1990. С. 92–103.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии. М.: ИФ АН СССР, 1988.
- Растяников А. В., Степанов С. Ю., Ушаков Д. В.* Рефлективное развитие компетентности в совместном творчестве. М.: Пер Сэ, 2002.
- Растяников А. В., Степанов С. Ю.* Методы активизации творческого потенциала // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 468–499.
- Современные исследования интеллекта и творчества / Под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева (24–25 сентября 2015 г., Москва). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Модель ценностной системы психосоциального человека

А. В. Капцов

В модели психосоциального человека одну из главных ролей играет ценностная система (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2013; Ушаков, Журавлев, 2015; и др.). Причем принцип целостности применим прежде всего к ней, поскольку «принимаемые психосоциальным человеком состояния в первом приближении могут быть описаны как задаваемые ценностями» (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2013, с. 72). Однако на пути изучения *целостности* ценностной системы эмпирическими методами встают проблемы, требующие своего решения. Если теоретическое представление о ценностной системе человека рассмотрено в работах М. С. Кагана (Каган, 1997), то эмпирическое подтверждение модели находится на начальном этапе. Одной из причин такого состояния является отсутствие соответствующего диагностического инструментария, отвечающего современным требованиям исследователей (Капцов, 2011).

Любая система, в том числе и ценностная, теоретически может быть представлена в виде совокупности элементов, в качестве которых выступают ценности, и связей, соединяющих эти элементы в единую целостность. «Принцип целостности означает наличие корреляций» (Журавлев и др., 2013) между элементами системы, что можно установить в ходе номотетического исследования на выборке респондентов. В силу индивидуальности ценностной системы каждого человека результаты номотетического исследования, дающего усредненный профиль, не отражают истинного состояния ценностной системы. В этих условиях исследователи часто обращаются к методикам, основанным на попарном сравнении (ипсативный формат), результатом которых становится выявление иерархии ценностей в системе (Капцов, 2011). Однако частотная выраженность ценностей никак не характеризует целостность системы.

Ценностная система каждого человека сложна, она состоит из достаточно большого количества ценностей, что создает проблему их диагностики, заключающуюся в том, как по минимальному количеству диагностируемых признаков адекватно судить о характеристике всей системы. Опросники с открытыми вопросами, широко используемые в исследовательских целях, не решают данной проблемы, так как респонденты чаще всего указывают универсальные ценности (здоровье, любовь, верные друзья, мир на планете и т. п.), а перечень ценностей подвержен влиянию неконтролируемых ситуативных факторов.

Выходом из сложившейся проблемной ситуации может стать создание *модели* ценностной системы. Ценности как элементы единой системы могут быть обособленными друг от друга и связанными между собой, аналогичными (однаправленными) и противоположными. В этой связи противоположные и связанные ценности образуют *ценностные противоречия* (Капцов, 2010а). Ценностная система иерархически организована, т. е. имеет различные уровни, о чем писали Н. Гартман (Гартман, 2002), М. С. Каган (Каган, 1997) и др.

Поскольку ценностная система по своей сути является динамически изменяющейся, то для ее описания в модель введены иерархические уровни устойчивости/изменчивости ценностей во времени (Капцов, 2010б), что явилось развитием основных подходов, предложенных А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко в модели экономического самоопределения субъекта (Журавлев, Купрейченко, 2007), так как ценностная система личности является частью (подсистемой) экономического самоопределения и ее модель должна обладать свойством преемственности. В то же время, на наш взгляд, модель ценностной системы принадлежит к смешанному типу, т. е. ее слои не имеют жестко закрепленных функций, а структура представляет сложную взаимосвязь ценностей как внутри слоев, так и между слоями. Тем более что, исходя из системного подхода, внешнее воздействие среды приводит к изменению прежде всего структуры системы. Таким образом, *теоретическая модель* ценностной системы может быть представлена двумя условными слоями:

- 1) устойчивая составляющая, включающая совокупность личностных ценностей, определяющих основные *принципы жизни* личности;

- 2) динамичная составляющая, включающая совокупность личностных ценностей, определяющих *значимость* объектов и явлений текущего этапа жизни личности.

Выполнение функций ценностей осуществляется за счет образования смешанной иерархической структуры, в которую включены ценности обоих слоев. Допускается, что состав структуры ценностной системы при выполнении основных функций в разном количественном отношении представлен ценностями устойчивой и динамичной составляющих, поэтому условно можно считать, что преобладание ценностей, например, устойчивой составляющей свидетельствует об ответственности за данную функцию именно устойчивой составляющей ценностной системы.

Если на теоретическом уровне построение модели по критерию устойчивости не вызывает сложности, то эмпирическая проверка требовала решения целого ряда задач, начиная с разработки диагностического инструментария и его психометрического исследования и заканчивая определением критериев отнесения ценностей к тем или иным слоям. В результате проведенных исследований с помощью авторских методик, обладающих достаточной для практических целей надежностью и валидностью и позволяющих оценить представления респондентов о структуре собственной ценностной системы (Капцов, 2010б), было показано, что выполнение функций (в частности, мотивирующей) ценностями осуществляется за счет образования смешанной иерархической структуры, которая сохраняется за один год наблюдения в виде основной структуры и соотношения слоев, несмотря на то что имеют место процессы перехода личностных ценностей из устойчивых в динамичные и обратно. В то же время ограниченный перечень ценностей, диагностируемых тестами, приводит к тому, что имеются до 18% респондентов, якобы не имеющих динамичной составляющей, и до 10% – устойчивой составляющей ценностной системы.

Нами была предпринята попытка оценки целостности ценностной системы. По мнению В. Ю. Крылова, «бывают системы, для которых представление их как множества изначально заданных элементов оправдано. Однако для психологии более типичны системы, изначально являющиеся целостностью и представляемые как множества элементов в процессе исследования системы в соответствии с волей исследователя. Встречаются и смешанные варианты систем,

в которых по одному основанию данность системы как множества элементов очевидна априори, а по-другому (или другим) – представление об элементах системы вторично» (Крылов, 2000, с. 278–279). Еще раньше на эту особенность психологических систем обратил внимание А. В. Брушлинский, назвав ее *недизъюнктивностью* (Брушлинский, 1979), в которой можно выделить две тесно связанные друг с другом, но качественно различные особенности (Крылов, 2000):

- 1) *неразделенность* в конкретный момент времени элементов системы друг от друга, обусловленную процессуальным характером, динамичностью, пластичностью психологических систем;
- 2) *динамичность*, пластичность психологических систем, в которых элементы системы постоянно изменяются, переходят на новых стадиях развития системы в другие элементы, так что для того, чтобы зафиксировать структуру системы в какой-либо момент, нужно как бы прервать непрерывный процесс ее развития, перейти к анализу его результатов на данный момент (о разделении процессуальных и результативных характеристик социально-психологических явлений на примере самоопределения личности подробнее см.: Купрейченко, Журавлев, 2009).

Ценностная система модели психосоциального человека в полной мере относится к такому роду системам, так как ценности находятся в состоянии изменения, в ходе которого образуются или распадаются их взаимосвязи. С одной стороны, это создает проблему описания ценностной системы как таковой, а с другой – результат исследования соответствует только данному моменту времени.

Исследуемая ценностная система должна обладать *интегративными свойствами* – *эмерджентностью* и *целостностью*. Если под эмерджентностью системы понимается новое свойство, не присущее отдельно взятым ее элементам, то в аксиологии на сегодняшний день нет четкого разграничения свойств отдельных ценностей и аксиосферы как системы. В теории систем целостность означает, что каждый элемент системы вносит вклад в реализацию целевой функции системы. Следует иметь в виду, что функции ценностных ориентаций относятся скорее к системе ценностей, а не к ее отдельным элементам. Целостность системы определяется ее *организованностью* как сложным свойством, заключающимся в наличии структуры и функционирования (поведения). *Поведение системы* – это процесс целенаправленного изменения ее состояния во времени, об-

условленного структурой систем низшего порядка, из которых состоит данная система, и наличием признаков равновесия. Именно *структурность* как свойство систем является наиболее исследованным в психологической аксиологии.

Метод структурного анализа А. В. Карпова (Карпов, 2006) позволяет достаточно простыми средствами оценить относительную организованность психологической системы, что нашло широкое использование в сравнительном анализе нескольких выборок при условии их равного объема и применения одних и тех же опросников и тестов. Нами были проведены эмпирические исследования (Капцов, 2013), которые показали, что интегральный показатель организованности ценностной системы не всегда взаимосвязан с функциями ценностей, что требует дальнейших исследований. Возможно, он имел бы более высокую дифференцирующую способность, если бы тесты диагностировали разнонаправленные ценности человека.

В этой связи был разработан акмеологический тест личностных ценностей, в который мы включили четыре пары противоположных ценностей (Капцов, 2011), что позволило, используя технику репертуарных решеток, перейти к идеографическому методу определения ценностной системы отдельного человека, а следовательно, и определению ее структуры.

В результате было установлено, что на первом и третьем курсе около половины студентов имеют хотя бы одно противоречие в ценностной системе. Такие противоречия достаточно динамичны и качественно изменяются за два года наблюдений. Минимальное количество противоречий в ценностной системе выявлено у трудящихся на производстве рабочих, а максимальное — у студентов, получающих второе высшее образование.

Реализация разработанной модели ценностной системы позволила создать методику для идеографического определения характеристик ценностной системы школьников среднего звена общеобразовательной школы. Установлено, что наиболее часто ценностные противоречия встречаются у учащихся 7-х и 8-х классов, что совпадает по времени с переживанием формирующейся личностью ценностного кризиса.

Таким образом, проведенные эмпирические исследования модели ценностной системы человека показали, при дальнейшем ее изучении необходимы учет ее динамических компонентов и наличия в ней разнонаправленных, в том числе и противоположных, ценностей.

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Гартман Н.* Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть II. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 70–86.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
- Капцов А. В.* Противоречия в аксиосфере как фактор развития личностных качеств студентов // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010а. Т. 3. № 2. С. 30–36.
- Капцов А. В.* Устойчивость личностных ценностей: сущность и детерминанты // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология», 2010б. № 1 (7). С. 50–69.
- Капцов А. В.* Психологическая аксиометрия личности и группы. Самара: Самлюкспринт, 2011.
- Капцов А. В.* Организованность аксиосферы личности: сущность и методика исследования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2013. № 1 (13). С. 145–159.
- Карпов А. В.* Закономерности структурной организации рефлексивных процессов // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 18–28.
- Крылов В. Ю.* Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Янус-К, 2000.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения личности // Человек—наука—гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: Наука, 2009. С. 731–746.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Психологическое содержание социальных институтов и модель психосоциального человека // Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: URSS, 2015. С. 211–220.

Принцип целостности как методологический вектор интеграции социально-психологической информации

А. А. Кriuлина

Разрабатывая вероятностную теорию смыслов, В. В. Налимов верил в то, что «в век утраты фундаментальных смыслов и всеобщей разбросанности знаний по отдельным закромам многоликостью культуры – все же возможно построение единых, по-прежнему целостно звучащих метафизических систем» (Налимов, 1993, с. 3). Анализируя поиски нового понимания природы человека на рубеже двух веков, он особо пристальное внимание уделил движению, направленному к целостности (Wholemovement), которое развивал известный английский физик Д. Бом. Так обстояло дело четверть века тому назад.

Спустя десять лет появилась статья А. В. Юревича о реализации интегративных процессов в психологии, непосредственно связанных с идеями целостности в науке. Завершая дискурс о вертикальной, горизонтальной и диагональной интеграции в психологической науке, автор писал: «...,призрак“ интегративной психологии не только „бродит“ по психологической науке, но и все увереннее материализуется в ней, ее интеграция выглядит не как утопия, а как уже различимая реальность» (Юревич, 2007, с. 521). Для нашего исследования этот промежуточный итог развития интегративных процессов в отечественной психологии имеет большое значение, так как реализация принципа целостности в любой науке, в том числе и в психологии, возможна только путем длительной интеграции уже накопленной в единичных исследованиях научной информации. И теперь, спустя еще пятнадцать лет, покажем, как продолжали и продолжают осуществляться интегративные процессы в социальной психологии, а, следовательно, как реализуется именно в этой психологической отрасли методологический принцип целостности.

Проведенное исследование является продолжением работы, посвященной анализу проблем холизма (движения за целостность) в науке и образовании (Кriuлина, 2011). В содержательном плане ак-

цент сделан на анализе принципа целостности, возможности и необходимости его применения в социальной психологии; на обобщении работ, удачно использовавших данный принцип; на рекомендациях по его использованию в других социально-психологических исследованиях. Перечисленные аспекты являются конкретными задачами нашего исследования, образующими его проблемное поле.

К числу *теоретико-методологических предпосылок* исследования с полным основанием можно отнести: идею и характеристики принципа целостности применительно к психологии; научные понятия, позволяющие описывать и структурировать сами целостные психологические феномены без нарушения их исходной целостности; механизмы «сборки» (синтеза, интеграции) социально-психологической информации.

В отечественной науке автором идеи целостности и первым ее успешным разработчиком в области психологии является известный методолог В. А. Ганзен (Ганзен, 1984). Тем не менее, в монографиях по методологии психологии принцип целостности практически отсутствует, хотя он и обладает значительным эвристическим потенциалом и для психологической теории, и для психологической практики. Исключением являются методологические работы В. В. Никандрова и В. А. Мазилова.

Анализируя данный принцип в контексте общенаучных принципов познания, В. В. Никандров дает определение целостного объекта, выделяет связность, ограниченность (в пространстве и времени) и системность как основные его свойства. Связность автор понимает как совокупность внутренних связей целого между его частями и внешних связей между целостным объектом и его средой. Сущность категории ограниченности В. В. Никандров раскрывает через наличие у целостного объекта пространственных и временных границ, выполняющих две важные функции. Они отделяют связанное целое от менее связанной среды и создают возможность взаимодействия объектов между собой и со средой. Системность целостного объекта сопряжена с наличием у него главных признаков системы – состава, структуры и функции (Никандров, 2008).

В. А. Мазилев в одной из методологических работ объявил целостность и типологичность исходными принципами практической психологии, «в противоположность „элементаризму“ и „конструктивизму“ научной психологии» (Мазилев, 2006, с. 246). Тем самым он перекинул мостик между академической психологией и психологи-

ческой практикой в виде общего для них методологически важного принципа целостности. Заметим, что до В. А. Мазилова идея существования такой связи была представлена в монографии Г. С. Абрамовой. Она впервые описала в одном тексте четыре относительно независимых источника получения психологических знаний (жизненная психология, обыденная психология, академическая психология и практическая психология). Автор отмечает, что «психологическая информация, полученная в практической психологии, дополняет и уточняет обобщенное психологическое знание», которое родилось в академической психологии и может быть проверено на достоверность (Абрамова, 1999, с. 63).

Обращает на себя внимание сложность не только самого процесса интеграции научных знаний, но и обозначения конечного его результата с помощью соответствующего термина: «целостное рационально-образное мировосприятие» (Б. В. Раушенбах); «единораздельная целостность» (А. Ф. Лосев); «объемлющая гармония» (А. И. Герцен); «плюралистическая Вселенная» (У. Джемс). Термин А. Ф. Лосева в свое время был успешно применен для структурирования целостного образовательного пространства высшей педагогической школы. Это означало, что, оставаясь целостным в реальности, пространство предстало в сознании исследователя разделенным на составляющие его компоненты с целью более углубленного их анализа (Криулина, 1996).

В решении задач интеграции научного знания важно определиться и с механизмами, обеспечивающими достижение поставленной цели. В 1996 г. такие механизмы были предложены для интеграции учебной информации: это *внутридисциплинарный синтез*, осуществляемый в рамках монодисциплины, и *междисциплинарный синтез*, означающий синтез психологической информации с информацией других научных областей (Криулина, 1996).

Покажем возможность реализации обоих видов синтеза в интеграции социально-психологической информации на примерах конкретных исследований.

Самую масштабную интеграцию социально-психологической информации в текстовой и графической форме осуществил В. В. Никандров. Продолжая и развивая идеи Ганзена о системных описаниях в психологии, он предложил три плоскостные модели функциональной структуры психики с интегрирующими парами категорий: «сознание» и «самосознание», «личность» и «индивидуальность»,

«деятельность» и «совместная деятельность». Если первая модель в большей мере интегрирует общепсихологическую информацию, то вторая и третья направлены в основном на интеграцию социально-психологической информации. Так, во второй модели интегрированы следующие парциальные функции психики: познавательные взаимодействия, реализуемые через коммуникации (обмен информацией); регулирующие взаимодействия, осуществляющиеся через интеракции (обмен действиями); познавательные взаимоотношения и регулирующие взаимоотношения, рассматриваемые как причина, процесс и результат социализации. В третьей модели интегрированы четыре парциальные функции психики: реактивное взаимодействие, реализуемое через адаптацию в форме избегания или приспособления; активное взаимодействие в виде преобразующей деятельности, ведущей к созиданию или разрушению; реактивные взаимоотношения, представленные отношениями подчинения в виде компромисса или угнетения; активные взаимоотношения в виде доминирования, осуществляемого через подавление или путем признания.

Согласно Никандрову, «совмещение всех трех предложенных плоскостных схем дает подробную пространственную модель функциональной структуры психики человека. Ее центральными категориями выступают самые фундаментальные психические явления, признаваемые в науке высшими интеграторами психики человека. Это сознание, личность и деятельность» (Никандров, 2008, с. 169).

Основным механизмом интеграции, использованным Никандровым, является внутридисциплинарный синтез, так как для интеграции он использовал психологическую информацию двух видов, накопленную в общей психологии и в психологии социальной, но в рамках одной дисциплины – психологии. Конечная цель выполненного Никандровым исследования – целостная модель функциональной структуры психики человека, отличающаяся широким масштабом интегрированного объема психологической информации.

Междисциплинарное исследование С. А. Багрецова, В. М. Львова, В. В. Наумова и К. М. Оганяна направлено на всеобъемлющую (на момент выхода публикации) интеграцию психологической информации, накопленной в отношении малых групп с внешним статусом. Здесь так же, как и в исследовании Никандрова, использован внутридисциплинарный синтез, но его отличием от предыдущего исследования является увеличение количества областей психологии, информация которых была проанализирована, а затем интегрирова-

на: психология труда и управления, инженерная психология, педагогическая и военная психология, социальная психология. Внутридисциплинарный синтез дополнен междисциплинарным синтезом, так как наряду с психологическими исследованиями авторы обращались и к трудам ученых в области социологии и кибернетики. Еще одной особенностью анализируемого исследования является широкое использование авторами знакового моделирования в виде таблиц и структурных схем, которые позволяют в компактном виде представлять результаты интегрирования научной информации (Багрецов и др., 1999). Основные направления интеграции научной информации заданы стержневыми социально-психологическими проблемами, которые поставили и успешно решили авторы. К ним относятся: социально-психологические детерминанты развития малых групп; методы анализа поверхностного слоя межличностных отношений в малых группах и методы анализа более сложных состояний малых групп, которые опосредованы совместной деятельностью их участников; методы интегральной оценки состояний малых групп и многоуровневые системы поддержки принятия решений в малых группах. В итоге дано целостное представление об интегральных характеристиках малых групп, к которым соавторы относят следующие: социальный потенциал, групповая сплоченность, ценностно-ориентационное единство, социально-психологическая устойчивость, организованность.

В исследовании К. М. Гайдар нет ссылки на работу С. А. Багрецова с соавторами, хотя ее предметом, как и в предыдущей работе, также являются малые группы как целостные субъекты. Такая цель обозначена автором в аннотации исследования, что дает основание рассматривать работу Гайдар как логическое продолжение изучения темы исследования Багрецова с соавторами. Общими для обеих работ являются и некоторые решаемые в них проблемы, в частности, проблема социально-психологических характеристик малой группы и методов их диагностики.

Наряду со сходными моментами анализируемые исследования имеют и принципиальное отличие. Обращает на себя внимание особая структура излагаемого Гайдар материала. Интегрированная ею социально-психологическая информация сгруппирована в соответствии с разными аспектами изучения психологии малой группы по следующим направлениям: онтологические, феноменологические, методические и эмпирические. Конечным целостным результа-

том выполненного Гайдар исследования можно считать заявленную ею социально-психологическую концепцию группового субъекта. Ее исследование существенно превосходит исследование Багрецова с соавторами по количеству использованных научных психологических источников как отечественных, так и зарубежных авторов.

Г. С. Абрамовой был создан первый отечественный учебник по практической психологии, который одновременно может служить примером фундаментального научного исследования интегративного типа. Основанием для этого служит осуществленная ею работа по интеграции психологической информации о базовых технологиях практической социальной психологии. Представлено авторское понимание психодиагностики, психологической коррекции, психологического консультирования и психотерапии (Абрамова, 1999). Автор впервые анализирует проблему взаимодействия практического психолога с людьми смежных профессий — учителями, социальным работником, представителями следственной и адвокатской практики. На наш взгляд, развернутый и глубокий анализ поставленной и решенной проблемы в перспективе открывает путь к реализации междисциплинарного синтеза научной информации из областей, соответствующих перечисленным профессиям.

Еще одним примером интегративных процессов в области социально-психологической практики являются исследования И. Н. Карицкого. Так, в одной из своих последних работ ученому удалось получить и представить в виде знакового моделирования три интегрированные целостности: основания психологических практик, психопрактические аспекты и классификацию психологических практик (Карицкий, 2007). В более раннем исследовании ученый представил целостный результат своих интеграционных изысканий в виде концептуальной модели психологической практики. В эту модель первые две из перечисленных интегрированных целостностей вошли как составные части: соответственно, как вертикальная структура психопрактики и как ее горизонтальная структура (Карицкий, 2002).

Итак, исследования В. В. Никандрова, С. А. Багрецова с соавторами, К. М. Гайдар, Г. С. Абрамовой и И. Н. Карицкого и подобные им целесообразно рассматривать в качестве стартовой площадки для последующих интегративных процессов в социальной психологии. Помимо этого, существуют определенные научные психологические источники, в которых первичная интеграция социально-психологической информации уже осуществлена. К ним в первую

очередь можно отнести монографии и сборники конференций, посвященные конкретным проблемам социальной психологии. Хорошим дополнением к монографиям и сборникам послужат фундаментально проработанные и логически грамотно изложенные теоретические главы кандидатских и докторских диссертаций на соискание ученой степени в области социальной психологии. Наконец, следует вспомнить о профессиональных психологических журналах, содержащих рубрики по социальной психологии, а также о журнале «Вестник интегративной психологии», издаваемом с 2002 г. в Ярославле Международной Академией психологических наук.

Предложив в свое время научному сообществу идею целостности и развивая ее в своих методологических разработках, В.А. Ганзен справедливо заключал: системное, целостное представление о сложном объекте «возникает не сразу, а в результате длительной исследовательской и интегративной деятельности многих ученых» (Ганзен, 1984, с. 12). Впереди, как и предсказывал Ганзен, долгий путь. Возможно, будут открыты другие интегративные механизмы, получены новые интегрированные целостности в дополнение к описанным.

Завершая выполненный анализ, сформулируем основные обоснованные выводы, часть которых подводит итоги проведенного исследования, а часть ориентирована на перспективу изучения заданной проблемы.

1. На примере конкретных исследований монодисциплинарного и междисциплинарного вида удалось продемонстрировать результаты интеграции социально-психологической информации, осуществленной как в академической, так и в практической социальной психологии. Целостные результаты этих работ различаются по масштабу осуществленной интеграции в силу разных методологических пристрастий авторов и содержания решаемых ими задач.
2. Механизмы интеграции учебной информации – внутрисциплинарный и междисциплинарный синтез – приемлемы и для решения задач интеграции научной информации, в частности, социально-психологической.
3. Следует признать, что интеграция социально-психологической информации пока находится в начальной стадии. В то же время есть предпосылки для продолжения реализации принципа целостности в процессе ее интеграции в виде научных работ, в которых первичная интеграция уже осуществлена.

4. С определенной долей вероятности можно предположить возможность реализации в недалеком будущем интегрированной целостности, объединяющей в себе академическую, житейскую, обыденную и практическую психологическую информацию.

Литература

- Абрамова Г. С.* Практическая психология. Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
- Багрецов С. А., Львов В. М., Наумов В. В., Оганян К. М.* Диагностика социально-психологических характеристик малых групп с внешним статусом. СПб.: Лань, 1999.
- Гайдар К. М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013.
- Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Карицкий И. Н.* Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.: Социум, 2002.
- Карицкий И. Н.* Теоретико-методологический анализ психологической практики // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 223–246.
- Криулина А. А.* Профессиональная культура и система психологической подготовки учителя: Макроэргономический подход: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996.
- Криулина А. А.* Движение за целостность как одно из направлений развития современной науки и образования // Успехи современного естествознания. 2011. № 2. С. 48–52.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы психологии. Ярославль: МАПН, 2006.
- Налимов В. В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993.
- Никандров В. В.* Методологические основы психологии. СПб: Речь, 2008.
- Юревич А. В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 503–523.

Возможности и проблемы интеграции качественных и количественных методов в социальной психологии

С. А. Липатов

Дискуссия вокруг использования количественных и качественных методов в социальной психологии началась довольно давно и в какой-то мере остается актуальной до сих пор. Некоторые методологи считают полезным проведение четких различий между количественными и качественными исследованиями, которые имеют место на нескольких уровнях (Yauch, Steudel, 2003). Количественные и качественные методы к исследованию представляют две разные исследовательские традиции, различия между которыми заключаются, во-первых, в принципиально разных подходах к построению науки, и, во-вторых, в разных способах работы с данными (Лаба, 2004; Липатов, 2017).

Существует несколько определений качественных и количественных методов, но прежде всего они рассматриваются как инструменты определенной работы с данными, их фиксации и последующего анализа. В широком смысле количественные данные можно определить как данные, выраженные в цифрах, в то время как качественные данные соотносятся с нечисловыми формами информации: словами, фразами, текстом, изображениями, предметами материальной культуры и т. д. Количественные данные в исследованиях получаются за счет стандартизованного измерения изучаемых переменных и математической обработки полученной информации. В качественных методах процедура обработки информации связана с пониманием, интерпретацией смыслов, заложенных в единицы данных (Бусыгина, 2015). Однако необходимо отметить, что трактовка качественных и количественных исследований не привязывается строго к используемым в этих исследованиях типам методов. Очень часто одно из основных различий количественных и качественных стратегий исследования связывают с различием основных эпистемологических предположений ученых, использующих ту или иную

группу методов, а также с различиями в природе феноменов, исследуемых с помощью данных групп методов (Bryman, Bell, 2011; Yauch, Steudel, 2003).

В изучении социально-психологических явлений количественные и качественные методы имеют, на наш взгляд, свои возможности и ограничения. Количественные данные можно получить довольно быстро в стандартизированном виде, за счет чего появляются возможности охвата большого числа людей, становится доступным выявление интересующих закономерностей статистическими методами. К ограничениям количественных методов относят невозможность извлечь и понять смыслы, которые респондент вкладывает в интерпретацию вопросов методик и в ответы на них. Помимо этого, остается недоступным для исследования собственное понимание респондентом изучаемого феномена и все возможные причины его поведения, так как стандартизированные методики ограничивают варианты ответов и угол взгляда на событие или факт.

Качественные методы делают доступным изучение глубинных смысловых структур, более полное выявление конкретных представлений и причин поведения респондентов. Однако одним из главных ограничений качественных методов выступает субъективность полученной информации как со стороны респондента, от восприятия которого элементы изучаемой реальности могут быть скрыты, так и со стороны исследователя, так как многое зависит от его представлений и профессионализма. Также серьезным ограничением качественных методов в полевых условиях являются большие временные затраты при сборе, обработке и интерпретации данных (Липатов, 2017; Franz et al., 2013).

Итак, проведенный анализ специфики каждой группы методов позволяет сделать вывод о том, что использование только одного подхода в социально-психологическом исследовании позволяет увидеть лишь часть изучаемой реальности, может привести к построению не совсем адекватной ее картины, к снижению объяснительной способности проводимого исследования, так как каждый класс методов имеет свои недостатки.

Однако недостатки одного класса методов могут быть компенсированы методами другого класса, поэтому логичной является стратегия совмещения количественных и качественных методов в одном исследовании для нивелирования недостатков каждого из них

и обеспечения комплексного подхода. В последние годы эта стратегия все чаще используется как в прикладных, так и в академических психологических исследованиях.

Стратегия совместного использования количественных и качественных методов

Как утверждается в литературе, количество исследований, использующих данную стратегию, с начала 1980-х годов сильно возросло (Brugman, Bell, 2011), что к началу XXI в. привело к выделению ее в отдельное методологическое направление, наряду с количественной и качественной методологией.

При объединении качественного и количественного методов важно использовать сильные стороны каждого из методов в соответствии с целями исследования и строить его так, чтобы один метод основывался на результатах другого или дополнял его. Это особый тип исследования, в котором комбинируются (интегрируются) количественные и качественные исследовательские подходы, методы, техники и языки описания. Цель состоит в использовании сильных сторон и в минимизации недостатков каждого метода.

Главной трудностью применения данной стратегии является интеграция результатов (Franz et al., 2013). Совместное использование разнотипных методов в одном исследовании предполагает решение ряда методологических и методических проблем их соотношения. Более того, многометодные исследования должны характеризоваться особым планом (research design).

Существуют три варианта соотношения качественных и количественных методов:

1. Дополнение результатов исследования данными, полученными другим методом.
2. Пересечение качественных и количественных методов. В этом случае качественная и количественная части исследования обычно проводятся одновременно, что позволяет производить комплексное изучение данных.
3. Принцип последовательных вкладов. В данном случае исследование делится на несколько этапов, и каждый следующий этап базируется на данных, полученных на предыдущем. Данный вид совмещения методов отличается от двух других, поскольку каж-

дый результат соответствует разным целям в соответствии с общим дизайном исследования (Franz et al., 2013; Morgan, 2013).

При соединении количественных и качественных методов исследования необходимо следовать двум принципам. Во-первых, определить, какой из методов будет главным, а какой дополнительным. Понятно, что основным станет тот метод, который позволяет достичь главной цели исследования и ответить на большую часть интересующих вопросов. Во-вторых, нужно определить последовательность применения качественного и количественного методов. Применение одного из методов будет предшествовать другому в соответствии с теми целями, которые необходимо продумать на уровне общего дизайна исследования (Полухина, Присянюк, 2017; Morgan, 2013).

Модель последовательных приоритетов Дэвида Моргана

Американский исследователь Дэвид Морган предложил модель последовательного соединения качественных и количественных методов (*sequential priorities model*). Он выделяет 4 основных варианта дизайна исследования на основании следующих двух критериев: 1) *установление приоритетов*, т. е. определение основного и дополнительного метода (или они рассматриваются как равнозначные); 2) *последовательность действий* – определение места дополнительного метода по отношению к основному (Morgan, 2013).

В соответствии с этим, варианты дизайна исследования могут быть следующие:

1. *Качественные данные в количественном исследовании.* В этом дизайне исследования основным методом является количественный. Качественный метод предшествует ему, позволяя узнать мнения людей об исследуемом вопросе, проверить соответствие инструмента исследования содержанию представлений респондентов об изучаемой реальности.
2. *Расширение возможностей для качественных данных в количественном исследовании.* Количественный метод здесь является основным и предшествует качественному. В количественном методе реализуется исследование в соответствии с его целями, а качественные методы служат для разъяснения полученных результатов. На этом этапе может происходить сбор материалов для последующего исследования.

3. *Количественные данные в качественном исследовании.* Количественный метод служит для сбора данных, которые потом станут источником для выбора направления и содержания основного качественного исследования.
4. *Расширение возможностей количественных данных в качественном исследовании.* В этом случае основным методом является качественный, с помощью него собирается информация, позволяющая ответить на исследовательские вопросы. Количественный метод используется для расширения выборки и для статистической проверки обнаруженных закономерностей.

Для проведения качественного исследования необходимо составить представление о том, какие люди будут подходить для дальнейшего исследования, какие аспекты их жизни будут важны для понимания интересующего феномена. Количественное исследование служит источником критерия для отбора респондентов. Такой подход позволяет из всех возможных случаев, встречающихся при большой выборке, сосредоточиться на конкретном и детально изучить его специфику (Morgan, 2013).

В большинстве случаев *многоэтапный последовательный дизайн исследования* представляет собой такое чередование методов, при котором дополнительные как бы опоясывают основной, доминирующий, т. е. предшествуют ему и его завершают.

Модель, в которой количественный метод будет являться основным, а качественный предварять его и следовать за ним, может быть полезна в случае создания инструментария для исследования определенного феномена. В начале исследования качественный метод позволит узнать видение респондентов относительно изучаемого феномена и подобрать соответствующие методики, а после проведения количественного исследования качественный метод поможет уточнить полученные результаты и провести анализ используемого инструмента.

Обратная модель, в которой основным является качественный метод, а количественный его как бы обрамляет, полезна тем, что в начале количественный метод способствует выделению критерия формирования выборки или сужения фокуса в изучении феномена, а после основного качественного этапа он позволяет проверить выявленные закономерности статистически.

Итак, совмещение качественных и количественных методов исследования постепенно приобретает «права гражданства» в социальных науках, в том числе и в социальной психологии. Гносеологической основой тренда к интеграции качественных и количественных методов считается прагматизм.

Как было сказано выше, для реализации проекта, использующего совмещение методов, исследователь должен ответить на два принципиальных вопроса: является ли для его исследования одна из парадигм доминирующей и как будут реализовываться этапы с использованием различных методов — последовательно или параллельно. При этом исследование должно отвечать требованиям значимости поставленного вопроса и иметь в своем арсенале подходящие способы его решения, а исследователь — четко осознавать свою цель и обладать знаниями о различных путях ее достижения.

Для утверждения стратегии совмещения качественных и количественных методов исследования в социальной психологии необходимо, на наш взгляд, провести специальную работу по рефлексии потенциальных возможностей и ограничений, а также специфики использования ее в данной области.

Литература

- Бусыгина Н. П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: Ечебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015.
- Лаба Л. Я.* Способы интеграции качественных и количественных методов // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 124–129.
- Лупатов С. А.* Стратегия «смешанных методов» (mix methods research) в диагностике организационной культуры // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: Сборник научных работ / Отв. ред. О. В. Соловьева, Т. Г. Стефаненко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. С. 229–235.
- Полухина Е. В., Просянюк Д. В.* Исследования со смешанными методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подходов // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 49–56.
- Bryman A., Bell E.* Business Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 2011.

- Franz A., Worrell M., Vögele C.* Integrating mixed method data in psychological research: Combining Q methodology and questionnaires in a study investigating cultural and psychological influence on adolescent sexual behavior // *Journal of Mixed Methods Research*. 2013. V. 7 (4) P. 370–389.
- Morgan D.* Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks: Sage, 2013.
- Yauch C. A., Steudel H. J.* Complementary use of qualitative and quantitative cultural assessment methods // *Organizational Research Methods*. 2003. V. 6 (4). P. 465–481.

Интеграция в современной психологии: лики интеграции

В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко

Мир, в котором мы живем, стремительно меняется. Данное суждение и тривиальное, и верное. Процессы, происходящие в мире (подробнее см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.), влияют и на психику людей, т. е. на психологию человека как объект исследования, и на психологию как науку, которая эту психику изучает. Во втором номере «Психологического журнала» за 2018 г. опубликована статья уважаемых авторов «Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы», которая затрагивает интересы всех, кто причастен к психологической науке (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018). В мире имеют место процессы глобализации, которые бросают вызовы психологии. Не место в рамках настоящей статьи анализировать влияние глобализации на психологию, хотя оно несомненно и значимо (об этом см., напр.: Новое в науках..., 2015; Психологические исследования глобальных процессов, 2018; и др.). В статье, на которую мы только что ссылались, эти вопросы тоже рассмотрены достаточно подробно.

Психология как наука, конечно же, зависима от процессов, происходящих в социуме. Как известно, историки психологии давно указывают на экстернальные факторы в ее развитии. К примеру, М. Г. Ярошевский акцентирует роль социальных факторов, которые, наряду с предметно-логическими и личностно-психологическими, определяют развитие психологической науки (Ярошевский, 1967). Поэтому никого и нисколько не удивляет, что события, происходящие за пределами науки, влияют на ее развитие. Как опять же хорошо известно, события, как и вещи, воспринимаются и оцениваются под социокультурным влиянием, что само по себе понятно и привычно.

Публикация подготовлена по государственному заданию № 25.8407.2017/8.9.

Конечно, наука должна быть современной, должна отвечать на вызовы времени и общества. В этом отношении с авторами вышеупомянутой журнальной статьи можно безоговорочно согласиться. Как они справедливо отмечают, «в глобальном мире, где действуют транснациональные организации, социальные институты и процессы, а люди активно перемешаются из страны в страну, культура народов с неизбежностью приобретает новые черты. Наука как часть культуры, приспосабливаясь к новым условиям существования, закономерно изменяется, постепенно становится глобальной, что предполагает формирование как новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества» (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 58).

Глобализация в психологии имеет место, она вполне гармонирует с тем, что *идеи интеграции* представляют несомненную ценность в глазах представителей психологического сообщества, и вместе с тем существуют объективные тенденции к интеграции как самого сообщества, так и психологического знания.

Очень важно, что различные науки по-разному откликаются на вызовы, связанные с интеграцией. Если в естественных науках заметна тенденция к унификации, то для наук гуманитарного профиля процессы интеграции существенно осложняются выраженной «культурной опосредованностью» как со предмета, так и субъекта исследований (там же). Если еще четверть века назад можно было говорить о глобализации как об общем распространении в мире западных культурных стандартов и норм, то сегодня стало очевидным, что такое представление является несостоятельным. Ведущей чертой глобализации становится возникновение *многополюсной мировой системы* и рост *культурного разнообразия*.

Для психологии движение к глобализации по-разному протекает в различных регионах и в существенной степени оказалось окрашенным «протестными» тенденциями сопротивления гегемонии западноцентрического мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

Поскольку основной темой нашей статьи являются процессы интеграции в современной психологии, остановимся подробнее на их обсуждении.

Для современной психологической науки характерно активное декларирование ценностей интеграции — как достаточно обширного сообщества психологов, так и психологического знания. Ее необ-

ходимость обсуждается как на уровне отдельных отраслей психологического знания, так и на уровне всего корпуса знаний данной науки (Козлов, 1998, 2007, 2016). Интеграция рассматривается как одно из ведущих средств не только решения накопившихся методологических, теоретических, экспериментальных проблем и трудностей, но и как ключевой фактор дальнейшего развития психологии, однако ее реальное осуществление идет крайне медленно (Мазиллов, 2006, 2017а, б, в).

В данной статье мы обратим внимание на моменты, связанные с интеграцией знания. Дело в том, что интеграционные процессы, естественно, происходят не только в психологии, но и в других дисциплинах. И, таким образом, в поле рассмотрения попадают как внутродисциплинарные, так и междисциплинарные отношения, и аспекты интеграции.

Кедров говорит о необходимости разработки «диалектики современного научного знания, его методологии и логики» (Кедров, 2005, с. 55), подчеркивая, что одно из центральных мест здесь занимает проблема *теоретического синтеза* научного знания. Ученый отмечает, что эта проблема связана с классификацией наук, но шире ее, так как включает не только междисциплинарные отношения, но и внутродисциплинарные процессы, направленные на теоретическое связывание разрозненного эмпирического материала.

Представляет значительный интерес предложенная Кедровым типология процессов теоретического синтеза научного знания, т. е. процессов, направленных к объединению и связыванию ранее разобщенных его отраслей или элементов. Ученый выделяет три типа теоретического синтеза – внешний, внутренний интимный и внутренний межотраслевой – и называет девять различных механизмов его реализации (там же). Эта множественность типов синтеза, на наш взгляд, имеет принципиальное значение: в сочетании с множественностью видов и типов объяснения знания данное направление исследований открывает весьма заманчивые перспективы разработок в плане теории и практики интеграции научного знания.

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский ученый Ж. Пиаже различает следующие формы взаимодействия дисциплин: 1) *мультидисциплинарность* как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; 2) собственно *междисциплинарность* как взаимодействие дисциплин; 3) *трансдисциплинарность* как построение интегральных

структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика) (Piaget, 1972).

Представляет значительный интерес типология когнитивных систем, выделенная И. Т. Касавиным. Развивая изложенные выше идеи Ж. Пиаже, он выделяет «три соответствующие *типа когнитивных систем*. Во-первых, речь идет о мульти(или поли-)дисциплинарных системах знания: биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т. п. Такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе» (Касавин, 2010а, с. 21). В рамках мультидисциплинарных систем, согласно Касавину, сохраняется определенная четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, выступает условием успеха. Так, например, морфология пластов в геологии, с одной стороны, и региональное распределение флоры в палеоботанике, с другой – считаются предметами исследования самостоятельных дисциплин, соединение которых позволяет уточнить эволюцию геологических отложений в рамках геоботаники.

«Результатом второго типа взаимодействия дисциплин являются междисциплинарные системы знания, такие как космические исследования, страноведение, науковедение, политология» (там же). Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов работы с ее объектами. Данные системы знания характеризуются значительно меньшей четкостью дисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языковедение, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений. Они взаимодействуют в целях создания целостной «картины социально-региональной реальности», которая, в свою очередь, дает семантическую интерпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию даже при отсутствии разработанной «теории страноведения» или «теории международных отношений».

«Наконец, в-третьих, в трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность» (там же, с. 22). Таковы, согласно Касавину, теория систем, теория самоорга-

низации, теория информации, теория катастроф. В этих случаях наблюдается принципиальное игнорирование дисциплинарных границ. Естественно, эти теории возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике. Однако затем они оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания.

Представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения Касавина. Как отмечает автор, эпистемология м-исследований (междисциплинарных исследований) относительно слабо разработана. «В общем виде ясно, что м-исследования предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, что приводит к резкому расширению сферы фактов по сравнению с д-исследованием (дисциплинарным исследованием)» (там же, с. 13). Особому характеру междисциплинарной эмпирии сопутствует, по Касавину, и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другой. Этот никогда не заканчивающийся перевод идет в поисках постоянных уточнений и кажется подлинным воплощением тезиса У. Куайна о невозможности радикального перевода. «Неустранимость из исследований диалога характеризуется выраженной несимметричностью при обмене результатами; одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникативную функцию. Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах, несводимых к д-результатам, то таковые обладают не столько объектной, сколько коммуникативной природой, т. е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования» (с. 13–14).

На наш взгляд, все вышесказанное имеет непосредственное отношение к междисциплинарным исследованиям в психологии (об их особенностях см. также: Журавлев, 2007; Психология: современные направления..., 2003; и др.). У нашей науки есть существенное преимущество – возможность опираться на разработки в области коммуникативной методологии (Мазилев, 2006, 2017б, в). Кроме того, отмеченные выше трудности позволяет снять разработка методологии и теории проведения междисциплинарных психологичес-

ких исследований исходя из понимания предмета психологической науки, в частности, такой его широкой трактовки, как субъективный мир человека (Мазиллов, 2017а, в).

В 1980 г. вышла монография Э. М. Мирского «Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки» (Мирский, 1980). Под междисциплинарными исследованиями понимается способ организации исследовательской деятельности, предусматривающий взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителей различных дисциплин (Мирский, 2004). Подчеркивается, что выделение междисциплинарных исследований в *специальный тип* исследовательской деятельности относится ко второй половине XX столетия. Мирский отмечает, что «рассматривались прежде всего два типа междисциплинарного взаимодействия: 1) взаимодействие между системами дисциплинарного знания в процессе функционирования наук, их интеграции и дифференциации; 2) взаимодействие исследователей в совместном изучении различных аспектов одного и того же объекта. В дальнейшем проблематика, связанная с первым типом междисциплинарности, практически полностью стала изучаться в рамках исследований по классификации науки и ее развития» (там же, с. 518).

Обращаем внимание на одно из положений, сформулированных Мирским. Он утверждает, что успешное осуществление междисциплинарных исследований предполагает одновременное решение трех видов проблем: методологических, организационных и информационных. Позитивно оценивая идею представленности предмета в этой конструкции, подчеркнем, что в полной мере это возможно разве что в естественных науках. На этот момент обращает внимание и Касавин, комментируя позицию Мирского: «Это предполагает, что предметные области и методологические аппараты взаимодействующих дисциплин в достаточной мере определены. Заметим сразу: это, быть может, справедливо для некоторых естественных и точных наук, но выглядит сильной идеализацией для целого ряда гуманитарных наук, сам научный статус которых является проблемой. Далее, полученные в этом исследовании „собственно научные результаты“, по мнению Э. М. Мирского, должны быть переданы для экспертизы в системы дисциплинарного знания. Тогда междисциплинарный диалог лишается экспертной функции применительно к фундаментальному знанию: его участники могут создавать результаты, но не могут судить об их научной значимости,

ибо она отождествляется с дисциплинарной значимостью. И хотя ниже автор говорит о формировании в рамках междисциплинарного знания „конструкции, функционально аналогичной предметной конструкции дисциплины“, это вновь едва ли применимо в общем виде к гуманитарному знанию. Данные недоразумения основаны на выборе основного объекта методологической рефлексии. Одно дело, если таким объектом являются точные науки – физика и математика, несколько забывшие процесс своего исторического формирования. Другое дело, когда речь идет о таких науках, как химия, биология, география, история, экономика, право – перечень можно продолжать; они сохраняют в себе свои многообразные истоки и представляют собой в большей степени именно междисциплинарное взаимодействие, чем строго дисциплинарное знание» (Касавин, 2010б, с. 478).

Эпистемологические разработки по проблемам междисциплинарности в современную эпоху имеют особую важность для психологии. В настоящее время в ней реализуется одновременно несколько линий интеграционных процессов, по-разному способствующих решению выделенных в статье проблем. Речь идет прежде всего о стихийной интеграции, которая происходит в практике осуществления научных исследований и естественного общения ученых. Помимо этого, в науке реализуется и искусственная интеграция, когда действия некоторых представителей сообщества целенаправленно ориентированы на получение интегративного результата. Ввиду этих и ряда других причин представляется крайне перспективной дальнейшая разработка обозначенных в статье проблем интеграции в психологии, организации междисциплинарных исследований и др.

Литература

- Бонифатий Михайлович Кедров: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 2005.
- Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 57–70.

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 55–74.
- Касавин И. Т.* Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии. М.: ИФ РАН, 2010а. С. 15–32.
- Касавин И. Т.* Междисциплинарность в эпистемологии // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2010б. С. 478–481.
- Кедров Б. М.* О синтезе наук // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 77–90.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Мазилев В. А.* Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. Т. 38. № 5. 2017а. С. 97–102.
- Мазилев В. А.* Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017б. № 6. С. 107–116.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017в.
- Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980.
- Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 518.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Ярошевский М. Г.* Психология науки // Вопросы философии. 1967. № 5. С. 79–90.

Концепция А. Г. Асмолова в свете методологии историко-эволюционного подхода

Д. К. Паркина

Современные концепции в психологии стремятся объяснить феномен личности с точки зрения ее социогенетического развития. А. Г. Асмолов, один из ведущих разработчиков методологии системно-деятельностного подхода в психологии, реализовавших его в социальной практике образования, видит необходимость прояснения вопроса о наделении личности активностью, влияющей на ход естественно-исторического процесса. Он называет себя последователем научной школы культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, прямым учеником А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии. Творческий корпус этого ученого так многогранен, что при его анализе возникают следующие вопросы: можно ли отнести разработанную им историко-эволюционную концепцию к какой-то одной психологической школе или же его подход является принципиально новым взглядом на развитие личности? Есть ли у историко-эволюционного и у культурно-исторического подходов единые методологические основания?

Рассмотрим определения культурно-исторического и историко-эволюционного подходов. Культурно-исторический подход развития психики и личности разработан Выготским и его школой, его основными представителями можно считать Леонтьева и Лурию. В данном подходе социальная среда рассматривается как главный фактор развития личности. Выделяются две основные линии в развитии ребенка: первая — естественное созревание, вторая — созревание через овладение культурой (системой знаков-символов), а также посредством диалога с окружающими людьми.

Сторонники историко-эволюционного подхода заостряют внимание на процессах адаптивности и изменчивости. Тенденция к сохранению (адаптивности) проявляется в преимственности форм культуры, моральных и нравственных принципов, организующих структуру общества, которые адаптируют личность и задают ей мо-

дели поведения в повторяющихся ситуациях. К проявлению адаптивности можно отнести установки, стереотипы поведения, привычки. Изменчивость же проявляется в нестандартных ситуациях, выражается в разных формах активности субъекта (творчество, самореализация личности). Индивидуальная изменчивость отдельных элементов социальной системы может стать условием для исторической изменчивости в целом. Сущность человека сторонниками данного подхода рассматривается с точки зрения ее многомерности, самостоятельности и самооценности. Основным вектором ее развития выступает социально-исторический образ жизни (Петровский, 1981).

Для того чтобы понять, соотносится ли напрямую сумма всех составляющих историко-эволюционного подхода с культурно-исторической концепцией либо выходит за ее рамки за счет своей глубины, многогранности и привлечения постулатов других психологических школ и направлений, рассмотрим основные моменты совпадения теории Асмолова с постулатами иных теорий и взглядов отечественных психологов на примере теории деятельности, теории установки и культурно-исторической концепции развития и формирования личности.

Систематизация А. Г. Асмоловым современных подходов к теории личности

Для развития современной науки важны структура и методологическая база выработанного подхода, что играет принципиальную роль в практическом применении концепции. Рассуждая о методологических основах построения своего историко-эволюционного подхода, Асмолов выделяет следующие концепции и подходы: концепция эволюции целенаправленной активности в теории «физиологии активности» (Н. А. Бернштейн); семиотическая концепция культуры (Ю. М. Лотман); диалогическая концепция гуманитарного познания (М. М. Бахтин); культурно-историческая концепция развития высших психических функций (Л. С. Выготский); деятельностный подход в психологии (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн). Ученый называет также ряд концепций и подходов, которые, по его мнению, оказали существенное влияние на развитие историко-эволюционного подхода: это общепсихологическая теория установки (Д. Н. Узнадзе), концепция человекознания (Б. Г. Ананьев) и этногенетический

подход к социальному поведению (Р. Харре) (Асмолов, 1990; Выготский, 1982). Таким образом, концепция историко-эволюционного подхода к теории личности стала отправной точкой для систематизации современных подходов к теории личности в психологии. Согласно данной концепции, основными предпосылками развития личности являются индивидуальные свойства, источником развития — социально-исторический образ жизни, основанием осуществления жизни личности в системе общественных отношений — совместная деятельность (Асмолов, 2007).

Соотнесение концепции А. Г. Асмолова и «теории установок» Д. Н. Узнадзе

В рамках историко-эволюционного подхода рассматривается место установок в структуре деятельности и анализируется их иерархия: «Соотнесение различных форм установок с объективными факторами и структурными моментами деятельности позволяет предположить, что различные формы установок образуют иерархическую уровневую структуру. Соответственно объективным факторам в ситуации деятельности и тому содержанию, которое открывается при изучении деятельности в плане сознания, нами выделяются четыре уровня установочной регуляции деятельности человека: уровни смысловой, целевой и операциональной установок и уровень психофизиологических механизмовреализаторов» (Узнадзе, 1930, с. 113). Собственно, сама установка выступает как форма выражения в деятельности человека того или иного содержания — личностного смысла или значения, которое может быть как осознанным, так и неосознанным. «Функция установки в регуляции деятельности — это обеспечение целенаправленного и устойчивого характера протекания деятельности личности», — считает А. Г. Асмолов (Асмолов, 2008, с. 90).

Основополагающим для установки, с позиции Д. Н. Узнадзе, является именно содержательный, или объективный, фактор, т. е. то, на что направлена установка. Данное положение, по словам А. Г. Асмолова, «буквально требует» соотнесения установки с объективными детерминантами ситуации, которые обуславливают структуру поведения (Асмолов, 2008). Подводя итог в нахождении точек соприкосновения данных теорий, можно отметить, что их связывает центральная роль, отведенная деятельности в данных концепциях.

Место теории деятельности в концепции А. Г. Асмолова

В психологии понятие «деятельностный подход» чаще всего употребляется в двух значениях. В более широком смысле под ним понимается методологическое направление исследований, в основу которого положена категория предметной деятельности. Это направление развивается в исследованиях большинства психологов, придерживающихся философской методологии марксизма. В более узком смысле это теория, рассматривающая психологию как науку о порождении, функционировании и структуре психического отражения в процессах деятельности индивидов (Асмолов, 1990; Леонтьев, 1975).

Разработка психологии личности в контексте методологии деятельностного подхода позволяет реализовать те требования к изучению человека, которые сформулированы на уровнях философской и общенаучной системной методологии, преодолеть антропоцентризм при исследовании личности. Появляется возможность рассмотреть человека во всех его проявлениях. Таким образом, говоря о человеке, о Я, исследователи уже не говорят о нем как о некоей «идеальной метафизической инстанции». Это представление сменяется представлением о «нескончаемой веренице рождения человека как личности в процессе его движения в системе общественных отношений», которые находят свое отражение и выражение и в деятельности, и в общении (Асмолов, 1990, с. 89).

Основанием для изучения личности в контексте «элемента развивающейся системы» является, по мнению Асмолова, предметная деятельность: «Именно деятельность, реализующая объективные общественные отношения человека в мире, представляет собой субстанцию личности» (там же, с. 153).

Асмолов определяет деятельность как динамическую, саморазвивающуюся иерархическую систему взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит порождение психического образа, воплощение его в объекте, осуществление и преобразование опосредствованных психическим образом отношений субъекта в предметной действительности (Асмолов, 2008). Установки имеют свое выражение в объекте, в процессе деятельности. При взаимодействии с миром человек активно использует ранее приобретенные им установки как основу деятельности в знакомых социальных условиях. Используя установки в деятельности, субъект реализует принцип адаптивности.

Все наше бытие и деятельность в нем имеет направленность на взаимоотношения, и тогда наша деятельность в мире так или иначе олицетворяет нас. Деятельность в силу своей направленности совершается всегда для чего-то. И с этой точки зрения правомерно рассматривать, «для чего нужна личность». Любые попытки понимать личность вне контекста реального процесса взаимоотношений субъекта в мире с самого начала обесмысливают изучение ее сущности (Асмолов, 2007).

Соотношение историко-эволюционной и культурно-исторической концепций

Рассмотрим ключевой вопрос о соотношении историко-эволюционного подхода с культурно-исторической концепцией. Проанализировав роль и место деятельности в концепции Асмолова, мы приняли факт активности субъекта, т. е. личности (Асмолов, 1996). Теперь определим место общественно-исторического опыта в рассматриваемой нами историко-эволюционной концепции.

Именно в культурно-историческом процессе предметы приобретают смыслы, на основании которых и определяется наша деятельность (и завязываются идея с установками, о чем уже упоминалась выше). Напрашивается вывод о том, что необходимо учитывать историческую и культурную эволюцию систем, в которых представлен и рассматривается человек как личность. А последнее — это одно из основных положений историко-эволюционного подхода, напрямую соотносимое с культурно-исторической концепцией. Асмолов говорит, что адаптивность, приспособляемость необходима для поддержания гомеостаза и равновесия с внешними системами. И этот факт реализуется через воспроизводство родового опыта, сохранение и несение в себе культур, традиций, обычаев, ценностей. Личность накапливает свой опыт через деятельность, осуществляемую в культуре.

Итак, мы рассмотрели некоторые точки соприкосновения историко-эволюционного и культурно-исторического подходов. В принятии решения о методологической составляющей теории Асмолова определяющую роль играет центральная направленность его историко-эволюционной концепции на активность личнос-

ти, обладающей индивидуальной изменчивостью. При этом реализуется родовая программа (при понимании эволюции как синтеза онтогенеза и филогенеза) в контексте культурного развития. В его теории личность наделяется творческой активностью, с помощью которой она способна воздействовать на культурные традиции.

Сторонники культурно-исторической концепции также не исключают активности субъекта, но говорят о первостепенном значении культурных факторов в развитии и становлении личности. Они обращают внимание на возрастную периодизацию и значимость культуры на каждом этапе развития ребенка, тогда как сторонники историко-эволюционного подхода пока еще только пытаются перейти к изучению конкретно-исторических механизмов социализации личности.

Таким образом, вопрос о разных методологических основаниях культурно-исторического и историко-эволюционного подходов снимается, так как они рассматривают личность при помощи одного и того же инструмента — культуры. Акцентируем внимание на том, что ракурс рассмотрения личности и ее роли в ходе культурно-исторического развития изменяется в зависимости от точки зрения того или иного исследователя. Асмолов наделяет личность активностью, он утверждает, что за ее индивидуальными проявлениями как субъекта деятельности стоят потенциальные возможности ее творческой активности, которая может повлиять на процесс развития культуры и общества.

Литература

- Асмолов А. Г.* Психология личности: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Асмолов А. Г.* Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Академия—Смысл, 2007.
- Асмолов А. Г.* Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 65—86.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

Д. К. Паркина

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во политической литературы, 1975.

Петровский В. А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40–46.

Узнадзе Д. Об основном законе смены установки // Психология. 1930. Вып. 9. С. 113.

Полиментальность как методологический принцип социальной психологии

В. Е. Семенов

Социальная психология, как и другие науки, методологически связана с той или иной философией, гносеологией, а как гуманитарно-социальная наука – с тем или иным менталитетом, мировоззрением, идеологией общества и государства (подробнее см. также: Новое в науках о человеке..., 2015; Психологическое знание..., 2018; и др.). Если в советскую эпоху социально-психологическая наука могла быть только марксистской, основанной на теории исторического материализма, то в постсоветское время, когда государственная идеология конституционно отменена и признается «идеологическое многообразие», российская социальная психология также стала весьма многообразной, основанной на разных философских и религиозных воззрениях и даже иногда на неких иррациональных предположениях отдельных лиц. Задачей данной работы является напоминание о необходимости совершенствования методологии социальной психологии и ее принципов, что позволяет более адекватно и глубоко исследовать социально-психологические феномены в жизнедеятельности личности, группы и общества.

Б. Ф. Ломов писал о совокупности методологических принципов советской психологической науки следующее: «В процессе становления и развития советской психологии были сформулированы принципы детерминизма, отражения, развития, единства сознания и деятельности (часто он формулируется более широко – как принцип единства психики и деятельности), личностный принцип и др. Как было показано в данной книге, есть основания говорить также о принципе общения. Однако нередко эти принципы рассматриваются так, как если бы они были однопорядковыми... Между тем сферы действия перечисленных принципов не совпадают» (Ломов, 1984, с. 397).

Перестроечные процессы в стране вытеснили проблему упорядочивания методологических принципов отечественной психологии из сферы актуальных. Поэтому показательно, что до сих пор в диссертациях по психологии, в том числе по социальной психологии, обнаруживается явная эклектика при описании методологии проведенных исследований. Как в советское время, упоминаются принципы детерминизма, единства сознания и деятельности, развития и рядом какие-нибудь конкретные зарубежные (чаще) и отечественные (реже) теории. Но, видимо, благодаря Б. Ф. Ломову, пожалуй, чаще всего называется *системный подход*, а также *комплексный*, последний – с упоминанием Б. Г. Ананьева (об этих подходах см.: Ломов, 1984; Методология комплексного человекознания..., 2008; и др.).

Б. Д. Парыгин понимал под методологией социальной психологии всю совокупность средств, необходимых для организации и проведения исследования, считая, что «теория выполняет методологические функции средства научного познания» (Парыгин, 2003, с. 58). В условиях нового государственно-общественного строя он размышлял о возможности свободного и независимого от политики и государственной идеологии развития гуманитарного образования и науки (естественно, включая социальную психологию), для чего необходима *новая парадигма* целей и средств. Целью должна стать не политика, а духовно-нравственные ценности, в свою очередь, средством должны стать именно политика и идеология, которые должны способствовать воцарению в стране духовности и нравственности (там же, с. 605–606).

Однако новая жизнь в российском капиталистическом обществе очень скоро показала, что при конституционном отсутствии идеологии де-юре она существует де-факто и как-то быстро оформилась прежде всего в культ денег, потребления и разрешенных пороков. А духовности и нравственности почему-то стало значительно меньше, чем не очень давно при социалистической идеологии и политике.

Многие, все еще по сути советские, рационалисты и идеалисты, привыкшие к простой и однозначной идеологии и морали, не могли понять хитросплетений и странной игры размножившихся партийных и групповых идеологий, которые порой рождались на основе именно исторически сложившихся в свое время коллективных менталитетов, представляющих некий сплав осознанных и неосознанных элементов (ценностей, установок, архетипов и др.). Пост-

советский плюрализм и разнообразие привели меня к изобретению понятия *полиментальность*. Причем особенно убедительным стало появление партий и общественных движений, которые как раз и были более или менее осознанными воплощениями различных менталитетов. А предложенная мною *типология менталитетов* оказалась универсальной и подтверждалась на примерах стран ближнего и дальнего зарубежья. Поэтому и был предложен методологический *принцип полиментальности общества (социума)* (Семенов, 2007) и сформулирован следующий *комплекс методологических принципов* социальной психологии:

- 1) системный трехаспектный подход к социальному объекту изучения (структурный, функциональный и динамический аспекты);
- 2) стохастический (вероятностный) характер социально-психологических явлений;
- 3) многофакторный характер детерминации социально-психологических явлений;
- 4) принцип комплексного изучения социального объекта в единстве деятельности, сознания и ситуации его жизни;
- 5) полиментальность общества (социума);
- 6) принцип этического кодекса социального психолога (Семенов, 2007).

Остановимся на специфике методологического принципа полиментальности общества.

Любое общество (социум) – раньше, скорее, имплицитно, а ныне все более эксплицитно, тем более в связи с процессами глобализации (Журавлев и др., 2018; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.) – характеризуется *полиментальностью*, т. е. одновременным наличием в нем разных исторически сложившихся типов менталитетов (Семенов, 2000). Типология менталитетов основывается на отобранных мною базовых философских концептах, образующих логический крест: *Бог–идол* по вертикали и *индивид–коллектив (общество)* по горизонтали.

«Бог» выступает как ключевой концепт, вокруг которого образуются религиозные менталитеты. В России это прежде всего православно-российский менталитет, которому уже более тысячи лет, а также динамично развивающийся исламский и другие традиционные и нетрадиционные конфессиональные менталитеты. Вокруг понятия «индивид» (личность, Я) складываются либерально-капи-

талистический и другие прозападные менталитеты, а вокруг понятия «коллектив» (общество, «мы») – *коллективистско-социалистический* и другие просоциальные менталитеты. Наконец, понятие «идол» (мамона, инстинкты) выражает древнюю криминально-клановую ментальность. Кроме того, на пересеченье вертикали и горизонтали этого логического креста располагается *псевдоменталитет* – мозаичное, эклектическое ментальное образование из элементов, осколков базовых менталитетов.

Каждому менталитету соответствует определенный *ценностно-ментальный тип личности* (например, художественную, метафорическую модель российских базовых менталитетов я увидел в образах братьев Карамазовых из одноименного романа Ф. М. Достоевского) (Семенов, 2000, 2007, 2015). Эмпирические исследования, проведенные мной совместно с сотрудниками, подтвердили одновременное существование этих менталитетов в российском обществе. Более того, исследования зарубежной реальности, художественной литературы и кинофильмов позволяют говорить об универсальности этой типологии. Таким образом, учет полиментальности современного социального мира вполне может являться методологическим принципом социальной психологии.

Социальные психологи, как и все люди, подвержены ценностно-ментальной зависимости (осознанной и неосознанной). По мнению Д. Майерса, «совершенно естественно и неизбежно, что предшествующие убеждения и ценности будут влиять на то, что думают и о чем пишут социальные психологи» (Майерс, 1997, с. 38). Е. С. Кузьмин отмечал, что «исходным пунктом исследования являются общие методологические установки, которые всегда имеют место у исследователя, независимо от того, сознает он их или нет» (Кузьмин, 1987, с. 15). Обратим также внимание на то, что кроме профессиональных «легитимных» российских психологов существуют и нелегитимные «самозванцы». Поэтому в нашей сфере деятельности могут быть обнаружены представители всех основных выделенных выше менталитетов. Так, еще работают некоторые психологи-патриархи советской эпохи, имеющие *коллективистско-социалистический (просоциальный) менталитет*, и их ученики. В процессе перестройки возникла и развивается христианская (православная) психология, представители которой ориентируются на религиозные ценности и нормы, воплощая *православно-российский менталитет*. С этим направлением ментально связаны психологи прежде всего в Института пси-

хологии РАН и РГПУ им. А. И. Герцена, разрабатывающие духовно-нравственные проблемы. Но, пожалуй, самой многочисленной группой, особенно среди молодых психологов, в настоящее время являются последователи всевозможных западных школ и направлений, ориентированные на либеральные и потребительские ценности западного общества. Многие психологи этого типа являются приверженцами *индивидуалистско-капиталистического (либерального) менталитета*, сторонниками коммерческой психологии («психология как бизнес»), связанной с практикой тренингов, активных методов, а также манипулятивных технологий, в основном заимствованных за рубежом и чаще всего не учитывающих ценностно-ментальную специфику российского общества. Существует и *нелегитимная, шарлатанская «психология»*, связанная с деятельностью всевозможных экстрасенсов, астрологов и даже откровенных «магов» и «ведуний», при этом некоторые из них дерзают ссылаться на университетское психологическое образование. Подобные «психологи» по сути имеют *криминально-клановый тип менталитета*. Весьма примечательно, что их деятельность широко отражается и рекламируется на телевидении и в прессе. Наконец, имеются и представители *эклектической психологии, мозаичного «псевдоменталитета»*, пытающиеся сочетать в своих работах разные школы и направления, порожденные различными ценностно-ментальными источниками. В результате их подход представляет из себя некое искусственное, постмодернистское направление в науке.

Как свидетельствует анализ данных репрезентативных социологических исследований (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ и др.), в том числе проведенных под руководством автора (Семенов, 2015), у населения России преобладают *коллективистско-социалистический и православно-российский менталитеты*. Думается, что легитимное профессиональное сообщество российских психологов должно методологически учитывать эту ценностно-ментальную идентичность народного большинства России, а также осознавать и собственную идентичность. В результате возникает, несомненно, очень значимая проблема, которая требует своего научно адекватного и профессионально-этического решения: *насколько сообщество российских психологов ценностно-ментально совместимо с народонаселением России?* При отсутствии такой совместимости у многих психологов-практиков и их клиентов (кстати, по-латыни клиент — «послушный, покровительствуемый») или пациентов могут возникнуть и возникают

неадекватные отношения вплоть до конфликтных. Исследователи также могут быть далеки от народной ментальности, руководствуясь в проводимых ими работах иностранными, неаутентичными теориями и методами. О противоречиях между идеологией капитализма, бизнеса, конкуренции и принципами христианства, братской любви, человечности писали еще более полувека назад такие психологи, как К. Хорни, Э. Фромм, В. Франкл.

Системный духовно-нравственный кризис западного общества, в частности, так называемую сексуальную революцию XX в., великолепно проанализировал великий социолог и социальный психолог Питирим Сорокин (Сорокин, 1992, 2006). Теперь мы в России идем по той же капиталистической стезе и в чем-то даже «превосходим» наших западных «партнеров». Так, финансово-имущественное неравенство зашкаливает. Немало чиновников и менеджеров получает в 100 и более раз больше, чем рядовые работники. На долю 1% самых богатых людей в России приходится 71% всех личных российских активов (для сравнения: в Индии – 49%, в США – 37%, в Китае – 32%, в Японии – 17%). Все российские миллиардеры (а их порядка 100 человек) владеют 30% отечественных личных богатств, в США (где миллиардеров в пять раз больше) они владеют только 7% богатств, в Китае – 1–2%; в среднем во всем мире миллиардеры владеют 2% богатств (Тощенко, 2017).

Одновременно у нас разыгрывается исторически *очередной российский драматический акт противостояния «западников» и «почвенников»*. В психологическом сообществе это противоборство видно невооруженным глазом. Правда, ныне это точнее можно назвать *конфликтом «патриотов» и «глобалистов»*. Как обычно, ерничая и пародируя в русле уже традиционного постмодерна, аналогичный конфликт смоделировал В. Пелевин в своем романе «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2017 г.). Самое любопытное, что Пелевин очень наглядно и сатирически обнажил главные ценности «западников»: мамона-злато, «основной инстинкт» и США. Тем не менее даже в условиях современного *общецивилизационного кризиса капитализма* в некоторых российских университетах психологи-западники превалируют и готовят себе соответствующую смену.

Мощная критика современного капитализма содержится в недавно появившемся юбилейном докладе, посвященном 50-летию «Римского клуба» – одного из главных интеллектуальных миро-

вых сообществ. Авторы убедительно доказывают пагубность и безнравственность нынешней капиталистической системы, финансовых спекуляций, оффшорного мошенничества, вопиющего социального неравенства, роста авторитаризма, разрушения природы, возрастающей угрозы войны. Их анализ показывает, что мир находится в реальной опасности. Крах социалистической системы привел к тому, что Запад «возгордился» и стал неадекватным. Спасение состоит в изменении мировоззрения, в отказе от губительной жажды наживы и крайнего эгоизма, присущего капитализму. Необходимо новое просвещение, новое образование и воспитание и т. д. (von Weizsacker, Wijkman, 2018).

В свете этого доклада очевидно, насколько неправильный, ретроградный путь выбрали наши либеральные экономисты-финансисты во власти. К сожалению, по такому же пути идет и часть наших психологов-западников, по сути, обслуживающих прозападную капиталистическую «элисту». *А российское общество становится все более поляризованным, закон поляризации Питирима Сорокина подтверждается. Это выражается в несовместимости менталитетов, проявляется не только в сфере социально-финансового неравенства (например, сейчас в связи с законом о резком повышении пенсионного возраста), но и в чисто идейной сфере (возьмем хотя бы общественный конфликт 2017 г. из-за содержания фильма «Матильда»).*

Таким образом, можно сделать *вывод*, что полиментальность имеет значение не только в качестве нового, уже достаточно признанного социально-психологического понятия, но может использоваться и как универсальный методологический принцип в социальной психологии. Он позволяет *учитывать менталитетные свойства изучаемых социальных объектов на личностном, микро- и макрогрупповом уровнях* в научном и практическом аспектах.

В частности, принцип полиментальности может быть с успехом применен для диагностики и прогнозирования межличностной и межгрупповой совместимости и успешности коммуникации и совместной деятельности, в том числе управленческой и политической. Особенно важен учет этого принципа в процессе изучения и работы с большими группами и аудиториями, особенно на уровне целых регионов и стран. Еще более важен поиск возможностей социального согласия, сближения, адекватного восприятия и понимания между представителями разных, в том числе недостаточно совместимых, менталитетов.

Литература

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.
- Кузьмин Е. С.* Актуальные проблемы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология: Учебное пособие. СПб.: СПбГУП, 2003.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Семенов В. Е.* Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов: Хрестоматия / Сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. С. 485–492.
- Семенов В. Е.* Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 38–45.
- Семенов В. Е.* Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историгенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 403–429.
- Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006.

Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84.

Weizsacker E., von, Wijkman A. COME ON! Capitalism, short-termism, population and destruction of the planet: A report to the club of Rome. Springer Science+Business Media LLC, 2018.

Перспективы полевой этнопсихологии: культура как цель и средство познания

Н. В. Ткаченко

Полевая этнопсихология — это направление этнопсихологии, базирующееся на полевом изучении человека и сообщества в контексте их естественного проживания. Важно подчеркнуть, что этничность как характеристику этнической общности, этноса, мы обозначим через границы определения ключевых понятий наших рассуждений — культуры и человека в контексте культуры. Вслед за Э. Тейлором *культура* рассматривается нами в широком значении, предполагающем сложное понимание человека, включающее познание, верование, искусство, мораль, право, обычаи и некоторые другие способности и привычки, присущие человеку как члену общества. (Тэйлор, 1989). Узко-этнографическое понимание культуры у Б. Малиновского рассматривается как институционально заданный способ (или система способов) удовлетворения базовых или производных потребностей человека (Малиновский, 2005).

Представляется полным следующее определение культуры, которое приводит Ю. М. Резник, обобщая работу над систематическим осмыслением основных направлений и ориентаций в культурной антропологии. В его понимании культура является исторически определенной и целостной совокупностью способов конструирования (порождения), организации (программирования) и регуляции (нормативного опосредования) человеческой деятельности, проявляющейся в ее содержании (результатах, средствах, артефактах, образцах и т. п.) (Резник, 2012).

В то же время широкие рамки определения данного понятия требуют необходимого сужения с целью дальнейшего фокусирования на предмете полевой этнопсихологии. Его мы находим в направлении, определяемом как *культура повседневности*. Это, по определению Е. Шапинской, область микровзаимодействий и интерпретативных рефлексий, через которые организованы практики повседневной

жизни. Культура повседневности включает в себя сферу коммуникаций в повседневной жизни, которая основана на символических способах понимания себя и Другого, и играет консолидирующую роль для определения социокультурной общности (Шапинская, 2012а).

Смещая исследовательский фокус в сторону человека, необходимо определить понятийное поле *человек в контексте культуры* в русле этнопсихологического направления. Предметом этнопсихологии являются особенности психического склада тех или иных этнических общностей (их система представлений, настроения, коды поведения), этнически обусловленные формы отражения и реакции на воздействия внешнего мира (Арутюнов, Королева, 1979). Именно такое понимание обусловило междисциплинарность изучения человека в контексте культуры.

Этничность как характеристика этнической общности в русле полевой этнопсихологии определяется нами с опорой на труды В. О. Ключевского, П. Л. Лаврова, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Они изучали воздействие географической среды и уровня технического развития на психический склад народов, исследовали понимание добра и зла в разных этнических контекстах, влияние языковых форм на особенности мышления этнических групп, роль истории и исторического опыта в формировании личности и общественного мнения. Человека в контексте культуры осмысливали русские ученые Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, С. П. Толстов, Я. Я. Рогинский, В. В. Бунак, А. Н. Леонтьев.

Сложилась также традиция изучения культуры и человека в контексте культуры с точки зрения классических ориентаций социальной психологии:

- в рамках необихевиористской теории исследовались принципы социального научения (А. Бандура, Р. Уолтерс), взаимозависимости в межличностных отношениях (Г. Келли, Дж. Тибо), рассматривалось социальное поведение как обмен (Дж. Хоманс));
- в контексте когнитивной теории проводились исследования каузальной атрибуции (Л. Фестингер, Э. Аронсон) и теории диссонанса (Г. Келли);
- в контексте психоаналитической теории исследовалась теория группового развития (У. Беннис, Г. Шепард);
- в контексте интеракционистской теории происходило изучение общества как символической интеракции (Г. Блумер), социаль-

ных установок и представления себя Другим (М. Кун, Т. Макпартлэнд, Э. Гоффман, Г. Келли).

Человека в контексте культуры методологически изучают в рамках основных теоретических направлений: примордиализма, инструментализма и конструктивизма. Основной теоретический исследовательский фокус определяется тем, что этничность понимается как одна из существенных характеристик культуры, а человек предстает как носитель культуры.

Примордиализм рассматривает этничность как биологический феномен и как продукт культуры и истории. В этом подходе этничность предстает как фундаментальная биологическая характеристика человека. Эту характеристику детерминируют такие факторы, как культурно-исторические, географическое положение местности, природно-климатические условия проживания. Этничность здесь — это «форма естественного отбора и родственных связей, примордиальный инстинктивный импульс» (Шапинская, 2012б, с. 963). Представители данного подхода — В. Берг, Э. Смит, К. Гирц, Р. Рамбино, Э. Стюарт и др. на Западе, Ю. Бромлей в России.

Согласно инструменталистскому подходу, этничность понимается как теряющее свое значение наследие доиндустриального времени. Говорится о том, что в современных реалиях вследствие механизма ассимиляции этничность исчезнет. Согласно этому подходу, наблюдаемые различия между группами в обществе являются основной дистинктивной групповой идентичности. Этничность для сторонников данного подхода — это «продукт политических мифов, созданных культурными элитами в их стремлении к власти» (там же, с. 964). Представителями данного подхода выступают Ж. Девос, Д. Хоровоиц, Дж. Ротшильд, Э. Смит, К. Янг и др.

С точки зрения конструктивистской (конструкционистской) теории, этничность выступает как особая форма социальной организации с целью создания социальной категоризации (Barth, 1969; Стефаненко, 2008). Этничность здесь трактуется как постоянная аскрипция, характеризующая людей с точки зрения их обобщенной характеристики (Шапинская, 2012б, с. 964). Представители данного подхода — Ф. Барт, Дж. Комарофф и др.

Данные исследовательские ориентации, опирающиеся на качественную эпистемологию, описывают особые отношения исследователя как познающего субъекта с исследуемой социокультурной

реальностью и с человеком как неотъемлемой частью данной реальности. Именно в этом мы видим значимость полевой этнопсихологии как научного направления.

Можно назвать следующие основные стратегии качественных исследований (подробнее см.: Логинова, 2001; Улановский, 2007; и др.):

1. *Феноменологическая стратегия* предполагает исследование феноменологии переживания и смысла, который субъект переживания присваивает определенному предмету, ситуации, событию и др. Представителями феноменологического подхода являются А. Ван Камп, А. Джорджи, П. Колайци, В. и К. Фишер, Р. фон Экартсберг, Д. Полкинхорн и др.
2. *Этнографическая стратегия* предполагает полевое исследование образа жизни, межгрупповых и межличностных отношений в контексте социокультурных реалий. Культура, в которой живет изучаемый человек (информант), сама задает и контекст, и дизайн исследования. В рамках этой стратегии изучаются мифы, ритуалы, обряды и мн. др. Основной методологической базой данной стратегии выступают труды Ф. Боаса, М. Мид, Б. К. Малиновского, А. Р. Рэдклифф-Брауна и др.
3. *Биографическая стратегия* предполагает изучение жизненного пути человека в контексте его истории жизни. В рамках данной стратегии используются интервью, данные документов, анализ личных биографий и т. п. В психологии представителями биографической стратегии являются Э. Эриксон, Ш. Бюлер, С.Л. Рубинштейн и др.
4. *Обоснованная*, или, по мысли А. Улановского (Улановский, 2009), индуктивно выстраиваемая, *теория как стратегия* предполагает три последовательные аналитические процедуры: открытое, осевое и избирательное кодирование (Страусс, Корбин, 2001), что облегчает работу исследователя с первичными и вторичными данными полевых записей.
5. *Изучение случая как стратегия* предполагает фокусирование внимания либо на наиболее интересном, нетипичном примере изучаемого феномена, либо на проблеме, которая призвана иллюстрировать случай. В полевых исследованиях человека в контексте культуры данная стратегия часто применяется при изучении семьи.

Качественная методология в полевой этнопсихологии становится необходимым основанием для научно-исследовательской рефлексии и развития данного направления социальных наук. Таким образом, мы можем выделить следующие аспекты понимания культуры как цели и средства познания этносов в контексте их естественно-го проживания:

1. *Культура как внешне фиксируемый признак этноса.* Этот признак преобразуется в инструмент этнографии, этнологии, полевой этнопсихологии. С помощью данного инструмента изучаются язык, традиции, обычаи, обрядовые действия, фольклор, танцевальная и песенная культура, быт и хозяйство.
2. *Культура как компонент личности.* Компонент, определяемый нами как латентный, проявленный во внутреннем плане, нерелексируемый (пример такого неявного, латентного «этнического Я» мы встречаем в моноэтнических поселениях) и проявленный — в статусе моратория. Это онтологическое Я, явленное в Другом, в диалоге с ним (пример такого проявления можно встретить в самохарактеристиках жителей биэтнических поселений). Фактически это пример автоматического действия сознания по самокатегоризации в случае встречи с ярко выраженным Другим (признаки такой инаковости — язык, внешние данные, все то, что делает явным внутренне усвоенная культура в поведении, и пр.).
3. *Культура как фактор, определяющий уникальную структуру проживания.* Полагаем, что через анализ структуры этого базового процесса развития личности возможно проведение сравнительного анализа личностей в различных культурах.

Литература

Логина Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учебное пособие. Алматы: Казак университеті, 2001.

Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005.

Арутюнов С. А., Королева С. И. Вступительная статья // Современная зарубежная этнопсихология: Реф. сб. М.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1979. С. 5–22.

Резник Ю. Б. Культурная (социальная) антропология: предмет и теоретические основания // Социокультурная антропология: История,

- теория и методология: Энциклопедический словарь. М.: Академический проект—Культура; Киров: Константа, 2012. С. 345—362.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры, техники. М.: URSS, 2001.
- Тэйлор Э. Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.
- Улановский А. М.* Феноменологический опыт в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130—150.
- Улановский А. М.* Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 18—28.
- Шапинская Е. Н.* Культура повседневности // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. М.: Академический проект—Культура; Киров: Константа, 2012. С. 694—705.
- Шапинская Е. Н.* Этничность // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. М.: Академический проект—Культура; Киров: Константа, 2012. С. 960—968.
- Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический проект—Культура; Киров: Константа, 2012.
- Barth F.* Introduction // Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Bergen—Oslo—London, 1969. P. 9—38.

Проблема единства теории, эксперимента и практики в социальной психологии

А. С. Чернышев, С. В. Сарычев

Проблема *единства теории, эксперимента и практики* в психологии как предмет научного исследования наиболее полно представлена в работах Б. Ф. Ломова, раскрывшего значимые критерии состояния теории, эксперимента и практики, которые обеспечивают эффективность их взаимосвязи. Теория должна обладать таким уровнем обобщения, при котором не утрачиваются качественные специфические особенности изучаемого явления. Здесь главным является вопрос о мере обобщения, о ее соответствии качественным особенностям изучаемого явления. Эксперимент, ставший важнейшим методом исследования в психологии, сформировался в психофизике и психофизиологии, ориентированных на естественные науки, затем постепенно проник во все другие области психологии – социальную, педагогическую и юридическую, тесно связанные с общественными науками (см., напр.: Дробышева, Журавлев, 2008; Современная экспериментальная психология, 2011; и др.). Поэтому эксперимент должен трансформироваться в направлении снижения риска субъективного фактора и использования системного принципа. Большие эвристические возможности заложены в объединении лабораторного и естественного экспериментов.

Продуктивным для решения проблемы взаимодействия трех названных феноменов является положение Ломова о том, что, с одной стороны, степень адекватности идеального объекта реальному проверяется экспериментом и практикой, а с другой – идеализированное представление системного объекта имеет большое значение для дальнейшего развития эксперимента и решения практических задач. Благодаря связи с практикой аналитическая картина в психологии существенно изменилась. Ломов в итоге приходит к выводу о том, что взаимодействие, а точнее, диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходи-

мое условие развития всей системы психологических наук (Ломов, 1984).

Развивая идеи *системного подхода* в социальной психологии, А. Л. Журавлев разработал *теорию коллективного субъекта*, основные критерии которого – взаимозависимость и взаимовлияние, совместная активность и групповая рефлексия – в принципе предполагают актуализацию единства теории, эксперимента и практики, так как представляют собой динамический процесс, доступный изучению адекватным методом – экспериментом. Кроме того, идеи коллектива как субъекта совместной деятельности и общения имеют не только теоретическое, но и непосредственно практическое значение (Журавлев, 2005).

Нам представляется перспективным для решения данной проблемы положение о *пути преодоления субъективизма* в современной отечественной психологии. Ограничения и помехи субъективизма в психологических исследованиях убедительно представлены в коллективной работе А. Я. Анцупова, С. Л. Кандыбовича, В. М. Крука, Г. Н. Тимченко и А. Н. Харитоновна, полагающих, что в рамках субъективизма у психологов либо отождествляются собственные оценки психических явлений с уже доказанным научным знанием о них, либо абсолютизируется достоверность словесной информации, полученной от испытуемых в результате бесед, тестирования и пр. В итоге системное исследование материальных показателей и критериев, позволяющих объективно оценить психику, подменяется рассуждениями, хотя и обоснованными. Все вышеуказанное снижает возможности объективного подхода к анализу действительности, к выявлению законов развития природы и общества. Альтернативой является системное исследование реальной деятельности и поведения людей (Анцупов и др., 2007).

Интенсивные исследования методологических аспектов взаимосвязи теории, эксперимента и практики проводились в нашей стране в 1960–1980-е годы в период бурного развития социальной психологии, особенно в рамках изучения малых групп и коллективов. Характеризуя состояние отечественной социальной психологии в 50-е годы XX столетия, А. В. Петровский отмечал, что она была лишена экспериментальной основы. Характеристика и оценка социально-психологических явлений психологами осуществлялась главным образом на основе наблюдений и имела в значительной степени умозрительный характер. Но уже начиная с 1960-х годов у нас в стране

широко стали использовать конкретные методики применительно к изучению коллектива. С их помощью исследователи решали задачи диагностики, прогнозирования и разработки рекомендаций по формированию и управлению коллективом. Методический инструментарий для осуществления диагностики разрабатывался в зависимости от специфических особенностей тех социально-психологических явлений, которые подлежали изучению и измерению. Разработка адекватных научных теорий социально-психологических явлений (прежде всего взаимоотношений людей в малых группах и коллективах) предполагала дополнение описательного подхода объяснительным, с характерным для последнего использованием экспериментальных и измерительных методик (Петровский, 2000).

Однако по сравнению с зарубежными и особенно американскими социальными психологами отечественные ученые располагали незначительным фондом экспериментальных и измерительных методик. Возникла острая *проблема методов* социальной психологии, которая неоднократно обсуждалась на съездах психологов СССР, всесоюзных и региональных конференциях. Актуальность проблемы не снизилась и в настоящее время. Особенно интенсивно разрабатывался экспериментальный метод. Е. С. Кузьмин отмечал, что возникновение и развитие социальной психологии как науки начинается с проникновения экспериментального метода в исследования личности и группы со всемерным совершенствованием техники получения и количественной обработки материала (Методы..., 1977). Заметную роль в решении поставленной проблемы сыграли идеи А. С. Макаренко, вся педагогическая деятельность которого являлась примером естественного эксперимента (Макаренко, 1988), и В. М. Бехтерева, впервые в нашей стране успешно применившего лабораторный эксперимент для изучения эффективности групповой деятельности относительно точности восприятия, продуктивности памяти и наблюдательности индивидов в ходе выполнения совместной задачи (Бехтерев, 1994).

Техника лабораторного эксперимента совершенствовалась в лабораториях Ф. Д. Горбова, Е. С. Кузьмина, Н. Н. Обозова, А. В. Петровского, Л. И. Уманского, А. С. Чернышева и др. Особое место в экспериментальных исследованиях отечественных социальных психологов занимал аппаратный эксперимент. Впервые в социально-психологических исследованиях стали применяться приборы, позволяющие моделировать совместную деятельность: гомеостаты (Горбов, Нови-

ков, 1963), групповые интеграторы (Уманский 2001; Чернышев, 2007), кибернометры (Методы..., 1977) и др. Они использовались и как диагностические средства, и как социально-психологические тренажеры. В ходе эксперимента группе людей (от двух человек и более, в зависимости от конструкции приборов) предлагалось решить общую задачу совместной деятельности, причем индивидуальные действия каждого участника должны были обязательно влиять на общий ход решения задачи так, что общий результат определялся не столько успешностью действий каждого индивида, сколько *степенью согласованности действий* всех участников между собою. Объективная взаимосвязь и взаимозависимость действий членов группы, запрограммированные в конструкции приборов, провоцировали индивидов на общение. Ф. Д. Горбовым были предложены следующие *принципы моделирования совместной деятельности* группы:

- испытания на приборах не должны требовать предварительной выработки специфических технических навыков;
- деятельность должна быть взаимосвязанной;
- сама деятельность и ее ход должны быть объективированными;
- оценка результатов деятельности должна проводиться опосредованно, через приборы;
- модели совместной деятельности должны отвечать специфическим свойствам социально-психологических явлений и т. д. (Горбов, Новиков, 1963).

Под влиянием работ А. Л. Журавлева, Б. Ф. Ломова, А. С. Чернышева, С. В. Сарычева, Е. В. Шороховой и др. в понятийный аппарат социальной психологии группы была включена категория «совместная деятельность», позволившая более полно оценить группу как субъекта деятельности, общения и отношений. Изучение вышеуказанных феноменов малой группы предполагало использование адекватного методического инструментария, что определило проблему совершенствования методов прежде всего лабораторного и естественного экспериментов.

Актуальность разработки и применения *эксперимента в социальной психологии*, по мнению А. Л. Журавлева (Журавлев, 2005), определялась не только логикой развития науки, но и запросами практики, а именно:

- интенсивным развитием авиации и космонавтики (Ф. Д. Горбов, М. А. Новиков);

- подготовкой (обучением и воспитанием) молодежных лидеров в учебных и производственных группах (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев);
- включением психологов в деятельность промышленных предприятий (Е. С. Кузьмин, В. Е. Семенов и др.).

Выраженная практическая направленность изучения совместной деятельности способствовала доминированию эмпирических и экспериментальных методов исследования данной проблемы, что вызвало значительное качественное улучшение методического арсенала, проявившееся в дальнейшей разработке аппаратурных (гомеостаты, кибернометры, сенсомоторные интеграторы, «Арка» и т. д.) и бланковых методик, которые стали классическими и до сих пор используются социальными психологами.

Для иллюстрации позитивной роли эксперимента в ориентированных на практику социально-психологических исследованиях остановимся на использовании крупномасштабного (до 250 человек одновременно) естественного формирующего эксперимента по подготовке молодежных лидеров гуманистической ориентации, разработанного в лаборатории профессора Л. И. Уманского в 1965 г. и продолжающегося более 50 лет в рамках созданной курскими психологами Л. И. Уманским, А. С. Чернышевым, С. В. Сарычевым, Ю. Л. Лобковым и др. первой в стране психологической школы лидеров, в которой прошли подготовку более 50 тысяч воспитанников. Многие из них стали крупными организаторами в различных сферах народного хозяйства (Уманский, 2001; Чернышев и др., 2007).

Л. И. Уманский и его ученики изучали *организаторские способности и их развитие* у подростков и юношей с позиций системного подхода в рамках малых групп в условиях многоплановой совместной деятельности и общения в *экспериментально созданной развивающей социальной среде* – социуме, отличающемся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания и введением социального обучения.

Данное положение явилось поворотным методологическим пунктом в определении *стратегии исследования и формирования молодежного лидерства*, объединившей в одно целое социальную одаренность, малую группу как субъекта деятельности и общения, развивающие социальные среды и социальное обучение, которое обеспечивает фор-

мирование знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на достижение разнообразных общественно значимых целей.

Взаимодействие индивидов и групп с экспериментальной ситуацией проходит по следующим направлениям:

1. *Формирование духовной культуры молодежного социума.* Главными условиями формирования мотивации являются следующие: совместное переживание юношами чувства сопричастности к собой молодежной субкультуре, сочетающей в себе романтичность и высокую социальную активность; чувство принадлежности к престижной общественной организации региона; приобщение к высоким жизненным целям и ценностям. Для многих юношей обсуждение в широком круге сверстников вопросов личностного самоопределения и смысла жизни является первой и редкой возможностью осознать свое Я и свой потенциал.
2. *Функциональное включение педагогов в совместную деятельность.* Коллектив педагогов выступает не в декларативной форме «группы коллег-единомышленников», а в форме «коллектива созидателей», действующего в соответствии с организационным порядком, ритуалами и атрибутикой, принятыми в данной среде. Педагоги образуют свой отряд и, наряду с другими отрядами, участвуют в общих построениях, соревнованиях.
3. *Включение участников в высокоорганизованную общность.* Уровень организованности развивающей социальной среды резко контрастирует с обычной средой проживания. Организационные нормы, структура, процессы отличаются четкостью и упорядоченностью. Коллективные действия совершаются в быстром и согласованном темпоритме. Характерна высокая степень включенности индивидов в совместную деятельность.
4. *Демократическое внедрение организационного порядка.* Организационные нормы и структура представляются на общем собрании в самом начале смены не как «директивы педагогического совета», а как многолетние традиции, в создании которых участвовали и сами воспитанники. Таким образом, подчеркивается возможность и необходимость участия ребят в продолжающемся нормотворчестве.
5. *Общая пространственно-временная организация коллективных действий.* Общие коллективные построения, спортивные со-

стызания, конкурсы, художественное творчество, танцы, хоровые песни и другие групповые мероприятия совершаются в «зоне видимости» каждого воспитанника. Дети воспринимают самих себя и друг друга через призму общеколлективной активности, что стимулирует созревание подлинной социальности личности.

6. *Социальное, духовное и предметное обогащение деятельности.* Глубоко содержательная и в социальном, и в духовном отношении, разнообразная в предметном плане деятельность является системообразующим фактором развивающей социальной среды, определяя ее направленность и качественное своеобразие. Воспитанники участвуют в групповых дискуссиях на социально и личностно значимые темы, готовят театрализованные представления, состязаются в спортивных и интеллектуальных конкурсах, в песенных и танцевальных фестивалях. Особое место занимает трудовая деятельность: помощь в восстановлении исторических памятников, участие в экологических акциях, помощь престарелым и инвалидам, труд по самообслуживанию. Ежедневно в расписание включены учебные занятия, основной задачей которых является обретение социальных умений (способы эффективной коммуникации, приемы эмоциональной саморегуляции и др.).

Эксперимент выявил проблему *адаптации молодежи* к развивающей социальной среде и необходимость определенной подготовки к полному использованию возможностей такой среды. Проблема снимается благодаря введению «социального обучения». Поэтому в «социальных оазисах» целесообразно, наряду с существующими направлениями психолого-педагогической практики – педагогическим воспитанием и предметным обучением, выделить новое направление – *социальное обучение*, т. е. формирование знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на достижение разнообразных общественно значимых целей. В этом аспекте дальнейшее развитие теоретико-методологических и технологических основ единства теории, эксперимента и практики представляется важным для приобретения отечественной социальной психологией статуса *стратегической науки* (Чернышев и др., 2007; Журавлев, Ушаков, Юревич, 2013).

Литература

- Анциупов А. Я., Кандыбович С. Л., Крук В. М., Тимченко Г. Н., Харитонов А. Н. Проблемы психологического исследования: Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935–2007 гг. М.: Студия «Этника», 2007.
- Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
- Горбов Ф. Д., Новиков М. А. Вопросы интегративной оценки групповой активности // Тезисы докладов на II съезде психологов СССР. Вып. 3. М.: АПН РСФСР, 1963. С. 12–22.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Специфика естественного формирующего эксперимента в социально-психологическом исследовании // Вестник практической психологии образования. 2008. № 3 (16). С. 18–24.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть I. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Макаренко А. С. О воспитании. М.: Политиздат, 1988.
- Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л.: ЛГУ, 1977.
- Петровский А. В. Психология в России. XX век. М.: УРАО, 2000.
- Современная экспериментальная психология: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Уманский Л. И. Личность, организаторская деятельность, коллектив: Избранные труды. Кострома: КГУ, 2001.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лобков Ю. Л., Скурятин В. И. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход). Воронеж: Кварта, 2007.
- Шорохова Е. В. Социальная детерминация поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 5–28.

Принцип субъекта и социальная психология: к построению программ исследований

А. П. Якунин

Решение теоретических и прикладных проблем социальной психологии связано с разными принципами исследования, принятыми в психологии (Андреева, 1999; Ломов, 1984). Принцип субъекта не является исключением. С другой стороны, решение проблемы социальной психологии оказывает обратное влияние на развитие самого принципа субъекта. Более того, ряд проблем принципа субъекта может быть решен исключительно методами социальной психологии. Целью данной статьи является теоретический анализ взаимосвязанности решения проблем принципа субъекта и проблем социальной психологии, а также обоснование программ исследований этих проблем.

Одной из существенных теоретических проблем социальной психологии является проблема *схемы индивидуального субъекта*, что сказывается на осмыслении таких понятий, как субъект познания, субъект социализации и т. д. В известной схеме Г. М. Андреевой (Андреева, 1999) представлена предельно абстрактная (в научном понимании) трактовка индивидуального субъекта социальной перцепции, что влияет на прогнозирование результатов данной перцепции. Дело в том, что в данной схеме дано лишь общепризнанное разделение индивидуального и группового субъектов, тогда как, согласно принципу субъекта, индивидуальное и групповое являются сущностными континуальными характеристиками субъекта (Брушлинский, 1991), что означает одномоментность явления индивидуального и группового в актах объективации конкретного человека. Но проблема не только в этом, о чем свидетельствуют работы В. А. Барабанщикова и его сотрудников (Барабанщиков, 2012). Данная схема не включает в себя всю сложную структурную организацию субъектности конкретного человека (Абульханова, 2005; Брушлинский, 1991; Панферов, 2002). Например, согласно работам К. А. Абульхано-

вой (Абульханова, 2005), субъектность индивида представлена одновременно характеристиками субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности, что не находит отражения в схеме Андреевой. Пример со схемой субъекта социальной перцепции Андреевой и ее необходимой конкретизацией не является исключением, так как со времени публикации Д. Б. Парыгиным (Парыгин, 1971) теоретической схемы личности человека в рамках социальной психологии мало что изменилось. Возникает насущная потребность в построении данной теоретической схемы индивидуального субъекта с учетом наработок авторов принципа субъекта.

Решение проблемы теоретической схемы индивидуального субъекта при отсутствии ее разработанности в социальной психологии необходимо искать в рамках общей психологии, где разными авторами представлены разнообразные схемы субъектности человека, в плоскости междисциплинарного подхода. Само построение данной схемы становится программой научно-теоретического исследования.

Реализация данной программы необходимым образом требует поиск условий построения схемы. На мой взгляд, этими условиями выступают следующие *положения принципа субъекта*, представленные в работах К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского (Абульханова, 2005; Брушлинский, 1991):

- 1) о диалектике субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности для категории субъекта;
- 2) о континууме индивидуального и социального в процессе психической деятельности индивида;
- 3) о континууме социализации и развитии индивида;
- 4) о жизненной позиции и жизненной стратегии субъекта;
- 5) о континууме филогенеза и онтогенеза для категории субъекта;
- 6) об уровнях взаимодействия человека с действительностью для категории субъекта.

Исключение из программы теоретического исследования индивидуальной субъектности одного из названных условий неминуемо повлечет за собой построение неполной по своему содержанию теоретической схемы индивидуального субъекта. Указанные положения принципа субъекта выступают основой стандартизации теоретической схемы подобного вида, что обеспечивает ее применение в рамках междисциплинарного подхода.

Подобное понимание построения теоретической схемы индивидуального субъекта намечено мной в рамках выдвинутой проблемы субъекта как отражающей системы (Якунин, 2016). Проведенный теоретический анализ работ отечественных авторов по проблеме теоретической схемы индивидуального субъекта показал, что в подавляющем случае отечественные авторы предлагают схемы субъекта психической деятельности, что нарушает первое положение принципа субъекта о диалектическом единстве субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности.

В определенной мере соответствуют приведенным выше условиям построения схемы субъекта в работах В. Н. Панферова (Панферов, 2002), Поэтому в процессе создания схемы субъекта как отражающей системы нами было предложено объединить его теоретические схемы в единую теоретическую схему индивидуального субъекта для решения не только проблемы отражения человеком действительности, но и других задач (Якунин, 2016). Безусловно, предлагаемая теоретическая схема (там же) требует дальнейшего теоретического анализа. Тем не менее, она может служить основой построения программ исследования ряда социально-психологических проблем.

Одной из важнейших проблем социальной психологии является проблема *сущности социально-психологической реальности* с позиции включенности конкретного человека в данную реальность. Особо актуален вопрос о том, какая психологическая составляющая конкретного человека реализует его включенность в ту или иную социально-психологическую реальность. Данная проблема в последнее время нашла свое отражение в работах А. В. Сидоренкова, который показал, что на уровне малой группы вопросы принадлежности к ней требуют от человека трансформировать социальную реальность посредством психологических качеств (Сидоренков, 2013). В исследовании вопроса об этой трансформации автор обращается к различным работам А. Л. Журавлева, в которых проблема этой трансформации являлась предметом исследований и не была, согласно Сидоренкову, решена. Тем не менее, сам Сидоренков, о чем он пишет в своей работе, не пришел к однозначному выводу о той психологической составляющей человека, которая обеспечивает существование социально-психологической реальности и участвует в ней. С другой стороны, проблема данной трансформации порождает по отношению к себе другую, частную, но важную для социальной психологии, проблему *объективации психологического потенциала человека*

как основы межлюдского взаимодействия. В достаточной мере обе эти проблемы взаимосвязаны по способу решения.

Указанную проблему сущности социально-психологической реальности надо рассмотреть с точки зрения методов математико-статистической обработки данных, а именно — корреляционного анализа и факторного анализа. Проведенный анализ различных социально-психологических исследований показывает, что основными переменными психологического потенциала человека, определяющими формирование социально-психологической реальности, в этих исследованиях выступили структурные компоненты человека как субъекта психической деятельности, а именно — интеллектуальной сферы, мотивационно-потребностной сферы и др. В данных исследованиях были получены достоверные корреляционные связи между указанными структурными компонентами человека как субъекта психической деятельности и разнообразными формами объективации этого человека. Также были предоставлены достоверные корреляционные связи между данными структурными компонентами человека и способами его включения в совместную деятельность разного вида. Тем не менее, установление прогноза на основе результатов корреляционного анализа появления у испытуемых предполагаемой исследователем формы объективации носит низкий уровень. Отсутствие достоверного прогноза, в свою очередь, снижает возможность планирования прикладной деятельности в рамках социально-психологической деятельности. Но самым главным является отсутствие знания о структуре субъекта, которая детерминирует появление конкретной формы объективации человека в конкретной ситуации взаимодействия.

Мы специально акцентируем внимание на вопросах результатов корреляционных и факторных анализов по данной проблеме для того, чтобы исследование предполагаемых структур субъекта носило не только теоретический, но и эмпирический характер. Со своей стороны, укажем, что решение данной проблемы надо начинать с положений С. Л. Рубинштейна о том, что не отдельные функции формируют субъективное у человека, а сам человек посредством этих психических функций формирует свое субъективное (Рубинштейн, 1976). Им было установлено, что такой единицей отсчета должна стать личность человека как интегративное образование, заключающее в себя психические процессы, состояния и свойства. На мой взгляд, начало поиска решения проблемы включенности психичес-

кого отдельного человека в социально-психологическую реальность надо начинать с установления (по аналогии с работами Рубинштейна) подобного интегративного образования индивидуальной субъектности человека, посредством которого человек включается в данную реальность и объективирует свой психологический потенциал. И только после установления данного образования можно будет начинать поиск конкретных операций, детерминирующих формы объективации. Исследование должно идти от общего к частному.

Способ решения связан с результатами исследований, демонстрирующих *классификации* и *типологизации* людей по способу объективации психологического потенциала, что можно обозначить как социальную психологию классификации и типологизации. Данное направление обеспечивает понимание того, что любые классификации и типологизации показывают разрывность выборок по способу проявления их субъектности, которая и является предметом предлагаемой программы исследования. Сама выборка людей, согласно названию, должна рассматриваться как группа с присущими ей социально-психологическими особенностями. В данном контексте классификацию и типологизацию надо рассматривать как методы исследования субъектности человека. Эти методы определяют меру распределения представителей группы по конкретному субъектному признаку, который устанавливает намеренно сам исследователь, но который в то же время может проявляться и независимо от этого исследователя. При рассмотрении классификации и типологизации как методов исследования субъектности человека надо обязательно учитывать их социально-психологическую сущность, отображающую распределение человека по субъектному признаку внутри выборки согласно его принадлежности к группе, что, свою очередь, является искомым субъектным признаком. Говоря конкретнее, человек отвечает при исследовании в определенной форме как представитель группы, что и характеризует его субъектную позицию. Основная же цель применения этих двух методов есть установление сущности субъектности человека при его включенности в социально-психологическую реальность.

Перейдем к проблемам характеристик принципа субъекта, исследование которых лежит только в плоскости социальной психологии. Одной из таких характеристик является континуум «индивидуальное — социальное», определяющий постоянство социального в индивидуальных видах активности индивидуального субъекта

(Брушлинский, 1991). Таким образом, вопреки феноменологии индивидуального каждого конкретного индивида это феноменальное индивидуальное является социальным. Как видно из названия континуума, его исследование находится в плоскости наработок социальной психологии. Данный исследовательский поиск должен быть осуществлен.

Важнейшей задачей для исследования данного континуума является разработка метода исследования, условием применения которого выступает определение индивидуального ответа как социально-психологического по своей сущности. Данное условие характеризует то, что сущностно данный метод отображает только социально-психологическую феноменологию и объяснение постоянной принадлежности человека к этой реальности. Вторым условием применения данного метода выступает возможность исследователя определить индивидуальный ответ в координатах «индивидуальное—социальное». Это условие находится в плоскости математико-статистической обработки данных, результатом которых является достоверное установление меры индивидуальности ответа конкретного респондента или испытуемого по отношению ко всей исследуемой выборке. Третьим условием выступает положение о том, что должен быть измерен ответ самого субъекта, а не оценка данного субъекта со стороны других людей, которая является часто предметом исследований в социальной психологии. Безусловно, необходим дальнейший поиск дополнительных условий для метода исследования континуума «индивидуальное—социальное» с целью повышения эффективности данного метода.

Исходя из указанных условий, *социальное представление* предлагается рассматривать как метод исследования континуума субъекта «индивидуальное—социальное». Установления сущности предлагаемого метода и его применения на практике ведутся с 2014 г. (Якунин, 2014). Теоретический анализ теории социальных представлений (Емельянова, 2016) показывает, что они являются стабильным интерпретационным полем конкретной группы, которое используется человеком для обозначения познаваемого объекта. Такое понимание социальных представлений отвечает указанному первому условию.

Также разрабатываемая теория социальных представлений рассматривает данные социально-психологические феномены как структурно организованные единицы, обладающие качествами центральности и периферийности. Исследование данной структуры

социальных представлений обеспечивает решение второго условия, указывающего на измерение степени индивидуальности ответа человека по отношению к группе в конкретной ситуации.

Наконец, на основе методик теории социального представления измеряется участие конкретного человека в построении социального представления, что отвечает третьему условию в поиске метода исследования континуума «индивидуальное—социальное». Таким образом, определение социального представления как метода исследования континуума «индивидуальное—социальное» субъекта является наиболее приемлемым для исследования этого континуума.

Установлено, что в социальной психологии существует проблема построения теоретической схемы индивидуального субъекта, позволяющей обеспечить наиболее эффективный прогноз объективации его психологического потенциала в условиях межлического взаимодействия. Показано, что разрабатываемые положения принципа субъекта К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского являются критериями построения данной теоретической схемы и что исходя из них могут быть исследованы проблемы сущности социально-психологической реальности и меры объективации человека. Для решения этих проблем мы предлагаем использовать как методы исследования *классификацию* и *типологизацию*, а для исследования континуума субъекта «индивидуальное—социальное» применять *социальное представление*.

Литература

- Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2005. № 4. С. 3–21.
- Андреева Г. М. Социальное познание: проблемы и перспективы. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Барабанщиков В. А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 13. № 6. С. 3–11.
- Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Панферов В. Н.* Психология человека: Учебное пособие. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2002.
- Парыгин Д. Б.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
- Сидоренков А. В.* Малая группа и неформальная подгруппа: микрогрупповая теория. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
- Якунин А. П.* Смысловые связи в «ядре» социальных представлений подростков о ролях взрослого // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 166. С. 162–179.
- Якунин А. П.* Проблема субъекта как отражающей системы // Личность, семья и общество: Вопросы педагогики и психологии. 2016. № 9 (66). С. 44–60.

Раздел 2

ЛИЧНОСТЬ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Отношение к моде и созависимость у людей с разным типом темперамента

Н. Г. Артемцева

В современном обществе вопрос об отношении к моде и о созависимости имеет высокую научную и практическую значимость. Мода становится одним из регуляторов общественного поведения различных групп населения. Современное видение моды позволяет рассматривать ее не только как явление, проникающее во все сферы человеческой жизни и охватывающее широчайший круг явлений, но и как основу для феномена созависимости.

Мода – это малоизученный, сложный феномен, который относится к развивающимся социальным явлениям. Определить, что это такое, довольно трудно: каждый человек знает что-то о ней, но не может точно конкретизировать это понятие. До сих пор нет и его научного, точного и единого, определения.

Никто не знает, когда именно появилась мода: история ее возникновения уходит в глубь веков. Существует стереотип, что она связана исключительно с одеждой и стилем, но на самом деле мода не имеет границ – она распространена в различных сферах общества: медицине, образовании, экономике, политике и науке. Существует даже мода на определенный стиль жизни.

Мода относится к очень сложным понятиям, включая в себя довольно большое количество признаков: популярность, изменчивость, динамичность, цикличность и др. Она может выступать способом манипуляции не только отдельным человеком или группой людей, но и целым обществом. Стремление к ней способствует превращению людей в однородную массу, лишая их индивидуальности. Вместе с тем мода является специфическим способом взаимодействия в процессе общения: следуя ее последним тенденциям, «моднику» проще поддержать разговор и быть в центре внимания. С мо-

Публикация подготовлена по государственному заданию № 0159-2018-0010.

мента своего возникновения мода диктует нам вкусы, образ жизни, определенные взгляды и поведение.

В основном исследования этого феномена проводятся в рамках социологии и экономики, но с недавнего времени изучение именно психологического аспекта моды набирает все большую популярность. Огромный вклад в изучение моды внесли А. Б. Гофман, Г. Зиммель, М. И. Килошенко и Д. В. Ольшанский. Зиммель считал, что мода — это желание и стремление низшего слоя общества подражать элитному. Он говорил, что модные признаки в одежде, в аксессуарах — это возможность отличать элиту от низов. Собственно, мода, с его точки зрения, — это динамичное и в то же время устойчивое явление социальной жизни. В ее основе лежит дуализм человечества, так как, с одной стороны, человек хочет быть похожим на других, а с другой — дорожит своей индивидуальностью (Зиммель, 1996).

Мода в значительной степени определяется тремя параметрами: представлениями социума, его влиянием и восприятием. В психологии моду понимают как свободу самовыражения, но в наше время эта свобода перерастает в зависимость от определенных границ и рамок. мода крупномасштабна: нет ни одной сферы жизни, которую бы не затронул этот феномен. Она влияет на моральные устои, на традиции и взгляды человечества. Ольшанский рассматривает моду в контексте психологии масс. Он полагает, что это массовое явление, которое становится значимым в тот момент, когда охватывает большое количество людей (Ольшанский, 2002). Однако моду можно рассматривать и как субъективное явление, когда в основе отношения к ней лежит подражание образцам и отсутствие собственного вкуса. Это относится к группе личностей, которые считают, что мода — это только престиж, и не умеют связывать ее со своими личностными особенностями.

Ольшанский выделяет противоречия в механизме моды. С одной стороны, мода связана с созданием, продвижением и пропагандой новинки. За этим механизмом стоит желание человека выделиться из толпы за счет чего-то нового, отнести себя к определенной социальной группе. И здесь проявляется дуализм: из-за того, что «нечто» становится новым и модным, оно со временем становится массовым, а никакие представители элитной группы не хотят растворяться в социуме. С другой стороны, все новое рано или поздно становится старым, а последнее уже неприятно для группы людей, вечно стремящимся к новизне и авангарду (Ольшанский, 2002).

Для кого-то мода – это умение хорошо адаптироваться в обществе. Кто-то трактует ее как возможность проявить индивидуальность, выразить свой взгляд на мир. мода отражает культуру, традиции и обычаи, и с этой позиции ее можно трактовать как искусство, т. е. творчество, создание чего-то нового и неповторяющегося. С помощью моды можно познавать мир, в этом случае она – инструмент познания.

В последнее время мы изучали субъективные параметры феномена моды: психологические особенности восприятия стилей одежды, гендерные стереотипы одежды, психологическую стилистику имиджа (Артемцева, 2017б; Артемцева, Грекова, 2013, 2015). Результаты этих и других исследований значительно расширили диапазон научно-практических знаний о психологических особенностях человека как субъекта моды, о связи внешних и внутренних механизмов ее функционирования. Так, например, И. В. Антоненко и И. Н. Каричкий разработали «комплексную многомерно-параметрическую концепцию пяти культурных слоев моды в одежде» (Антоненко, Каричкий, 2014, с. 105). Однако все эти научные изыскания в полной мере не удовлетворяют назревшей потребности в более серьезном подходе к изучению психологического содержания моды и его субъективной составляющей.

У каждого человека складывается определенное отношение к моде. Для кого-то она занимает первое место и является важным компонентом жизни, кто-то относится к ней негативно и является оппозиционером, протестует и становится «антимодником». Некоторые люди не гонятся за модой, но и не имеют к ней негативного отношения. Активное следование моде может формировать зависимость от модных стандартов и тенденций, определяя поступки потребителей и создателей моды, в связи с чем приобретает актуальность исследование феномена созависимости в рамках изучения отношения к моде, как уже отмечалось выше.

Созависимость представляет собой сложное психологическое явление, затрагивающее различные уровни личности и влияющее на ее поведение. Анализ отечественных и зарубежных исследований показал, что на протяжении всего периода изучения взгляд на этот феномен изменялся. В настоящее время к нему также отсутствует единый подход. Следует отметить, что первоначально созависимость рассматривалась исключительно как состояние человека, находящегося в близких отношениях с значимым Другим, страдаю-

шим химической зависимостью. В данный момент ее перестали изучать лишь в этом контексте. Для современной психологии характерно рассмотрение созависимости как состояния, возникающего в результате длительного пребывания в любой дисфункциональной системе.

Е. В. Емельянова рассматривает созависимость как эмоциональную зависимость одного человека от значимого для него Другого. Опираясь на психоаналитическое представление о психической структуре человека, в основе этого явления она видит неблагоприятное развитие личности, а именно осложненное прохождение стадий развития, в результате чего Я оказывается слабым и фрагментарным и не может противостоять неосознаваемым влечениям, побуждениям и жестким моральным требованиям норм и социальных установок (Емельянова, 2004). Одной из главных особенностей созависимого человека является его поглощенность стремлением управлять поведением значимого *Другого-аддикта*, при этом игнорируя удовлетворение своих собственных важных потребностей. Многие авторы рассматривают созависимость как серьезную психолого-педагогическую, медицинскую и социальную проблему, которая отрицательно влияет на адаптацию человека в социуме, нарушает ее гармоничное и всестороннее развитие и приводит к негативным личностным изменениям.

Есть два очень важных момента, которые отличают состояние созависимости от зависимости: 1) оно может быть осознано без помощи специалистов (зависимость же — неосознаваемое состояние), 2) локус проблемы находится вовне — в значимом *Другом зависимом*. Именно наличие в жизни или в родительской семье какой-то зависимости (любой, а не только от химических веществ) и есть существенный признак того, что рядом с зависимым находятся созависимые люди, в жизни которых присутствует значимый аддикт. Все люди в разной степени могут быть созависимы в таких отношениях в нашем интерзависимом мире. И если человек, осознав свою несвободу, принимает решение (по разным причинам) жить именно так, быть таковым, класть свою жизнь на алтарь чьей-то зависимости... что ж, это его право. Так реализуется защитная, адаптивная функция этого феномена.

Мы полагаем, что созависимость формируется в процессе социализации в случае, если человек принимает на себя определенную социальную роль (спасателя, неудачника, супермена, жертвы, му-

ченика, перфекциониста и др.) и начинает действовать в соответствии с ней по определенному жизненному сценарию.

В наших исследованиях (Артемцева, 2012; 2017) показано, что конкретное проявление этого феномена у людей разных психологических типов зависят от типологических и индивидуальных особенностей созависимого субъекта. Изучение созависимости конкретного человека во взаимосвязи с типом его темперамента позволяет расширить сферу научного знания о когнитивных и ценностных особенностях личности, влияющих как на условия актуализации созависимых моделей в поведении индивида, так и на проявления самого нарушения. Результаты наших исследований показали, что индивидуальные особенности личности, определенные черты характера играют важную роль в том, в какой именно ситуации в процессе взаимодействия в социуме актуализируется этот феномен.

Исследование взаимосвязи отношения к моде и созависимости особенно актуально среди молодежи, которая является активной участницей моды. Кроме того, в настоящем исследовании темперамент личности, представляющий совокупность индивидуальных психических свойств человека, выступает фактором, который может обуславливать особенности отношения к моде и появлению созависимости. Нами были изучены особенности отношения к моде и выраженность созависимости у молодых людей с разным типом темперамента.

В исследовании приняли участие 60 человек, от 20 до 25 лет. Все испытуемые являются студентами разных университетов г. Москвы, разных специальностей. Использовались следующие методики: опросник «Шкала отношения к моде» (Артемцева, Грекова, 2015), опросник «Профиль созависимости» (Артемцева, 2017а), тест-опросник Г. Айзенка ЕРІ, адаптированный А. Г. Шмелевым (Райгородский, 1998) (для разделения испытуемых на группы по типам темперамента). Отметим, что опросник «Профиль созависимости» дает представление о наличии/отсутствии этого состояния у респондента и показывает не только его структуру, но и является измерительным инструментом для исследования особенностей поведения созависимых и несозависимых субъектов.

Опросник «Шкала отношения к моде» предназначен для измерения степени проявления внешнего и внутреннего компонентов отношения к моде. Испытуемым предлагался следующий ряд утверждений, касающихся понимания моды:

Модный человек хорошо социально адаптирован.

Комфорт и практичность важнее, чем мода.

Мода – это внутреннее проявление себя.

Мода задает определенные правила поведения и манеру одеваться.

Мода – это ни в коем случае не вид искусства.

Мода – способ привлечения внимания.

Мода – способ манипуляции обществом.

Мода – это творчество, создание нового, необычного.

Мода – это гармония форм и пропорций.

Мода – стремление к целостности между внешним и внутренним состоянием.

Мода – это реализация желания выделиться.

Мода – процесс познания мира.

Мода – проявление внутренней потребности в познании нового.

Мода – это общепризнанное направление, в котором должно двигаться общество.

Нужно было оценить каждое высказывание в категориях от 1 до 10 (где 1 – «абсолютно не про меня», 10 – «действительно, я так думаю всегда»). Чем выше набранная сумма баллов, тем более выражено внешнее и внутреннее стремление следовать моде.

Оказалось, что для лиц с высокими значениями по данной шкале характерны такие свойства личности, как удовлетворенность потребностей в безопасности и признании, демонстративность, высокая самооценка, стремление к самоактуализации и самовыражению. В своем поведении они руководствуются модными тенденциями и рекомендациями известных специалистов индустрии моды. Однако встречаются случаи особенного отношения к моде, когда наиболее ярко выражена какая-то одна тенденция восприятия, которая может быть обусловлена типом темперамента воспринимающего.

По результатам проведенного статистического анализа оценок по «Шкале отношения к моде» и «Профилю созависимости» у представителей четырех типов темперамента с помощью Т-критерия Стьюдента мы получили следующие данные. Статистически значимое различие по «Шкале отношения к моде» выявилось при сравнении результатов холериков и флегматиков ($T=2,101530$ при $p \leq 0,04$), меланхоликов и флегматиков ($T=2,26245$ при $p \leq 0,03$). Флегматики, в отличие от холериков и меланхоликов, продемонстрировали зна-

чительно более спокойное отношение к моде во внешнем и внутреннем планах. Для них стремление к моде не является смыслом жизни, они относятся вполне терпимо к нововведениям в этой области, не следуют фанатично модным тенденциям и не стремятся познавать окружающий мир посредством моды, что вполне согласуется с общими характеристиками людей флегматичного типа темперамента. Для них, действительно, удобство и практичность важнее моды. Статистически значимые различия по «Профилю созависимости» выявились при сравнении результатов холериков и сангвиников ($T=2,482034$ при $p \leq 0,02$), флегматиков и сангвиников ($T=2,23446$ при $p \leq 0,03$), меланхоликов и сангвиников ($T=3,72141$ при $p \leq 0,001$). Такие результаты говорят о том, что наименее склонными к созависимости в нашей выборке оказались сангвиники. Они вполне самодостаточны, общительны без потери собственного Я, умеют соблюдать свои границы, плохо поддаются манипуляциям.

С целью подтверждения гипотезы о том, что существует взаимосвязь между созависимостью и отношением к моде у людей различных типов темперамента, был выполнен корреляционный анализ созависимости и отношения к моде по каждой группе, который выявил высокую и значимую корреляцию только у сангвиников ($r=0,70$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это связано с характеристиками сангвиника. По Айзенку, люди этого типа темперамента стремятся к частой смене впечатлений, легко общаются с людьми, любят материальные блага, непоседливы, недостаточно регулируют свои импульсы, с удовольствием наслаждаются дорогими, качественными вещами, экстравагантной одеждой, стремятся к новизне (одна из основных характеристик модника). Видимо, это импульсивное стремление к экстравагантности делает сангвиника очень уязвимым для созависимости, т.е. ситуация поглощения увлечением модными тенденциями способствует актуализации его созависимости.

В современном обществе мода все чаще становится одним из регуляторов поведения различных групп населения. Ее можно рассматривать как явление, проникающее во все сферы человеческой жизни и провоцирующее возникновение феномена созависимости.

Полученные в ходе нашего исследования данные могут быть использованы в работе специалистов-психологов по преодолению и профилактике созависимости в молодежной культуре, негативных воздействий моды на психологию личности.

Литература

- Антоненко И. В., Карицкий И. Н.* Социальная перцепция культурных слоев одежды // Дизайн, технологии и инновации в текстильной и легкой промышленности (Инновации-2015): Сб. материалов международной научно-технической конференции. М.: МГУДТ, 2015.
- Артемцева Н. Г.* Феномен созависимости: психологический аспект. М.: РИО МГУДТ, 2012.
- Артемцева Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017а.
- Артемцева Н. Г.* Типологические особенности отношения к моде // Перспективы психологической науки и практики: Сб. статей Международной научно-практической конференции (Москва, 16 июня 2017 г.). М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2017б. С. 426–430.
- Артемцева Н. Г., Грекова Т. Н.* Общее и особенное в восприятии моды: постановка проблемы // Дизайн и технологии. 2013. № 38. С. 97–104.
- Артемцева Н. Г., Грекова Т. Н.* Психологическое содержание отношения к моде: проблема диагностического инструментария // Дизайн и технологии. 2015. № 47. С. 126–132.
- Гофман А. Б.* Мода и люди: Новая теория модного поведения. СПб.: Питер, 2004.
- Емельянова Е. В.* Кризис в созависимых отношениях: Принципы и алгоритмы консультирования. СПб.: Речь, 2004.
- Зиммель Г.* Мода // Г. Зиммель. Избранное: В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Академия, 1996.
- Килошенко М. И.* Психология моды. СПб.: Питер, 2014.
- Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб.: Питер, 2002.
- Практическая психодиагностика: Методики и тесты / Под. ред. Д. Я. Райгородского. Самара: ИД «Бахрах», 1998.

Нелинейная зависимость параметров коммуникативной толерантности от убежденности в благосклонности мира

М. М. Басимов, И. А. Николаева

Исследование любых психических явлений будет искусственно крайне упрощено и сужено внешними рамками, если исследователь, изучая многомерное психологическое явление, будет придерживаться только линейных представлений.

Основные свойства линейных систем можно сформулировать следующим образом (Крылов, 2000). Во-первых, для них сила реакции системы пропорциональна силе внешнего воздействия на нее: если какое-либо воздействие на систему приводит к некоторой реакции системы, то воздействие в несколько раз более сильное приведет к возрастанию реакции во столько же раз. Во-вторых, реакция на одновременное применение к системе нескольких воздействий равна сумме реакций системы на каждое из этих воздействий. Наличие указанных двух свойств является доказательством линейности системы.

Нелинейные системы по своим свойствам радикально отличаются от линейных. Их мир настолько богаче, что даже простое перечисление свойств нелинейных систем никогда не будет полным, исчерпывающим (Крылов, 2000).

Нелинейность психических явлений, по сравнению с многомерностью, для анализа которой разработан широкий спектр методов, представляет собой гораздо более глубокое свойство психического. Изучение нелинейных связей по авторскому методу (Basimov, 2009) апробировалось в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: в психологии дошкольников и подростков, политической психологии, этнопсихологии, психологии профессий, психологии доверия, психологии стресса, психологии родительства, психологии обучения, в измерении ценностных отношений личности «Я—Другие», в изучении семейного воспитания как фактора формирования смысловой

сферы ребенка, динамики мотивационно-смысловых образований личности студента и т. д.

Проблема оценки себя и других имеет теоретическое и практическое значение для современной психологии. И. А. Николаевой была предпринята попытка структурирования отношений «Я—Другие» в системе личностных ценностей (Николаева, 2010, 2012). Наряду с уровнями отношений (смысложизненным, личностным, социально-ролевым), эмпирически были выделены компоненты ценностной стратификации Других: «идеалы», «Другие выше среднего», «другие выше (лучше) Я», «равноценные Я», «Другие ниже (хуже) Я», «антиидеалы».

На описываемом этапе нашего исследования, отдельные результаты которого будут представлены ниже, осуществлялось соотнесение предложенных параметров ценностного оценивания с параметрами «Теста жизнестойкости» С. Мадди, «Шкалы базовых убеждений» (Р. Янофф-Бульман) в переводе и адаптации О. Кравцовой, а также с параметрами общей коммуникативной толерантности («Методика диагностики общей коммуникативной толерантности» В. В. Бойко). Испытуемыми были юноши-призывники ($N=42$) срочной военной службы в возрасте от 18 до 28 лет.

Анализ зависимости 10 параметров методики В. В. Бойко (Y) от параметра «Благосклонность мира» (методика «Шкала базовых убеждений» Р. Янофф-Бульман) показал четыре нелинейные связи, которые классифицируются как «зависимости с минимумом». «Благосклонность мира» (BW, benevolence of world) выражается в представлениях человека о том, что в мире для него гораздо чаще происходит что-то хорошее, нежели плохое, больше добра, чем зла. Опишем подробнее эти связи.

Зависимость параметра «Категоричность или консерватизм в оценках Других» (Y) от параметра «Благосклонность мира» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X проявляется следующим образом (см. таблицу 1 и рисунок 1). Минимальные значения (сравнительная весомость равна -4477) по шкале Y имеется для третьей кварты по шкале «Благосклонность мира». При этом для первой и четвертой кварт данного параметра значения зависимого параметра примерно равны ($+1730$ и $+1591$), т. е. это зависимость с минимумом, близкая к симметричной.

Итак, максимальная категоричность в отношениях к Другим (сравнительные весомости $+1730$ и $+1591$) проявляется и при оценке

Таблица 1

Зависимость параметра «Категоричность или консерватизм в оценках Других» (Y) от параметра «Благосклонность мира» (X)

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+1591
X-3	-4477
X-2	-28
X-1	+1730

Коэффициент силы связи = 1,07 (0,33)
Коэффициент корреляции = 0,04

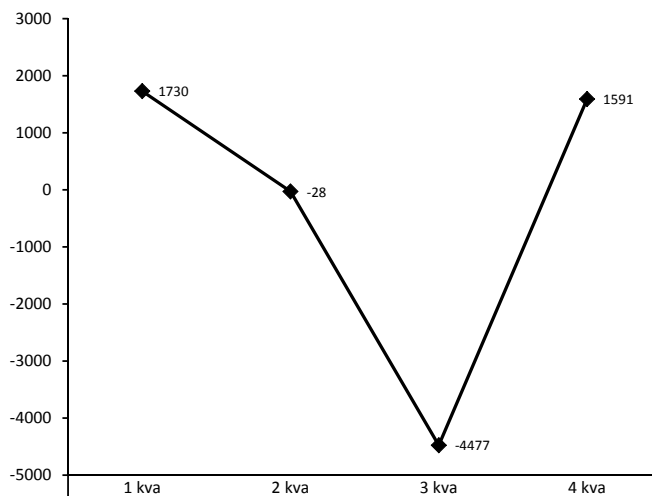

Рис. 1. Зависимость категоричности и консерватизма в оценках других (Y) от убежденности в благосклонности мира (X)

мира как «враждебного» (первая кварта), и как максимально «благосклонного» (четвертая кварта). Категоричность исчезает (до -4477), когда ощущение, что мир добр, достаточно выражено, но не максимально (третья кварта).

Основываясь на данном типе связи, можно выдвигать гипотезы по формированию гибкости в отношениях. Так, закономерно предположить, что коррекция восприятия «враждебных» клиентов в оценке мира как «благосклонного» от первой до третьей кварталы значений

повлияет на снижение их категоричности в межличностных отношениях с Другими. Однако требует коррекции и чрезмерная идеализация «благосклонного» мира.

Коэффициент линейной корреляции для рассмотренной зависимости явно не представляет интереса ($R=0,04$) и при этом даже не попадает в разряд «значимых» корреляций, а значит, психологи, работающие в традиционной технологии определения связей, эту связь не рассматривают, для них ее просто нет, хотя как простейшая нелинейная связь с минимумом она объективно существует.

Аналогичные зависимости от параметра «Благосклонность мира» имеются для параметров «Общая коммуникативная интолерантность», «Неприятие или непонимание индивидуальности Другого» и «Использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей Других».

Рассмотрим подробнее зависимость параметра «Общая коммуникативная интолерантность» (Y) от параметра «Благосклонность мира» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X (см. таблицу и рисунок 2).

В данном случае максимальная общая интолерантность проявится при максимальной «Благосклонности мира» (четвертая кварта), а минимальная интолерантность (сравнительная весомость равна -3095) – при «Благосклонности мира» выше среднего (третья кварта), т. е. при позитивной, но реалистичной оценке мира.

Таким образом, просто говорить о полезности восприятия благосклонности мира как причины для формирования толерантности нельзя. Низкие и ниже среднего значения «Благосклонности мира»

Таблица 2

Зависимость параметра «Общая коммуникативная интолерантность» (Y) от параметра «Благосклонность мира» (X)

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+1832
X-3	-3095
X-2	+21
X-1	+385
Коэффициент силы связи = 0,73 (0,07)	
Коэффициент корреляции = 0,23	

мало влияют на толерантность, а идеализация «Благосклонности мира» приводит к максимальной интолерантности.

Коэффициент линейной корреляции для рассматриваемой зависимости также небольшой по абсолютной величине ($R=0,23$), но он попадает под определение «значимой» корреляции и большинство психологов определяло бы данную зависимость как равномерно возрастающую: равным изменениям одного параметра соответствовало бы равное изменение другого параметра. Причем направление связи (что назначить причиной, а что следствием) определялось бы только по воле исследователя и статистически не подтверждалось бы. Такая интерпретация искажала бы смысл изучаемого психического феномена, приводила к ложным умозаключениям, способствовала формулировке опасных (не соответствующих реальности) рекомендаций для практических психологов.

В заключение отметим, что благосклонность мира слабо зависит или совсем не зависит от характеристик коммуникативной толерантности, т. е. зависимости односторонние.

Итак, представленный в статье анализ психологических данных демонстрирует возможность оценки силы, направления и вида зависимости между переменными, а также возможность сравнения силы нелинейной связи с уровнем линейной корреляции изучае-

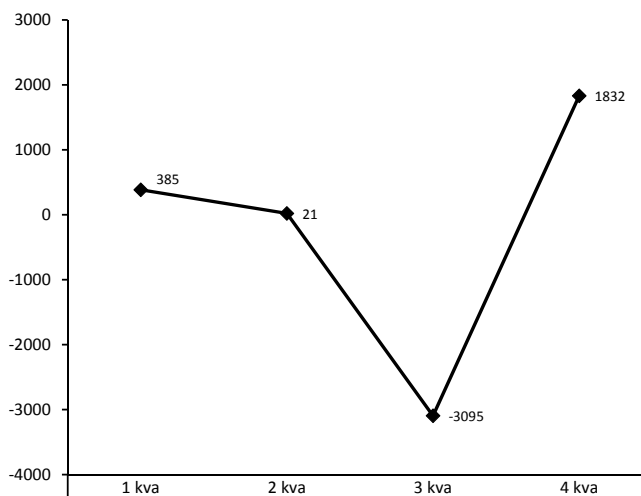

Рис. 2. Зависимость «общей коммуникативной интолерантности» (Y) от восприятия «благосклонности мира» (X)

мых параметров. Нелинейная статистика позволяет выдвигать гипотезы о динамике психологических явлений, прогнозировать процессы формирования и психокоррекции, основываясь на исходных уровнях значения независимой переменной. Кроме того, нелинейное описание взаимосвязи психологических параметров позволяет объяснять неоднозначные эмпирические результаты корреляционных исследований и строить типологии личностных механизмов.

Литература

- Крылов В. Ю.* Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Янус-К, 2000.
- Николаева И. А.* Универсальные критерии ценностного и нравственного оценивания и сопутствующие психологические феномены // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 67–94.
- Николаева И. А.* Ценностная оценка себя и других: психологический анализ нелинейных связей // Вестник Курганского государственного университета. Вып. 4. Сер. «Физиология, психология и медицина». Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 91–98.
- Basimov M. M.* Mathematical methods in psychological research: Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009.

Ключевые признаки партнерских отношений

Т. С. Вавакина

Серьезные трансформации, произошедшие в обществе в последние несколько десятилетий, коснулись практически всех сфер жизнедеятельности россиян. Наиболее явно такие изменения прослеживаются в сфере экономики и политического устройства, однако нельзя не отметить их и во взаимоотношениях между людьми (трудовые отношения, отношения семьи и брака, волонтерское движение и т. д.). В сложившейся ситуации приобретает все большую актуальность изучение партнерских отношений. В отличие от социологов, психологи до сих пор уделяют феномену партнерства недостаточно внимания.

При составлении программы исследования использовался десятилетний опыт изучения делового партнерства предпринимателей. Отметим, что ранее нами были получены результаты, демонстрирующие специфику данного вида взаимодействия: особое внимание уделялось анализу нормативной составляющей взаимоотношений между людьми в партнерском взаимодействии, были описаны другие социально-психологические феномены, сопутствующие деловому партнерству, рассмотрены предпосылки эффективности делового партнерства (Вавакина, Позняков, 2013, 2014а, 2014б; Вавакина, Журавлев, Позняков, 2016; Журавлев, Позняков, Вавакина, 2017; Позняков, Вавакина, 2009, 2016).

На данном этапе нашей работы мы обратили внимание не столько на бизнес, сколько на другие сферы жизнедеятельности, характеризующиеся установлением партнерских взаимоотношений. Целью исследования было проанализировать наиболее важные аспекты взаимодействия для установления полноценных хороших партнерских отношений между людьми, выявить взаимосвязи этих характеристик с показателями успешности и удовлетворенности отношениями партнерства.

В исследовании приняли участие респонденты московского региона всех возрастных категорий от 20 лет до тех, кому за 50, средний возраст респондентов находился в диапазоне 36–45 лет; 59% женщины, 41% – мужчины; 68% женаты/замужем, 32% – нет; сферы профессиональной деятельности очень разнообразны.

Респондентов просили ответить на ряд вопросов о взаимодействии партнеров и об отношениях между ними. Для оценки был предложен опросник, состоящий из пяти блоков. Вопросы, во-первых, выявляли те ситуации взаимодействия, в которых, по мнению респондента, между людьми складываются партнерские взаимоотношения (из предложенного перечня ситуаций); во-вторых, позволяли определить, насколько предложенные для оценки характеристики важны для полноценных, хороших партнерских отношений; в-третьих, демонстрировали показатели успешности и удовлетворенности реальными отношениями партнерства, без конкретизации ситуаций взаимодействия. Для оценки эффективности партнерских взаимоотношений использовались различные формулировки показателей успешности и удовлетворенности, включая эмоциональную составляющую, и более частные вопросы, касающиеся отношений партнерства в деловой сфере и в личной жизни.

Итак, какие аспекты взаимодействия формируют базис для успешного партнерства в различных ситуациях? Все люди, которые потенциально могут являться деловыми партнерами, с одной стороны, в процессе социализации в условно едином социокультурном пространстве усваивают некоторую систему общепринятых принципов и норм взаимодействия. С другой стороны, каждый человек в той или иной мере избирателен, устанавливая взаимоотношения с другими людьми: он выбирает конкретного партнера и придерживается определенных принципов и норм взаимодействия с ним. В связи с этим возникает интерес к проблеме нормативной регуляции партнерства.

Представим основные результаты исследования.

Можно выделить по крайней мере четыре сферы жизнедеятельности, которые требуют своего рассмотрения с точки зрения партнерства как социального взаимодействия, специфики отношений партнерства в различных сферах жизнедеятельности, ключевых признаков партнерских отношений.

- *Предпринимательство (бизнес)*: деловые люди – предприниматели, объединяющие усилия (или ресурсы) для достижения результата в бизнесе (91,8% ответили «да»).

- *Сфера интимно-личностных отношений*: супруги, в том случае, если мнение каждого важно и учитывается (85,25%) и люди, находящиеся в незарегистрированном браке, если мнение каждого важно и учитывается (85,25%).
- *Сфера экстремальных и спортивных достижений*: космонавты, работающие на международной космической станции на орбите (85,25%); спортсмены – участники лыжной экспедиции к Северному полюсу (80,33%); спортсмены одной игровой команды (77,05%).
- *Люди, объединяющие усилия для достижения какого-либо конкретного значимого результата*: люди, объединяющие усилия для достижения какого-либо социально значимого результата (83,61%); люди, не работающие вместе, но объединяющие усилия для достижения какого-либо результата (вне бизнеса) (78,69%); люди, работающие вместе и объединяющие свои усилия для достижения результата деятельности (например, ремонт автомобиля, проведение хирургической операции, исполнение оркестром музыкального произведения и т. п.) (75,41%).

Обратим внимание, что были приняты в рассмотрение только те ситуации взаимодействия, по которым более 75% испытуемых ответили утвердительно на вопрос о возможности установления в этих случаях партнерских взаимоотношений.

Приведем характеристики, которые, по мнению респондентов, наиболее важны для полноценных хороших партнерских отношений (в скобках указаны средние значения по шкале от 1 до 5: «не важно»–«скорее важно»–«важно»–«очень важно»–«крайне важно»). Очень важно: доверие (4,13), уважение личности партнера (4,10), ответственность (4,07), принятие своих обязанностей (4,07). Важно–очень важно: признание прав партнера (3,92), свобода выбора (3,70), справедливость (3,54), отсутствие манипуляций (3,54), сходство целей (3,44) открытость, искренность (3,44), соблюдение нравственных норм (3,44), взаимность (3,41), равенство (3,39), полное взаимопонимание (3,28), самостоятельность (3,16). Скорее важно–важно: рациональность (прагматичность) (2,85). Другие характеристики, описывающие сходство партнеров, оказались менее значимы. Скорее важно–важно: сходство ценностей в жизни (семья, работа, собственность, власть, доброта и др.) (2,70), общность жизненных или профессиональных интересов (2,70), сходство ожиданий от жизни в будущем (в личном плане, в профессиональном и т. д.) (2,51), сходство

потребностей (материальных, общении, в самореализации и др.) (2,39), близкий социальный статус (2,20). Не важно—скорее важно: сходство прошлого жизненного опыта (1,90), отсутствие существенной разницы в возрасте (1,64).

Полученные результаты свидетельствуют, что для успешного партнерства важны многие аспекты взаимодействия, характеризующие отношения партнеров друг к другу и к самому взаимодействию. При этом в меньшей степени это относится к рациональности, прагматичности. Характеристики, описывающие сходство партнеров, не столь важны, как принципы и нормы партнерских взаимоотношений.

Примечательно, что включенные в отношения партнерства респонденты (те, у которых часто складываются партнерские взаимоотношения и в деловой сфере, и в личной жизни) значимо выше оценивают характеристики, отмечаемые респондентами как наиболее важные. Таким образом, партнерские взаимоотношения чаще складываются у тех людей, которые выше оценивают значимость для отношений партнерства наиболее важных характеристик партнерских отношений. Это свидетельствует о том, что склонность выстраивать взаимоотношения между людьми именно как отношения партнерства связана с глубоким пониманием сути партнерских отношений, основанных прежде всего на доверии, ответственности и уважении личности партнера. Эти выводы соотносятся с данными, полученными ранее нашими коллегами (Позняков, Вавакина, 2015; Позняков, Груздева, 2013; Позняков, Никуло, 2016; Штроо, Балакшин, 2012).

Итак, отношения партнерства правомерно рассматривать в более широком спектре ситуаций, чем это было принято ранее. Это важно для дальнейшего понимания сути партнерских отношений в разных сферах жизнедеятельности человека. Мы предполагаем, что сформулированные нами принципы и нормы делового партнерства — базовые надситуационные принципы взаимодействия: прагматичность и нравственность; инструментальные принципы партнерства: справедливость, взаимность, равенство; базовые нормы партнерства: доверие и ответственность; условно «неприемлемые» нормы партнерства: влияние, манипулирование, скрытность и лицемерие — будут универсальны для партнерства в любой сфере жизнедеятельности. В то же время разные ситуации — отношения в бизнесе, в трудовом коллективе, интимно-личностные отношения и др. — могут иметь свою специфику, и это требует отдельного рассмотрения.

Особенность партнерства как социального взаимодействия заключается в том, что оно невозможно без формирования определенных взаимоотношений между субъектами – партнерских отношений. Именно качественные партнерские отношения формируют и обеспечивают необходимую для эффективности такого взаимодействия связь между субъектами.

Ключевыми признаками партнерских отношений являются доверие, ответственность и уважение личности партнера. Безусловно важными являются также и следующие характеристики: принятие своих обязанностей, признание прав партнера, свобода выбора, справедливость, отсутствие манипуляций, сходство целей, открытость, искренность, соблюдение нравственных норм, взаимность, равенство, взаимопонимание, самостоятельность.

Изучение социального взаимодействия является одной из ключевых научных проблем социальной психологии. Партнерство, которое еще несколько лет назад ассоциировалось с взаимодействием на высшем уровне, в сфере политики и дипломатии, рельефно проявилось во многих ситуациях взаимодействия между людьми в разных сферах их жизнедеятельности. На сегодняшний день уже не вызывает сомнения деловое партнерство предпринимателей. Последние же опросы и исследования свидетельствуют о том, что практически каждый человек в той или иной мере включен в отношения партнерства в своей повседневной жизни. Изучение партнерства как социального взаимодействия является на сегодняшний день важной и актуальной задачей социальной психологии.

Литература

Вавакина Т. С., Журавлев А. Л., Позняков В. П. Прагматичность и нравственность как базовые принципы взаимодействия в деловом партнерстве // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 189–203.

Вавакина Т. С., Позняков В. П. Трансформация форм взаимодействия экономических субъектов: ресурсно-ценностный подход // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского (10–11 октября 2013 г., Москва): В 3 т. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 228–231.

- Вавакина Т. С., Позняков В. П.* Психологические факторы эффективности делового партнерства // Прикладная юридическая психология. 2014а. № 2. С. 113–124.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П.* Отношение предпринимателей к принципам и нормам социального взаимодействия и оценка эффективности делового партнерства // Знание. Понимание. Умение. 2014б. № 2. С. 158–168.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Ориентация на принципы и нормы социального взаимодействия как фактор психологического отношения к деловому партнерству // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 5–15.
- Позняков В. П.* Развитие теории отношений в современной отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 30–35.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей // Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г., Москва) / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 359–361.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Доверие и ответственность как ключевые психологические факторы эффективности делового партнерства // Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 109–116.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Позняков В. П., Груздева Е. А.* Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–234.
- Позняков В. П., Никуло Е. А.* Ценностные ориентации предпринимателей с разным уровнем ответственного отношения к участникам делового взаимодействия // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 79–88.
- Штроо В. А., Балакшин М. Е.* Экспериментальное изучение роли доверия в развитии партнерских отношений в бизнесе // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 2. С. 2–21.

Векторы социально-ролевой идентичности менеджеров в контексте ресурсов инновационного развития организации

В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, С. Ю. Коробова

Социальная идентичность субъектов как отражение их принадлежности к тем или иным социальным группам, профессиональным сообществам, культурным стратам имеет сложную структуру и динамический характер функционирования (Андреева, 1997; Иванова, Румянцева, 2009), оказывает влияние на эффективность деятельности организации (Сидоренков, Дорофеев, 2016). Специфика социально-ролевой идентичности субъектов — ее множественность, противоречивость — отражает различия в категоризации, значимости, принятии социальных ролей, реальных и виртуальных (Белинская, Тихомандрицкая, 2009).

Инновационное развитие организации предполагает динамику социальной идентичности менеджеров как лидеров изменений прежде всего, социально-ролевой идентичности в направлении принятия креативных поведенческих моделей (Грязева-Добшинская и др., 2008). Как показывают исследования, в организациях, осуществляющих инновационные или модернизационные изменения, существует проблема принятия творческих сотрудников, причем, толерантность к роли криэйтора и идентификация с ней выше в организациях с более интенсивными процессами инновационного развития (Глухов, 2017; Грязева-Добшинская, 2011), социальная идентичность с ролью криэйтора входит в комплекс характеристик инновационного лидерства (Глухов, 2017).

Теоретическими основаниями проведения эмпирического исследования и используемого метода являются символический интеракционизм (Блумер, 1984; Гофман, 2000) и теоретические подходы в рамках конструктивистской парадигмы (Келли, 2000; Harre, 1984). Роль криэйтора, творца, инноватора, созидающего объекты будущего, формируется у субъектов на основе рефлексии ресурсов настоящего и конструируется в направлении запросов будущего. Рефлек-

сия и категоризация собственного ролевого репертуара субъектами может выявить ресурсы для идентификации субъектов с ролью критерия в настоящем, что и определяет вектор динамики социальной идентичности как направленный в будущее.

Целью нашего исследования стало определение структуры социально-ролевой идентичности менеджеров предприятий с разными условиями осуществления инноваций и выявление векторов их социально-ролевой идентичности. Были выдвинуты *гипотезы* о том, что 1) структура социально-ролевой идентичности менеджеров дифференцирует предприятия с разными условиями инновационного развития и что 2) ключевым фактором дифференциации менеджеров предприятий по ресурсам инновационного развития является социальная идентичность с ролью критерия и толерантность к данной роли.

В исследовании приняли участие 95 менеджеров в возрасте от 35 до 55 лет, работающих на двух промышленных предприятиях Уральского региона. Использовалась авторская методика «Ролевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) В. Г. Грязевой-Добшинской, Н. Ю. Бакунчик, В. А. Глухой и А. С. Мальцевой (Грязева-Добшинская и др., 2008).

Методика РОССТЛ – это интегративная психодиагностическая технология, основой которой является психосемантический метод Дж. Келли (техника репертуарных решеток), соединяющая возможности психосемантического и проективного методов. Семантические пространства в ней задаются как два пространства символов, для которых характерны избирательность и неопределенность интерпретаций субъектов, что обеспечивает проективность получаемых данных.

Пространство объектов для оценки – элементы методики – различные типы современных творческих людей, имеющие мифологическую основу (например, Прометей, Гефест, Дедал). Пространство шкал оценки – биполярные конструкты – создается из фразеологизмов, задающих полярные определения творческих людей («Дело мастера боится», «Век живи – век учись», «Не от мира сего»).

Испытуемым предлагается 27 картинок с различными типами современных творческих взрослых людей, из которых они выбирают 10 образов на заданные ролевые позиции, формируя как бы собственную команду: 1) Я, 2) руководитель мужчина, 3) руководитель женщина, 4) заместитель мужчина, 5) заместитель женщина,

б) криэйтор, 7) востребованный сотрудник, 8) спасатель в кризисе, 9) увольняемый мужчина, 10) увольняемая женщина.

Выбранные на 10 ролевых позиций картинки с образами людей оцениваются по биполярным конструктам, созданным субъектами произвольно из 72 фразеологизмов. Участники исследования заполняют репертуарную решетку, в которой 10 элементов (образов людей) оцениваются по 12 конструктам. Для обработки данных репертуарных решеток применяется факторный анализ.

Психодиагностическая технология РОССТЛ позволяет выявить:

- отношение субъектов (толерантность—интолерантность) к творцам, к ценностям, ролям, определяющим направленность на изменения, творчество, инновации;
- социальную идентификацию субъектов с ролями, являющимися ресурсными для инновационного развития организации («криэйтор», «спасатель в кризисе»);
- интеграцию роли криэйтора в организации;
- социокультурный капитал инноваций, т. е. готовность субъектов на уровне принимаемых ценностей, социальных ролей к инновационному варианту развития.

В рамках исследования вся выборка была разделена на две подгруппы в зависимости от типа предприятия: подгруппа № 1 (60 человек) – менеджеры, работающие на инновационном предприятии военно-промышленного комплекса (ВПК), характеризующемся высоким темпом инновационного развития; подгруппа № 2 (35 человек) – менеджеры, работающие на крупном промышленном предприятии с низким темпом инновационного развития и фрагментарной модернизацией.

С целью определения структуры социально-ролевой идентичности менеджеров проводился факторный анализ данных психологической диагностики индивидуально для каждого менеджера и для группы менеджеров в целом. Индивидуальный факторный анализ использовался для определения социальной-ролевой идентичности менеджера и выявления менеджеров, идентифицирующих себя с ролью «криэйтор» и «спасатель в кризисе». Групповой факторный анализ – для определения структуры социальной идентичности в семантическом пространстве группы. Для статистического анализа данных применялся пакет IBM SPSS Statistics.

На первом этапе исследования анализировалась структура социальной идентичности менеджеров в групповом семантическом

пространстве по результатам факторного анализа данных для каждого предприятия.

У менеджеров инновационного предприятия (подгруппа № 1) в одном биполярном факторе с «Я» значимые факторные нагрузки имеют роли «заместитель мужчины» и «востребованный сотрудник» и с противоположным знаком – роли «увольняемый мужчина», «увольняемая женщина»; социальная роль «криэйтор» формирует отдельный фактор. Социально-ролевая идентичность менеджеров инновационного предприятия характеризуется востребованностью статусной роли руководителя и рефлексией роли «криэйтор» в семантическом пространстве группы.

У менеджеров модернизирующегося предприятия (подгруппа № 2) «Я» разделяется на два фактора, в каждом из которых имеет незначимую факторную нагрузку (0,547 и 0,473). В одном факторе с «Я» с тем же знаком есть роли «востребованный сотрудник» и «спасатель в кризисе», с противоположным знаком – роли «увольняемый мужчина» и «увольняемая женщина». Второй фактор, включающий «Я», содержит почти все статусные роли («начальник мужчины», «начальник женщины» и «заместитель женщины»). Социальная роль «криэйтора» отсутствует в факторной структуре. Таким образом, у менеджеров данного предприятия выявлен диффузный характер собственной социально-ролевой идентичности и отсутствует рефлексия специфики роли криэйтора в семантическом пространстве группы.

На втором этапе исследования анализировалась структура социальной идентичности в семантическом пространстве группы менеджеров, имеющих идентификацию с одной из двумя ресурсными ролями – «криэйтором» или «спасателем в кризисе». Идентификация у менеджера с одной из ролей определялась по наличию «Я» в одном факторе с данной социальной ролью. На основании индивидуально-факторного анализа данных психологической диагностики менеджеры каждого предприятия были разделены на две подгруппы в соответствии с наличием идентификации с одной из ресурсных ролей.

В подгруппе *менеджеров инновационного предприятия, идентифицирующих себя с ролью «криэйтор»* (7 человек, 12%), в одном факторе с «Я» имеются значимые факторные нагрузки по ролям «криэйтор» и «востребованный сотрудник» на одном полюсе и роль «увольняемая женщина» – на другом. Кроме того, представлены отдельный фактор статусных ролей руководителей и отдельный фактор «спасатель в кризисе». В семантическом пространстве группы менедже-

ров, идентифицирующих себя с «криэйтором», отражается востребованность этой роли и толерантное отношение к ней.

В подгруппе *менеджеров модернизирующегося предприятия, идентифицирующих себя с ролью «криэйтор»* (2 человека, 6%), в одном факторе с «Я» имеются значимые факторные нагрузки по ролям «криэйтор» и «заместитель мужчины»; второй фактор содержит только женские статусные роли («начальник женщина», «заместитель женщина»); третий фактор — статусную роль «начальник мужчина» в сочетании с ролями «востребованный сотрудник» и «спасатель в кризисе». В семантическом пространстве группы менеджеров модернизирующегося предприятия рефлексирована идентичность собственного креативного поведения как аспекта статусной роли, отражается дифференциация гендерного аспекта статусных ролей, при этом мужская статусная роль характеризуется востребованностью и имеет аспект «спасателя», а женские статусные роли этих аспектов не имеют и характеризуются нейтральным отношением.

В подгруппе *менеджеров инновационного предприятия, идентифицирующих себя с ролью «спасатель в кризисе»* (13 человек, 22%), в одном биполярном факторе с «Я» имеются значимые факторные нагрузки по ролям «спасатель в кризисе», «начальник женщина», «заместитель женщина» и «востребованный сотрудник» на одном полюсе и роли «увольняемый мужчина», «увольняемая женщина» — на другом. Роль «криэйтор» входит в биполярный фактор, противоположный полюс которого — роль «начальник мужчина». В семантическом пространстве группы менеджеров, идентифицирующих себя с ролью «спасателя в кризисе», эта роль рефлексирована как аспект женской статусной роли, при этом отражается ее востребованность и толерантность к ней. Выявлено нейтральное отношение к роли «криэйтор», при этом она противопоставляется статусным ролям, что отражает невозможность принятия одновременно креативных и управленческих моделей поведения.

В подгруппе *менеджеров модернизирующегося предприятия, идентифицирующих себя с ролью «спасатель в кризисе»* (3 человека, 9%), в одном биполярном факторе с «Я» имеются значимые факторные нагрузки по ролям «спасатель в кризисе» и «востребованный сотрудник» и с противоположным знаком по ролям «криэйтор», «увольняемый мужчина», «увольняемая женщина». В семантическом пространстве данной группы менеджеров отражается интолерантное отношение к социальной роли «криэйтор» и противопоставление ее востребованной роли «спасатель в кризисе».

Сравнение социально-ролевой идентичности менеджеров предприятий, отличающихся по уровню инновационного развития, позволило выявить различия в их индивидуальной и групповой факторных структурах.

В целом в семантическом пространстве группы менеджеров инновационного предприятия отражено понимание специфики роли «криэйтор» и выявлена идентичность с востребованной статусной ролью руководителя, в то время как в семантическом пространстве группы модернизирующегося предприятия отсутствуют четкое представление о собственной идентичности как руководителя и рефлексия особой роли «криэйтор».

Установлено, что критериями дифференциации менеджеров по ресурсам инновационного развития являются социальная идентичность с ролями «криэйтор» и «спасатель в кризисе», а также толерантное отношение к данным ролям.

В структуре социально-ролевой идентичности менеджеров-«криэйторов» инновационного предприятия отражена толерантность к ним, их востребованность. У менеджеров-криэйторов модернизирующегося предприятия выявлена рефлексия востребованности статусных ролей руководителей и восприятие креативного поведения как аспекта статусной роли.

В структуре социально-ролевой идентичности менеджеров-«спасателей» на инновационном предприятии выявлено толерантное отношение к таким сотрудникам, их востребованность; выявлено нейтральное отношение к социальной роли «криэйтор», при этом она противопоставляется статусным ролям руководителей, что подчеркивает невозможность принятия одновременно креативных и управленческих моделей поведения. В структуре социально-ролевой идентичности менеджеров-«спасателей» на модернизирующемся предприятии выявлено интолерантное отношение к социальной роли «криэйтор».

Таким образом, менеджеров инновационного предприятия характеризует направленность на принятие креативных поведенческих моделей. В социально-ролевой идентичности групп менеджеров обоих предприятий отсутствует рефлексия взаимосвязи ролей «криэйтор» и «спасатель в кризисе», что подчеркивает непонимание возможности использования творческих, креативных ресурсов для разрешения критических, кризисных ситуаций инновационного развития предприятий.

Литература

- Андреева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности. М.: ИЦ «Академия», 2009.
- Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. С. 173–179.
- Глухов П. С.* Социально-психологические характеристики инновационного лидерства менеджеров: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2017.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: Канон-пресс-Ц–Кучково поле, 2000.
- Грязева-Добшинская В. Г.* Толерантность субъектов творческой и инновационной деятельности как социокультурный капитал инноваций предприятий // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2011. Вып. 15. С. 17–24.
- Грязева-Добшинская В. Г., Бакунчик Н. Ю., Глухова В. А., Мальцева А. С.* Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2008. Вып. 3. С. 33–45.
- Грязева-Добшинская В. Г., Глухова В. А., Дмитриева Ю. А., Глухов П. С.* Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: психологический инновационный аудит. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2016.
- Иванова Н. Л., Румянцева Т. В.* Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Сидоренков А. В., Дорофеев В. А.* Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 60–75.
- Harre R.* Personal being: A theory for individual psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Вариативность психологического содействия руководителю в состоянии ролевого конфликта (на примере социономического типа профессий)

О. И. Деревянко

Переход от индустриальной экономики к информационной сопровождается резким возрастанием количества ситуаций неопределенности и уровня организационного стресса. Эти условия требуют от руководителей нового поколения креативности, высокоразвитой способности к адаптации в новых условиях, развития навыков быстрого реагирования на меняющиеся условия, умения конструктивно преодолевать кризисные ситуации, способности к разностороннему развитию, готовности к постоянному обновлению знаний и т. д. С другой стороны, социально-экономические перемены, происходящие в обществе, приводят к усложнению системы социальных ролей личности в профессиональной среде, к усилению ролевой неоднозначности. Несмотря на постоянное усовершенствование системы управления, именно высокая интенсивность этих процессов создает ситуации высокой эмоциональной и психической напряженности для руководителей разных уровней управления, связанные с возникающими противоречиями в полиролевой структуре личности. Управленческая деятельность в профессиях социономического типа не является исключением.

Интерес к данному типу профессий обусловлен высоким уровнем их социальной значимости. Именно поэтому в данной работе исследовательскому анализу подвергнуты представители управленческой системы сферы здравоохранения и образования. Согласно концепции профессионального развития личности Е. А. Климова, описательная психологическая характеристика данного типа профессий свидетельствует о достаточно широком диапазоне профессиональных функций. Это и повышенная ответственность, и высокий динамизм, и разнообразие рабочих перегрузок, и сложность возникающих нестандартных ситуаций, и необходимость осуществления частых и интенсивных контактов с другими людьми, взаимодейст-

вия с различными социальными группами. Специалисты данных профессий должны обладать высоким уровнем профессиональных компетенций и особым набором личностных качеств (Климов, 1995).

Общей характеристикой управленческой деятельности в медицинской и образовательной профессиональных средах является то, что именно в рамках социономических профессий происходит совмещение управленческих и профессиональных функций, независимо от уровня управления. Как правило, на руководящую должность выдвигаются специалисты с базовым профильным образованием, не имеющие вовсе или имеющие минимальную специальную подготовку в сфере управления. Как следствие, они вынуждены осваивать управленческие навыки в реальной профессиональной деятельности. Проблема заключается в том, что человек в процессе освоения управленческой деятельности может утратить профильные профессиональные знания и навыки, но у него неизменными остаются его психологические установки, способы мышления и подходы к решению проблем, характерные для прежних профессиональных задач и неприемлемые для решения управленческих (Милорадова, 2013). В результате возникают проблемы, вызванные диссонансом в совмещении профессиональной и управленческой ролей, асинхронностью уровней развития разных аспектов роли «профессионал-руководитель». Несомненно, сложность и многоаспектность содержания и характера управленческой деятельности в профессиональных средах социономического типа профессий создают предпосылки для возникновения и развития ролевого конфликта руководителя.

Под ролевым конфликтом (РК) следует понимать *состояние психологического конфликта, развивающееся в ходе выполнения социальной роли в условиях противоречивых или частично несовместимых требований, ожиданий к ролевому исполнителю* (Ерина, 2000). Крайние формы выраженности РК могут проявляться в прекращении развития личности, ее психической и физиологической дезорганизации, в снижении активности и эффективности деятельности. Личность, находящаяся длительное время в состоянии РК, испытывает высокую нервно-психическую напряженность, которая проявляется в психической подавленности, тревожности и зависимости человека от других людей и обстоятельств, в появлении агрессии и неуверенности в своих действиях. Это приводит к психическому истощению, обнаруживающему себя в неадекватном эмоциональном реагировании и оценках, в неэффективных управленческих решениях, что от-

рицательно сказывается на межличностных отношениях в трудовом коллективе и непосредственно влияет на успешность деятельности руководителя в целом (Деревянко, 2013). При этом, несмотря на определенный уровень разработанности этой проблемы, остается малоизученной спецификация условий возникновения и развития РК в конкретных профессиональных средах. Решение данного вопроса позволит разработать комплекс мероприятий, с помощью которых удастся минимизировать деструктивные последствия РК для личностного развития руководителя, помочь ему сохранить психологическое благополучие и устойчивость к стрессогенным факторам.

Для достижения поставленной цели использовались логико-теоретический анализ проблемы, психодиагностические, математические и статистические методы обработки данных, компьютерная программа STATISTICA 10.0. Комплекс психодиагностических методов включал шкалу ролевого конфликта (С. И. Ерина), опросник «Шкала локуса ролевого конфликта» (П. П. Горностай), опросник «Диагностика процессуальной мотивации трудовой деятельности» Р. Хакмана и Г. Олдхема (в адаптации И. Н. Бондаренко), опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (в адаптации Н. Н. Лепешинского), методику «ОКАИ» (К. К. Камерон, Р. Э. Куинн), экспресс-методику определения стрессогенных факторов в деятельности руководителя (И. Д. Ладанов, В. А. Уразаева).

В эмпирическом исследовании приняли участие руководители (153 человека, 57% женщин и 43% мужчин) различного уровня управления в сфере здравоохранения – стратегического (26%), функционального (35%) и оперативного (39%). Возраст респондентов – от 25 до 66 лет ($M=45$). Общий стаж работы составил от 1 года до 48 лет ($M=21,5$). Стаж работы в должности руководителя составил от 1 месяца до 35 лет ($M=6,8$ лет): 44% – до 5 лет; 24% – от 5 лет до 10 лет; 32% – свыше 10 лет.

Сфера образования была представлена руководителями (146 человек: 85% женщин и 15% мужчин) различного уровня управления – стратегического (39%), функционального (61%) и оперативного (0%). Возраст респондентов – от 26 лет до 61 года ($M=44$). Общий стаж работы составил от 5 лет до 42 лет ($M=22$). Стаж работы в должности руководителя составил от 1 месяца до 31 года ($M=5,8$ лет): 59% – до 5 лет; 24% – от 5 лет до 10 лет; 17% – свыше 10 лет.

В результате статистического анализа было установлено, что исследуемые профессиональные среды значительно различаются по степе-

ни выраженности РК личности руководителя ($\chi^2=22,33$; $p=0,00001$) и типу РК ($\chi^2=12,31$; $p=0,006$). Полученные данные свидетельствуют о том, что РК более выражен у руководителей образовательной профессиональной среды: 34% имеют высокий уровень РК, 63% – средний уровень (с тенденцией к высокому) и только 3% имеют низкий уровень РК. Соответственно, в медицинской профессиональной среде высокий уровень РК обнаружен у 20% респондентов, средний уровень – у 62%, низкий уровень – у 18%. Полученные данные указывают на то, что деятельность руководителей обеих профессиональных сред сопровождается РК разной степени выраженности с тенденцией к высокому уровню. Следовательно, они склонны испытывать психическую напряженность, вызванную дифференцированными противоречиями.

Полученные результаты подтолкнули нас к изучению направлений, содержания, форм и условий психологического содействия управленческой деятельности, направленных на профилактику и минимизацию РК, согласно спецификации проявления РК в профильной среде. Модифицируя основной концептуальный базис психологического содействия, разработанный Э. Ф. Зеером (Зеер, 2009), можно выделить следующие основные положения по психологическому содействию руководителю в состоянии РК:

- 1) должны быть созданы определенные социально-экономические условия, в которых субъект управления смог бы реализовать себя в профессиональной жизни;
- 2) должно быть оказано психологическое содействие;
- 3) должно иметь место осознание со стороны руководителя права самостоятельного выбора способов реализации своих профессиональных функций;
- 4) результатом психологического содействия должна быть гармонизация потребности внутреннего психического развития личности и внешних условий социально-профессиональной жизни.

Реализация психологического содействия возможна для руководителя при использовании личностно ориентированных технологий профессионального развития, которые должны быть выстроены в рамках концепции развивающей диагностики. В данном контексте необходимо рассматривать индивидуальность как источник внутренней активности, способствующий саморазвитию и совершенствованию человека в психодиагностическом взаимодействии (Епанчинцева,

2010). Таким образом, проектирование психологического содействия должно опираться на основные положения психологического сопровождения и включать в себя четыре блока: организационный, диагностический, обучающий и развивающий.

С нашей точки зрения, минимизация выраженности РК в сфере здравоохранения возможна при условии повышения адаптивности руководителя к условиям профессиональной среды. Им часто приходится работать в изменяющихся условиях, оказывать компетентную помощь в нестандартных ситуациях и взаимодействовать с самыми различными социальными группами. Следовательно, им крайне необходимо развивать в себе способность быстро реагировать на внешние изменения, владеть навыками саморегуляции и восстановления после чрезмерных затрат внутренних ресурсов организма, а также умением извлекать опыт из проблемных ситуаций, требующих перестройки стандартных паттернов поведения и реакций. Умение реализовывать и сменять социально-психологические роли также является проявлением адаптивности. В результате, адаптированность человека к конкретной трудовой среде проявляется в его реальном поведении, в конкретных показателях трудовой деятельности: эффективность труда, усвоение социальной информации и ее практическая реализация, рост всех видов активности, удовлетворенность различными сторонами трудовой деятельности (Макарычев, Егорова, 2011).

Были определены основные блоки психологического содействия руководителю в состоянии РК *в медицинской профессиональной среде*:

1. *Организационный блок*: создание доверительных отношений между субъектами и объектами психологического содействия; индивидуальное и групповое консультирование, направленное на переосмысление личностью собственных достижений; совершенствование имеющейся организационной культуры; внедрение адекватной системы стимулирования труда; организация условий для высокой адаптивности личности в профессиональной среде, с учетом стажа в должности руководителя.
2. *Диагностический блок*: выявление актуального состояния РК руководителя; определение актуальных возможностей и способностей объекта психологического содействия; диагностика актуального и предпочитаемого типа организационной культуры управленческого персонала и других категорий работников с це-

лю выявления организационных субкультур; психодиагностика мотивационного потенциала трудовой деятельности; диагностика социально-экономической адаптации личности руководителя.

3. *Обучающий блок*: обогащение знаниями о специфике РК в управленческой деятельности в медицинской профессиональной среде, о личностных особенностях объекта психологического содействия, об актуальной и предпочитаемой организационной культуре управленческого персонала и других категорий работников в медицинской профессиональной среде, об особенностях воздействия системы мотивации на эффективность деятельности; обучение самоменеджменту и тайм-менеджменту.
4. *Развивающий блок*: осознание и принятие собственной ответственности за выбор направленности профессиональной деятельности поиск скрытых ресурсов личности; проведение тренингов самоменеджмента и саморегуляции личности; работа, направленная на рост самооценности в сложившихся социально-экономических условиях; проектирование альтернативных сценариев профессиональной жизни; внедрение методов фасилитации; развитие креативности и эмоционального интеллекта.

Дифференциация полученных данных в образовательной профессиональной среде позволила определить, что эффективность деятельности руководителя снижается вследствие нарушений коммуникационных процессов в организации, что приводит к конфликтности делового общения. При расширении должностного функционала руководителя уменьшается его способность к актуализации в полном объеме своего личностного потенциала, что приводит к снижению стресс-толерантности личности. В этих условиях требуется волевое усилие к выполнению должностных обязанностей, что, в свою очередь, опосредует снижение удовлетворенности трудом, а также неадекватное восприятие реальной действительности и самого себя. Возникающие негативные эмоциональные состояния и чувства руководителя при исполнении им управленческих функций выступают условиями, усиливающими интенсивность РК, что в целом препятствует поиску инновационных стратегий при выработке и принятии управленческих решений. Следовательно, основное содержание психологического содействия должно быть направлено на устранение выявленных предпосылок развития РК.

Основные блоки психологического содействия руководителю в состоянии РК в образовательной профессиональной среде таковы:

1. *Организационный блок*: создание доверительных отношений между субъектами и объектами психологического содействия; индивидуальное и групповое консультирование, направленное на переосмысление личностью собственных достижений; совершенствование имеющейся организационной культуры; внедрение адекватной системы стимулирования труда; организация эффективной обратной связи.
2. *Диагностический блок*: диагностика актуального состояния РК руководителя; выявление актуальных возможностей и способностей объекта психологического содействия; диагностика актуального и предпочитаемого типа организационной культуры управленческого персонала и других категорий работников; психодиагностика стилей управления и подчинения; психодиагностика коммуникационных процессов и стилей общения.
3. *Обучающий блок*: обогащение знаниями о специфике РК в управленческой деятельности в образовательной профессиональной среде, о личностных особенностях объекта психологического содействия, об актуальной и предпочитаемой организационной культуре управленческого персонала и других категорий работников в образовательной профессиональной среде, об особенностях межличностных отношений субъектов образовательного процесса; обучение эффективному деловому общению управленческого персонала.
4. *Развивающий блок*: осознание и принятие собственной ответственности за выбор направленности профессиональной деятельности; поиск скрытых ресурсов личности; проведение тренингов самоуправления, саморегуляции и самовосстановления личности; работа, направленная на рост самооценности в сложившихся социально-экономических условиях; проектирование альтернативных сценариев профессиональной жизни; внедрение методов фасилитации.

В завершение необходимо отметить, что при реализации плана психологического содействия все усилия необходимо направить на то, чтобы научить субъекта управленческой деятельности, руководителя, самостоятельно, используя адекватные стратегии, преодолевать неблагоприятные социально-экономические условия, развивать

«хардические» качества личности (качества твердости) в процессе исполнения ею своей роли. Это позволит ему быть эффективным руководителем, обладающим хорошим физическим и психологическим здоровьем.

Представленные проекты психологического содействия призваны привлечь специалистов-психологов к сопровождению управленческого персонала в его деятельности. Они могут стать основой учебно-методического обеспечения для социально-психологических служб организаций соответствующего профиля, а также служить обоснованием для планирования и формирования психологических служб.

Литература

- Деревянко О. И.* Ролевой конфликт в управленческой деятельности: теоретические подходы, психодиагностические методы измерения, современное состояние // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: Сб. научных статей: В 2 ч. Ч. 2. Вып. 13. Минск: РИВШ, 2013. С. 102–110.
- Ерина С. И.* Ролевой конфликт и его диагностика в деятельности руководителя: Учебное пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000.
- Епанчинцева Г. А.* Развивающая психологическая диагностика в образовании: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010.
- Зеер Э. Ф.* Психология профессионального развития: Учебное пособие. М.: Академия, 2009.
- Климов Е. А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995.
- Макарычев А. А., Егорова Л. С.* Уровни профессиональной адаптивности личности // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urovni-professionalnoy-adaptivnosti-lichnosti> (дата обращения: 27.10.2018).
- Милорадова Н. Г.* Психология управления в условиях стабильной неопределенности: Учебное пособие. М.: Флинта, 2013.

Социокультурные особенности восприятия и оценки организационно-профессионального пространства

Т. И. Дрынкина, Е. А. Карпова

На сегодняшний день в социальной и экономической психологии накоплен достаточно большой багаж методологических знаний, теоретических разработок и эмпирического материала, касающийся различных стилевых явлений и феноменов. Интегральная концепция стилей профессиональной деятельности представляется нам одной из самых первых оригинальных современных попыток систематического изучения феномена стиля во всем его многообразии (Толочек, 2013).

В. А. Толочек предложил и обосновал общую концепцию стиля как целостного феномена, обозначив ее как интегральную теорию совместной профессиональной деятельности. Согласно определению автора, *стили профессиональной деятельности* – это интегральные, иерархические, биполярные образования с постоянной вариативной изменчивостью в границах двух полюсов – субъективно «удобных» и «неудобных» условий и параметров деятельности (Толочек, 2013). Совместная профессиональная деятельность детерминируется не только индивидуальностью субъектов, но и организацией среды – интерперсонального пространства, определяемого активностью взаимодействующих субъектов, компонентами и структурами деятельности. В этом базовом определении постулируется соотношение стиля субъекта с условиями, характеристиками и измерениями среды, т. е. обозначается приоритет прежде всего средовой детерминации личностного стиля. В качестве основных рабочих понятий автор использует следующие: «среда», «пространство деятельности», «ресурсы», «психологические ниши», «интегральная индивидуальность».

В концепции стилей профессиональной деятельности обсуждаются не только индивидуальные особенности субъектов, но и основные типовые варианты их адаптации в пространстве деятельности. Автор постулирует тезис, что наилучшим предсказателем адаптации

онных стилей в совместной профессиональной деятельности является пространство деятельности, поэтому необходимо рассматривать это явление в контексте естественных условий деятельности, в которых функционирует субъект. Свойства системы организационно-профессионального пространства актуализируются в результате активного (или пассивного) взаимодействия субъекта со средой, приводящего к выделению из внешней реальности совокупности явлений, которые организуются в некоторое целостно-системное образование лишь исключительно в связи с актуальной позицией самого субъекта, влияющей на механизмы его адаптации в данной среде. Поэтому использование понятия «организационно-профессиональное пространство» возможно только в случае понимания его не как совокупности элементов внешней среды, а как *результата взаимодействия человека и среды, системы объективных и субъективных элементов*, объединяющихся в организационно-профессиональной деятельности субъекта.

М. А. Холодная отмечает, что механизмы адаптации представляют некоторые типичные формы когнитивного реагирования, относительно которых группы людей являются похожими и отличными друг от друга. Интерпретации организационно-профессионального пространства могут быть самыми разнообразными, в немалой степени этому способствуют особенности человеческого восприятия — индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего (Холодная, 2007).

Восприятие, анализ, структурирование, категоризация и оценивание организационно-профессионального пространства носит селективный характер, и очевидно, что индивиды, принадлежащие к одной и той же субкультуре, будут иметь одни и те же общие варианты восприятия организационно-профессионального пространства. В качестве объективных детерминант механизмов адаптации могут выступать культурные и субкультурные особенности, так как они являются важнейшими источниками субъективных интерпретаций и субъективных значений, которые приписываются ситуациям (Беломестнова, 2006). Адаптационный стиль в совместной профессиональной деятельности — реализация той активности человека, в результате чего он конструирует внешний мир «по своему образу и подобию». Этот факт образует основу для исследования, направ-

ленного на выявление различий в восприятии организационно-профессионального пространства у руководителей, которые различаются по некоторым значимым характеристиками, таким как этническая принадлежность и тип организации. Подобные изыскания могут послужить основой для понимания механизмов адаптации человека в организационно-профессиональном пространстве.

В рамках концепции стилей совместной профессиональной деятельности нами было проведено исследование, целью которого стало изучение социокультурных особенностей восприятия и оценки организационно-профессионального пространства (Дрынкина, 2008). Под социокультурными особенностями в нашей терминологии понимались характеристики организационно-профессионального пространства, представляющие совокупность определенных социально-культурных, социально-экономических, организационно-управленческих, географических и др. условий, играющих регулирующую роль по отношению к механизмам адаптации в среде и уменьшающих индивидуальные степени свободы.

В качестве *объекта* исследования выступили татарские и русские руководители среднего звена, общее количество испытуемых – 180 человек в возрасте от 26 до 55 лет. Выбор обследуемых производился по социально-демографическим критериям (этническая принадлежность, гендерные различия, возраст) и по специфике работ на предприятиях, относящихся к разным видам деятельности (легкая промышленность и наука).

Было выдвинуто *предположение*, что татарские и русские руководители различаются по их восприятию и оцениванию организационно-профессионального пространства. Иными словами, что у них в результате процессов анализа, отбора и систематизации свойств организационно-профессионального пространства создаются свои специфические образы актуального организационно-профессионального пространства, которые позволяют им особым образом когнитивно отреагировать на полученную и переработанную информацию в этой среде.

На первом этапе ставилась задача изучить объективные характеристики организационно-профессионального пространства, выраженные в типе организационной культуры производственного предприятия и научно-исследовательского института, в их восприятии и интерпретации работников. Исследовались общий социально-организационный контекст, выраженный в следующем: исто-

рия существования, тип организаций, направления деятельности, внешняя среда, стратегии организаций, организационная структура, выявляемые на основании официальных документов, а также организационная культура в интерпретации работников исследуемых организаций. Для диагностики организационной культуры была использована методика «Оценка организационной культуры» (Organization culture assessment instrument, OCAI) К. Куинна и К. Камерона.

На основании полученных результатов был проведен количественный анализ характеристик организационно-профессионального пространства на производственном предприятии и в научно-исследовательском институте. Полученные данные дают основание охарактеризовать организационно-профессиональное пространство производственной организации как пространство *рыночного типа* (39 баллов), которое включают в себя следующие характеристики: ориентация на конкурентное преимущество, на лидерские позиции, на прибыльность и конкретные итоговые результаты. В организационно-профессиональном пространстве научно-исследовательского института доминирующая роль отводится характеристикам *иерархической культуры* (35 баллов): важно поддерживать систематический подход к ведению производственных задач и дел, важно соблюдать формальные правила и официальную политику, что предполагает стабильность, предсказуемость, рентабельность.

Таким образом, на первом этапе исследования выявилась традиционная картина зависимости типа организационно-профессионального пространства от содержания деятельности исследуемых организаций. Так, производственное предприятие является типичным представителем активно функционирующей рыночной организации, осуществляющей свою деятельность в условиях жесткой конкуренции, и борьба за лидерские позиции на российском рынке заставляет компанию выбирать оптимальную для данных условий культуру – рыночную. В свою очередь, научно-исследовательский институт характеризуется достаточно продолжительной историей существования и является одним из ведущих институтов страны в области поиска и разведки, технологии разработки нефтяных и газовых месторождений, строительства скважин, технологии добычи, подготовки нефти, что, очевидно, позволяет организации сохранять сильную иерархическую структуру, существовавшую ранее.

Учитывая, что к свойствам организационной культуры принято относить, с одной стороны, ориентацию на внешнее окружение,

дифференциацию, высокую степень риска, конкурентность, соперничество, с другой — стабильность, плавность деятельности, интеграцию и т. д., то «рыночное» организационно-профессиональное пространство производственного предприятия, очевидно, предъявляет более жесткие, повышенные требования к наемному персоналу. Соответственно, можно предположить, что организационно-профессиональное пространство производственного предприятия имеет свою типовую специфику в детерминации адаптационных стратегий и тактик наемных работников в данной организационной среде. Научно-исследовательский институт, напротив, характеризуется как относительно стабильное, предсказуемое место работы, что, очевидно, провоцирует относительно большую вариативность в выборе адаптационных стратегий и тактик наемных работников в данном организационном пространстве.

На следующем этапе исследования нами ставилась задача выявить и сравнить особенности восприятия и интерпретации организационно-профессионального пространства татарскими и русскими руководителями, выраженные в типе организационной культуры, как реальной, так и относящейся к будущему (представление о желательном типе организационной культуры). Так как влияние объективных факторов среды опосредуется «воспринимающе-когнитивными системами индивида», то с помощью методики «Оценка организационной культуры» К. Куинна и К. Камерона выявлялся когнитивный компонент восприятия общего организационно-профессионального пространства, выраженного в типе организационной культуры производственного предприятия и научно-исследовательского института в интерпретации работников.

Сравнительный анализ показателей восприятия татарскими и русскими руководителями организационной культуры на производственном предприятии выявил, что первые в большей степени склонны интерпретировать организационно-профессиональное пространство как прежде всего наполненное следующими характеристиками: общие ценности и цели, сплоченность, соучастие, большой, дружный коллектив, преданность делу и организации ($t=2,14$; $p\leq 0,03$). В научно-исследовательском институте татарские менеджеры существенно выше, по сравнению с русскими менеджерами, воспринимают и оценивают «человеческие» свойства организационно-профессионального пространства: у них сильнее ощущение организации как «мы», они придают большее значение высокой степени сплочен-

ности коллектива и морального климата, высшее руководство предприятия оценивается ими как заинтересованное в дружном и сплоченном коллективе и проявляющее заботу о нем ($t=2,35$; $p\leq 0,02$).

В свою очередь, русские менеджеры, по сравнению с татарскими, в большей степени воспринимают и интерпретируют организационно-профессиональное пространство научно-исследовательского института как ориентированное прежде всего на результат или внешнее окружение, а не на персонал, и руководители оцениваются ими как излишне требовательные к наемным работникам ($t=-2,31$; $p\leq 0,03$).

Следовательно, в обоих организационно-профессиональных пространствах в «воспринимающе-когнитивных системах» татарских руководителей отмечается общая характерная тенденция конструировать образ организации, наполняя ее «человеческим», а не экономическим смыслом, тогда как «воспринимающе-когнитивные системы» русских менеджеров отличаются характерной особенностью выделять из организационно-профессионального пространства «рыночные» характеристики.

Данные дисперсионного анализа подтвердили, что показатель этнической принадлежности оказывает существенное влияние на восприятие и оценку организационно-профессионального пространства. Татарским респондентам в результате восприятия организационно-профессионального пространства свойственно создавать образ сплоченной организации, проникнутой общими ценностями и соучастием. В то же время, русские респонденты определяют организационно-профессиональное пространство, ориентированное не на внутреннюю интеграцию, а на внешнюю дифференциацию и итоговый результат или наполненное «рыночным» смыслом.

Кроме того, данные дисперсионного анализа показали, что из числа социально-демографических характеристик, оказывающих существенное влияние на восприятие и оценку организационно-профессионального пространства, в русской выборке также наибольшее значение имеют пол и возраст. Русские женщины, оценивая организационно-профессиональное пространство, имеют тенденцию выделять в ней прежде всего клановые характеристики, тогда как русские мужчины, по сравнению с русскими женщинами, имеют выраженную тенденцию выделять иерархические параметры организационно-профессионального пространства. Этот результат соотносится с данными других отечественных исследователей, вы-

являющих влияние гендерного параметра на восприятие организационной ситуации: русские женщины, в отличие от мужчин, воспринимают и определяют организационную культуру в большей степени как клановую (Дробышева, 2013).

С возрастом и у татарских, и у русских руководителей снижается тенденция воспринимать и оценивать такие характеристики организационно-профессионального пространства, как динамичность, предпринимательство, творческий подход, ориентация на риск и т. д. Этот факт представляется вполне очевидным и ожидаемым, так как подтверждает результаты других отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению феномена «риска» в руководящей деятельности (Личность профессионала..., 2013; Хашченко, 2007).

Еще одна отличительная особенность татарских представителей от русских состоит в том, что не выявлено влияния пола на восприятие и интерпретацию татарскими руководителями организационно-профессионального пространства.

Восприятие и интерпретация актуального организационно-профессионального пространства может быть ориентировано в будущее и становится представлением. Изучение представления о предпочитаемом организационно-профессиональном пространстве, конечно, имеет некоторые ограничения с точки зрения объективности данных в виде «положительного смещения» в пользу будущего. Информацию, относящуюся к будущему желательному организационно-профессиональному пространству, можно получить с помощью интуиции, и она носит предсказательный характер.

Результаты исследования не выявили статистически значимых различий между татарскими и русскими руководителями в их представлениях о предпочитаемом организационно-профессиональном пространстве. И татарские, и русские респонденты обеих организаций желают в будущем существенно увеличить прежде всего эмоционально-поддерживающие характеристики организационно-профессионального пространства, которые свидетельствуют об их направленности на поддерживающие отношения в трудовом коллективе. Это отражает специфику отношения татарских и русских респондентов к предпочтительным условиям организационно-профессионального пространства и еще раз указывает на психологические составляющие представлений о желательном пространстве деятельности, связанные с традиционной российской привязанностью, вне зависимости

от этнической принадлежности, к патерналистской модели организации. Кроме того, респонденты выразили желание увеличить долю адхократических параметров организационно-профессионального пространства, предполагающих динамизм, ориентацию на риск, новаторство, за счет уменьшения рыночных свойств. Можно предположить, что татарские и русские руководители открыты к переменам и настроены на инновационные изменения в организации.

По нашему мнению, представление о предпочитаемом образе организационно-профессионального пространства представляет собой разновидность определенной формы знания, функцией которого является выработка адаптационных стилей в среде. При этом нельзя забывать, что люди в произвольном или непроизвольном выборе адаптационных стратегий в среде ориентируются именно на собственные интерпретации. Отметим, что однородность у представлений о желательном будущем выше, чем у восприятия настоящего организационно-профессионального пространства. С позиции настоящего времени и татарские, и русские руководители настроены на организационные процессы, связанные с формированием сплоченной, дружной команды, с улучшением социально-психологического климата, с развитием инициативы работников, с ростом профессионализма, с формированием творческого отношения к работе.

Обобщая полученные результаты, необходимо отметить, что у татарских руководителей, в отличие от русских, сильнее выражены коллективистские характеристики в адаптационных механизмах, проявляющиеся в организационно-профессиональном пространстве: связи между людьми крепче, больше стремления к послушанию и порядку в организационно-профессиональном пространстве и т. д. Этот факт соотносится с другими отечественными исследованиями, согласно которым у русских представителей в их поведении коллективизм выражен в меньшей степени, чем у других народов России; русские более активно поддерживают развитие экономики, в большей степени настроены на перемены в окружающей среде, на реформы и т. д. (Журавлев, Нестик, 2010).

Следовательно, восприятие и оценка организационно-профессионального пространства опирается на существующие у татарских и русских руководителей когнитивные репрезентации разного типа. Таким образом, факт, что индивиды, принадлежащие одной и той же субкультуре, будут иметь общие варианты восприятия организационно-профессионального пространства, образует основу для исследова-

дования различий в восприятии среды субъектов, различающихся по некоторым значимым социокультурным характеристикам. Такие различия интересны как сами по себе, так и в качестве основы для понимания адаптационных стилей. Исследования, проводимые в данном ключе, пока крайне немногочисленны. Перспективой разработки концепции стилей совместной профессиональной деятельности является продолжение эмпирических исследований, учитывающих социокультурный фактор.

Литература

- Беломестнова Н. В.* Диахронический принцип типологии культур (естественно-системные детерминанты дифференциации культур), часть 1 // *Философские науки*. 2006. № 1. С. 81–92.
- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Дрынкина Т. И.* Социокультурные особенности организационного поведения (на примере татарских и русских руководителей): Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Толочек В. А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Хащенко В. А.* Типология субъективного экономического благополучия // *Психологический журнал*. 2007. Т. 28. № 1. С. 58–69.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.
- Ятманов А. Н.* Медико-психологическое сопровождение военнослужащих с нарушением адаптации: Методические рекомендации. Казань: Бук, 2018.

Организационная идентичность и поведенческие стратегии выпускников технического университета в процессе трудоустройства

Л. Н. Котлярова

Конкурентоспособность любой промышленной отрасли определяется наличием технических, экономических и организационных условий для создания, производства и сбыта продукции высокого качества, удовлетворяющей требованиям конкретных групп потребителей. Все многообразие конкурентных факторов сводится к двум основным: ресурсному и технологическому (Антонов, Иванова, Тумин, 2012; Армстронг, 2010). Для достижения успеха в конкурентной борьбе и сохранения лидирующих позиций необходимо непрерывно повышать эффективность этих факторов. Однако и развитие ресурсов, и совершенствование технологий возможно только при участии высококвалифицированных специалистов. Поэтому ведущими экспертами в области управления выделяется еще один ключевой фактор – человеческие ресурсы компании (Максимцев, 2015; Kochan, Dyer, 1993).

Многие государственные промышленные корпорации заинтересованы в привлечении к деятельности на своих предприятиях молодых специалистов, ориентированных на продолжительное рабочее взаимодействие и планирующих связать с отраслью свое профессиональное становление и развитие. Проведенный нами анализ годовых отчетов о деятельности отечественных предприятий промышленного производства, различных информационных источников по кадровой работе, докладов руководителей этих компаний и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что приток молодых специалистов на данный момент не вполне соответствует потребностям предприятий. Перед менеджментом по персоналу стоят неотложные задачи поиска и использования эффективных профессионально-ориентационных технологий по привлечению и подбору новых сотрудников.

В отечественной школе психологии труда на протяжении многих лет проводились исследования, разрабатывались и применялись

различные психологические технологии в кадровой работе, доказавшие свою высокую эффективность (Маклаков, 2008; Никифоров, 2010). Однако начавшаяся в 2012 г. и проводимая в настоящее время в нашей стране масштабная сертификация рабочих мест, обусловленная введением профессиональных стандартов, предъявляет и новые требования к технологиям работы с персоналом, в том числе и к привлечению внимания молодых специалистов к выбору приоритетного предприятия-работодателя и их эффективной адаптации в организации, коллективе и на рабочем месте. Для разработки подобных технологий необходимы психологические знания о готовности современных выпускников к профессиональной деятельности, их личностном потенциале и стратегиях поведения в процессе выбора организации-работодателя для трудоустройства.

Анализ современных работ в данной области позволил сделать вывод о том, что одним из наиболее значимых критериев психологической готовности и вовлеченности в трудовую деятельность является социальная идентичность (Липатов, 2012). Согласно теории Г. Тэджфела и Дж. Тернера, социальная идентичность является важным регулятором самосознания и социального поведения человека (Tajfel, Turner, 1985). Она складывается из отдельных составляющих и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям и группам. Особое место среди них занимают организации и социальные институты, в которых концентрируются ресурсы, рабочая сила и управление. Именно в организациях или при их содействии люди растут, учатся, работают, преодолевают трудности, вступают в многообразные отношения, развивают науку и культуру. Можно сказать, что в рамках организаций повсеместно осуществляется человеческая деятельность и формируется идентичность (Lipronen, 2001). Таким образом, доказанный многими учеными факт, что организационная идентичность является одним из наиболее значимых критериев психологической готовности и вовлеченности в трудовую деятельность, регулятором мотивации и поведения, определил цель и задачи нашего исследования.

Целью исследования стало изучение особенностей (структуры и степени выраженности) организационной идентичности у студентов-выпускников технического университета и определение взаимосвязей между организационной идентичностью, мотивацией учебной и профессиональной деятельности и поведенческими стратегиями в процессе выбора компании для трудоустройства.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение следующих задач:

- 1) определить степень выраженности организационной идентичности (ОИ) у студентов-выпускников, выделить на этом основании подгруппы с разной выраженностью данного показателя, определить структуру профиля по трем компонентам – аффективному, оценочному, когнитивному – в каждой из выделенных подгрупп;
- 2) определить особенности стратегий поведения выпускников в период выбора приоритетного предприятия для трудоустройства в подгруппах, выделенных по показателю ОИ;
- 3) определить особенности мотивации учебной и профессиональной деятельности в подгруппах, выделенных по показателю ОИ.

Исследование было проведено в период с 2013 по 2016 гг., в нем участвовало 586 студентов выпускных курсов технического университета очной формы обучения. Возраст респондентов – от 21 до 23 лет ($M=22$, $SD=0,83$), в выборке 73% мужчин и 27% женщин. При формировании выборки применялся прием простого случайного (рандомизированного) отбора.

Опрос проводился за месяц до окончания обучения в университете. Респонденты, согласившиеся принять участие в исследовании, были приглашены в социально-психологическую службу для прохождения интервью (опроса и беседы) и тестирования. С респондентами, согласившимися поддерживать контакты в целях исследования процессов протекания их адаптации в организации, проводились дополнительные опросы и тестирование в течение года. Это позволило определить период времени, в течение которого молодые специалисты трудоустраиваются, а также проанализировать степень их удовлетворенности выбором предприятия-работодателя.

Для определения уровня и структуры ОИ использовался авторский опросник, составленный на основе методики Ф. Маэла и Б. Эшфорта (Mael, Ashfort, 1992). При составлении опросника мы придерживались представления о том, что организационная идентичность является интегральной характеристикой, включающей в себя когнитивный, аффективный и оценочный компоненты. Текст опросника состоял из 30 утверждений (по 10 утверждений относительно каждого из перечисленных выше компонентов ОИ), касающихся оценки

студентами-выпускниками своей идентичности с организацией, выбранной для трудоустройства. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с приведенными утверждениями по трехбалльной шкале (высокая – 2 балла, средняя – 1 балл, низкая – 0 баллов). Затем оценки суммировались и определялась степень организационной идентичности с компанией (фактор ОИ). Суммарная оценка по шкале ОИ могла находиться в диапазоне от 0 до 60 баллов. Диапазон суммарных оценок по каждому из трех компонентов организационной идентичности – от 0 до 20 баллов.

Для определения стратегий поведения использовались авторские методики, направленные на выявление поведенческих стратегий и защитных механизмов (Ростовский, Котлярова, 2010). После проведения опроса в каждой подгруппе была определена структура поведенческих стратегий.

Для выявления мотивации учебной и будущей профессиональной деятельности применялись: опросник Н. В. Бордовской и Е. П. Ильина «Оценка мотивов профессиональной деятельности», позволяющий выявить мотивы самоутверждения в труде, социальной значимости труда, профессионального мастерства, собственного труда; опросник «16 мотивов учебной деятельности»; опросники Т. Элерса «Мотивация на достижение успеха» и «Мотивация избегания неудач», «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» и «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач». Комплекс использованных методик позволил выявить 4 вида профессиональной мотивации, спектр из шестнадцати видов мотивации учебной деятельности, определить выраженность мотивации к достижению успеха и мотивации к избеганию неудач в учебной и профессиональной деятельности. По итогам тестирования были составлены мотивационные профили для каждой подгруппы, выделенные по фактору, отражающему степень выраженности организационной идентичности (ОИ).

В результате опроса по методике «Организационная идентичность» установлено, что диапазон *показателя ОИ* в выборке варьировал в пределах от 7 до 55 баллов, распределение носило нормальный характер. Выборка была разделена на три группы: с высокими показателями по данному фактору (свыше 40 баллов, среднее значение – $47 \pm 6,8$, условное название – группа «А») – 36% респондентов от общей выборки; средними (от 20 до 39 баллов, среднее значение – $28 \pm 7,8$, условное название – группа «В») – 40% респондентов;

и низкими (до 19 баллов, среднее значение – $13 \pm 5,7$ условное название – группа «С») – 24% респондентов.

В каждой из групп определялась *структура ОИ*. Были выявлены следующие тенденции: в группе «А» ведущим оказался когнитивный компонент; в группе «В» – оценочный, в группе «С» – аффективный.

Расчет периодов времени, в течение которых молодые специалисты трудоустроивались (количество дней с момента окончания университета и до трудоустройства, усредненные показатели по группам) дал следующие результаты: в группе «А» – $31 \pm 4,8$, в группе «В» – $38 \pm 6,6$, в группе «С» – $56 \pm 10,2$ дней. Статистически значимые различия по данному показателю выявлены между группами «А» и «С».

Оценка *степени удовлетворенности* выбором компании-работодателя проводилась путем опроса молодых специалистов через три месяца после окончания университета. В группах «А» и «В» показатели были высокими, статистически значимых различий между данными группам не обнаружено. В группе «С» показатели оказались низкими, на статистически значимом уровне отличающимися от аналогичных показателей группы «А».

Анализ *мотивационных факторов и поведенческих стратегий* в группах с разным уровнем организационной идентичности показал следующее.

По группе «А» (высокие показатели ОИ) выявлено, что в структуре мотивов учебной деятельности (профиль составлен на основе ранжирования) наиболее выражены следующие: приобрести глубокие и прочные знания, стать высококвалифицированным специалистом, получать интеллектуальное удовлетворение от работы. Низкие ранги соответствовали следующим мотивам учебной деятельности: избегать осуждения и наказания за плохую учебу, постоянно получать стипендию, быть постоянно готовым к очередным занятиям. В профиле мотивов профессиональной деятельности преобладают мотив профессионального мастерства, мотив социальной значимости труда, мотив самоутверждения в труде, мотив собственного труда. Анализ результатов опроса по методикам Т. Элерса позволил сделать вывод о том, что у респондентов группы «А» выраженная мотивация к достижению успеха сочетается с умеренно выраженной мотивацией к избеганию неудач. В ходе анализа поведенческих стратегий установлено, что в этой группе преобладали стратегии активного взаимодействия с работодателем, самопрезентации, рационализации, накопления личностного потенциала.

В группе «В» (средние показатели ОИ) мотивационный профиль характеризовался следующими особенностями. В структуре мотивов учебной деятельности наиболее выражены следующие: быть примером для сокурсников, сдавать экзамены на «хорошо и отлично», обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности. На самых низких рангах в мотивационном профиле оказались следующие мотивы: выполнять педагогические требования, быть постоянно готовым к учебным занятиям, избегать осуждения и наказания за плохую учебу. В профиле мотивов профессиональной деятельности выявлено следующее распределение: мотив профессионального мастерства, мотив самоутверждения в труде, мотив социальной значимости труда, мотив собственного труда. По методикам Т. Элсера у респондентов группы «В» выраженная мотивация к достижению успеха сочетается со слабо выраженной мотивацией к избеганию неудач. Такое соединение личностных свойств может способствовать развитию склонности к рискованному поведению. В поведенческих стратегиях респондентов группы «В» преобладали поиск компании для трудоустройства через специализированные центры (кадровые агентства, рекрутинговые компании), доминирование, сверхкомпенсация, рационализация.

В группе «С» (низкие показатели ОИ) мотивационный профиль характеризовался следующими особенностями. В структуре мотивов учебной деятельности наиболее выраженными оказались следующие: избегать осуждения и наказания за плохую учебу, получать стипендию, не отставать от сокурсников. На самых низких рангах в мотивационном профиле – добиться уважения от родителей и окружающих, стать высококвалифицированным специалистом, получать интеллектуальное удовлетворение от деятельности. Структура мотивов профессиональной деятельности такова: мотив собственного труда, мотив самоутверждения в труде, мотив социальной значимости труда, мотив профессионального мастерства. Достаточно отчетливо проявилась мотивация к избеганию неудач, слабо выражена мотивация на достижение успеха (по методикам Т. Элсера). Ведущие поведенческие стратегии в группе «С» таковы: предпочтение опосредованного взаимодействия с работодателем (поиск места работы через СМИ, знакомых), усложнение, формирование барьеров, отказ от поддержки со стороны референтной группы.

Обобщая результаты, полученные в исследовании, можно отметить следующие тенденции. Поведение студентов с высокими пока-

зателями организационной идентичности (группа «А») в процессе выбора компании-работодателя отличается высокой организованностью и активностью взаимодействия с работодателем, желанием продемонстрировать свои компетенции, стремлением быстрее трудоустроиться и приступить к профессиональной деятельности. Учебная и профессиональная мотивация направлены на профессионально-личностное развитие и высокие достижения в работе, получение интеллектуального удовлетворения от деятельности. Для респондентов данной группы важно, чтобы их профессиональная деятельность носила социально значимый характер. Респонденты группы «А» отметили высокую удовлетворенность своим выбором в отношении компании-работодателя.

Поведение студентов-выпускников со средним уровнем организационной идентичности (группа «В») в процессе поиска компании для трудоустройства отличалось организованностью и поисковой активностью, склонностью к риску, стремлением быстрее трудоустроиться и приступить к профессиональной деятельности. Учебная и профессиональная мотивация направлены на профессионально-личностное развитие и обеспечение условий для своего успешного профессионального продвижения. Респонденты данной группы отметили высокую удовлетворенность выбором компании-работодателя.

Низкая организационная идентичность (группа «С») соотносится с низкой активностью студентов в отношении трудоустройства. Кроме того, у респондентов с низкими показателями ОИ выявлены неэффективные поведенческие стратегии – отсутствие плана по трудоустройству, поиск вакансий через СМИ, уход от решения проблем, склонность к усложнению ситуации, стремление к избеганию неудач, переживание страха наказания. Очевидно, что данную группу следует рассматривать в качестве группы риска, которая нуждается в психологическом консультировании при выборе компании-работодателя и в процессе трудоустройства.

Результаты исследования показывают, что поведение студентов-выпускников в процессе выбора компании для трудоустройства зависит от сформированности (степени выраженности) у них организационной идентичности. Различная степень выраженности организационной идентичности соотносится с различными поведенческими стратегиями в процессе выбора работодателя. Согласно данным нашего исследования, наиболее подготовленными к трудо-

устройству в анализируемой ситуации оказались студенты-выпускники с выраженной организационной идентичностью, а слабо подготовленными – респонденты с низко выраженной организационной идентичностью.

Выявленные в результате исследования закономерности позволили составить рекомендации для Центра развития карьеры студентов НИЯУ «МИФИ» по созданию организационных условий, способствующих формированию организационной идентичности студентов.

Литература

- Антонов Г. Д., Иванова О. П., Тумин В. М.* Управление конкурентоспособностью организации. М.: Инфра-М, 2012.
- Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2010.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2008.
- Липатов С. А.* Проблема взаимодействия человека и организации: Концепции и направления исследований // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2012. № 1. С. 85–96.
- Маклаков А. Г.* Профессиональный психологический отбор персонала: Теория и практика. СПб.: Питер, 2008.
- Максимцев И. А.* Управление человеческими ресурсами. М.: Юрайт, 2015.
- Никифоров Г. С.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2010.
- Ростовский В. П., Котлярова Л. Н.* Психология и педагогика. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.
- Allen N., Meyer J. P.* The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // Journal of Occupational Psychology. V. 63 (1). 1990. P. 1–18.
- Kochan T. A., Dyer L.* Managing transformational change: The role of human resource professionals // International Journal of Human Resource Management. 1993. V. 4 (3). P. 509–590.
- Lipponen J.* Organizational identifications: Antecedents and consequences of identifications in a shipyard context. Helsinki, 2001.
- Tajfel H., Turner J. C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7–24.

Чувственные характеристики мужского дружеского общения

Л. В. Куликов, О. В. Грива

Различные аспекты отношений между людьми закономерно являются одним из самых востребованных объектов психологического анализа. Их многомерность отражается в тех многообразных межличностных и межгрупповых феноменах, которым уделяется внимание в конкретных теоретических и экспериментальных работах (Ковалева, 2008; Куликов, 2018; Купрейченко, 2008; Позняков, 2016).

Основное внимание в изучении межличностных отношений исследователи уделяют феномену близости в супружеских, любовных, романтических отношениях (Крюкова, Сапоровская, 2016). Анализ проблемы показал, исследователи наиболее часто выделяют в этом феномене такие аспекты, как самораскрытие, взаимная зависимость, чувства теплоты и привязанности (Куликов, Пастушик, 2009). В качестве центрального компонента близких отношений рассматривается самораскрытие. Близость раскрывается в русле двух основных категорий – как отношение и как взаимодействие. В качестве детерминант эмоциональной близости выступают такие личностные образования, как самооценка, уровень эмпатии, нейротизм, открытость новому опыту.

Близость в дружеских отношениях до настоящего времени не являлась предметом научного анализа. Вряд ли можно подвергать сомнению, что партнерами по отношениям близость не только осознается, оценивается, но и многопланово переживается. В чувственном наполнении отношений – составе переживаемых чувств и их силе – заключена сущность феномена эмоциональной близости. Эта важнейшая составляющая субъективной картины отношений изучена явно недостаточно.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-06-50140-ОГН.

Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики: «Профиль чувств в отношениях (ПЧО)» Л. В. Куликова (Куликов, 2003), «Личностный дифференциал (ЛД)» (Бажин, Эткин, 1983), «Субъективная оценка межличностных отношений (СОМО)» С. В. Духновского (Духновский, 2010), «Диагностика межличностных отношений» (ДМО, модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири) (Собчик, 1990).

Назначение методики ПЧО — выявление чувств опрашиваемого субъекта к другому человеку (другим людям). Опросник ПЧО позволяет составить представление о чувствах, переживаемых личностью в ситуациях межличностного взаимодействия, он охватывает пять кластеров чувств, которые, согласно устоявшейся в психодиагностике традиции, можно рассматривать как шкалы методики, — это два кластера *интеракционных чувств* и три кластера *настроечных чувств*. Первые регулируют дистанцию между коммуницирующими субъектами. В них выделяются девять пар противоположных друг другу чувств — *сближающих* и *удаляющих*. В *сближающих чувствах* выражено принятие другого человека, стремление сблизиться с ним, уменьшить межличностную дистанцию. В этот перечень входят: единство (общность), дружелюбие, добросердечие, уверенность, собственная значимость, гордость, признательность, уважение, любовь. В *удаляющих чувствах* выражено неприятие, стремление удалиться, в этот перечень входят: одиночество, отвращение, злоба, вина, зависть, стыд, обида, презрение, ненависть. Ко вторым, *настроечным*, отнесены 26 чувств, разделенных на три кластера: 1) гедонические (приятные); 2) астенические (чувства бессилия, немощи); 3) меланхолические (чувства уныния, гнетущие). Кластеры настроечных чувств в методику ПЧО включены для того, чтобы можно было зафиксировать их изменение, возникающее в ситуациях общения со значимым человеком. При этом мы исходим из того, что различного рода фигуры (актанты) социально-психологического пространства личности выступают весьма весомыми причинами изменения ее эмоционального (душевного) состояния. Поскольку их влияние значительно, то целесообразно фиксировать изменения настроечных чувств и оценивать размах этих изменений. При обработке результатов учитываются как оценки силы отдельных чувств, так и кластерные индексы чувств — суммы баллов, входящих в соответствующий кластер чувств. Очевидно, что *настроечные чувства* оказывают свое регулирующее влияние в различных жизненных ситуациях, при раз-

ных видах активности. Ситуации, в которых субъект взаимодействует с другими людьми, реагирует на их слова и действия, реализует те или иные модели коммуникационного поведения, отличаются от ситуаций, в которых человек не включен в актуальный момент времени в прямой контакт, в непосредственное взаимодействие. То различие в настроечных чувствах, которое можно обнаружить, сравнивая две названные категории ситуаций (фоновые и коммуникационные), мы трактуем как интеракционное изменение чувств, как коммуникационный тренд (сдвиг) в настроенческих чувствах.

Методика «Личностный дифференциал» (ЛД) позволяет получить информацию о трех аспектах отношений респондента к себе или другим людям. Она использовалась в двух вариантах: 1) оценка личностных черт имеющегося (реального) друга и 2) желаемые черты друга (идеального, воображаемого).

В опроснике СОМО четыре шкалы, с помощью которых можно сделать количественные оценки ряда сторон межличностных отношений. В нашей интерпретации словесные обозначения полюсов этих шкал таковы: непринужденные – напряженные отношения (С-Н), отношения с доверием – без доверия (С-О), с согласием – без согласия (С-К), дружелюбные – неприязненные (С-А). Суммирование баллов по отдельным шкалам позволяет получить интегральный показатель – гармоничность межличностных отношений (шкала С-Г).

Методика ДМО позволяет оценить склонность к определенному стилю межличностного взаимодействия по восьми параметрам (октантам). Первые четыре помогают получить количественные оценки уверенности в себе, независимости мнения, упорства в отстаивании собственной точки зрения, тенденций к лидерству и доминированию. Вторые четыре октанта раскрывают противоположные тенденции: преобладание конформных установок, податливость мнению окружающих, склонность к компромиссам. Данная методика также использовалась в двух вариантах, позволяющих выявить коммуникативные характеристики реального и идеального (желаемого) друга.

Выборку составили студенты 1-го и 4-го курсов лечебного факультета Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова – 64 человека мужского пола (17–25 лет, средний возраст 19 лет). Респонденты оценивали отношения с друзьями (своего пола).

Были вычислены базовые статистики для каждого пункта (в нем названо чувство) методики ПЧО и кластерных оценок настроечных

чувств – гедонических, астенических, меланхолических. Полученные значения переменных сопоставлялись с нормативными величинами, вычисленными на выборке мужчин, включающей 461 человека. Анализ показал, что общение с другом усиливает все (входящие в перечень ПЧО) гедонические (приятные) чувства: удовольствие, уверенность, радость, счастье, интерес, спокойствие, бодрость и восторг. Наиболее сильное влияние подобного общения было обнаружено на ощущения раскрепощения и удовлетворенности. Позитивный коммуникационный тренд проявлялся в ослаблении негативных настроечных чувств: астенических (растерянность, скованность, страх, тревога, бессилие, тщетность, неудовлетворенность собой, напряжение, усталость) и меланхолических (тоска, печаль, грусть, уныние, разочарование, скука, досада). Наиболее выраженным оказалось снижение чувств усталости и напряжения.

Числовые величины сближающих интеракционных чувств к другу и гедонических настроечных чувств в общении с ним имеют положительную связь с показателями ряда стилей межличностного взаимодействия (по методике ДМО) – первым, седьмым и восьмым октантами в оценках качества реального друга и вторым и третьим октантами в оценках идеального друга (различия значимы, $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что для актуализации гедонических и сближающих чувств к реальному другу среди ряда его коммуникативных качеств наибольшее значение имеют такие, как уверенность в себе, умение быть хорошим советчиком, стремление к тесному сотрудничеству с окружающими, готовность помогать и ответственность. Для людей, испытывающих сближающие чувства к другу повышенной силы, особенно важно обнаруживать в друге независимость в оценках, искренность и непосредственность, что отражено в связях с характеристиками идеального друга.

Обнаружено множество корреляционных значимых связей ($p \leq 0,01$) кластерных показателей, а также отдельных настроечных и интеракционных чувств с субъективными оценками межличностных отношений по методике СОМО. Особенно тесные связи выявлены между удаляющими чувствами и всеми шкальными показателями этого опросника. Чем меньше в отношениях принужденности, доверия, согласия, дружелюбия и, в целом, гармонии в отношениях, тем более выражены удаляющие чувства. Особенно тесные связи ($p \leq 0,01$) выявлены между субъективными оценками дисгармонии межличностных отношений и чувствами злобы, обиды, отвраще-

ния, одиночества, стыда. Несколько слабее связи у показателей недоверия, напряженности, дисгармонии отношений с баллами чувств презрения ($p \leq 0,01$) и недружелюбия ($p \leq 0,05$), а также вины ($p \leq 0,05$).

Несколько слабее, но значимы ($p \leq 0,01$) связи кластерного показателя меланхолических чувств со всеми пятью шкальными оценками межличностных отношений по методике СОМО. По нескольку значимых связей выявлены у чувств разочарования ($p \leq 0,01$), досады ($p \leq 0,01$), тоски ($p \leq 0,01$), скуки ($p \leq 0,01$), уныния ($p \leq 0,05$), грусти ($p \leq 0,05$), печали ($p \leq 0,05$). Достоверно значимы связи астенических чувств – тщетности ($p \leq 0,01$), неудовлетворенности собой ($p \leq 0,01$), бессилия ($p \leq 0,01$), напряжения ($p \leq 0,01$), скованности – с показателями недоверия ($p \leq 0,01$), дисгармонии ($p \leq 0,01$), напряженности ($p \leq 0,05$), несогласия ($p \leq 0,05$), недружелюбия ($p \leq 0,05$).

Сближающие чувства к другу достоверно значимо связаны с величинами факторов «Личностного дифференциала» – оценки ($p \leq 0,01$), силы ($p \leq 0,01$), активности ($p \leq 0,05$). Гедонические чувства в общении с другом достоверно значимо связаны с величинами факторов оценки ($p \leq 0,01$) и активности ($p \leq 0,05$). С такой картиной корреляций весьма сходны связи сближающих и гедонических чувств с показателями факторов ЛД при описании желаемых характеристик друга. Различия в значениях факторов при описании имеющегося (реального) друга и описании желаемых характеристик друга достоверно значимы только по фактору оценки: средняя величина в варианте описания имеющегося друга 15,60, а идеального друга – 11,22. Есть некоторое превышение средних величин по факторам силы и активности в варианте описания желаемых характеристик друга.

Сравнение чувств к другу у лиц с различной дистанцией в отношениях позволило выявить целый ряд различий в выраженности интеракционных чувств, как в показателях кластеров чувств (шкальных показателях), так и в отдельных чувствах. В подвыборке респондентов с малой дистанцией в отношениях с другом сближающие чувства сильнее ($p \leq 0,05$), а удаляющие слабее ($p \leq 0,05$). В кластере сближающих чувств их ранжирование (в порядке снижения) по силе такое: дружелюбие, добросердечие, уважение, признательность, единство, собственная значимость, уверенность в правоте, любовь, гордость за себя. В подвыборке респондентов с увеличенной дистанцией в отношениях с другом удаляющие чувства сильнее, чем в подвыборке респондентов с малой дистанцией в отношениях. Несколько более других удаляющих чувств выражены чувства обиды, вины, завис-

ти, злобы. Необходимо отметить, что абсолютная величина числовых показателей выраженности удаляющих чувств невелика, а именно: наибольшая выраженность — у чувства обиды (средняя величина 2,56 по семибалльной шкале), наименьшая — у чувств отвращения и ненависти (0,94).

Анализируя связи показателей чувств с показателями методик, предназначенных для диагностики личностных свойств, нетрудно заметить, что позитивные чувства — сближающие и гедонические — более выражены в тех дружеских отношениях, где друг воспринимается как человек сильный, уверенный в себе, независимый, самостоятельный. Причем эти характерологические особенности акцентированы и в желаемых чертах друга. Вторым по значимости фактором выступает степень доверия. Эти результаты мы интерпретируем как доказательство того, что важной детерминантой установления и поддержания дружеских отношений выступает потребность иметь надежную опору и тем самым быть более защищенным от разного рода неприятностей, возможного внешнего негативного влияния. Сопереживание, сочувствие, сострадание может проявить и человек, не обладающий перечисленными чертами, но соучастия во времяпровождении, обсуждения тех или иных событий, обмена впечатлениями и мнениями, даже при насыщенном эмоциональном контакте и симпатии, недостаточно. Стоит учесть характер жизненной ситуации, в которой находятся студенты, составившие нашу выборку. Безусловно, что студент медицинского вуза должен выдерживать высокую интеллектуальную нагрузку. Дружеское участие в этом плане не может дать ее существенного облегчения — процесс накопления собственных профессиональных знаний и умений по своей природе внутренний. В учебной работе нет жесткой конкуренции, нет факторов риска, характерных для ряда профессий, и т. п. Повышенная значимость таких личностных качеств, как уверенность, сила, самостоятельность, по-нашему мнению, обусловлена не тем, что от друга ожидается весомая помощь в преодолении тех или иных препятствий или трудностей. В студенческом продолжается становление личности, и в этом процессе велика роль механизмов идентификации, которые облегчают и ускоряют формирование образа Я, позволяют векторизовать работу по самосовершенствованию. Если друг обладает теми чертами, которые входят в образ Я-желаемого, то сближающие чувства к нему усиливаются. Вероятно, потребность в идентификации во многих дружеских связях сочетается

с референтными предпочтениями. Партнер по дружеским отношениям в числе ряда значимых качеств должен обладать референтностью, а именно: те качества, которые особенно важны для оценивающего субъекта, он хочет обнаруживать у своего друга.

Дружеское общение преобразует настроенные чувства в лучшую сторону. Подтверждена гипотеза о взаимосвязи интеракционных (диспозиционных) чувств и дистанции в межличностных отношениях. У мужчин с малой дистанцией в отношениях с другом сближающие чувства сильнее, а удаляющие чувства слабее. В дружеских отношениях как с уменьшенной, так и с увеличенной дистанцией обнаруживается широкий спектр удаляющих чувств, имеющих невысокий уровень силы. Отсутствие гармонии в отношениях (непринужденности, доверия, согласия, дружелюбия) связано с возрастанием интенсивности удаляющих чувств, в наибольшей степени — злости, обиды, отвращения, одиночества, стыда.

Позитивные чувства — сближающие интеракционные и гедонические настроенные — сильнее в тех дружеских отношениях, где друг воспринимается как человек сильный, уверенный в себе, независимый, самостоятельный. Чем больше у друга обнаруживается черт, которые входят в образ Я-желаемого, тем больше выражены сближающие чувства к нему. Весомым фактором усиления сближающих чувств и ослабления удаляющих (астенических и меланхолических) чувств выступает степень доверия в отношениях.

Литература

- Бажин Е. Ф., Эткин А. М.* Личностный дифференциал: Методические рекомендации. Л.: Изд-во ЛНИПИ им. В. М. Бехтерева, 1983.
- Духновский С. В.* Диагностика межличностных отношений: Психологический практикум. СПб.: Речь, 2010.
- Ковалева Ю. В.* Психологический аспект геополитических отношений // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 154–166.
- Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В.* Стрессы семейных отношений: тенденции и эффекты совладания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 174–195.
- Куликов Л. В.* Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности:

Описание методик, инструкции по применению. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

Куликов Л. В., Пастушик М. М. Обзор зарубежных исследований по проблеме эмоциональной близости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. «Социология». 2009. Вып. 4. С. 161–167.

Куликов Л. В. Петрова Д. К. Чувственные характеристики взаимоотношений свекрови и невестки // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2. С. 167–190.

Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Позняков В. П. Психологические отношения человека: история развития и современное состояние исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 24–47.

Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири: Методическое руководство. М.: Московский кадровый центр Мосгорисполкома, 1990.

Идеальный образ Я и идеальный образ мира субъекта познания и общения на примере модели перфекционизма

Н. Д. Нагибина, Л. А. Сабра

Социум формируется с помощью воспитания, ориентированного на соблюдение определенных правил и законов. Развитие человека имеет некие этические и эстетические эталоны: образ идеального Я и образ идеального Мира. Перфекционизм как характеристика человека в его стремлении к идеалу относительно недавно вошел в предметное поле психологии личности и социальной психологии. Ранее изученный клинически, перфекционизм как социальное явление долгое время нуждался в исследовании. На пути его анализа как стремления к совершенству встает несколько вопросов: какова содержательная наполненность идеалов Я и идеалов Мира? Кто устанавливает «стандарты» идеального Я и идеального Мира?

Многочисленные модели перфекционизма отражают основные условия развития этого качества, исходя из авторской позиции исследователя. В модели, предложенной Р. Фростом, перфекционист устанавливает высокие требования (стандарты) и испытывает озабоченность по поводу соответствия этим требованиям (стандартам). В качестве отдельных шкал заложены оценки (восприятие перфекционистом этих оценок): одна шкала (оценка) своих (либо обществом заложенных) стандартов, две шкалы сомнений по поводу качества выполнения (правильности действий и качества действий) и три шкалы восприятия правильности и качества действий со стороны других (родителей и организации). Таким образом, перфекционизм содержательно понимается как «восприятие себя идеальным со стороны требований родителей и заказчиков (организации)» (Frost, 1990, p. 450).

Р. Хьюитт и Г. Флетт (Hewitt, Flett, 1991) попытались показать, что свойство перфекционизма многомерно и включает в себя как личностные, так и социальные компоненты. «Мы описываем три измерения перфекционизма. Для *Я-ориентированного* (self-oriented

perfectionism) перфекционизма характерны критичное отношение к собственному поведению, установление барьеров своих возможностей, стремление к избеганию неудач и ориентировка на собственные достижения. *Они-ориентированный, или адресованный к другим, перфекционизм* (other-oriented perfectionism) характеризуется перекладыванием ответственности и вины на других, чувством недоверия и враждебности к окружающим. *Социально-обусловленный перфекционизм* (socially prescribed perfectionism) предполагает опору на оценку референтной группы, спутника жизни, друзей, коллег. Таким образом, первые два вида перфекционизма имеют в своей основе дихотомию *ответственности за результат*: ответственен Я (self-oriented perfectionism) — ответственен не Я, а другие (other-oriented perfectionism). Третий вид перфекционизма предполагает *ориентацию на стандарты* извне, он отвечает на вопрос: «Кто или что устанавливает стандарты для Я-идеала?» Жаль, что авторы не провели для этой характеристики дихотомию, так как стандарты могут быть установлены как другими, так и самостоятельно. На наш взгляд, было бы правильно провести шкалу: ориентация на стандарты изнутри (устанавливаемые безотносительно к требованиям окружения) — один полюс; ориентация на стандарты извне (требования культуры и общества) — противоположный полюс.

Анализируя разные модели и структуру перфекционизма, Н. Г. Гаранян отмечает: «Острым дискуссионным моментом остается вопрос о психологической структуре перфекционизма, в частности, о правомерности включения интерперсональных параметров в данный конструкт. Мнения исследователей по данному вопросу остаются резко поляризованными. Сама феноменология интерперсонального перфекционизма нуждается в уточнении. Так, в описании „адресованного к другим людям перфекционизма“ фигурируют требования относительно безупречности поведения других, высокие стандарты их достижений и непереносимость ошибок в деятельности близких. На наш взгляд, в это описание не вошли некоторые важные аспекты интерперсонального перфекционизма — чрезмерные требования к качеству самих отношений (например, количеству проявляемого внимания и заботы, степени взаимопонимания в дружбе и т. д.), а также перманентное ревнивое отслеживание успехов других людей и сравнение себя с ними по принципу „Чужие достижения — свидетельство моей несостоятельности“. Таким образом, структура перфекционизма нуждается в дальнейшем уточнении» (Гаранян, 2006, с. 59).

Целью исследования И. И. Грачевой стало выявление и описание специфических особенностей содержания идеалов испытуемых с разным уровнем перфекционизма. Показано, что «наиболее продуманны, сложны и дифференцированы представления об идеале у личностей с высоким уровнем перфекционизма („перфекционистов“). Идеалы испытуемых с высоким и средним уровнем перфекционизма, в отличие от идеалов испытуемых с низким уровнем перфекционизма, предполагают социально приемлемые способы достижения. Описывая различные, подчас являющиеся противоположностью друг другу, идеальные образы, испытуемые с низким уровнем перфекционизма намечают для себя различные пути самоутверждения, как социально одобряемые, так и социально порицаемые» (Грачева, 2006, с. 23).

Таким образом, как показали многочисленные исследования, существуют разные цели и разные ориентиры для перфекциониста. Необходимо учитывать этот факт при работе с людьми.

Практически нет моделей, в которых были бы непротиворечиво объединены внешние и внутренние условия. Нам представляется, что назрел момент системного подхода, в котором был бы реализован основной тезис С. Л. Рубинштейна – «*внешние причины действуют через внутренние условия*» (Рубинштейн, 1957, с. 209). На этом пути встает проблема учета значительного числа переменных и выбора из них самых существенных. Здесь особую важность приобретают уже не количественные, а качественные методы исследования, поскольку содержательная сторона идеалов Я и идеалов Мира выходит на первый план.

Идеал и идеальный образ имеет различия для разных культур. Особенно явно выражены эти различия для восточной и западной культуры, начиная с различий в моделях личности. Однако основной спектр этических концепций достаточно широк и во многом пересекается. Культура несет в себе некие коды идеала и ритуалы в стратегиях его достижения.

Человеку дана возможность выбора идеального образа Я и идентификации с уже существующими эталонами. Этот выбор направляется разными силами: требованиями общества, моральными установками, жизненным опытом, сознательными и неосознаваемыми влечениями и др.

Западный идеал человека, несмотря на все его разнообразие, ориентирован на силу и доминирование Я. Герой может и должен пере-

делать Мир. «Западная культура развивалась таким образом, что создала основу для осуществления полного опыта индивидуальности. Посредством предоставления индивиду политической и экономической свободы, посредством его воспитания в духе самостоятельного мышления и освобождения от любой формы авторитарного давления предлагалось дать возможность каждому отдельному человеку чувствовать себя в качестве Я в том смысле, чтобы он был центром и активным субъектом своих сил и чувствовал себя таковым» (Фромм, 1988, с. 450).

Идеал восточного человека — достижение величайшей мудрости и подчинение своих амбиций общественным нормам и законам Космоса. Ф. Сэйка в своих трудах говорит: «Если человек очистит свою „сиятельную добродетель“, проявит искренность и будет соблюдать „пять постоянных добродетелей“ (гуманность, справедливость, благопристойность, разумность и благонадежность) и „пять неизменных принципов в отношениях между людьми“ (между господином и подданным, родителем и ребенком, мужем и женой, старшим и младшим братьями и между друзьями), то он достигнет совершенной мудрости в согласии с Путем Неба» (Сэйка, 1998, с. 434). «Восточная традиция побуждает нас взглянуть на мир новыми глазами, ибо Восток исповедует непосредственное, открытое этическое восприятие, не стремясь к логическому обоснованию цели жизни, потому что цель жизни и жизнь не рассматриваются в отрыве друг от друга» (Мак-Грил, 1998, с. 6).

Таким образом, основные различия перфекционистов западной и восточной культур проходят по следующей шкале: идеальный Я устанавливаю идеалы Миру (западный эталон) — Идеальный Мир устанавливает идеалы Мне (восточный эталон). Внутренние условия, некая природная предрасположенность к выбору и предпочтению западного и восточного идеала заложена в когнитивном стиле (в широком смысле) человека. Здесь опять нужно выделить самое существенное, целостное и максимально устойчивое в аппарате познания. Следует отметить, что до сих пор остается нерешенной проблема, сформулированная еще в 1900 г. основателем дифференциальной психологии В. Штерном — изучения характеристик познания и поведения с учетом субъектцентрированности и объектцентрированности. Эти термины были введены им в научную психологическую терминологию в работе «Психология индивидуальных различий». В. Штерн отмечает: «Отношение субъекта к объекту проявляется в самых различ-

ных психических функциях – в восприятии и взятии на заметку, в суждении и оценке, в желаниях и поступках, – повсюду, где возможно (по крайней мере, теоретически), что преобладание объективного и преобладание субъективного моментов типично различаются» (Штерн, 1998, с. 141).

Н. Л. Нагибиной, ее учениками и последователями (А. В. Антоненковым, Н. Г. Артемцевой, А. П. Афанасьевым, Т. Н. Грековой, И. В. Грековым, И. Дауэнхауэром, С. А. Ивановой, И. И. Ильясовым, А. В. Масленниковым, Ю. Л. Огарковым, Н. Ю. Рыжовой, Л. А. Сабра, Т. П. Смирновой и др.) на основе многочисленных эмпирических исследований показано, что субъектцентрированность и объектцентрированность – два полюса ориентированности (установки) в познании. Познание понимается как переработка (анализ и синтез) информации о себе и мире. Две системы познания человека – осознаваемая и неосознаваемая переработка информации – имеют установки на Мир (объектцентрированность) и на Я (субъектцентрированность). Вариации сочетаний этих типов познания и установок дают 12 устойчивых психотипов, которые составляют основу психосмологии (Нагибина, 2014).

Связь перфекционизма как стремления к идеалу с психотипами психосмологии была проверена в серии эмпирических исследований. Испытуемыми стали 76 человек, распределенные по 12 типам психосмологии. Для определения установки в познании использовались методика «Открой свое Я» (Нагибина, 2008). Проверялась количественная оценка согласия с утверждением «Я-перфекционист» по шкале от 1 до 10 баллов для каждого из четырех секторов психосмологии. Проверка значимости различий по Т-критерию Стьюдента показала отсутствие значимых различий. В каждом секторе есть все оценки от 1 до 10, большинство оценок в интервале между 5 и 6. Средняя – 5,8.

Связь субъектцентрированности и объектцентрированности с ориентировкой перфекционизма (ориентация на оценки других или безразличие к тому, что о них думают другие) проверялась в ответах на вопрос, который для испытуемых был сформулирован следующим образом: «Для меня в глазах других людей всегда и во всем важно выглядеть: 1) самым лучшим, 2) самым хорошим, 3) самым лучшим и самым хорошим, 4) мне все равно, что думают обо мне другие». Результаты распределились следующим образом: 36% испытуемых ориентировка на оценку и мнение других не свойственна

(по крайней мере, они так об этом говорят). Остальным 64% людей в той или иной формулировке свойственен социально ориентированный перфекционизм. Для испытуемых, у которых оба типа переработки информации (осознаваемые и неосознаваемые анализ и синтез) сфокусирован на Я (субъектцентрированных), велика зависимость от мнения окружающих. Для испытуемых, у которых оба типа переработки информации (осознаваемый и неосознаваемый анализ и синтез) сфокусирован на Мир (объектцентрированных), мнение окружающих оказалось неважным. Для оценки значимости различий использовался критерий хи-квадрат. Результаты статистически значимы с вероятностью ошибки $p \leq 0,0000$.

Для исследования качественных особенностей перфекционистов разных типов был проведен содержательный анализ слов «ответственность» и «успех». Испытуемым субъектцентрированных и объектцентрированных типов предполагалось ответить на вопрос, что означает для них слово «ответственность». Предлагалось сделать выбор из трех утверждений: «Быть хорошим исполнителем», «Быть надежным партнером», «Уметь отвечать за свои поступки». Результаты показали, что и для объектцентрированных, и для субъектцентрированных ответственность связана с умением отвечать за свои действия, однако пропорция статистически различна: у субъектцентрированных эта связь более выражена, для них, к тому же, важно быть надежным партнером и хорошим исполнителем. Различия статистически значимы ($p \leq 0,05$).

Представления об успешности субъектцентрированных и объектцентрированных испытуемых стали предметом следующего исследования. Каждый испытуемый выполнял задачу ранжирования ценностей, которые для него связаны со словом «успех». Из предлагаемого списка ценностей, в который вошли «высокая оценка моих достижений», «дорогие престижные вещи», «успешная карьера», «духовный рост и развитие», «красивое тело», «семья и дети» и др., предлагалось выбрать наиболее связанные со словом «успех». Результаты показали, что общим для всех является значимость высокой оценки собственных достижений, самоуважения, семьи и детей. Однако есть значимые различия ($p \leq 0,05$): для субъектцентрированных более связаны со словом «успех» такие ценности, как «высокая оценка моих достижений», «дорогие престижные вещи», «успешная карьера», т. е. западный идеал органичнее для них, а восточный — для объектцентрированных респондентов.

Учитывая наработки исследователей в рамках научной школы Н. Л. Нагибиной (в системе «Психосмология»), а также наработки отечественных и зарубежных ученых в данной области, мы предложили свою *схему перфекционизма как системы взаимодействия Я и Мира*, где стремление к Я-идеальному получает в каждом типе «Психосмологии» свое качественное наполнение. Две ортогональные шкалы – «Идеальное Я устанавливает стандарты Миру – Идеальный Мир устанавливает стандарты моему Я» (соответствует неосознаваемой переработке информации в модели «Психосмология», нижнему и верхнему полюсам вертикальной оси) и «Мир ответственен за достижения и неудачи. Я нужен Миру – Я ответственен за достижения и неудачи, Мир нужен мне» (соответствует осознаваемой переработке информации в данной модели, левому и правому полюсам горизонтальной оси) – создают пространство четырех квадрантов (типов)¹.

В соответствии с установками на Мир или на Я, гипотетически можно предположить, что существуют следующие типы перфекционистов:

- *с манипулятивной установкой (возможность оказывать влияние и играть этим влиянием):* «Мир во многом зависит от меня. Я творю вокруг себя мир и себя в этом мире. Я сам выстраиваю свою судьбу и себя» (сектор в психосмологии А-АВ-В, «субъектцентрированные», соответствуют западной модели);
- *с установкой контролировать и подчинять окружающих:* «Дисгармония взаимоотношений Я и Мира заложена в самом принципе диалектического развития. Мир разный, он отражает степень своего развития. Я могу переделать себя, но могу переделать и Мир» (сектор в психосмологии С-СD-D, «смешанные»: осознаваемая переработка информации имеет объектцентрированную установку, неосознаваемая – субъектцентрированную);
- *типы, для которых ориентация на оценку своих достижений другими интересна только с познавательной точки зрения (для понимания установок других и сравнения их установок со своими собственными):* «Мир существует сам по себе. Я могу приспособиться к этому миру, поняв, как он устроен. Я читаю знаки судьбы и сво-

1 Пространственный вариант модели «Психосмология» как пересечения двух ортогональных осей представлен в коллективной монографии «Общение и познание» (Общение и познание, 2007).

- его развития» (сектор в психосмологии E-EF-F, «объектцентрированные», соответствуют восточной модели);
- с ориентацией на оценку своих достижений другими: «Идеалы Мира ставят для меня задачу развития. Я ответствен за судьбу человека и человечества. Я чувствую гармонию и дисгармонию Я и Мира» (сектор в психосмологии G-GH-H, «смешанные»: осознаваемая переработка информации имеет субъектцентрированную установку, неосознаваемая — объектцентрированную; этот вариант наиболее часто встречается на российской выборке (Нагибина, 2014, Сабра, 2015).

Таким образом, перфекционизм как стремление к идеальному Я включает в себя влияние внешних причин, которые действуют через внутренние условия. Внешние причины обусловлены культурой и требованиями социума. Внутренние условия (цель образа-идеала) заданы психотипом — субъектцентрированным, объектцентрированным или смешанным (2 варианта), в зависимости от направленности осознаваемой и неосознаваемой переработки информации.

Литература

- Артемова Н. Г., Ильясов И. И., Миронычева А. В., Нагибина Н. Л., Фивейский В. Ю. Познание и личность: типологический подход. М.: Книга и бизнес, 2004.
- Артемова Н. Г., Нагибина Н. Л. Познание, детерминированное психологическим типом личности // Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 84–105.
- Великие мыслители Востока. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
- Гаранян Н. Г. Типологический подход к изучению перфекционизма // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 52–60.
- Грачева И. И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Нагибина Н. Л. Введение в психосмологию. М.: Центр развития человека, 2014.
- Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

- Сабра Л. А.* Связь качественных и количественных особенностей перфекционизма с типами психосоциологии // Человек. Искусство. Вселенная. 2015. № 1. С. 87–90.
- Фромм Э.* Пути из больного общества // Проблема человека и западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 443–480.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методологические основы. М.: Наука, 1998.
- Frost R. O., Marten P., Lahart C., Rosenblate R.* The dimensions of perfectionism // Cognitive Therapy and Research. 1990. V. 14 (5). P. 449–468.
- Hewitt P. L., Flett G. L.* Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment and association with psychopathology // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. V. 60 (3). P. 456–470.

Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования

Т.А. Нестук

Российское общество находится в состоянии восстановления позитивной идентичности и поиска «национальной идеи» (см. об этом: Юревич, Журавлев, 2016; и др.). Происходит реконструирование российской истории и обостряется борьба элит за различные версии будущего страны. Это делает востребованным не только прояснение причин «зависимости от пройденного пути» в массовом сознании, но и понимание закономерностей конструирования представлений о будущем в обыденном сознании граждан (Психологическое воздействие..., 2014; Соснин, Журавлев, 2014; и др.).

Проблема *связи коллективной памяти и коллективного образа будущего* затрагивалась в исследованиях, касающихся разных отраслей гуманитарного знания и социальных наук: философии, истории, социологии, культурной антропологии, экономической теории. В европейской философской традиции связь коллективного прошлого и будущего рассматривается как оправдание истории, взаимодействие свободы воли и предопределения, диалог с Другим. Таким образом, и коллективное прошлое, и коллективное будущее рассматриваются как незавершенные, открытые, проектируемые. Связь коллективной памяти с образом будущего в культурной антропологии изучается как поддерживаемое языком, ценностями, ритуалами и структурой общества возвращение к истокам, межпоколенческая коммуникация, воспроизведение традиций и границ между Мы и Они (М. Элиаде, Э. Эванс-Притчард, М. Мид, А. Джелл, К. Гирц, М. Дуглас и др.). В исследованиях коллективной памяти конструирование прошлого и традиций рассматривается как решение политических и социальных задач, как политика памяти, опирающаяся на групповые цели и представления о будущем (М. Хальбвакс,

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00854-ОГН.

Э. Хобсбаум, Дж. Оллик, М. Полляк, А. Руссо, М. Лавабр, Д. Паез, Б. Риме и др.). В исторической науке прошлое по отношению к будущему играет роль источника образцов, легитимации, предсказания, историзации, идентификации и обеспечения преемственности, а также тематизации Другого — через сравнение, поиск альтернативных реальностей или бегство от будущего (Г. Люббе, И. Рюзен, Л. П. Репина, А. В. Полетаев, И. М. Савельева и др.). В социологии будущего коллективная память рассматривается как один из источников социальных ожиданий, воздействующих на настоящее, запускающих и легитимирующих технологические и социальные изменения (У. Белл, Дж. Мау, Б. Адам и др.). В современной экономической теории проблема взаимосвязи коллективной памяти и образа будущего рассматривается преимущественно в русле концепции «институциональной ловушки» развития, «эффекта колеи», так называемой «pathdependence» (П. Дэвид, Б. Артур, В. М. Полтерович, Р. М. Нуреев, В. В. Радаев и др.). Вместе с тем, в социологии постмодерна отмечается современный переход к турбулентному, ускользящему, текучему обществу, в котором конструирование представлений о будущем происходит в условиях сокращения временной перспективы и невозможности опереться на «память о будущем», накопленную в традиционных социальных институтах (Э. Гидденс, З. Бауман, Дж. Урри, И. Валлерстайн и др.).

На основе теоретического анализа можно выделить ряд *социально-психологических механизмов*, связывающих коллективную память с коллективным образом будущего. К таким механизмам можно отнести защиту позитивной групповой идентичности, позитивные коллективные переживания в связи с чествованием прошлого, механизмы совладания с коллективной (культурной) травмой, самосбывающиеся и самоотменяющиеся пророчества, коллективный защитный пессимизм.

Коллективная память и коллективный образ будущего являются компонентами групповой временной перспективы, т. е. отношения группы к своему прошлому, настоящему и будущему. Как показали проведенные нами ранее исследования, социальные группы со сбалансированным типом групповой временной перспективы (позитивным отношением к коллективному прошлому, настоящему и будущему) отличаются наиболее высоким уровнем социальной интеграции и результативности, более высокой коллективной жизнеспособностью (Нестик, 2016б). Была обнаружена связь сбалансированной груп-

повой временной перспективы с уверенностью членов группы в способности группы влиять на свое будущее, с позитивной групповой идентичностью, с просоциальными установками и доверием к социальным институтам. Эти данные указывают на то, что при запуске и реализации социальных изменений необходимо поддерживать позитивную оценку коллективного прошлого, а не обесценивать его (Нестик, 2014). Иными словами, реконструирование коллективного прошлого в условиях неопределенности (подробнее о деятельности и поведении человека в таких условиях см.: Журавлев, Нестик, 2010; и др.) обеспечивает жизнеспособность группы, если изменения значимости и оценки отдельных исторических событий не затрагивают общей позитивной оценки своего прошлого как части образа Мы. Особый интерес представляет изучение того, как эти механизмы могут проявляться при конструировании будущего представителями разных поколений россиян (Емельянова, Дробышева, 2017).

Проблема коллективной памяти и ее функций на протяжении последних десятилетий привлекает особое внимание отечественных и зарубежных социальных психологов. При этом остается практически неизученной ее роль в формировании социальных представлений о будущем. Особую важность в этом плане приобретает выявление социально-психологических *типов отношения личности* к коллективному прошлому, настоящему и будущему, а также прояснение механизмов формирования оценки коллективного будущего и его сценариев на основе значимых для группы событий прошлого. Решению этой задачи посвящено исследование, некоторые результаты которого приведены в данной статье.

С целью выявления типов отношения личности к коллективному прошлому, настоящему и будущему, а также для определения его социально-психологических предикторов совместно с Т. П. Емельяновой и Т. В. Дробышевой в 2017–2018 гг. нами было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали представители четырех поколений россиян (N=407, 40% мужчин и 60% женщин, средний возраст респондентов 35 лет). Изучались следующие поколения, согласно периодизации Ю. А. Левады:

- «шестидесятников» (годы рождения 1944–1968; N=101; 49,5% мужчин, 50,5% женщин);
- поколение X (годы рождения 1969–1984; N=101; 34% мужчин, 66% женщин);

- поколение Y (годы рождения 1985–1999; N=108; 38% мужчин, 63% женщин);
- поколение Z (годы рождения 2000–2003; N=97; 43% мужчин, 57% женщин).

В инструментарий исследования были включены шкальный опросник «Исторические периоды прошлого, значимые для настоящего» Т. П. Емельяновой, модифицированная методика «Структура социальной идентичности» Н. И. Даудрих, методика «Валентность гражданской идентичности» А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, методики «Значимость поколений» и «Характеристики поколений» Т. В. Дробышевой. Для измерения ценностных ориентаций использовалась шкала «Ценность» из методики «Уровень соотношения „ценности“ и „доступности“ в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой. Для выявления представлений о мире в инструментарий исследования была включена методика «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга. Для измерения отношения к прошлому, настоящему и будущему России использовались семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т. А. Нестика, методика «Связь коллективного прошлого и будущего» Т. А. Нестика, а также «Шкала преемственности коллективной истории» (Sani et al., 2007).

С помощью кластерного анализа по методу К-средних были выделены 5 типов отношения личности к коллективному прошлому, настоящему и будущему. Достоверность различий была повторно подтверждена с помощью анализа ANOVA ($p \leq 0,001$). Были также выделены значимые различия между данными группами по целому ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик (см. таблицу 1).

Первый кластер получил название «Толерантные к неопределенности оптимисты» (N=81), так как, по сравнению с другими группами, его представители склонны наиболее позитивно оценивать будущее России, считают вероятными позитивные его сценарии («Эффективная вертикаль» и «Гражданские инициативы»), но при этом наиболее низко оценивают его предсказуемость. В данной группе преобладают респонденты из поколений Y и Z (соответственно, 33% и 28%). Представители этого кластера характеризуются высоким уровнем идентификации себя с россиянами, однако не склонны увязывать свое будущее с Россией. Они склонны считать, что мента-

Таблица 1

Типы отношения к прошлому, настоящему и будущему России
(результаты кластерного анализа, N=407)

Характеристики отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему	Кластеры				
	1	2	3	4	5
	N=81	N=89	N=100	N=68	N=69
Позитивная оценка прошлого России	4,80	4,62	4,06	5,13	4,09
Негативная оценка прошлого России	2,86	3,28	3,65	2,50	3,15
Позитивная оценка настоящего России	4,88	3,55	3,92	5,46	3,48
Негативная оценка настоящего России	2,31	3,89	4,24	1,95	3,75
Способность влиять на настоящее России	5,58	1,94	5,02	6,04	2,00
Позитивная оценка будущего России	5,58	3,95	4,39	5,33	4,54
Негативная оценка будущего России	2,40	4,48	4,24	1,71	3,05
Прогнозируемость будущего России	2,16	3,36	3,33	5,82	2,91
Способность влиять на будущее России	6,25	2,03	3,86	6,43	5,83

литет нашей страны оставался неизменным на протяжении разных эпох, убеждены в полезности извлечения уроков из нашей истории. По сравнению с другими группами, у них наиболее выражена вера в справедливость мира и награду за приложенные усилия; наиболее сильно чувство ответственности за то, что происходит в их доме и на их улице.

Второй кластер получил название «*Пессимистические фаталисты*» (N=89). В данной группе преобладают респонденты из поколения «шестидесятников» и поколения X (соответственно, 38% и 28%). Их взгляды характеризуются наиболее негативной оценкой будущего России, они считают наиболее вероятными такие его сценарии, как «Ограничение свобод» и «Смута», а также наиболее низко оценивают свою способность повлиять на настоящее и будущее. Образцом для будущего страны представители данной группы более склонны считать дореволюционное время. Для них характерны высокий социальный цинизм, вера в зависимость от судьбы и низкая оценка уровня благосостояния своей семьи. Хотя респонденты этой группы связывают свою судьбу с будущим России, у них наиболее низкая ответственность за происходящее в мире, стране, городе и своем доме.

Третий кластер – «*Стратегические пессимисты*» (N=100) – включает респондентов, которые характеризуются наиболее негативной оценкой настоящего России, однако при этом высоко оценивают свою способность на него влиять. Кроме того, они дают противоречивые оценки прошлого и будущего страны, характеризуя их одновременно и позитивно, и негативно. Наиболее вероятным сценарием будущего им представляется ограничение свобод в условиях дефицита ресурсов, а наименее вероятным – позитивные изменения под влиянием гражданских инициатив. В данной группе преобладают респонденты из поколений Y и Z (соответственно, 30% и 30%). Представители данного кластера высоко оценивают уровень материального благосостояния своей семьи. При этом они характеризуются наиболее низкой значимостью межличностной гармонии, низким уровнем доверия к людям, наиболее слабой идентификацией с россиянами и, как и первая группа, не склонны связывать свою судьбу с будущим России.

Четвертый кластер получил название «*Уверенные оптимисты*» (N=68). Его представители позитивно оценивают как прошлое и настоящее России, так и ее будущее, причем, по сравнению с другими группами, демонстрируют наиболее высокие оценки прогнозируемости будущего и способности на него влиять. Они более склонны считать уроки прошлого нашей страны полезными для будущего. Наиболее вероятными они считают позитивные сценарии («Эффективная вертикаль» и «Гражданские инициативы»). В данной группе преобладают респонденты из поколений X и Y (соответственно, 31% и 31%). Среди представителей данного кластера наиболее сильно чувство ответственности за то, что происходит в стране и городе. Они характеризуются наиболее высоким уровнем доверия к людям и наиболее низким социальным цинизмом, для них значима гармония в межличностных отношениях, они сильнее других групп идентифицируют себя с россиянами, со своими родителями, дедушками и бабушками, а также наиболее склонны связывать свою судьбу с будущим России.

Наконец, пятый тип, «*Выжидательные*» (N=69), отличаются низкой оценкой способности влиять на негативно воспринимаемое настоящее нашей страны, низкой оценкой прогнозируемости ее будущего, но при этом позитивно оценивают это будущее и уверены в своей способности на него влиять. В данной группе преобладают респонденты из поколений «шестидесятников» (29%), Y (24,6%) и Z

(24,6%). Будущее России рассматривается ими как дилемма между сценариями «Ограничение свобод» и «Гражданские инициативы». По сравнению с другими группами, они меньше верят в предопределенность судьбы, менее склонны идентифицировать себя с поколениями своих родителей, дедушек и бабушек, считают исторические уроки прошлого мало полезными для будущего, менее готовы считать себя ответственными за то, что происходит в стране и городе, но испытывают чувство ответственности за то, что происходит у них в доме (см. таблицу 2).

С опорой на предшествующие исследования нами была выдвинута гипотеза о том, что отношение личности к будущему и прошлому России зависит от оценки ею возможности влиять на настоящее. Проведенное нами *структурное моделирование* в программе Amos v. 20 позволило подтвердить эту гипотезу и выявить ряд связей между отношением личности к прошлому, настоящему и будущему России, а также представлениями ее о мире и социальной идентичностью ($\chi^2=94,016$; $df=85$; $CMIN/DF=1,106$; $p=0,236$; $CFI=0,990$; $RMSEA=0,016$; $Hi\ 90=0,033$; $Pclose=1,000$).

Как и ожидалось, позитивная оценка будущего России прямо связана с позитивной оценкой ее прошлого ($\beta=0,201$) и значительно сильнее – с позитивной оценкой настоящего ($\beta=0,386$). Интересно, что позитивная оценка настоящего России прямо зависит от силы идентификации с россиянами ($\beta=0,122$) и от увязывания своего будущего с Россией ($\beta=0,212$). Наибольшее влияние на нее оказывает оценка респондентами возможности влиять на текущее положение дел в стране ($\beta=0,450$), которая, в свою очередь, определяется представлениями о мире – социальными аксиомами. Возможность влиять на настоящее России прямо связана с верой в справедливость мира и награду за усилия ($\beta=0,130$) и обратно зависит от уровня социального цинизма, т. е. недоверия социальным институтам ($\beta=-0,187$). Оценка возможности влиять на будущее России определяется возможностью влиять на настоящее ($\beta=0,314$) и тоже связана с представлениями о мире: она прямо зависит от веры в награду за усилия ($\beta=0,205$), обратно зависит от веры в предопределенность судьбы ($\beta=-0,187$), предопределенность будущего России ее историей ($\beta=-0,125$). Оценка личностью возможности влиять на коллективное настоящее оказалась предиктором не только отношения к будущему, но и отношения к прошлому: она прямо влияет на позитивную оценку прошлого России ($\beta=0,168$). Из полученных данных следует,

Таблица 2
Сравнение типов отношения к прошлому, настоящему и будущему России по индивидуально-психологическим и социально-психологическим характеристикам

Личностные характеристики	Типы отношения к прошлому, настоящему и будущему России					Достоверность различий по критерию Краскела—Уолиса	Р	
	1	2	3	4	5			
Сила идентификации с россиянами*	3,5	3,1	2,9	3,9	3,2	χ^2 ***	35,506	<0,001
Связывание своей судьбы с будущим России*	2,6	3,5	2,7	4,5	3,0		27,88	<0,001
Валентность идентификации с россиянами*	4,2	3,4	3,4	4,5	3,6		43,631	<0,001
Сила идентификации с людьми поколения своих родителей*	3,2	3,0	3,0	3,5	2,8		16,564	0,002
Сила идентификации с людьми поколения своих бабушек и дедушек*	2,4	2,3	2,5	2,8	2,2		10,207	0,037
Общая восприимчивая преемственность коллективной истории**	4,8	4,5	4,6	4,8	4,5		12,663	0,013
Бесполозность исторических уроков прошлого для будущего**	2,8	3,2	3,1	2,6	3,1		12,066	0,017
Предсказуемость будущего России**	3,3	3,3	3,3	4,2	3,1		15,55	0,004
Правление Ельцина как образец для настоящего России*	2,3	1,7	2,0	2,0	1,8		10,245	0,036
Дореволюционное время как образец для будущего России*	2,9	3,4	2,6	3,0	3,1		16,33	0,003
Ельцинский период как образец для будущего России*	2,1	1,6	1,9	1,7	1,8		11,26	0,024

Личностные характеристики	Типы отношения к прошлому, настоящему и будущему России					Достоверность различий по критерию Краскела–Уоллиса
	1	2	3	4	5	
Вероятность сценария «Эффективная вертикаль»*	3,6	2,6	2,8	3,6	2,7	35,746 <0,001
Вероятность сценария «Ограничение свобод»*	3,0	3,8	3,3	2,7	3,5	24,905 <0,001
Вероятность сценария «Гражданские инициативы»*	3,3	2,3	2,9	3,6	3,1	40,056 <0,001
Вероятность сценария «Смута»*	2,2	3,2	2,9	2,3	2,6	24,853 <0,001
Чувство ответственности за то, что происходит в мире*	2,4	1,7	2,4	2,3	2,1	23,689 <0,001
Чувство ответственности за то, что происходит в России*	3,1	2,3	2,8	3,3	2,7	31,362 <0,001
Чувство ответственности за то, что происходит в своем городе*	3,5	2,8	3,2	3,6	3,1	23,432 <0,001
Чувство ответственности за то, что происходит в своем доме / на своей улице*	4,1	3,6	3,7	3,9	4,0	12,261 0,016
Оценка уровня материального благосостояния своей семьи**	4,6	4,3	4,7	4,7	4,4	11,899 0,018
Базовое доверие*	2,6	2,4	2,5	2,9	2,7	8,955 0,062
Социальный цинизм (SAS) *	3,4	3,6	3,5	3,1	3,6	14,333 0,006
Награда за усилия (SAS) *	4,2	3,6	3,8	4,0	3,9	20,451 <0,001
Зависимость от судьбы (SAS) *	2,5	2,7	2,6	2,4	2,3	10,52 0,033
Межличностная гармония (SAS) *	3,9	3,7	3,5	3,8	3,6	9,997 0,04

Примечание.* – пятибалльная шкала; ** – семibalльная шкала; *** – для всех переменных $df=4$.

что отношение к настоящему является ключевым предиктором отношения к коллективному прошлому и будущему, осмысление коллективной истории и ожидания зависят от веры личности в возможность что-либо изменить в окружающем ее мире.

Влияние идентификации с россиянами на позитивную оценку коллективного прошлого ($\beta=0,150$) и воспринимаемую преемственность российской истории ($\beta=0,162$), а также влияние идентификации респондентами себя с будущим России на позитивную оценку настоящего ($\beta=0,212$) позволяют говорить о том, что образы коллективного прошлого и настоящего участвуют в механизмах защиты позитивной групповой идентичности.

Результаты исследования также указывают на механизмы расширения коллективной перспективы личности. Чем больше человек видит для себя возможностей изменить ситуацию в стране и чем меньше он верит в предопределенность судьбы, тем ценнее ему представляется исторический опыт (соответственно, $\beta=0,166$ и $\beta=-0,227$). Иными словами, прошлое приобретает инструментальный смысл: теперь оно выполняет уже не только функцию защиты позитивной идентичности, но и служит опорой для поиска новых решений. Ценность уроков истории для будущего повышает протяженность коллективной ретроспективы, т. е. интерес к более отдаленному историческому прошлому России ($\beta=0,181$). Обращение к отдаленному прошлому для объяснения настоящего и поиска примеров повышает готовность личности задумываться об отдаленном будущем страны ($\beta=0,712$). Таким образом, полученные нами результаты еще раз подтверждают связь долгосрочной ориентации с коллективной ретроспективой, выявленную нами ранее (Нестик, 2014). Кроме того, они подчеркивают необходимость поддержки позитивной оценки прошлого и развития интереса личности к истории для обеспечения рефлексии в отношении долгосрочных вызовов будущего.

Особый интерес представляет выявленное обратное влияние положительной оценки будущего России на оценку его предсказуемости ($\beta=-0,242$). Такой же обратный эффект оказывает социальный цинизм ($\beta=-0,163$). Напротив, положительная оценка настоящего страны, а также увязывание респондентами своего будущего с Россией повышают предсказуемость ее будущего (соответственно, $\beta=0,260$ и $\beta=0,141$). Можно предположить, что положительные изменения в настоящем экстраполируются в будущее, служат основной для планирования жизни в среднесрочном периоде, и, таким

образом, наполненное целями будущее воспринимается как более прогнозируемое. Эффект обратной связи оценки и прогнозируемости коллективного будущего, обнаруженный и в других наших исследованиях (Нестик, 2018), можно интерпретировать как стратегический оптимизм, служащий *механизмом преадаптации*: неопределенность будущего преодолевается через уверенность в том, что, как бы ни сложились обстоятельства, в конечном счете оно будет успешным. И чем выше социальный цинизм, т. е. чем меньше надежды на благоприятные социальные условия и помощь со стороны, тем выше непредсказуемость будущего при его оптимистичной оценке (см. таблицу 3).

Для выявления представлений респондентов об альтернативных сценариях будущего страны в анкету исследования было включено описание *четырёх вариантов будущего* с просьбой оценить их вероятность по 5-балльной шкале. При разработке данной методики мы опирались на сценарный анализ будущего России до 2020 г., проведенный исследовательской группой компаний «Циркон» совместно с Институтом социологии РАН по итогам экспертного опроса 2015 г. (Задорин, Мальцева, Петухов, 2016).

Первый сценарий получил название «Эффективная вертикаль»: благодаря эффективной и сильной вертикали власти происходит успешное развитие производства и несырьевых, инновационных отраслей, повышается уровень образования и здравоохранения, растет патриотизм в обществе. В целом по выборке (N=407) данный сценарий оценили как вероятный 39% опрошенных.

Второй сценарий был назван нами «Ограничение свобод»: «затягивание поясов» в условиях ограниченных ресурсов сопровождается ужесточением контроля государства над гражданами и ростом коррупции. Его сочли вероятным 48% опрошенных.

Третий сценарий получил название «Гражданские инициативы»: социальные проблемы успешно решаются благодаря росту активности граждан и желанию менять окружающую действительность, доверию людей друг к другу, солидарности и самоорганизации в российском обществе. Он представляется вероятным 40% респондентов.

Наконец, четвертый сценарий был назван «Смута»: происходит идеологический раскол общества и элиты, дальнейшее падение уровня жизни приводит к росту недоверия, сепаратизма, общественного недовольства, смуте. Его оценили как в большей или меньшей степени вероятный 31% опрошенных. При этом вероятность сценария

Таблица 3
Предикторы отношения личности к прошлому, настоящему и будущему России

Зависимые переменные	Предикторы	B	SE	CR	β	P
Предопределенность будущего историей	Зависимость от судьбы (SAS)	0,201	0,086	20,346	0,130	0,019
Способность влиять на настоящее России	Социальный цинизм (SAS)	-0,494	0,143	-30,443	-0,187	***
Способность влиять на настоящее России	Награда за усилия (SAS)	0,338	0,140	20,407	0,130	0,016
Предопределенность будущего историей	Награда за усилия (SAS)	0,220	0,102	20,162	0,120	0,031
Позитивная оценка прошлого России	Способность влиять на настоящее России	0,104	0,030	30,500	0,168	***
Ценность уроков истории для будущего	Награда за усилия (SAS)	0,243	0,076	30,179	0,166	0,001
Позитивная оценка настоящего России	Уязвимость своего будущего с Россией	0,171	0,056	30,066	0,212	0,002
Позитивная оценка настоящего России	Идентификация с россиянами	0,136	0,056	20,449	0,122	0,014
Ценность уроков истории для будущего	Зависимость от судьбы (SAS)	-0,278	0,064	-40,322	-0,227	***
Позитивная оценка прошлого России	Идентификация с россиянами	0,163	0,053	30,105	0,150	0,002
Позитивная оценка настоящего России	Способность влиять на настоящее России	0,284	0,027	100,513	0,450	***
Ценность уроков истории для будущего	Предопределенность будущего историей	0,223	0,038	50,924	0,280	***
Позитивная оценка будущего России	Позитивная оценка настоящего России	0,405	0,049	80,207	0,386	***
Протяженность коллективной ретроспективы	Ценность уроков истории для будущего	0,526	0,157	30,341	0,181	***
Позитивная оценка будущего России	Позитивная оценка прошлого России	0,216	0,046	40,696	0,201	***

Зависимые переменные	Предикторы	B	SE	CR	β	P
Протяженность коллективной перспективы	Протяженность коллективной перспективы	0,621	0,034	180,391	0,712	***
Способность влиять на будущее России	Способность влиять на настоящее России	0,311	0,049	60,407	0,314	***
Преemptивность коллективной истории	Позитивная оценка будущего России	0,131	0,038	30,441	0,156	***
Способность влиять на будущее России	Позитивная оценка настоящего России	0,159	0,076	20,089	0,101	0,037
Прогнозируемость будущего России	Позитивная оценка настоящего России	0,373	0,083	40,492	0,260	***
Преemptивность коллективной истории	Награда за усилия (SAS)	0,234	0,074	30,171	0,162	0,002
Преemptивность коллективной истории	Предопределенность будущего историй	0,185	0,036	50,121	0,236	***
Способность влиять на будущее России	Зависимость от судьбы (SAS)	-0,404	0,106	-30,792	-0,187	***
Способность влиять на будущее России	Награда за усилия (SAS)	0,527	0,127	40,142	0,205	***
Прогнозируемость будущего России	Социальный цинизм (SAS)	-0,391	0,128	-30,046	-0,163	0,002
Способность влиять на будущее России	Предопределенность будущего историй	-0,176	0,062	-20,824	-0,125	0,005
Прогнозируемость будущего России	Увязывание своего будущего с Россией	0,165	0,084	10,966	0,141	0,049
Преemptивность коллективной истории	Ценность уроков истории для будущего	0,132	0,046	20,866	0,134	0,004
Преemptивность коллективной истории	Идентификация с россиянами	0,159	0,044	30,623	0,162	***
Прогнозируемость будущего России	Позитивная оценка будущего России	-0,331	0,074	-40,488	-0,242	***

Примечание: В таблице приведены следующие показатели: B – коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка среднего; CR – критическое отношение B/SE; β – стандартизированный коэффициент регрессии; P – статистическая значимость; *** – $p < 0,001$.

«Гражданские инициативы» значимо выше оценивали представители поколений Y и Z (ANOVA $F=17,344$ при $p \leq 0,001$).

Для того, чтобы выявить социально-психологические характеристики личности, с которыми связана оценка вероятности альтернативных образов коллективного будущего, был проведен *линейный регрессионный анализ* методом обратных шагов.

Оценка вероятности «Эффективной вертикали» ($R=0,661$; $R^2=0,437$; $F=7,609$ при $p \leq 0,001$) прямо связана с позитивной оценкой настоящего России ($\beta=0,775$), идентификацией с россиянами ($\beta=0,389$), с верой в справедливость мира и награду за усилия ($\beta=0,345$), с доверием к людям ($\beta=0,345$), с религиозностью ($\beta=0,365$) и значимостью ценности познания ($\beta=0,471$) (см. таблицу 4). При этом она негативно связана с глобальной идентификацией ($\beta=-0,244$), с ориентацией на межличностную гармонию ($\beta=-0,537$). Хотя до недавнего времени государственнические установки было принято считать характерными для людей старших поколений, оценка вероятности «Эффективной вертикали» обратно зависит от возраста респондентов. При этом она тем выше, чем больше респонденты склонны считать образцом для будущего сталинское время ($\beta=0,246$), и тем ниже, чем больше в роли образца представляются дореволюционное время ($\beta=-0,286$), хрущевская оттепель ($\beta=-0,224$) и брежневское время ($\beta=-0,394$).

Оценка вероятности «Ограничения свобод» ($R=0,782$; $R^2=0,612$; $F=6,778$ при $p \leq 0,001$) негативно связана с позитивной оценкой настоящего России ($\beta=-0,411$), с идентификацией с россиянами ($\beta=-0,345$), с протяженностью коллективной ретроспективы ($\beta=-0,271$) и с верой в предопределенность будущего историей страны ($\beta=-0,273$), с доверием к людям ($\beta=-0,227$), с верой в справедливый мир и награду за усилия ($\beta=-0,226$). Как видим, вероятность этого негативного сценария оценивается тем выше, чем меньше личность отождествляет себя с Россией и ее историей, чем меньше доверие обществу. При этом она положительно связана с ценностью наличия верных друзей ($\beta=0,169$), что можно интерпретировать как готовность в трудных условиях задействовать личные связи. Вероятность данного сценария прямо связана с ориентацией на дореволюционное время как образец будущего страны ($\beta=0,218$) и отрицательно – с готовностью видеть образец в послереволюционных событиях ($\beta=-0,213$). Действительно, в предреволюционном периоде можно найти ряд аналогий с описываемым сценарием (дефицит ресурсов и коррупция), и чем больше респонденты хотели бы избежать повторения

Таблица 4
Предикторы оценки вероятности сценария
«Эффективная вертикаль»

Предикторы	B	SE	β	t	P
Позитивная оценка настоящего России	0,777	0,142	0,775	5,451	<0,001
Религиозность (SAS)	0,362	0,143	0,365	2,53	0,016
Награда за усилия (SAS)	0,522	0,18	0,345	2,902	0,006
Межличностная гармония (SAS)	-0,862	0,25	-0,537	-3,45	0,001
Базовое доверие к людям	0,400	0,153	0,312	2,616	0,013
Глобальная идентичность	-0,217	0,115	-0,244	-1,883	0,068
Идентификация с россиянами	0,578	0,191	0,389	3,029	0,004
Предопределенность будущего коллективным прошлым	0,216	0,092	0,269	2,347	0,024
Дореволюционное время как образец будущего России	-0,252	0,113	-0,286	-2,225	0,032
Сталинское время как образец будущего России	0,286	0,144	0,246	1,977	0,055
Хрущевская оттепель как образец будущего России	-0,231	0,123	-0,224	-1,871	0,069
Брежневское время как образец будущего России	-0,396	0,14	-0,394	-2,829	0,007
Возраст	-0,066	0,03	-0,296	-2,225	0,032
Ценность наличия хороших и верных друзей	-0,249	0,096	-0,326	-2,591	0,014
Ценность познания (возможность расширения своего образования, кругозора)	0,392	0,117	0,471	3,343	0,002

Примечание: В таблицах 4–7 приведены следующие показатели: B – коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка среднего; β – стандартизированный коэффициент регрессии; t – эмпирическое значение t-критерия; P – уровень статистической значимости.

опыта революции, тем более вероятным им может казаться сценарий «Ограничение свобод».

На оценку вероятности сценария «Гражданские инициативы» ($R=0,743$; $R^2=0,552$; $F=4,596$ при $p \leq 0,001$) прямо влияет ориентация на межличностную гармонию ($\beta=0,660$), толерантность к неопределенности ($\beta=0,268$), позитивные чувства в связи с осознанием себя гражданином России ($\beta=0,222$), протяженность коллективной ре-

троспективы ($\beta=0,203$), идентификация с человечеством ($\beta=0,245$), а также обратно влияет убеждение в социальной сложности, противоречивости человеческого поведения ($\beta=-0,535$). Вероятность данного сценария прямо связана с ориентацией на ельцинское время как образец будущего ($\beta=0,210$), с ценностью материально обеспеченной жизни ($\beta=0,371$), с ценностью расширения кругозора ($\beta=0,245$) и негативно связана с ценностью отсутствия сомнений ($\beta=-0,415$).

Оценка вероятности сценария «Смута» ($R=0,885$; $R^2=0,783$; $F=9,147$ при $p \leq 0,001$) прямо связана с религиозностью ($\beta=0,427$) и верой в зависимость от судьбы ($\beta=0,182$), с протяженностью коллективной ретроспективы и проспективы (соответственно, $\beta=0,387$ и $\beta=0,294$), а также со склонностью видеть образцы будущего в событиях после Октябрьской революции ($\beta=0,479$) и в сталинском времени ($\beta=0,244$). Она негативно связана с позитивной оценкой настоящего России ($\beta=-0,353$), с идентификацией с россиянами ($\beta=-0,370$), с валентностью гражданской идентичности ($\beta=-0,369$), с чувством преемственности российской истории ($\beta=-0,228$), с ориентаци-

Таблица 5

Предикторы оценки вероятности сценария «Ограничение свобод»

Предикторы	B	SE	β	t	P
Позитивная оценка настоящего России	-0,436	0,105	-0,411	-4,162	<0,001
Религиозность (SAS)	-0,284	0,120	-0,274	-2,356	0,023
Награда за усилия (SAS)	-0,357	0,157	-0,226	-2,274	0,028
Базовое доверие к людям	-0,310	0,136	-0,227	-2,27	0,028
Идентификация с россиянами	-0,545	0,165	-0,345	-3,304	0,002
Предопределенность будущего коллективным прошлым	-0,231	0,090	-0,273	-2,573	0,014
Дореволюционное время как образец будущего России	0,204	0,093	0,218	2,185	0,034
Время после октябрьской революции как образец будущего России	-0,314	0,146	-0,213	-2,151	0,037
Протяженность коллективной ретроспективы («Если я задумываюсь о прошлом России, то имею в виду события, которые произошли... назад»)	-0,195	0,074	-0,271	-2,619	0,012
Ценность наличия хороших и верных друзей	0,136	0,081	0,169	1,681	0,100

Таблица 6
 Предикторы оценки вероятности сценария
 «Гражданские инициативы»

Предикторы	B	SE	β	t	P
Религиозность (SAS)	-0,378	0,115	-0,416	-3,280	0,002
Межличностная гармония (SAS)	0,974	0,215	0,660	4,540	<0,001
Социальная сложность (SAS)	-0,774	0,213	-0,535	-3,641	0,001
Толерантность к неопределенности (STAT)	0,024	0,011	0,268	2,229	0,031
Идентификация с человечеством	0,195	0,104	0,245	1,878	0,068
Ельцинский период как образец будущего России	0,244	0,135	0,210	1,804	0,079
Протяженность коллективной ретроспективы («Если я задумываюсь о прошлом России, то имею в виду события, которые произошли...назад»)	0,126	0,072	0,203	1,756	0,087
Валентность гражданской идентичности	0,176	0,094	0,222	1,868	0,069
Ценность уверенности в себе (отсутствия сомнений)	-0,299	0,105	-0,415	-2,856	0,007
Ценность материально обеспеченной жизни	0,264	0,107	0,371	2,469	0,018
Ценность познания (возможности расширения своего образования, кругозора)	0,188	0,108	0,245	1,745	0,088

ей на время после февральской революции и хрущевскую оттепель как образцы будущего России (соответственно, $\beta=-0,552$ и $\beta=-0,201$). Вероятность этого сценария тем выше, чем ниже социальный цинизм ($\beta=-0,172$) и ценность независимости ($\beta=-0,248$). Однако низкое доверие к людям также повышает оценку вероятности данного сценария ($\beta=-0,281$).

В целом полученные данные о социально-психологических предикторах сценариев будущего России указывают на то, что чем сильнее групповая идентичность и социальное доверие, тем менее вероятными представляются негативные сценарии будущего. Прогнозы будущего страны опираются прежде всего на оценку ее настоящего. При этом исторический опыт служит материалом для конструирования возможного будущего в двух смыслах. С одной стороны, прошлое (например, ельцинский период как образец эпохи демо-

Таблица 7
Предикторы оценки вероятности сценария «Смута»

Предикторы	B	SE	β	t	P
Позитивная оценка настоящего России	-0,427	0,113	-0,353	-3,776	0,001
Религиозность (SAS)	0,505	0,121	0,427	4,171	<0,001
Социальный цинизм (SAS)	-0,312	0,168	-0,172	-1,855	0,071
Зависимость от судьбы (SAS)	0,281	0,132	0,182	2,138	0,039
Базовое доверие к людям	-0,437	0,136	-0,281	-3,218	0,003
Идентификация с россиянами	-0,667	0,166	-0,370	-4,008	<0,001
Преимственность коллективной истории	-0,341	0,134	-0,228	-2,543	0,015
Время после февральской революции как образец будущего России	-0,786	0,184	-0,552	-4,26	<0,001
Время после октябрьской революции как образец будущего России	0,808	0,236	0,479	3,423	0,001
Сталинское время как образец будущего России	0,344	0,144	0,244	2,390	0,022
Хрущевская оттепель как образец будущего России	-0,252	0,116	-0,201	-2,165	0,037
Протяженность коллективной ретроспективы («Если я задумываюсь о прошлом России, то имею в виду события, которые произошли...назад»)	0,317	0,073	0,387	4,326	<0,001
Протяженность коллективной проспективы («Если я задумываюсь о будущем России, то имею в виду события, которые произойдут через...»)	0,296	0,095	0,294	3,117	0,003
Валентность гражданской идентичности	-0,383	0,100	-0,369	-3,824	<0,001
Ценность свободы как независимости в поступках и действиях	-0,202	0,076	-0,248	-2,669	0,011

кратических инициатив или сталинское время как образец сильной вертикали) выступает в роли образца желаемого будущего и подтверждает определенные ценностные ориентации личности. С другой стороны, история страны может использоваться как основа для нежелательных, но вероятных образов будущего, диктуемых логикой исторического процесса (например, дореволюционное время и революционные события как образцы будущего связаны со сценарием «Ограничение свобод», а сталинская эпоха – со сценарием «Смута»).

Наконец, в отличие от обобщенной оценки будущего России, конкретные сценарии ее будущего оказались связаны с ценностными ориентациями личности и с содержанием исторического прошлого. Это позволяет сделать вывод о разных психологических функциях оценки коллективного будущего и его альтернативных сценариев. Оба этих феномена играют важную роль в совладании личности и группы с неопределенностью будущего (подробнее о закономерностях функционирования процессов совладания см.: Психология повседневного и травматического стресса..., 2016; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; и др.). Общая оценка будущего своей социальной группы прежде всего защищает веру в справедливый мир и позитивную идентичность (стратегический оптимизм вопреки любым превратностям коллективной судьбы). Сценарии будущего тоже позволяют справиться с неопределенностью, но за счет других механизмов. Во-первых, они объясняют и рационализируют происходящие в настоящем изменения с опорой на представления личности об истории. Во-вторых, сценарии будущего служат основой для ценностного самоопределения личности и планирования жизни, вплоть до пересмотра группового членства. В-третьих, сценарии будущего ориентированы на краткосрочное и среднесрочное будущее, они могут нести негативную оценку и не противоречить при этом позитивной оценке коллективного будущего. Например, в исследовании позитивная оценка будущего России оказалась одним из предикторов вероятности негативного сценария «Смута». По-видимому, можно говорить о том, что сценарии делают возможным стратегический пессимизм: занижая ожидания в отношении среднесрочного будущего, личность мобилизует ресурсы для преодоления трудностей.

В ходе эмпирического исследования были выделены пять типов отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему — «толерантные к неопределенности оптимисты», «пессимистические фаталисты», «стратегические пессимисты», «уверенные оптимисты» и «выжидающие». Сравнение представителей данных типов по социально-психологическим характеристикам личности показывает, что негативное отношение к будущему страны связано с низкой оценкой своей способности повлиять на настоящее и будущее, с низким социальным доверием, с верой в предопределенность

судьбы и с низкой оценкой материального благосостояния своей семьи.

С использованием структурного моделирования подтверждена гипотеза о том, что отношение личности к будущему и прошлому России зависит от ее оценки своей возможности влиять на настоящее. Осмысление коллективной истории и ожидания в отношении будущего зависят от веры личности в возможность что-либо изменить в окружающем ее мире. При наличии такого убеждения возрастает ценность уроков прошлого для будущего, а вместе с ней – протяженность коллективной временной перспективы, интерес к долгосрочному прошлому и будущему страны.

Эмпирически подтвержден феномен «стратегического оптимизма» в отношении коллективного будущего, заключающийся в обратной связи между предсказуемостью будущего страны и его позитивной оценкой, позволяющей защитить веру в справедливый мир и позитивную групповую идентичность.

Нами были проанализированы социально-психологические предикторы оценки вероятности сценариев будущего России, выявлено влияние групповой идентичности и социального доверия на оценку вероятности позитивных и негативных сценариев. Показано, что прогнозы будущего страны опираются прежде всего на оценку ее настоящего. При этом использование исторического опыта как материала для конструирования образа будущего зависит от ценностных ориентаций личности. Выделены социально-психологические функции альтернативных сценариев коллективного будущего: рационализация изменений в настоящем, планирование жизни с учетом групповой принадлежности, а также стратегический пессимизм (занижение ожиданий от среднесрочного будущего и мобилизация ресурсов).

На наш взгляд, дальнейшие перспективы исследований в данной области связаны прежде всего с прояснением роли, которую играет конструирование образов коллективного прошлого, настоящего и будущего в формировании жизнеспособности личности. Феномены стратегического пессимизма и генерализованного оптимизма, известные ранее как личностные феномены, требуют дальнейшего изучения применительно к представлениям о коллективном будущем. Также представляется перспективным дальнейшее развитие концепции сбалансированной временной перспективы в изучении отношения личности к коллективному прошлому, настоящему и будущему.

Литература

- Даудрих Н. И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2000. № 12. С. 77–95.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85.
- Задорин И. В., Мальцева Д. В., Петухов В. В. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 3 (137). С. 32–55.
- Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т. А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 176–192.
- Нестик Т. А. Коллективные страхи и перспективная рефлексия в условиях неопределенности // Человек в условиях неопределенности: Сб. науч. трудов. Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2018. С. 55–62.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности: основные направления и перспективы исследований // Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во ТГУ, 2010. С. 4–11.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

- Татарко А. Н., Лебедева Н. Н.* Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4 С. 135–143.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Поиск национальной идеи как психологическая проблема: размышления над текстом // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 93–104.
- Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y.* Perceived collective continuity: Seeing groups as entities that move through time // European Journal of Social Psychology. 2007. V. 37. P. 1118–1134.
- Smeekes A. N.* The presence of the past. Historical rooting of national identity and current group dynamics. Doctoral dissertation. Utrecht: Utrecht University, 2014.

Организационный вандализм как реакция на ограничение свободы индивида

А. Г. Оболенская

В динамично развивающемся, изменчивом мире постоянно возникают новые обстоятельства, которые могут влиять на поведение человека и его способность делать обоснованный свободный выбор. Свободный человек волен распоряжаться своими способностями, своим невосполнимым ресурсом — временем, собственной жизнью в целом. Для рационального распоряжения всей жизнью необходимо отодвинуть горизонт планирования на несколько десятилетий и, рационально выстроив план, строить жизнь в соответствии с ним. Однако изменения внешней среды требуют постоянной корректировки плана, все более частой и сложной. Так, экономическая свобода предполагает свободное занятие предпринимательской деятельностью, но в России сегодня почти 147 миллионов граждан и только порядка 6 миллионов зарегистрированных хозяйствующих субъектов. Конечно, можно исключить детей, пенсионеров, членов семей предпринимателей (хотя это исключение вполне условно, существуют прецеденты подросткового и даже детского предпринимательства, тем более случаи успешных бизнесов пенсионеров и отдельных бизнесов членов семей предпринимателей). Но все же понятно, что абсолютное большинство граждан предпочитает работать по найму, чем априори ограничивает свою экономическую свободу нормами права и внутренними регламентами организаций. Не мешает также вспомнить, что реализация экономической свободы возможна только при ее правовой гарантии.

Даже в условиях организационных ограничений индивиду постоянно приходится искать альтернативы и взвешивать их, определять стоимость энергозатрат. Так, работник понимает, что для карьерного роста необходимо постоянно повышать квалификацию, и в этом плане он должен продумать, будет ли соразмерно повышаться мате-

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00819.

риальное вознаграждение или гарантировано соразмерное снижение трудозатрат. В экономической теории, с позиций рационального подхода, предполагается, что индивид будет стремиться к росту дохода, получению выгоды, увеличению прибыли. Рост выгоды, в свою очередь, является маркером выбора достойной альтернативы в текущих условиях (Бенц, 2012). Так и в организации: сотрудник понимает, что если ему предлагаются лучшие условия, то его экономическая, социальная, психологическая стратегия в текущих условиях является наиболее приемлемой. Однако, как у всякого явления, у такого подхода имеется и обратная сторона. Если условия труда не улучшаются, экономическая свобода и экономическая активность индивида вынуждают его прибегать к генерирующим выгоду и снижающим риски потери текущего положения действиям, зачастую проявляющимся в виде вандальной активности (Кружкова, Девятковская, 2017). Здесь мы исходим из предположения, что понятие «вандализм» можно определить как нарушение границ института чужой собственности и норм поведения в организации в оппортунистических целях актора, противоречащих целям организации.

Свобода напрямую сопряжена с ответственностью, в том числе социальной и экономической. Однако в истории экономики известно, что слишком высокий уровень свободы (например, слабое нормативное регулирование 1990-х годов) не обязательно приводит к идеям, провозглашенным фритредерством, но может провоцировать, напротив, резкое снижение качества работ и услуг, мошенничество, халатность, снижение производительности труда.

Широта экономического поведения субъектов хозяйствования при выборе форм собственности и сферы приложения своих способностей, знаний, возможностей, профессии, способов распределения доходов, потребления материальных благ реализуется на базе правовых государственных норм, неотделима от экономической ответственности граждан (Мельников, 2012). Также крайние варианты по дистанции власти (Хофштед, 2002) могут приводить к разнонаправленности интересов администрации и линейных сотрудников, к злоупотреблениям со стороны сотрудников в организации, в том числе к эндогенному оппортунизму (Стрижак, 2013). Такое поведение сотрудников объективно непреодолимо, конфликт работодателя и работника никогда не может быть исчерпан ввиду некогерентности их интересов, однако задача управленца – создать условия,

в которых ресурсы организации будут использоваться максимально в интересах организации.

В процессе исследования, проведенного в Екатеринбурге в 2018 г., было опрошено 107 сотрудников организаций различных форм собственности, отраслей и типов. Предлагалось ответить на вопрос «Как может проявляться вандализм в организации?». Затем были отобраны самые часто встречаемые его формы: игнорирование просьб коллег; отказ от совместной работы по проекту; сплетни; травля молодого, но перспективного или более конкурентоспособного сотрудника; игнорирование успехов неугодного сотрудника; исключение сотрудника из системы премирования; ограничение полномочий и постоянный контроль сотрудника; поручение ему бессмысленных, бесполезных или невыполнимых заданий, публичные оскорбления работника, непризнание его заслуг, искажение информации, усиленное психологическое давление; ситуация, когда работнику не передаются распоряжения руководителя, а руководителю преподносится искаженная информация о сотруднике; причинение вреда или ущерба имуществу организации как результат его «преобразования» или разрушения, в том числе «приложения» рационализаторских сил сотрудника; непреднамеренное причинение вреда или ущерба имуществу организации по причине ветхости или неэргономичности материальных объектов организации, с которыми взаимодействуют сотрудники: хищение общественной или частной собственности с целью финансового обогащения (например, хищение стройматериалов, приборов, элементов станков и прочего имущества организации или ее ресурсной базы); разрушение предметов и причинение вреда организационной собственности по причине материальной неудовлетворенности или как следствие «обиды» на организацию или по причине личной вражды с членами организации, ее руководством; выражение гнева, основанного на межличностных конфликтах в организации, направленное на личную собственность других коллег и руководства или на организационную собственность; причинение вреда или ущерба имуществу организации по причине неосторожного обращения с объектами, халатности; сопротивление изменениям, которые происходят в организации (смена руководства, изменение режима деятельности, внедрение инноваций и т. п.); конфликт сотрудника с представителями организации или причинение вреда организации из-за чрезмерной любознательности и «разрушительного экспериментаторства» персонала с объектами

организационной собственности; причинение вреда или ущерба организации с целью сокрытия хищений и краж; причинение ущерба организации как следствие неосторожных игр, из шалости, ради шутки над коллегами, для развлечения или от скуки; запугивание, угрозы, манипулирование общественным сознанием и поведением коллег для достижения личных целей; причинение вреда организации как средство самоутверждения или следствие реализации желания привлечь к себе внимание.

В предложенных вариантах вандального поведения сотрудников в трудовом опыте респондентами были отмечены как наиболее часто встречаемые следующие формы: сплетни, ограничение полномочий сотрудника, искажение информации и усиленное психологическое давление (ранги выше 100). Также довольно часто встречаются халатность, сопротивление изменениям, разрушительное «экспериментаторство», мелкое хищение (ранги от 70 до 100). И, напротив, крайне редко встречается причинение ущерба с целью сокрытия хищений, ради шутки и для привлечения к себе внимания в целях самоутверждения (ранги ниже 25).

Игнорирование просьб коллег и руководителей является частым проявлением девиантного поведения сотрудников организаций сферы услуг, где 91% сотрудников сталкивались с таким поведением. Причем по пятибалльной шкале 6% сталкиваются постоянно, 6% — очень часто и 25% — довольно часто.

Соотнесение указанных ответов с вопросом «ощущение свободы в принятии решений по выполнению профессиональных задач» и «ощущение свободы в профессиональном развитии» показало значимость возможности участия в принятии решений для производственных предприятий и высокую значимость самостоятельного определения способов решения профессиональных задач для творческих профессий. Такие ответы респондентов могут говорить о том, что варианты вандального поведения исходят из реализации экономической свободы с прогнозированием улучшения в будущем своего положения. Так, занижение заслуг коллег позволяет скрыть собственное отлынивание, что снижает личные издержки в конкурентной борьбе внутри организации. Такое поведение возможно, если организационная культура его приемлет и допускает.

Исходя из теории социальной имитации (Каллен, Шапиро, 1974), поведение индивидов в одних условиях вполне независимо, а в других их мышление поляризуется так, что они начинают действовать

как толпа. В последнем случае рациональное мышление как исходная точка экономической свободы сменяется коллективным разумом, коллективной свободой.

Однако для нормального функционирования организации важно определить *границы крайних значений свободы сотрудника организации*. На одном полюсе — возможность самому определять свои профессиональные задачи, нести личную ответственность за результаты своей деятельности; на другом — возможность действовать в направлении цели, поставленной коллективом или руководством. Первый полюс организационной свободы индивидуалистический и предполагает больший груз ответственности, большую самостоятельность, больший риск. Приближаясь ко второму полюсу, уровень ответственности снижается, поскольку появляется возможность делегировать часть ее коллективу, руководству, отдельным коллегам, при этом есть возможность участвовать в принятии коллективных решений, влиять на них. Поэтому так важно определить по функционалу деятельности уровень необходимой и достаточной свободы для достижения предельного результата, поскольку для отдельных профессий (к примеру, творческих) коллективистская свобода будет представляться «несвободой», казаться формальной, и наоборот, для четко регламентированных видов деятельности индивидуалистская свобода будет казаться мучительной и анархичной.

Также респонденты показали, что возможность распоряжения ресурсами организации в рамках решения профессиональных задач и исполнения должностного функционала дает ощущение большей свободы и является основой принятия ответственности, что соотносится с идеями Ф. Хайека (Хайек, 1992).

Вандальная активность может проявляться в разных аспектах:

- как маркер психологического и экономического дискомфорта сотрудников, которые пытаются преобразовать организационную среду, сделать ее более удобной, эргономичной, эстетичной (сломанные перегородки, украшение помещения, изменение корпоративного дизайна);
- как проявление обиды и агрессии (порча инструментов и оборудования);
- как желание получить выгоду посредством вытеснения конкурентов — более успешных, талантливых коллег (дезинформация руководства и сотрудников, сплетни, занижение заслуг).

Таким образом, сотрудники организаций различных отраслей, не получая достаточного уровня свободы в принятии решений по своему функционалу со стороны руководства и коллектива, не имея возможностей дополнительного развития, испытывают социальную депривацию и сигнализируют об этом через вандальную активность.

Литература

- Бениц Д. С.* Методика оценки эффективности контрактных отношений в корпорациях // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 10 (264). Вып. 38. С. 86–94.
- Богатырева М. В., Колмаков А. Е.* Доверие на локальном рынке пассажирских перевозок // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 10. С. 272–276.
- Гавкалова Н. Л., Власенко Т. А.* Теоретико-методологические аспекты управления оппортунистическим поведением // Коммунальное хозяйство городов: Научно-технический сборник. К.: Техника, 2007. С. 459–469.
- Кружкова О. В., Девятковская И. В.* Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 150–169.
- Капустин А. С.* Основные модели организационной культуры. М.: Польза, 2012.
- Кондратьева Т. В.* Внутрифирменные институты оппортунистического поведения. URL: <https://www.sworld.com.ua/simpoz1/14.htm> (дата обращения: 23.10.2018).
- Мельников В.* Природа экономической свободы и современное реформирование экономических отношений в России // Право и жизнь. 2012. № 3. С. 125–135.
- Попов Е. В., Симонова В. Л.* Сущность эндогенного оппортунизма // Вестник УГТУ-УПИ. 2004. № 10. С. 5–12.
- Соколов А. П.* Дизайн как средство противодействия вандализму // Академический вестник УралНИИ, проект РААСН. 2016. № 4. С. 86–90.
- Стрижак А. Ю.* Особенности эндогенного оппортунизма в системе взаимодействия хозяйствующих субъектов // Российское предпринимательство. 2013. № 9 (231). С. 98–102.
- Хофштед Г.* Организационная культура. Управление человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2002.

Психологические факторы выбора ценности карьеры в условиях неопределенности профессиональной деятельности

Е. С. Письменюк

Современные условия непредсказуемого конкурентного рынка, нестабильность потребительского спроса формируют ситуации неопределенности профессиональной деятельности сотрудников современных коммерческих организаций, требуют от них оперативного реагирования на вызовы рынка и быстрой адаптации к новому. В подобных ситуациях менеджер сталкивается с необходимостью принятия решений, на эффективность которых влияют такие психологические факторы, как психологическая устойчивость, система позитивных установок и личностных ценностей (Корнилова, 2015; Леонтьев, 2015; Грязева-Добшинская и др., 2016).

Психологическая устойчивость (жизнеустойчивость, жизнестойкость) определяется исследователями как *готовность личности к выбору в ситуации неопределенности в условиях подверженности стрессу* (Богомаз, Баланев, 2009; Леонтьев, Рассказова, 2006). Система позитивных установок и личностных ценностей воплощает то, что является значимым для человека, поддерживается его убеждениями, отражая конгруэнтность сотрудника к результату деятельности (Хухорева, 2011). Актуальность профессионального развития, в том числе построения карьеры, готовность выбора этой ценности в ситуации неопределенности реализуется через позитивное отношение к ней (Леонтьев, 2015), являющееся отражением психологических факторов — жизнестойкости, низкой степени подверженности стрессу. Вопрос о том, какое сочетание психологических факторов приводит к реализации выбора ценности карьеры, изучен недостаточно, что и определило вектор нашего исследовательского интереса.

Процесс самореализации личности и построения карьеры как процесс развития и становления человека опосредуется ситуациями неопределенности (Леонтьев, 2015). Современные исследования ситуаций неопределенности тесно связаны с изучением феномена

выбора и принятия решений. Так, С. Мадди отмечает, что ситуации неопределенности формируют выбор, который может быть реализован в пользу неизвестности, расширив существующие возможности, или в пользу неизменности, ограничивая их (Леонтьев, Рассказова, 2006). По мнению Т. В. Корниловой, неопределенность условий выбора способствует ориентации личности на пополнение существующих знаний о деятельности, которой она занимается, а также формирует личную способность к предвосхищению, прогнозированию возможных вариантов реализации деятельности в сложной ситуации (Корнилова, 2015). Характеристиками активности личности, реализуемой в результате позитивного отношения к ситуациям неопределенности, выступает возможность ее изменения за счет собственных оценок и решений и необходимости принятия ответственности за итоговый результат деятельности (Корнилова, 2015).

Отношение к неопределенности представляет собой один из главных предикатов устойчивости к стрессам. Одним из психологических параметров, формирующих положительное отношение к неопределенности, является жизнестойкость (Лебедева, Татарко, 2009). Жизнестойкость формирует основу адаптации личности (Леонтьев, Рассказова, 2006) и определяется как системное психологическое свойство, позволяющее превращать проблемные ситуации в новые возможности (Богомаз, Баланев, 2009). Ее компоненты – вовлеченность, контроль, принятие риска – являются ресурсами для личности (Волубаева, 2011). С позиции исследования моделей профессионального развития, жизнестойкость вырабатывается через принятие, осознание и преодоление трудностей в профессии. Особое значение при этом имеют ценности (Фоминова, 2012).

Ценности – это общие убеждения, вера, мировоззрение, представление о мире, служащие критерием выбора личностью стратегий поведения и определяющие это поведение (там же). М. Паркинсон рассматривает взаимозависимость организационных и индивидуальных ценностей (Паркинсон, 2003). А. Жуплев выделяет стабильность как фундаментальную ценность предприятия и ценность успешности. Стремление к стабильности определяет реализацию таких личных ценностей, как экономичность, дисциплинированность, исполнительность, безопасность, справедливость. Стремление к успешности и к изменениям актуализирует ценности карьеры, порядочности, честности, качества, новации, надежности, оперативности, социальной ответственности (Жуплев, 1999).

Целью нашего исследования стало изучение психологических факторов выбора ценности карьеры в критических ситуациях профессиональной деятельности. Была выдвинута *гипотеза* о том, что существуют взаимосвязи психологических факторов (жизнестойкость, параметры жизнестойкости, уровень подверженности стрессу) и выбора ценности карьеры в подобных ситуациях.

Выборку исследования составили 83 менеджера российских организаций, выполняющих коммерческие функции, в возрасте от 23 до 45 лет. Для изучения их *ценностных ориентаций* использовалась мультисубъектная методика рефлексивного выбора В. А. Петровского. Испытуемому предлагался перечень из 16 ценностей и определялась их субъективная значимость, затем на основе математического моделирования устанавливалась степень реализуемости ценности. В перечне были представлены следующие ценности: здоровье, деньги (достаток), любовь, жизнь, свобода, семья, дружба, творчество, познание, карьера (успех), власть, игра, красота, развитие, уверенность в себе, образование.

Обработка результатов осуществлялась на основании подсчета формулы рефлексивного выбора ценностей, предложенной В. А. Петровским. Результаты подсчета анализировались по критериям реализуемости ценности и ее значимости для субъекта исследования. Были выделены два типа выбора ценности карьеры: 1) значимый и реализуемый и 2) значимый и не реализуемый.

К психологическим факторам выбора ценности карьеры отнесены жизнестойкость, параметры жизнестойкости и уровень подверженности стрессу.

Для исследования *жизнестойкости и параметров жизнестойкости* (вовлеченность, контроль, принятие риска) менеджеров использовался «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой), который представляет собой опросник, содержащий 45 пунктов, включающих прямые и обратные вопросы трех шкал (вовлеченность, контроль и принятие риска (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Для исследования *подверженности стрессу* менеджеров использовался опросник PSM («Шкала психологического стресса») Лемура—Тесье—Филлиона. Он состоит из утверждений, характеризующих психическое состояние. Испытуемым предлагалось оценить свое состояние за последнюю неделю с помощью восьмibalльной шкалы. В результате был получен показатель психологической на-

пряженности, который отражает способность личности к психологической адаптации к рабочим нагрузкам.

При статистической обработке полученных данных применялся U-критерий Манна–Уитни и критерий ранговой корреляции Спирмена.

Для анализа результатов субъекты исследования были разделены на две группы: первая определила выбор ценности карьеры как значимый и реализуемый, вторая – как значимый, но не реализуемый. Выяснилось, что менеджеры первой группы имеют низкий уровень показателя принятия риска, в то время как у менеджеров второй группы уровень этого показателя достаточно высок. Таким образом, по данному фактору были получены значимые различия между группами менеджеров. По остальным психологическим факторам выбора ценности карьеры значимых различий не выявлено.

Полученные результаты можно объяснить тем, что ориентация менеджера на карьерный рост и активность для построения карьеры и профессионального развития требует от него в ситуации неопределенности делать выбор в пользу рискованных действий даже в ситуации отсутствия гарантий успеха. Такие менеджеры в поиске возможностей достижения высоких результатов в деятельности в ситуации неопределенности убеждены, что итоговый результат работы способствует их развитию, а полученный опыт можно применять в будущем. С другой стороны, менеджеры, не реализующие ценность карьеры в ситуации неопределенности, избегают неоправданного риска, стремясь обеспечить комфорт и безопасность своей деятельности для стабилизации существующего положения.

Полученные результаты согласуются с исследованиями жизнестойкости, в которых говорится о том, что принятие и реализация управленческих решений и выбора в случае возникновения непредвиденных стрессовых ситуаций осуществляется с целью приобретения новых качеств, способствующих изменениям в деятельности (Богомаз, Баланев, 2009). С позиции исследователей феномена неопределенности, риск связывается с опасностью потерь и одновременно с выигрышем в прагматических контекстах. В этом аспекте риск рассматривается как объективно заданная возможность и опасность потерь или приобретений, как характеристика импульсивности решений и действий, как следствие неполноты ориентировки в ситуации, как ситуационно заданный фактор, как личностное

принятие вызова со стороны условий неопределенности и др. (Корнилова, 2015).

Итак, наша гипотеза подтвердилась. Принятие риска как параметр жизнестойкости определяет выбор ценности карьеры в ситуации неопределенности профессиональной деятельности. Таким образом, современные условия непредсказуемого конкурентного рынка для менеджеров, стремящихся сделать карьеру в организации, являются возможностью в реализации данной ценности, а для менеджеров, не желающих делать карьеру, напротив, являются поводом к избеганию активности, связанной с риском и готовностью действовать даже в ситуации отсутствия возможных гарантий успеха.

Результаты исследования можно использовать для формирования кадрового резерва на предприятии, ротации персонала и создания проектных групп.

Литература

- Богомаз С. А., Баланев Д. Ю.* Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 23–28.
- Волобуева Н. М.* Инновативные качества молодых людей с различным уровнем жизнестойкости личности // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 12 (107). Вып. 10. С. 144–147.
- Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Глухова В. А., Мальцева А. С., Глухов П. С.* Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: Психологический инновационный аудит: Учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2016.
- Жуплев А.* Ключевое условие успеха (анализ подходов компаний США к проблеме «миссия и философия фирмы») // Управление персоналом. 1999. № 12. С. 28–36.
- Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4 (23). С. 89–96.
- Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2.

- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Паркинсон М.* Использование психологии в бизнесе: Практическое руководство для менеджеров. М.: Нипро, 2003.
- Фоминова А. Н.* Жизнестойкость личности. М.: МПГУ, 2012.
- Хухорева А. В.* Динамика индивидуальных ценностей в контексте социальной среды (на примере специфической профессиональной группы) // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 90–98.

Личностные качества, акцентуации характера и механизмы психологической защиты у женщин среднего возраста

С. Е. Поддубный, Е. В. Эгамбердиева

Проблема личности изучалась такими отечественными психологами, как С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, Д. Н. Узнадзе, В. С. Мерлин. В западной психологии личность изучалась в различных аспектах, — например, в психодинамическом (З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, М. Эриксон, Э. Фромм, Г. Салливан, Э. Берн и др.), гуманистическом (К. Роджерс, Г. Олпорт, А. Маслоу и др.), в гештальтпсихологии и когнитивной психологии (теории К. Левина, Дж. Келли и др.). Исследованием акцентуаций характера занимались А. Е. Личко, К. Леонгард, Н. Шмишек и др., механизмов защиты — З. Фрейд, А. Фрейд, Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис, А. А. Налчаджян, Г. Тарт, В. Менинжер, М. Лиф, Э. Фромм, Е. С. Романова, Л. Р. Гребенников и др. (Демина, Ральникова, 2000; Налчаджян, 2010; Романова, Гребенников, 1996; Фрейд, 2008; и др.).

В современных условиях возросшего стрессогенного влияния социальной среды проблема механизмов психологической защиты приобрела особую значимость. Тем не менее, она еще недостаточно изучена во взаимосвязи с акцентуациями характера.

Особенную актуальность данная проблема приобретает у людей среднего возраста, когда количество стрессоров увеличивается в связи с осмыслением ими прожитой жизни, продумыванием своих неудач и успехов, подведением определенных итогов. Особенно остро это отражается на эмоциональном состоянии женщин.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи между личностными качествами, акцентуациями характера и механизмами психологической защиты женщин среднего возраста. Мы выдвинули следующие *гипотезы*: 1) существует взаимосвязь между личностными качествами, акцентуациями характера и механизмами психологической защиты; 2) женщины с разными уровнями выраженности

механизмов психологической защиты отличаются по личностным качествам и акцентуациям характера.

В ходе исследования использовались следующие *методики*: опросник «Личностный профиль» Г. Айзенка; опросник черт характера В. М. Русалова и О. Н. Маноловой; методика выявления ведущих механизмов психологической защиты Е. С. Романовой и Л. Р. Гребенникова.

Эмпирическая часть исследования проводилась в период с 2013 по 2014 гг. на базе Центра красоты и здоровья. В эксперименте принимали участие 54 женщины в возрасте от 25 до 45 лет.

Поясним основную терминологию исследования. *Личность* – особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения (Мещеряков, Зинченко, 2007). Под *акцентуацией характера* понимается чрезмерное усиление и выраженность отдельных черт характера или их сочетаний (синдром), проявляемое в избирательном отношении личности к психологическим воздействиям определенного рода при хорошей или даже повышенной устойчивости к другим. *Защитные механизмы* представляют собой совокупность бессознательных механизмов, функцией которых является сохранение целостности и стабильности личности путем редукции отрицательных переживаний и негативных эмоциональных состояний в стрессогенных, конфликтных, фрустрирующих ситуациях, сопровождающихся чувством тревоги.

С целью выявления взаимосвязи между личностными качествами, акцентуациями характера и механизмами психологической защиты у женщин среднего возраста были рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона.

По данным, приведенным в таблице 1, видно, что существует положительная взаимосвязь между личностными качествами и акцентуациями характера. Выявлена прямая корреляционная связь между следующими показателями:

- педантичностью ($r=0,38$ при $p\leq 0,01$), циклотимностью ($r=0,43$ при $p\leq 0,001$) и нейротизмом: люди с педантичным и циклотимным типами акцентуаций испытывают чувство неуверенности в себе, нервозности, беспокойства;
- тревожностью ($r=0,47$ при $p\leq 0,001$) и циклотимностью: людям с циклотимным типом акцентуаций характерно чувство беспокойства, боязливости;

Таблица 1

Взаимосвязь личностных качеств и акцентуаций характера
у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Педантичность	Циклотимность	Гипертимность
Нейротизм	0,38	0,43	
Тревожность		0,47	-0,40
Общительность			0,39
Экстраверсия			0,43
Активность			0,63
Склонность к риску	-0,45		0,47

- общительностью ($r=0,39$ при $p\leq 0,01$), активностью ($r=0,63$ при $p\leq 0,001$), экстраверсией ($r=0,43$ при $p\leq 0,001$), склонностью к риску ($r=0,47$ при $p\leq 0,001$) и гипертимностью: люди с гипертимным типом акцентуаций общительны, предпочитают широкий круг знакомств, быстро просыпаются по утрам и рано встают, легко переключаются с одной деятельности на другую, имеют разнообразные, многочисленные интересы и увлечения, им нравятся экстремальные и активные виды спорта.

Также были обнаружены обратные корреляционные связи между следующими показателями:

- тревожностью и гипертимностью ($r=-0,40$ при $p\leq 0,01$): люди с гипертимным типом акцентуации очень редко испытывают чувство беспокойства, они уверены в себе, активны;
- склонностью к риску и педантичностью ($r=-0,45$ при $p\leq 0,001$): люди с педантичным типом предпочитают безопасные виды деятельности, постоянство, пассивный и размеренный отдых.

Из таблицы 2 мы видим, что существует прямая корреляционная связь между активностью ($r=0,61$ при $p\leq 0,001$), импульсивностью ($r=0,35$ при $p\leq 0,01$), общительностью ($r=0,61$ при $p\leq 0,001$), экстраверсией ($r=0,62$ при $p\leq 0,001$), склонностью к риску ($r=0,53$ при $p\leq 0,001$) и демонстративностью. Люди с демонстративным типом акцентуации характера быстро просыпаются по утрам и рано встают, легко переключаются с одной деятельности на другую, имеют разнообразные, многочисленные интересы и увлечения, склонны действовать

Таблица 2

Взаимосвязь личностных качеств и акцентуаций характера у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Дистимность	Демонстративность
Активность	-0,42	0,61
Импульсивность		0,35
Общительность	-0,40	0,61
Экстраверсия	-0,41	0,62
Склонность к риску	-0,40	0,53

под влиянием момента, принимать поспешные, зачастую непродуманные решения, отличаются непредсказуемостью и непостоянством, предпочитают широкий круг знакомств, любят развлечения и коллективные мероприятия, ощущают потребность в общении с людьми, увлекаются экстремальными видами спорта.

Обратная корреляционная связь выявлена между активностью ($r=-0,42$ при $p \leq 0,001$), общительностью ($r=-0,45$ при $p \leq 0,001$), экстраверсией ($r=-0,41$ при $p \leq 0,001$), склонностью к риску ($r=-0,40$ при $p \leq 0,01$) и дистимностью. Лица с дистимным типом предпочитают спокойный образ жизни, пассивный и размеренный отдых, общение только в узком кругу знакомых, испытывают затруднения в коммуникативной сфере, озабочены личными проблемами, замкнуты, обладают ровным или несколько сниженным фоном настро-

Таблица 3

Взаимосвязь личностных качеств и акцентуаций характера у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Эмотивность	Возбудимость
Агрессивность		0,58
Склонность к риску	-0,41	
Импульсивность		0,64
Общительность	-0,43	0,38
Экстраверсия	-0,44	0,37
Ассертивность	-0,38	0,38

ения, тщательно обдумывают свои поступки, контролируют чувства, предпочитают постоянство, застенчивы и покорны.

Из таблицы 3 мы видим, что существует прямая корреляционная связь между общительностью ($r=0,38$ при $p\leq 0,01$), экстраверсией ($r=0,37$ при $p\leq 0,01$), импульсивностью ($r=0,64$ при $p\leq 0,001$), агрессивностью ($r=0,58$ при $p\leq 0,001$), ассертивностью ($r=0,38$ при $p\leq 0,01$) и возбудимым типом акцентуаций. Женщины среднего возраста с возбудимым типом акцентуаций легко заводят новые знакомства, любят развлечения и коллективные мероприятия, действуют под влиянием момента, могут демонстрировать превосходство над другими людьми, отстаивают свое мнение.

Обратная корреляционная связь существует между общительностью ($r=-0,43$ при $p\leq 0,001$), экстраверсией ($r=-0,44$ при $p\leq 0,001$), склонностью к риску ($r=-0,41$ при $p\leq 0,001$), ассертивностью ($r=-0,38$ при $p\leq 0,01$) и эмотивным типом акцентуаций. Женщины среднего возраста с эмотивным типом предпочитают общение только в узком кругу знакомых, озабочены личными проблемами, замкнуты, обладают ровным или несколько сниженным фоном настроения, тщательно обдумывают свои поступки, контролируют чувства, предпочитают постоянство, застенчивы и покорны.

Из таблицы 4 мы видим, что существует прямая взаимосвязь между следующими показателями:

- агрессивностью ($r=0,62$ при $p\leq 0,001$), нейротизмом ($r=0,54$ при $p\leq 0,001$), самоуничижением ($r=0,53$ при $p\leq 0,001$), тревожностью

Таблица 4

Взаимосвязь личностных качеств и механизмов психологической защиты у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Проекция	Регрессия	Интеллектуализация
Тревожность	0,45		
Самоуничижение	0,53		
Активность	-0,47		
Нейротизм	0,54	0,45	
Агрессивность	0,62	0,41	
Подавленность	0,38	0,39	-0,39

- ($r=0,45$ при $p \leq 0,001$), подавленностью ($r=0,38$ при $p \leq 0,01$) и проекцией, т. е. чем чаще человек демонстрирует превосходство над другими, испытывает чувство беспокойства, тревоги, чувство неполноценности, недоволен своим образом жизни, склонен к депрессии и не уверен в себе, тем чаще он использует проекцию в качестве механизма психологической защиты;
- нейротизмом ($r=0,45$ при $p \leq 0,001$), агрессивностью ($r=0,41$ при $p \leq 0,001$), подавленностью ($r=0,39$ при $p \leq 0,01$) и регрессией, т. е. чем чаще женщины испытывают беспокойство, нервозность, демонстрируют превосходство над другими, недовольны своим образом жизни и склонны к депрессии, тем чаще в качестве механизма психологической защиты используют регрессию.

Обратная корреляционная связь обнаружена между следующими показателями:

- активностью и проекцией ($r=-0,47$ при $p \leq 0,001$), т. е. люди, предпочитающие пассивный отдых, быстро устающие, чаще используют в качестве защиты проекцию;
- подавленностью и интеллектуализацией ($r=-0,39$ при $p \leq 0,01$), т. е. чем чаще человек испытывает беспокойство, неуверенность в себе, тем реже он будет использовать интеллектуализацию (рационализацию). Это связано с тем, что женщины сильно поддаются эмоциональным состояниям и нередко начинают действовать необдуманно.

Таблица 5

Взаимосвязь личностных качеств и механизмов психологической защиты у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Компенсация	Замещение	Реактивное образование
Активность			-0,43
Ассертивность	0,45		-0,36
Общительность	0,38		-0,52
Экстраверсия	0,44		-0,46
Агрессивность	0,43		
Импульсивность	0,46	0,64	
Склонность к риску			-0,64
Безответственность		0,35	

Из таблицы 5 видно, что существует прямая корреляционная связь между следующими показателями:

- импульсивностью ($r=0,46$ при $p \leq 0,001$), ассертивностью ($r=0,45$ при $p \leq 0,001$), экстраверсией ($r=0,44$ при $p \leq 0,001$), агрессивностью ($r=0,43$ при $p \leq 0,001$), общительностью ($r=0,38$ при $p \leq 0,01$) и компенсацией, т. е. чем чаще женщины принимают поспешные решения, отстаивают свои права, демонстрируют превосходство над другими, любят заводить новые знакомства, тем чаще они используют в качестве механизма психологической защиты компенсацию;
- импульсивностью ($r=0,64$ при $p \leq 0,001$), безответственностью ($r=0,35$ при $p \leq 0,01$) и замещением, т. е. чем чаще женщины принимают поспешные решения, проявляют беспечность, непредсказуемость, ненадежность, тем чаще они используют в качестве механизма психологической защиты замещение.

Обратная корреляционная связь обнаружена между склонностью к риску ($r=-0,64$ при $p \leq 0,001$), общительностью ($r=-0,52$ при $p \leq 0,001$), экстраверсией ($r=-0,46$ при $p \leq 0,001$), активностью ($r=-0,43$ при $p \leq 0,001$), ассертивностью ($r=-0,36$ при $p \leq 0,01$) и реактивным образованием, т. е. женщины, которые любят безопасные виды деятельности, робкие, застенчивые в случае конфликта или любой другой сложной ситуации, предпочитающие общаться с определенным кругом лиц и ведущие пассивный образ жизни, выбирают механизм реактивного образования.

Из таблицы 6 мы видим, что существует прямая корреляционная связь между следующими переменными:

Таблица 6

Взаимосвязь акцентуаций характера и механизмов психологической защиты у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Возбудимость	Застревание
Замещение	0,60	
Регрессия	0,37	0,46
Проекция	0,39	0,50
Компенсация	0,55	
Интеллектуализация		-0,38

- замещением ($r=0,60$ при $p \leq 0,001$), компенсацией ($r=0,55$ при $p \leq 0,001$), проекцией ($r=0,39$ при $p \leq 0,01$), регрессией ($r=0,37$ при $p \leq 0,01$) и возбудимостью, т. е. женщины с повышенной импульсивностью, инстинктивностью, грубостью, склонностью к хамству и брани, к трениям и конфликтам, в которых они сами и являются активной, провоцирующей стороной, в сложных жизненных ситуациях применяют в качестве защиты регрессию, замещение, компенсацию и проекцию;
- проекцией ($r=0,50$ при $p \leq 0,001$), регрессией ($r=0,46$ при $p \leq 0,001$) и застреванием, т. е. женщины недоверчивые, склонные к мстительности, считающие, что к ним несправедливо относятся окружающие, применяют в качестве защиты регрессию и проекцию.

Обратная корреляционная связь выявлена между интеллектуализацией и застреванием ($r=-0,38$ при $p \leq 0,01$), т. е. доверчивые, открытые окружающим женщины среднего возраста в качестве механизма защиты применяют интеллектуализацию.

Таблица 7

Взаимосвязь акцентуаций характера и механизмов психологической защиты у женщин среднего возраста

Наименование шкалы	Проекция	Компенсация	Интеллектуализация	Реактивное образование
Педантичность	0,40			0,45
Циклотимность	0,46			0,40
Эмотивность		-0,37		0,42
Дистимность				0,62
Гипертимность			0,46	-0,37
Демонстративность				-0,51

Из таблицы 7 видно, что существует прямая корреляционная связь между следующими категориями:

- дистимностью ($r=0,62$ при $p \leq 0,001$), педантичностью ($r=0,45$ при $p \leq 0,001$), эмотивностью ($r=0,42$ при $p \leq 0,001$), циклотимностью ($r=0,40$ при $p \leq 0,01$) и реактивным образованием, т. е. женщины, склонные к частым перепадам настроения, пунктуальные, усидчивые, сопереживающие, впечатлительные, с заниженной

самооценкой, используют в качестве защиты механизм реактивного образования;

- циклотимностью ($r=0,46$ при $p \leq 0,001$), педантичностью ($r=0,40$ при $p \leq 0,01$) и проекцией, т. е. женщины, склонные к частым перепадам настроения, пунктуальные, аккуратные, особое внимание уделяющие чистоте и порядку, добросовестные, жестко следующие плану, в качестве механизма защиты применяют проекцию.

Обратная корреляционная связь установлена между следующими категориями:

- демонстративностью ($r=-0,51$ при $p \leq 0,001$), гипертимностью ($r=-0,37$ при $p \leq 0,01$) и реактивным образованием, т. е. женщины, общающиеся только с определенным замкнутым кругом лиц, предпочитающие одиночество и уединение, в качестве защиты выбирают реактивное образование;
- эмотивным типом и компенсацией ($r=-0,37$ при $p \leq 0,01$), т. е. женщины, уверенные в себе, не отзывающиеся на просьбу о помощи других людей, не сопереживающие им, в качестве защиты используют компенсацию.

Таблица 8

Средние значения и стандартное отклонение механизмов психологической защиты в группах, выделенные по результатам описательной статистики

Наименование шкал	Группа 1		Группа 2	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Отрицание	4,75	1,69	5,29	1,93
Подавление	5,19	1,51	5,24	1,55
Регрессия	5,75	1,00	7,45	1,00
Компенсация	5,13	1,71	7,71	1,35
Проекция	5,06	1,57	7,05	1,94
Замещение	4,19	1,80	7,47	1,37
Интеллектуализация	5,06	1,65	4,89	1,47
Реактивное образование	6,38	1,82	4,84	2,83

Примечание: Указаны только значимые значения на уровне $p < 0,05$.

Для выявления групп женщин среднего возраста, отличающихся по выраженности механизмов психологической защиты, был проведен кластерный анализ. В результате испытуемые были распределены в две группы: в одну вошло 16, в другую – 38 человек.

Из таблицы 8 видно, что первая группа женщин среднего возраста отличается от второй тем, что у ее членов менее выражены практически все механизмы психологической защиты. У женщин из первой группы преобладают такие механизмы психологической защиты, как реактивное образование (6,38) и интеллектуализация (5,06), а женщины из второй группы чаще используют компенсацию (7,71), замещение (7,47), регрессию (7,45) и проекцию (7,05). Таким образом, первая группа женщин среднего возраста характеризуется низким, а вторая – высоким уровнями выраженности механизмов психологической защиты.

В таблице 9 отображены результаты сравнительного анализа личностных качеств женщин среднего возраста с разными уровнями выраженности механизмов психологической защиты.

Женщины с низким уровнем выраженности механизмов психологической защиты отличаются от женщин с высоким уровнем следующими качествами: у них менее выражены общительность (3,63), ассертивность (3,81), импульсивность (5,04), агрессивность (6,94), экстраверсия (3,50) и нейротизм (7,50). Таким образом, они любят общаться в узком кругу людей, не настаивают на своей точке зрения, организованны, осмотрительны, планируют свою жизнь зара-

Таблица 9

Значимые различия в личностных качествах между группами женщин с разными уровнями выраженности механизмов психологической защиты

Наименование шкал	Группа 1	Группа 2	Уровень значимости
Общительность	3,63	5,16	$p < 0,05$
Ассертивность	3,81	5,34	$p < 0,05$
Импульсивность	5,94	8,71	$p < 0,001$
Агрессивность	6,94	8,67	$p < 0,001$
Экстраверсия	3,50	5,00	$p < 0,01$
Нейротизм	7,50	8,05	$p < 0,05$

Таблица 10

Значимые различия в акцентуациях характера между группами женщин с разными уровнями выраженности механизмов психологической защиты

Наименование шкал	Группа 1	Группа 2	Уровень значимости
Тревожность	5,18	6,50	p<0,05
Демонстративность	4,75	7,16	p<0,001
Возбудимость	5,43	8,45	p<0,001
Экзальтированность	5,87	7,45	p<0,05

нее, думают, прежде чем говорить и действовать, доброжелательны, испытывают затруднения в коммуникативной сфере, уверены в себе.

В таблице 10 приведены результаты сравнительного анализа акцентуаций характера женщин среднего возраста с разными уровнями выраженности механизмов психологической защиты.

У женщин с высоким уровнем психологических защит, по сравнению с женщинами с низким уровнем, более выражены возбудимость (8,45), экзальтированность (7,45), демонстративность (7,16). Таким образом, женщины с высоким уровнем выраженности механизмов психологической защиты стремятся к лидерству, имеют потребность в признании, жаждут постоянного внимания к своей персоне, имеют слабую степень контроля над своими влечениями и побуждениями. Для них характерны повышенная импульсивность, инстинктивность, грубость, занудство, склонность к конфликтам, в которых сами они зачастую и являются активной, провоцирующей стороной.

Таким образом, обе наши гипотезы подтвердились. В результате сравнительного анализа женщин среднего возраста с разными уровнями выраженности механизмов психологической защиты было установлено, что женщины с низким и высоким уровнями выраженности механизмов психологической защиты отличаются по личностным качествам и акцентуациям характера. У женщин с высоким уровнем более выражены нейротизм и экстраверсия, сильнее акцентуации характера.

Было также установлено, что существуют взаимосвязи между личностными качествами, акцентуациями характера и механизмами психологической защиты. В частности, экстраверсия взаимосвязана с такими типами акцентуации характера, как гипертимный, демонстративный и дистимный. Так, у женщин, которые любят устанавливать новые знакомства, имеют широкий круг общения, отстаивают свою точку зрения, чаще выражены демонстративный и возбудимый типы акцентуаций характера. Для женщин же, предпочитающих узкий круг знакомств, спокойный и пассивный отдых, свойствен дистимный тип.

Литература

- Демина Л. Д., Ральникова И. А.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000.
- Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. М.: ИОИ, 2016.
- Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Налчаджян А. А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010.
- Романова Е. С., Гребенников Л. Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996.
- Фрейд А.* Эго и механизмы психологической защиты. М.: Харвест—Астрель—АСТ, 2008.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2010.

Социально-психологические особенности учащихся учреждений начального профессионального образования

Е. В. Федосенко

Отмечающийся в последнее время в России экономический подъем предполагает совершенствование системы среднего и начального профессионального образования (НПО). Современные учреждения НПО испытывают большое количество трудностей, главная из которых — комплектование этих учреждений учащимися, обладающими необходимыми профессионально важными качествами (ПВК), которые предъявляются к современным рабочим специальностям.

В 2003–2007 гг. нами было проведено исследование социально-психологических и психологических особенностей учащихся учреждений НПО Санкт-Петербурга и Ленинградской области (N=200; 15–17 лет). Контрольную группу составили ученики 10–11 классов (N=80) общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Результаты анонимного анкетирования учащихся учреждений НПО, проведенного с целью выявления социально-психологических аспектов семейного окружения испытуемых, показало, что 60% из них, т. е. больше половины от всей выборки, воспитываются в неполных семьях. Около 15% респондентов не имеют родителей, вследствие чего воспитание осуществляется ближайшими родственниками.

Обращает на себя внимание и тот факт, что взаимоотношения во многих семьях, в которых воспитываются учащиеся, обучающиеся в учреждениях НПО, более чем негармоничные: в 38% случаев в семьях отмечается безразличие друг к другу; в 26% случаев отношения в семьях достаточно плохие; в 11,5% случаев в семьях царят выраженные неприязненные отношения между ее членами. Только 24,5% респондентов отметили наличие в семьях полного взаимопонимания.

При сравнительном анализе семейной ситуации между юношами и девушками, обучающимися учреждениями НПО, выяснилось,

что девушки находятся в значительно ($p \leq 0,01$) худших условиях, нежели их сверстники противоположного пола. Это касается и состава семьи, и взаимоотношений между ее членами. Данный вывод позволяет нам предположить, что такая семейная ситуация может повлиять на личностные особенности девушек, их адаптационные возможности, а также способствовать повышенному риску развития различных форм отклоняющегося поведения в большей степени, чем у юношей. Дисгармоничные социально-психологические условия девушек, возможно, могут быть объяснением высокого процента (59%, по данным анонимного анкетирования) хронических заболеваний у данных испытуемых.

В семьях, где один из родителей (иногда оба) страдают алкоголизмом, воспитывается 21% учащихся, что составляет одну четвертую часть от общего количества обследованных. Около 4% родителей учащихся страдают психическими заболеваниями.

Сравнительный анализ данных учащихся, обучающихся в учреждениях НПО, и их сверстников, обучающихся в общеобразовательной школе, позволяет говорить о достоверно ($p \leq 0,01$) значимых различиях по таким аспектам семейного окружения обследуемых, как состав семьи, взаимоотношения в семье, состояние здоровья родителей

Таблица 1

Показатели некоторых аспектов семейного окружения учащихся учреждений НПО и учащихся общеобразовательной школы

Социально-психологические характеристики	Учащиеся общеобразовательной школы	Учащиеся учреждений НПО
<i>Состав семьи</i>		
Полная	63%	40%
Неполная	37%	60%
<i>Состояние здоровья родителей</i>		
Имеют заболевания	42%	79%
Не имеют заболеваний	58%	21%
<i>Взаимоотношения в семье</i>		
Гармоничные отношения	63%	24,5%
Безразличное отношение друг другу	20,5	38%
Достаточно плохие отношения	11%	26%
Неприятные отношения	5,5%	11,5%

лей и материальное положение семей, в которых воспитываются учащиеся (см. таблицу 1).

По данным таблицы видно, что старшеклассники воспитываются в значительно более благополучных семейных условиях, чем их сверстники, обучающиеся в учреждениях НПО. Последние воспитываются в значительно худших материальных условиях, имеют более тяжелое семейное окружение и, как следствие, обладают (особенно девушки) низким уровнем состояния здоровья.

По мнению многих авторов, неблагоприятная семейная атмосфера, неправильное воспитание, отсутствие взаимопонимания в семье являются наиболее опасными факторами риска развития отклоняющегося поведения у подростков (Змановская, 2004; Личко, 1983; Рожков, 2001). При обследовании учащихся учреждений НПО с помощью «Диагностического опросника для выявления склонности к различным формам девиантного поведения» (ДАП-п) было выявлена достаточно высокая склонность их к различным видам отклоняющегося поведения. Так, показатель склонности к аддиктивному поведению них в 3 раза превышает показатели сверстников, обучающихся в общеобразовательной школе (см. таблицу 2).

Как правило, ведущая роль в происхождении аддиктивного поведения приписывается семье. Так, по результатам корреляционного анализа была выявлена прямая взаимосвязь между склонностью к аддиктивному поведению и здоровьем родителей ($r=0,251$; $p\leq 0,01$). Прослеживается следующая закономерность: чем больше родители расположены к различным заболеваниям, в том числе и алкоголизму, наркомании, нервно-психическим болезням, тем выше риск предрасположенности у детей к аддиктивности. Предрасположенность к аддиктивному поведению также может быть вызвана и различными семейными факторами: условиями воспитания, семейными тра-

Таблица 2

Склонность к девиантным формам поведения у учащихся учреждений НПО и общеобразовательной школы

Показатель	Учащиеся общеобразовательной школы	Учащиеся учреждений НПО	Достоверность различий ($p\leq$)
Аддикция	5,28±0,48	17,08±0,77	0,0001
Делинквентность	5,06±0,51	16,04±0,49	0,0001
Суицидальный риск	3,12±0,52	8,10±0,34	0,001

дициями, мотивационными установками. Нередко родители сами способствуют развитию аддиктивной привычки у детей, – например, посредством систематических застолий, праздников, на которых они (чаще отец) демонстрируют чрезмерное употребление алкоголя. Влияние подростковой субкультуры – в частности, прослушивание определенной музыки, посещение ночных клубов, дискотек – способствует заинтересованности подростков в наркотических средствах и подталкивает к непосредственному их употреблению (Юсупов, Чермянин, Федосенко, 2006).

По мнению многих исследователей, в подростковом возрасте возрастает риск суицидального поведения. Сравнительная диагностика суицидальной предрасположенности у учащихся учреждений НПО и учащихся общеобразовательной школы позволяет говорить об относительно высокой предрасположенности первых к суицидальному риску ($8,11 \pm 0,35$ усл. ед.). У учащихся общеобразовательной школы этот показатель достоверно ($p \leq 0,001$) ниже. По мнению многих авторов, значительное влияние на суицидальное поведение подростков, обучающихся в учреждениях НПО, могут оказывать межличностные отношения со сверстниками и родителями. Другим чрезвычайно важным фактором, как отмечает Е. В. Змановская, выступает влияние подростковой субкультуры: зависимые, конформные подростки, легко поддающиеся влиянию авторитетов, могут стать жертвой суицида по примеру своего кумира (Змановская, 2004).

Положительная взаимосвязь суицидального риска и состояния здоровья родителей ($r=0,145$; $p \leq 0,05$) позволяет утверждать, что чем больше родители подростка расположены к различным видам заболеваний, в том числе алкоголизму, наркомании, психическим расстройствам, тем больше у подростка склонность к суицидальному поведению. Достаточно сильная положительная связь выявлена между шкалой «склонность к суицидальному риску» и шкалой «доминантность–конформность» опросника Кеттелла ($r=0,191$; $p \leq 0,01$), что позволяет нам говорить о возможности суицидального риска у конформных, зависимых от мнения окружающих и от авторитетов, подростков с низкой самооценкой, неуверенностью в себе. Снижение уровня нервно-психической устойчивости также влияет на повышение суицидального риска, что подтверждается обратной корреляционной зависимостью ($r=-0,166$, $p \leq 0,05$).

Отклонения в поведении зачастую опосредованы явными или скрытыми нарушениями эмоциональной, волевой сферы и интел-

лектуальной регуляции, которые условно объединяются в понятие «нервно-психическая устойчивость» (НПУ). Под нервно-психической неустойчивостью (НПН) обычно понимают склонность индивида к срывам нервной системы при значительных психических и физических нагрузках. Анализируя данные методики «Прогноз» (В. Ю. Рыбников), видно, что высоким и хорошим уровнем нервно-психической устойчивости обладает 36% учащихся учреждений НПО. Лица, имеющие удовлетворительный уровень НПУ, составляют около 20%. Особое внимание обращает на себя тот факт, что почти половина учащихся учреждений НПО имеют отчетливые признаки нервно-психической неустойчивости и нуждаются в мероприятиях психологической коррекции. Это подтверждается анализом их ответов на отдельные вопросы методики «Прогноз». В частности, до 45% подростков, имеющих признаки НПН, указали, что для них характерны низкая толерантность к физическим и психическим нагрузкам, жалобы на состояние здоровья, склонность к импульсивности и аффективным реакциям (Федосенко, 2007).

При сравнении количественных показателей нервно-психической устойчивости в обеих группах были выявлены значимые различия ($p \leq 0,0001$). Средние показатели уровня нервно-психической устойчивости у учащихся НПО ($23,89 \pm 0,68$) в два раза превышают показатели старшеклассников ($11,35 \pm 0,57$), что позволяет говорить о наличии у будущих рабочих признаков нервно-психической неустойчивости, о том, что они нуждаются в мероприятиях психологической коррекции. Напротив, подавляющее большинство школьников имеют хороший уровень НПУ.

Различается ли уровень НПУ по половому признаку? Значительная часть учащихся-девушек образовательной школы (47,5%) имеет высокий и хороший уровень НПУ, что в 3 раза превышает показатели их сверстниц, обучающихся в учреждениях НПО (17%). Девушки с явной нервно-психической неустойчивостью были выявлены только в группе учащихся НПО (57%). Возможно, это объясняется рядом причин: дисгармоничное семейное воспитание (при анализе семей учащихся учреждений НПО было выявлено, что девушки находятся в более неблагоприятных социальных условиях, чем юноши), педагогическая запущенность, склонность к аддиктивному поведению (см. рисунок 1).

У учащихся-юношей хороший уровень НПУ различается незначительно: 47,5% (образовательная школа) и 41% (НПО), зато удовле-

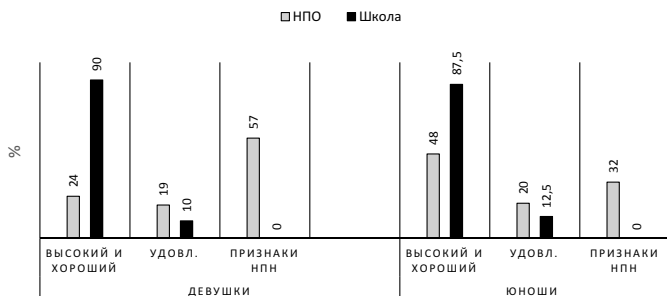

Рис. 1. Уровень нервно-психической устойчивости у учащихся учреждений НПО и общеобразовательных школ: гендерные различия (в %)

творительный уровень НПУ у учащихся учреждений НПО (20%) почти в 2 раза больше, чем у сверстников, обучающихся в общеобразовательной школе (12,5%).

Юноши, нуждающиеся в коррекционных мероприятиях, были выявлены только среди учащихся НПО и составили почти 1/3 от всей выборки (32%).

Таким образом, мы можем говорить о значительно ($p \leq 0,0001$) низком уровне нервно-психической устойчивости у учащихся учреждений НПО, что может быть объяснено многими причинами, основная из которых – дисгармоничные семьи (Федосенко, Чермянин, 2017).

Наиболее часто нервно-психическая неустойчивость свойственна подросткам с наличием явных или скрытых (проявляющихся лишь при неблагоприятном воздействии внешней среды) акцентуаций характера. По результатам методики СМИЛ (ММРІ) был проведен анализ усредненных профилей учащихся учреждений НПО. У них отмечались признаки истероидной акцентуации. Как отмечает А. Е. Личко (Личко, 1983), среди поведенческих проявлений истероидности у подростков на первое место следует поставить суицидальные демонстрации; алкоголизация может носить чисто демонстративный характер; делинквентность истероидных подростков обычно имеет несерьезный характер (прогулы, нежелание учиться/работать, желание «красивой» жизни).

Обращает на себя внимание и выраженная склонность учащихся учреждений НПО к признакам социальной дезадаптации (Pd), к повышенной агрессивности и межперсональной конфликтности. Учащиеся склонны к аффектам, зачастую они пренебрегают социальными нормами и правилами.

При анализе данных учащихся учреждений НПО и старшеклас-ников выявлено, что в обеих группах присутствуют лица со склонно-стью к повышенной агрессивности, социальной дезадаптации (Pd) и ин-дивидуалистичности мышления (Sch). Однако признаки истероидной акцентуации у школьников отсутствуют. Более того, все показатели учащихся общеобразовательной школы не выходят за пределы нормы.

Сравнительный анализ личностных особенностей учащихся учреждений НПО и школьников показал достоверно значимые раз-личия по шкалам истерии (Hs), депрессии (D), сензитивности (Mf), ригидности (Pa), психопатии (Pd), психастении (Pt), гипомании (Ma) и социальной интроверсии (Si). Полученные результаты свидетельст-вуют об эмоциональной незрелости, инфантилизме учащихся НПО, в отличие от их сверстников-старшекласников. Наблюдается стой-кая тенденция учащихся НПО к депрессивному типу поведения, со-провождающемуся излишней тревожностью, конформностью, ри-гидным подходом к решению различных проблем, неадекватной самооценкой, к постоянному поиску «острых ощущений», новых ин-тересов, которые очень быстро «приедаются» из-за отсутствия эмо-циональной зрелости и надежных морально-нравственных устано-вок. Все это приводит к социальной дезадаптации (см. таблицу 3).

Таблица 3
Показатели методики СМИЛ учащихся учреждений НПО
и школьников

Шкалы	Учащиеся об- щеобразова- тельных школ	Учащиеся учреждений НПО	Достоверность различий ($p \leq$)
Шкала депрессии (D)	49,30±0,76	55,68±0,55	0,00001
Шкала истерии (Hs)	53,06±0,41	76,63±0,65*	0,03
Шкала сензитивности (Mf)	47,17±1,10	55,49±0,73	0,00001
Шкала психопатии (Pd)	51,25±1,40	65,06±0,14	0,01
Шкала ригидности (Pa)	46,70±0,93	54,48±0,54	0,001
Шкала психастении (Pt)	57,68±0,40	61,17±0,44	0,000004
Шкала гипомании (Ma)	56,46±0,66	61,65±0,59	0,00001
Шкала социальной интроверсии (Si)	43,96±1,01	52,99±0,53	0,00001

Примечание: * – отмечен показатель, выходящий за норму.

По результатам исследования было установлено, что учащиеся учреждений НПО — это в большинстве случаев эмоционально незрелые личности со сниженным интеллектом, склонные к истероидному и шизоидному типам поведения, не умеющие должным образом контролировать свои эмоции и поведение в социуме, что может послужить причиной их низкой адаптации и склонности к различным типам девиаций.

Возможно, такие личностные характеристики могут объясняться не только особенностями подросткового возраста, но и дисгармоничным семейным воспитанием. Семья в данном случае не помогает подростку пройти этот сложный период становления личности, а, наоборот, усложняет процесс. Причем стоит отметить, что многие трудности семейного воспитания связаны не с такими явными проблемами, как алкоголизм одного из родителей (чаще отца), нежелание заниматься ребенком и т. п., а просто с незнанием элементарных вещей, касающихся психологии их подрастающего ребенка в сочетании с собственными психологическими проблемами, искаженными установками, полученными в детстве.

Итак, мы рассмотрели социально-психологические особенности учащихся НПО. Подтвердились предположения о том, что эта группа подростков и молодежи нуждается в комплексной социально-психологической поддержке. Престиж рабочих специальностей недостаточно высок, выбор профессии часто осуществляется не из интереса к ней, а по банальной причине академической неуспеваемости в школе и поведенческих проблем. В итоге учреждения среднего и начального профессионального образования становятся своеобразным центром повышенного риска, где учатся будущие молодые рабочие, имеющие высокую склонность к аддикциям, делинквентности, нервно-психической неустойчивости, с истероидными и гипертимными чертами характера. Безусловно, во многом данные характеристики свойственны подростковому возрасту, но сравнительный анализ их данных с данными старшеклассников показывает, например, у последних в 3 раза более низкие результаты склонности к различным формам девиантного поведения. Помимо генотипических особенностей, мы считаем, что во многом это проблема семейного окружения, дисгармоничных отношений семьи, ее деформации у учащихся НПО.

Затронутая проблема требует дальнейших исследований. Необходимы системные разработки комплексной социально-психологической поддержки учащихся НПО.

Литература

- Змановская Е. В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учебное пособие для студентов вузов. М.: ИЦ «Академия», 2004.
- Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.
- Рожков М. И.* Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением. М.: Владос, 2001.
- Федосенко Е. В.* Особенности психологического сопровождения учащихся в учреждениях начального профессионального образования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.
- Федосенко Е. В., Чермянин С. В.* Психологические особенности адаптации студентов начального профессионального образования // Развитие профессионализма. 2017. № 1 (3). С. 54–57.
- Юсупов В. В., Чермянин С. В., Федосенко Е. В.* Диагностика риска наркомании в студенческой среде // Адаптивная физическая культура. 2006. № 3. С. 56–57.

Оценка персонала в организациях: современное видение

В. А. Чикер

Тема оценки персонала в разных аспектах возникает практически во всех организациях, независимо от направленности их деятельности, чему способствуют возросшая трудовая и профессиональная мобильность кадров, повысившиеся требования к компетенциям сотрудника и переход на новые, динамичные отношения сотрудников и работодателей.

Первые основополагающие комплексные психологические работы в русле данной темы начали осуществляться в нашей стране почти 50 лет назад. К настоящему времени сложились востребованные и устойчивые модели оценки персонала, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки.

Запрос заказчиков формируется в первую очередь на практические работы, связанные с оценкой качества и эффективности работы сотрудников организации различного статуса и должностной ответственности, в особенности — категории руководителей. Критерии этих оценок могут быть различны, а практика их разработки имеет давнюю историю. Оценка эффективности работы персонала в организации может проводиться в двух главных взаимосвязанных направлениях, т. е. быть *объективной* (измеряются реальная продуктивность и эффективность деятельности) и *субъективной* (основанной, как правило, на суждениях независимых экспертов). Последняя как раз и является основанием для научно-практических психологических исследований.

Первую консалтинговую компанию, занимающуюся психологической оценкой персонала, в 1919 г. создал У. Д. Скотт в США; существенный вклад в отбор военного персонала внес Г. Мюнстерберг. По окончании Первой мировой войны компания Скотта уже работала с персоналом более чем сорока крупных организаций страны. В ее концепции Скотт обозначил практически все направления

оценки персонала — отбор, тестирование, изучение профессионально важных качеств, обучение, развитие и др. Большинство методов его оценки были соотнесены с описанием профессионально важных качеств, необходимых для осуществления изучаемой деятельности.

В нашей стране расцвет психотехники в 1920-е годы достаточно долго позволял продуцировать идеи в этом направлении, однако общая история психологии в то время почти на полвека приостановила движение в области практики. На новом уровне оценочные процедуры стали активно и целенаправленно внедряться лишь с начала 1970-х годов при возрождении прикладной психологии на кафедре социальной психологии ЛГУ, в основном в высокотехнологичных сферах инженерной деятельности, где профессионализм и качество работ имеют первостепенное значение.

Пионерами в области разработки современной модели комплексной оценки кадров можно считать лауреата Государственной премии Н. А. Викторова и на тот момент сотрудников кафедры социальной психологии ЛГУ, а ныне профессоров Э. С. Чугунову, В. Н. Панферова и Е. С. Кузьмина. Их особая заслуга заключалась в воплощении идей соединения объективных и субъективных оценок деятельности персонала различного уровня, в комплексности оценки, в активном внедрении экспертной оценки (групповой оценки личности), метода «360 градусов» и компьютерной обработки данных, что в те годы было существенным технологическим прорывом. Они дали полное методологическое обоснование и описание предлагаемой модели оценки персонала (Комплексная..., 1991; Кузьмин и др., 1977; Чугунова, Панферов, 1978). Модель включала в себя объективные и субъективные экспертные оценки деятельности, оценку личностных особенностей (в этом исследовании впервые была переведена и использована методика Р. Кеттелла (форма С)), интеллекта инженеров и руководителей, особенностей их поведения в критических ситуациях и т. д. Следует отметить, что в основе оценки лежала базовая для того времени *модель оценки профессионально важных качеств (ПВК)*.

Применяющиеся в настоящее время методики оценки персонала различаются в основном по следующим критериям:

- выбор модели оценки (компетентностная, ПВК или функциональная);
- комплексность используемых методов диагностики;

- использование или не использование экспертных оценок и процедуры «360 градусов» в качестве базовых;
- использование Центров оценки;
- объем и зона ответственности за предлагаемые рекомендации;
- последствия оценочной процедуры для ее участников.

Остановимся подробнее на основных моделях оценки персонала.

Модель оценки ПВК является отражением деятельностного подхода к оценке персонала организаций, который имеет наиболее длительную историю разработки и применения на практике. В зарубежной и отечественной прикладной психологии и в психологии труда понятие ПВК активно используется с 1920-х годов. Оно максимально отражает также и базовые традиции советской психологии, и результаты изучения многих видов деятельности в области психологии труда и психотехники. В. А. Бодров определил ПВК как «всю совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности» (Бодров, 2001, с. 153). Следует отметить, что в англоязычной литературе этот термин не используется, а его синонимами чаще всего считают понятия «professional quality» и «professional attributes».

Конкретный перечень этих качеств для каждой деятельности и статуса оцениваемых специалистов специфичен (по их составу, по необходимой степени выраженности, по характеру взаимосвязи между ними) и определяется по результатам психологического анализа деятельности и составления ее профессиограммы. Процедуру оценки, согласно выделенным ПВК, несмотря на то, что они сформированы на основе анализа деятельности, в современных исследованиях часто называют личностно ориентированными процедурами оценки. Они используются для диагностики личностных свойств, знаний, умений и навыков человека. Подбор может быть основан на сопоставлении личностного профиля с моделью ПВК и включать в себя специально подобранную батарею оценочных методик. Основные трудности, связанные с использованием данной модели, определяются детализацией изучаемых личностных и профессиональных характеристик, что делает списки ПВК очень объемными и дробными. Вероятно, в связи с необходимостью сокращения таких больших и часто излишне детализированных списков ПВК появилось понятие «базовые ПВК» (Беспалов, 2014, с. 15), которое

частично соответствует широко распространенному в настоящий момент понятию «competence». Следует отметить, что компетентностная модель оценки персонала активно пришла на смену модели ПВК и практически заменила ее.

Компетентностная модель возникла прежде всего из критики тестов способностей и традиционной, применявшейся многие годы, оценки знаний и умений, по результатам которой, как оказалось, довольно трудно предсказать предполагаемую профессиональную успешность специалиста и руководителя, а также из-за громоздкости моделей ПВК. Р. Роу и П. ван дер Берг считают, что наиболее значимым достижением в теории подбора персонала в последние годы стало развитие понятия компетенций. По их мнению, изменение подхода было стимулировано появлением ресурсной теории организации, согласно которой эффективность организации объясняется ключевыми качествами, или компетенциями, ее самой и ее сотрудников. Несмотря на то, что понятие компетенций уходит корнями в европейскую традицию, в Европе оно стало популярным только после появления научных публикаций в США (Роу, ван дер Берг, 2012).

Следует отметить присутствие некоторой концептуальной путаницы и трудностей русскоязычного разведения интерпретаций практически синонимичных понятий «компетенция» и «компетентность». Термин «компетенция» (competence) обычно применяется для обозначения способности индивида адекватно выполнять должностную задачу или роль и является отражением оценки рабочего поведения и критерием подбора, в то время как термин «компетентность» (competency) стал обобщенным понятием, используемым для обозначения большой совокупности индивидуальных характеристик (знания, умения, установки, способности, личностные качества, ценности, интересы и биографические характеристики), способствующих осуществлению профессиональной деятельности. Предполагается, что компетенции приобретаются в процессе обучения и в рабочем поведении, обеспечивают интеграцию знаний, навыков и установок, являются основным объектом внимания на тренингах и в обучающих программах. Основным фокусом подбора персонала в таком случае становится направленность личности, необходимая для овладения знаниями, навыками и установками — база для приобретения поведенческих компетенций (Беспалов, 2014; Роу, ван дер Берг, 2012). Конечные суждения по оценке выделенных поведенческих индикато-

ров ключевых компетенций, как правило, также производит группа экспертов по системе оценки «360 градусов».

В настоящий момент ученые и практики столкнулись с противоречиями применения двух описанных выше моделей. Это касается создания оценочных списков качеств и компетенций, подходов в их формировании, выбора шкалы оценок, путей отбора экспертов и т. д. Точно так же, как и критикуемые модели ПВК, компетентностные модели оказались трудны в разработке и реализации, требуют больших материальных и интеллектуальных затрат, в связи с чем слышатся призывы к их унификации, а следовательно, неминуемой потере индивидуального психологического подхода в оценке персонала в каждой отдельной организации, к чрезмерной формализации и опоре на технологичность этого процесса.

Функциональная модель оценки персонала связана с реализацией функций управления (менеджмента) организации. Ее показатели, как правило, отражают сложившуюся организационную или индивидуальную систему управления и могут включать в себя достаточно большое количество функций, выполнение которых в дальнейшем обеспечивается базовыми компетенциями сотрудников и руководителей. Например, в модели, разработанной Д. М. Масловым совместно с английским и австралийским учеными П. Ватсоном и Н. Чилиши, это шесть необходимых функций менеджмента: прогнозирование—планирование, организация, мотивация, контроль, координация и коммуникация (Маслов, Ватсон, Чилиши, 2007). Традиционность применения функциональной модели заключается в том, что оценка менеджмента производится по принципу экспертных оценок как лицами, принимающими управленческие решения (руководителям, менеджерам различных уровней), так и рядовыми работниками (оценка «360 градусов»). При этом важным вопросом, который необходимо решить высшему руководству, является подбор экспертной группы для проведения оценки.

Второй пример применения функциональной модели – методика «Цикл управленческих умений» К. Л. Вилсона (Чикер, 2004). В США ее относят к разряду надежных и высокопрогностических методик по изучению менеджерских умений. Методика основывается на теоретической концепции, выделяющей 23 основных менеджерских умения, описанных в соответствии с циклом функций управления. Диагностика менеджерских умений также традиционно проходит по принципу метода «360 градусов», ведь никто в кол-

лективе не знает лучше, как работает сотрудник, чем рядовые его члены. Сильной стороной методики является возможность психологического анализа соотношения экспертных и самооценочного профилей менеджерских умений, что может стать базой для последующей консультативной и коррекционной работы психолога с персоналом организации.

На сегодняшний день *центр оценки (ассесмент-центр)* является одним из наиболее популярных методов оценки персонала и занимает особое место в их системе. В строгом понимании он не представляет собой отдельного особого психодиагностического метода, а может рассматриваться как комплексный подход, применяемый при оценке персонала, сочетая в себе различные методы и методики оценки. Сама процедура ассесмент-центра может быть отнесена, по нашему мнению, к методам моделирования. Сочетание применяемых методов позволяет создать *ситуационные модели*, которые представляют собой искусственное представление реальных обстоятельств существования естественного объекта, обуславливающих его появление (рождение), развитие, функционирование или исчезновение. Воссоздание подобных обстоятельств носит, как правило, провоцирующий, стимулирующий и целенаправленный характер. В отличие от других видов моделей, эти модели имитируют не сам изучаемый объект (или предмет), а условия его существования, т. е. объект в этом случае всегда оценивается в динамике и развитии (Базаров, 2013). Этому способствует ориентация оценки на поведенческие компетенции – устойчивые наборы паттернов поведения, которые определяют успешность предполагаемой деятельности.

Таким образом, ассесмент-центр является одним из методов комплексной оценки персонала, основанных на использовании взаимодополняющих методик, ориентированных на оценку реальных качеств сотрудников, их психологических и профессиональных особенностей, соответствия требованиям должностных позиций, а также на выявление потенциальных возможностей специалистов при имитации сложных ситуаций профессиональной деятельности. Достоинство ассесмент-центров – их достаточно высокая прогностическая валидность, которая уже сама по себе сейчас является отдельным предметом многочисленных исследований (Жуков, 2016). Безусловный недостаток – высокая стоимость разработки процедуры и, соответственно, ограниченность применения (преимущественно для специалистов высокого ранга).

Управление человеческими ресурсами основывается на объективной и систематической оценке персонала организации. Она может быть выполнена в соответствии с различными моделями оценки – ПВК, компетентностной, функциональной. Каждая из моделей обладает своими преимуществами и недостатками.

Согласно традиционным моделям, психологу важно установить уровень развития профессиональных и личностных качеств специалиста (или компетенций) и соотнести их с эталонной моделью. Адекватной модели будет считаться характеристика, соответствующая этой модели по основным параметрам. Самая большая опасность на этом этапе – завышение требований к компетенциям и квалификации специалиста. Для этого важно разграничить обязательные и желательные требования к выполнению должностных обязанностей. В каждом отдельном случае следует учитывать конкретный вид деятельности оцениваемого, его статус и специальность, особенности организации, в которой он работает, а опираясь на новые теории развития персонала – возможности обучения и получения новых навыков (Чикер, 2004).

Основы комплексной оценки персонала были заложены в нашей стране около 50 лет назад и содержали в себе все необходимые концептуальные компоненты. Как правило, во всех методических подходах представлена оценка по принципу «360 градусов», позволяющая, при ее строгом применении, получить максимально достоверные результаты. Наиболее современным и комплексным, с точки зрения применяемых методик, методом оценки персонала принято считать метод ассесмент-центра. Как правило, его проведение направлено на оценку руководителей высокого статуса и квалифицированных специалистов.

Литература

- Базаров Т. Ю.* Интерес к Ассесмент Центру со стороны Заказчика // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 4. С. 43–48.
- Беспалов Б. И.* Профессионально важные компоненты деятельности человека и подходы к их психодиагностике // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 4. С. 12–50.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Пер Сэ, 2001.

- Жуков Ю. М.* Эффективность центров оценки: историческая перспектива // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 4. С. 30–52.
- Комплексная социально-психологическая методика оценки личности инженеров: Учебное пособие / Под ред. Э. С. Чугуновой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Кузьмин Е. С., Викторов Н. Ф., Чугунова Э. С.* Методология индивидуальной и групповой оценки личности в Автоматизированных системах управления разрабатывающих предприятий (АСУРП) // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 157–172.
- Маслов Д. В., Ватсон П., Чилиши Н.* Применение функциональной модели оценки менеджмента для достижения устойчивых конкурентных преимуществ // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 3. С. 10–31.
- Роу Р., ван дер Берг П.* Подбор персонала в Европе: контекст, перспективы и программа исследования // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 3. С. 39–66.
- Чикер В. А.* Психологическая диагностика организаций и персонала. СПб.: Речь, 2004.
- Чикер В. А.* Методология и методы социально-психологических исследований: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 94–98.
- Чугунова Э. С., Панферов В. Н.* Социально-психологический анализ профессиональной деятельности инженеров // Вестник ЛГУ. 1978. С. 65–69.

Социально-психологические особенности эффективности деятельности менеджеров с различным уровнем образования

И. А. Юров

Социологический энциклопедический словарь дает следующее определение понятию «менеджмент»: «1. Деятельность, включающая планирование, организацию, координацию и контроль, осуществляемый наемными и профессиональными работниками (менеджерами). 2. Совокупность методов, принципов, норм, разработанных с целью повышения эффективности предпринимательской деятельности. 3. Совокупность менеджеров, представляющих особый социальный слой в системе обществ, разделения труда, профессиональной и социальных структур» (Социологический..., 1998, с. 174).

В работах В. С. Алексеевского и Э. М. Короткова, О. Н. Истратовой, Т. В. Эксакусто, Ю. А. Цыпкина, А. Н. Люкшинова, Н. Д. Эриашвили выделяются виды менеджмента – организационный, практический, производственный, стратегический – и описывается большое разнообразие специальностей в данной области (менеджер по продажам, по работе с клиентами и др.) (Введение в специальность..., 2004; Справочник психолога..., 2007; Словарь-справочник менеджера, 1996; Учебное пособие..., 2004).

М. Г. Лапуста выделяет следующие признаки менеджмента как типа управления: исходным моментом организации управления и его осуществления является человек, его потребности, интересы, мотивы, ценности, установки; менеджменту присущ профессионализм управления, выступающий как одно из главных требований к менеджеру и персоналу, ему надо учиться, осваивая область экономических и социально-психологических знаний; менеджмент предъявляет целый комплекс требований к личным качествам менеджера, главными из которых являются предприимчивость, коммуникабельность, уверенность (Словарь-справочник менеджера, 1996).

В литературе недостаточно исследованы психологические особенности деятельности менеджеров в конкретных ситуациях и фактор

влияния на это уровня их образования. Более того, дискуссионным является вопрос о целесообразности получения высшего образования в области гуманитарных наук: количество мест в вузах сокращается якобы по причине переизбытка и невостребованности этих профессий. Исходя из этого, нами была поставлена цель: изучить социально-психологические особенности эффективности деятельности менеджеров с различным уровнем образования.

Объектом исследования стали 30 менеджеров в возрасте 22–32 лет Торгового центра (ТЦ) «Мега» г. Краснодара: 15 менеджеров с неполным и полным средним образованием и 15 менеджеров с высшим образованием, полученным на дневном (4 человека) и заочном (11 человек) отделениях. Среди менеджеров с высшим образованием трое психологов, четверо социальных педагогов, двое историков, двое преподавателей физкультуры, двое аграриев, двое педагогов начального образования. Исследование проводилось в течение шести месяцев с использованием следующих методов: тестирование (методики К. Томаса, А. Басса и А. Дарки, Г. Айзенка, Ч. Спилбергера и Ю.Л. Ханина), беседы, включенное наблюдение, анализ деятельности. Различие определялось с помощью критерия Стьюдента.

Полученные с помощью методики К. Томаса результаты представлены в таблице 1.

Установлено, что показатели соперничества, компромисса и сотрудничества у менеджеров с высшим образованием выше, а избегания и приспособления – ниже, чем у менеджеров со средним образованием. В данном случае речь идет не о взаимодействии внутри

Таблица 1
Стратегии поведения в конфликте менеджеров
с разным уровнем образования

№	Свойство	Менеджеры с высшим образованием	Менеджеры со средним образованием	Статистическое различие	
				t	p
1	Соперничество	7	5	–	–
2	Сотрудничество	8	4	2,2	0,05
3	Компромисс	6	5	–	–
4	Избегание	4	9	2,35	0,05
5	Приспособление	5	8	2,18	0,05

группы менеджеров, а менеджеров с покупателями. Включенное наблюдение показало, что соперничество свидетельствует, во-первых, о сильной цели реализовать товар, во-вторых, о широком диапазоне коммуникативных операций, в-третьих, об использовании всего арсенала интеллектуальных и волевых качеств в работе с покупателями. Показатель сотрудничества свидетельствует о конструктивном и деловом взаимодействии с клиентами, часто расширяя диапазон общения (в том числе о желаемых товарах) в конкретных условиях. При этом участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. Компромисс практически одинаков у менеджеров с разным образованием. Часто при общении с клиентами нет смысла настаивать на приобретении товара, но рационально высказать пожелания и разрекламировать сходные товары, чтобы клиент имел все основания сопоставить предложенные варианты и сделать выбор позже именно в ТЦ «Мега». Показатели избегания и приспособления выше у менеджеров со средним образованием. Избегание проявляется в случаях, когда со стороны покупателя поступают критические замечания о предлагаемых товарах и он требует разъяснить преимущества ассортимента товаров в данном торговом центре. В таких случаях менеджеры не могут дать развернутое и обоснованное преимущество предлагаемых товаров (из-за смущения, отсутствия грамотной лексики, отличающейся от бытовой речи, присутствия речевых клише и случайных слов, не имеющих отношение к процессу общения), у них отсутствуют тенденции к достижению производственных целей. Приспособление проявляется тогда, когда не удается реализовать задачу на продажу товара и когда не хватает аргументации для убеждения клиента приобрести товар именно в этом торговом центре. В таком случае менеджер идет на поводу у покупателя и соглашается с его аргументацией, не пытаясь квалифицированно его переубедить (Мельников, Юров, 2015).

Перейдем к следующему этапу исследования – анализу агрессивности и враждебности, осуществленному по методике А. Басса и А. Дарки. Под *агрессивностью* авторы понимают свойство, качество личности, характеризующееся наличием деструктивных тенденций, в основном в области субъект-субъектных отношений. Они считают, что деструктивный компонент человеческой активности является необходимым в созидательной деятельности, так как потребности индивидуального развития с неизбежностью формируют в людях

способность к устранению и разрушению препятствий, к преодолению того, что противодействует этому процессу. Однако само по себе деструктивное поведение не злонамеренно. Таковым его делает мотив деятельности, те ценности, ради достижения которых активность разворачивается. Внешние практические действия могут быть сходны, но их мотивационные компоненты прямо противоположны.

Авторы разделяют проявления агрессии на два основных типа: первый – мотивационная агрессия (как самооценność), второй – инструментальная (как средство), подразумевая при этом, что и та, и другая могут проявляться как под контролем сознания, так и вне него и быть сопряженными с эмоциональными переживаниями (гнев, враждебность). Определив уровень деструктивных тенденций, можно с большой степенью вероятности прогнозировать возможность проявления открытой мотивационной агрессии.

А. Басс разделил понятия агрессии и враждебности, определив последнюю как «реакцию, развивающую негативные чувства и негативные оценки людей и событий» (цит. по: Дерманова, 2002, с. 80).

Результаты, полученные по методике Басса–Дарки, представлены в таблице 2.

Таблица 2
Агрессивность и враждебность менеджеров
с разным уровнем образования

№	Свойство	Менеджеры с высшим образованием	Менеджеры со средним образованием	Статистическое различие	
				t	p
1	Физическая агрессия	3	3	–	–
2	Косвенная агрессия	4	7	2,2	0,05
3	Раздражение	4	9	2,45	0,05
4	Вербальная агрессия	5	5	–	–
5	Обида	3	6	2,18	0,05
6	Подозрительность	5	8	2,24	0,05
7	Негативизм	3	4	–	–
8	Чувство вины	4	8	2,37	0,05
9	Индекс агрессивности	12	17	–	–
10	Индекс враждебности	8	14	2,21	0,05

Установлено, что показатели косвенной агрессии, раздражения, обиды, подозрительности, негативизма, чувства вины, а также индексы агрессивности и враждебности у менеджеров с высшим образованием ниже, чем у менеджеров со средним образованием, а показатели физической и вербальной агрессии одинаковы. В данном случае речь идет, опять же, не о взаимодействии внутри группы менеджеров, а о взаимодействии менеджеров с клиентами.

Включенное наблюдение выявило средний уровень показателя физической агрессии в обеих группах. Менеджерам торгового зала необходимо быть готовым к различным проявлениям недовольства покупателей, включая их неадекватное и грубое поведение.

Косвенная агрессия у менеджеров с высшим образованием на среднем, а у менеджеров со средним образованием — на высоком уровне. Она может проявляться на третьи лица, на предметы в виде фрустрационных реакций (Юрова, Юров, 2016).

Показатель раздражимости у менеджеров с высшим образованием на среднем, а у менеджеров со средним образованием на высоком уровне, т. е. у последних выше готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, повышенная эмоциональность, реактивность грубость), что, безусловно, сказывается на эффективности деятельности.

Показатель вербальной агрессии находится на среднем уровне в обеих группах испытуемых и может реализовываться через выражение негативных чувств как через форму (выражение неудовольствия, повышение голоса, отказ от общения), так и через содержание словесных ответов (высказывание критических замечаний в адрес покупателей и др.).

Показатель обиды у менеджеров с высшим образованием на низком, а у менеджеров со средним образованием — на высоком уровне, причем у последних он может проявляться в зависти к тем, кто приобретает дорогостоящий товар, и к тем, кто имеет более высокий материальный статус. Обида у них может проявляться и по отношению к менеджерам с высшим образованием. Так, включенное наблюдение показало, что у менеджеров с высшим образованием больше время общения с покупателем (12 против 8 минут), больше количество проданного товара (и по количеству, и по стоимости: 80% против 65% от максимальной суммы), выше заработная плата и премии, чем у менеджеров со средним образованием (все различия достоверны на 5% уровне значимости).

Показатель подозрительности у менеджеров с высшим образованием на среднем уровне, а у менеджеров со средним образованием — на высоком уровне. Подозрительность может в разной степени проявляться в виде недоверия и осторожности по отношению к покупателям. Бывает, что менеджер потратил много времени на беседу с покупателем, который сначала обещает приобрести товар, а потом вдруг отказывается от него без обоснования причины.

Показатель негативизма почти одинаков и находится на среднем уровне. Это качество проявляется, когда внезапно начальник просит отработать или сверхурочно, или за заболевшего менеджера, или когда обещает премию в одном размере, а выдают ее в меньшем.

Показатель чувства вины у менеджеров с высшим образованием на среднем, а у менеджеров со средним образованием — на высоком уровне. Это чувство обычно возникает тогда, когда не выполняется ежедневный или еженедельный план, когда начальство делает обоснованные замечания или когда возникают упреки как со стороны покупателей, так и со стороны коллег-менеджеров.

Показатель индекса агрессивности у менеджеров с высшим образованием находится на низком, а у менеджеров со средним образованием — на среднем уровне. Этот показатель образуется соединением физической агрессии, раздражения и вербальной агрессии.

Показатель индекса враждебности у менеджеров с высшим образованием находится на среднем, а у менеджеров со средним образованием на высоком уровне. Этот показатель образуется соединением показателей обиды и подозрительности.

Следующим этапом исследования было выявление уровня экстраверсии/интроверсии у испытуемых. Впервые понятие было введено К. Юнгом, но экспериментальные признаки, на основании которых производится деление на экстравертов и интровертов, представил Г. Айзенк. Так, для экстравертов характерны: слабая ригидность, повышенная общительность, высокая быстрота, высокая константность восприятия, высокое соотношение быстрота/точность, а для интровертов — противоположные признаки плюс большая настойчивость, высокий уровень притязаний, сверхактивные реакции на нагрузки.

В методику определения экстраверсии/интроверсии Г. Айзенк ввел еще одну шкалу — нейротизм. Это параметр, в соответствии с которым всех индивидов можно расположить в ряд, на одном полюсе которого находится тип личности, характеризующийся чрез-

вычайной устойчивостью, зрелостью и прекрасной адаптированностью, а на другом — чрезвычайно нервный, неустойчивый и плохо адаптированный тип. Чем ниже индекс нейротизма, получаемый по методике, тем личность более эмоционально устойчива, менее тревожна, более уравновешенна. Результаты, полученные по методике Г. Айзенка, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Темперамент менеджеров с разным уровнем образования

№	Свойство	Менеджеры с высшим образованием	Менеджеры со средним образованием	Статистическое различие	
				t	p
1	Экстраверсия	13	12	—	—
2	Интроверсия	11	12	—	—
3	Нейротизм	10	14	2,25	0,05
4	Ложь/самооценка	2	1,5	—	—

Как видно из таблицы, различия по экстраверсии/интроверсии и самооценке между менеджерами с высшим и со средним образованием находятся на среднем уровне и статистически недостоверны, а различие по нейротизму (эмоциональной стабильности) достоверно на 5% уровне значимости. Это свидетельствует о том, что менеджеры со средним образованием больше подвержены эмоциональным факторам и в трудной ситуации проявляют нейротизм, что, безусловно, сказывается на эффективности их деятельности.

Наконец, мы обратились к методике Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина для выявления уровня тревожности у испытуемых. Под тревогой авторы понимают эмоциональное состояние или реакцию, характеризующуюся различной интенсивностью, изменчивостью во времени, наличием осознаваемых неприятных переживаний напряженности, озабоченности, беспокойства, опасения и сопровождающуюся одновременно выраженной активизацией вегетативной нервной системы. Состояние тревоги, или реактивная тревога, возникает как реакция человека на различные стрессоры. Личностная тревожность как черта, свойство, диспозиция дает представление об индивидуальных различиях в подверженности действию различных стрессоров. Речь идет об относительно устойчивой склонности

человека воспринимать угрозу своему Я в самых различных ситуациях и реагировать на эти ситуации состоянием тревоги. У индивидуумов с высокой личностной тревожностью чаще, чем у низкотревожных, и в самых различных ситуациях возникает повышение состояния тревоги. Величина личностной тревожности характеризует прошлый опыт индивидуума, т. е. насколько часто ему приходилось испытывать состояние тревоги, и позволяет прогнозировать характер его эмоционального реагирования в аналогичных ситуациях в будущем. Высокотревожные субъекты будут воспринимать ситуации с наличием оценки или социально-психологических стрессоров как более угрожающие и будут испытывать более выраженный уровень состояния тревоги именно в этих ситуациях. Было установлено, что состояние тревоги может возникнуть: а) в ситуациях межличностного общения и группового взаимодействия, б) при возможности и опасении получить физическую травму, в) в новых и незнакомых условиях и при неожиданных обстоятельствах, г) при выполнении монотонной, рутинной работы (Спилбергер, 2005). Полученные нами данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Тревожность менеджеров с разным уровнем образования

№	Свойство	Менеджеры с высшим образованием	Менеджеры со средним образованием	Статистическое различие	
				t	p
1	Личностная тревожность	39	45	2,32	0,05
2	Реактивная тревожность	41	47	2,41	0,05

Как видно из таблицы, различия по личностной и реактивной тревожности между менеджерами с высшим и со средним образованием статистически достоверны на 5% уровне значимости. Причем показатели в первой группе значительно ниже, чем во второй (менеджеры со средним образованием). Это свидетельствует о том, что менеджеры со средним образованием больше подвержены личностной и реактивной тревожности, что сказывается и на личностном уровне, и в сложной ситуации, в том числе влияя на эффективность их деятельности.

При сравнении показателей четырех таблиц было установлено, что у менеджеров с высшим образованием высокие положительные

показатели сотрудничества и соперничества по тесту Томаса совпадают с низкими показателями физической агрессии, обиды и негативизма по тесту Басса–Дарки, с повышенной экстраверсией, пониженным уровнем нейротизма по тесту Г. Айзенка и личностной и реактивной тревожности по тесту Спилбергера–Ханина. Это сочетание показателей можно назвать *системокомплексом успешного менеджера*.

После полугодичного исследования менеджеров трое из группы с высшим образованием получили повышение: двое стали старшими менеджерами, а одного назначили заместителем начальника отдела. Еще двое вошли в кадровый резерв на повышение. Из числа менеджеров со средним образованием никого не повысили, но двое заявили, что будут готовиться и поступать в высшие учебные заведения.

Проведенные в конце срока исследования личные неструктурированные беседы свидетельствуют о том, что все его участники пришли к осознанному решению о необходимости постоянно учиться, осваивая области экономических и социально-психологических знаний, и работать над собой, формируя предприимчивость, коммуникабельность, уверенность, компетентность (Юров, 2013; Юрова, Юров, 2014).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что высшее образование даже при работе не по полученной специальности имеет большое значение в обеспечении производственной эффективности, поскольку менеджмент предъявляет достаточно высокий комплекс требований к личным и психологическим качествам работников данной сферы. Была доказана более высокая эффективность работы менеджеров с высшим образованием, чем со средним, что подтверждает целесообразность получения высшего образования в области гуманитарных наук, несмотря на якобы переизбыток и невостребованность этих профессий.

Доходы (зарплата, премии, бонусы) у менеджеров с высшим образованием выше, чем у менеджеров со средним образованием в связи с тем, что у них выше эффективность деятельности и интеллектуальные, коммуникативные, эмоционально-волевые качества. У получивших высшее образование более высока вероятность карьерного роста, поскольку у них быстрее формируется положительный систе-

мокомплекс успешного менеджера, активнее развивается профессионализм управления, чем у менеджеров со средним образованием.

Литература

Алексеевский В. С., Коротков Э. М. Введение в специальность «Менеджмент организации»: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2004.

Диагностика состояния агрессии (опросник Басса–Дарки) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред.-сост. И. Б. Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 80–84.

Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Справочник психолога-консультанта организации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

Мельников В. М., Юров И. А. Социально-психологическое регулирование производственного менеджмента // Известия Сочинского государственного университета. 2015. № 36. С. 261–264.

Словарь-справочник менеджера / Под ред. М. Г. Лапусты. М.: Инфра, 1996.

Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г. В. Осипов. М.: Инфра, 1998.

Спилбергер Ч. Концептуальные подходы в изучении тревоги у спортсменов // Спортивная психология в трудах зарубежных специалистов / Сост. и общ. ред. И. П. Волкова, Н. С. Цикуновой. М.: Советский спорт, 2005. С. 55–63.

Цыпкин Ю. А., Люкшинов А. Н., Эриашвили Н. Д. Менеджмент: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2004.

Юров И. А. Регулирование конфликтных ситуаций в организации // Организационная психология: Тезисы докладов конференции «Бизнес. Общество. Человек» (29–31 октября 2013 г., Москва): В 3 т. Т. 3. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 192.

Юров И. А. Дифференциально-психологические свойства менеджеров низшего звена // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. С. 240–252.

Юров И. А., Юрова К. И. Психология личности: структура и функции // Дружининские чтения: Сб. материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции (22–24 мая 2014 г., Сочи). Киров: МЦНИП, 2014. С. 190–192.

Юрова К. И., Юров И. А. Фрустрация как фактор неадаптивного поведения // Гуманизация образования. 2016. № 6. С. 110–115.

Раздел 3

ГРУППА И МЕЖГРУППОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Специфика потребностей молодежи в знаниях по психологии

Н. Р. Апреликова, Д. А. Китова

Молодежь является наиболее активной и трудоспособной социально-демографической группой населения, занимает значительный объем в демографической структуре российского общества и обладает высоким социальным потенциалом. С психологической точки зрения, она имеет специфические возрастные и социально-психологические характеристики (подробнее см.: Воловикова, Журавлев, 2015; Принцип развития..., 2016; Феномен и категория зрелости..., 2007; и др.).

К исследованию потребностей личности обращаются как отечественные, так и зарубежные авторы (Дж. С. Адамс, Ф. Герцберг, И. А. Джидарьян, Е. П. Ильин, Д. А. Китова, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, А. Маслоу, К. К. Платонов, П. М. Якобсон и др.). Проблема формирования потребностей молодых людей также традиционно является одной из актуальных в психологии, предметом исследования многих ученых (Л. И. Анцыферова, Л. С. Выготский, В. Джемс, К. К. Платонов, П. А. Сорокин, Д. Н. Узнадзе, В. Э. Чудновский, Л. И. Шестов, Е. В. Шорохова, В. Штерн и др.).

Как известно, потребности человека выступают предпосылкой его поступков, определяют мотивы, направленность и интенсивность его деятельности и поведения. Так, в психологическом словаре *потребность* определяется как состояние, благодаря которому осуществляется регулирование поведения человека, определяется направленность его мышления, чувств, воли (Краткий психологический словарь, 1998).

Теоретический анализ психологической категории *знание*

Поскольку наша работа посвящена изучению *потребности в психологических знаниях* у современной молодежи, с теоретических позиций необходимо сначала обратиться к понятию «знание». В словаре С. И. Ожегова приводятся два значения этого слова. Первое — «постижение действительности сознанием; наука». При этом «постичь» — значит «понять, уразуметь» (Ожегов, 2012, с. 184). Отсюда можно заключить, что слова «постижение» и «понимание» имеют один и тот же смысл. Тогда «постижение действительности» оказывается «пониманием действительности», т. е. процессом ее психического отражения, но никак не результатом. Не менее спорна и завершающая часть определения, согласно которой действительность постигается сознанием, под которым подразумевается «мысль, чувство, ясное понимание», и здесь проблема еще более усложняется. Второе значение слова «*знание*» — «совокупность сведений, познаний в какой-либо области» (там же). Это, как представляется, точнее презентует слово, хотя остается еще понять, что такое «сведения», которым словарь дает следующее определение — «знание, представление о чем-нибудь» (с. 364). То есть круг замкнулся: знание — это «сведения», а «сведения» — это знание. Конечно, нельзя ожидать от словаря русского языка точного толкования научных понятий, но уже можно говорить о том, что термин (слово) «знание» четкого определения пока не имеет.

Обратимся к научным работам по этой проблеме. В психологическом словаре под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (Краткий психологический словарь, 1998) слово «знание» отсутствует вообще. Не указано «знание» и в словаре-справочнике В. Г. Крысько (Крысько, 2003), но есть в словаре Ю. Л. Неймера. Приведем его определение: «Знание — результат познавательной деятельности человека. Знание выступает в виде усвоенных понятий, законов, принципов, а также зафиксированных образов, явлений и предметов» (Неймер, 2005, с. 143). Здесь же даются классификации знаний: по степени общности (эмпирические, частичного обобщения, теоретические, отражающие закономерные связи и отношения, существующие в действительности); по степени достоверности (научные и житейские); по глубине освоения (осмысленные и формально усвоенные). Подчеркивается, что большая роль в освоении знаний принадлежит самому учащемуся, его самостоятельной работе.

Трактовку понятию знания дает и известный российский психолог В. П. Зинченко: «Знание — это трудноопределимое понятие. Его нередко смешивают с опытом, пониманием, информацией. Наряду с этим сплошь и рядом смешивается подлинное понимание, эрудированность и информированность. В обыденном сознании грани между ними все больше размываются, как и грани между знанием и информацией. Тем не менее такие грани существуют» (Зинченко, 1998, с. 36).

Бытует точка зрения, что «знание» определить невозможно, так как это первичное понятие. С этим согласен и Зинченко: «Каковы бы ни были источники и происхождение, знание о мире, о человеке, о себе имеется у каждого, и оно существенно отличается от научного знания даже тогда, когда принадлежит ученому. Это знание живого о живом, т. е. живое знание» (там же, с. 37).

Понятие «живое знание» впервые ввел в употребление российский философ С. Л. Франк в одноименной книге, которая вышла в свет в Берлине в 1923 г. Как пишет автор, живое знание может включать в свой состав и его научный аспект в качестве встроенного в него естественного компонента, но никогда не тождественно научному знанию, по крайней мере, по эмоциональной окрашенности. Живое знание:

- лично насыщено умом, чувствами и волей человека, а научное — бесстрастно после того, как оно покинуло «творческую кухню» ученого, открывшего это знание;
- осмыслено, «переработано» умом данного человека, а потому несет в себе отпечаток особенностей его интеллекта;
- носит в себе и отпечаток воли человека, ибо может быть доведено до глубины возможного, доступного познания, а может быть и недодуманным, «неряшливо» оформленным (Франк, 1995).

Обобщая ряд исследований, Зинченко выводит следующие основные характеристики живого знания (Зинченко, 1998, с. 38):

- знание до знания, предзнаковая форма знания, мироощущение, неконцептуализованные образы мира, бессознательные обобщения и умозаключения, память-привычка, память души, житейские понятия неизвестного нам происхождения и другие формы существования этой психологической реальности, — словом, «неясное знание» (М. Полани);

- знание как таковое, существующее в институционализированных образовательных системах, в науке;
- знание о знании, т. е. о том, «что я знаю»;
- незнание, которое Я. А. Коменский рассматривал как «недостаток знания в душе», существующее наряду с умом, знанием как «недостаток или отсутствие» (там же, с. 39);
- незнание своего незнания, что, по мнению Коменского, является собой источник безрассудства, дерзости, самонадеянности;
- знание о незнании («Я знаю, что ничего не знаю»), которое, по Коменскому, представляет собой источник жажды знаний, мудрости, и иногда может свидетельствовать о знании больше, чем само знание.

В целом, как полагает Зинченко, главное достоинство живого знания (и незнания) состоит в том, что человек узнает себя в нем и оно не выступает в качестве чуждой ему (отчужденной, как это имеет место в случае научного знания) реальности или силы.

Знание, конечно, имеет свое собственное самостоятельное значение, но оно может быть и компонентом других образовательных реальностей, — например, *компетентности*, формирование которой применительно к будущей специальности студента является центральной задачей любого вуза. Но компетентность не сводится только к обладанию знаниями, непременно включая в себя возможность их практического применения. Компетентность формируется на основе знаний, но при условии, если человек их применяет практически, приобретает опыт их использования в качестве руководства к действиям. Только тогда академический интеллект, почти всецело построенный на знаниях, и творческое оперирование ими обретает черты *практического интеллекта*, на котором и базируется компетентность.

Как видно, понятие «знание» является предметом научного осмысления, но общее согласие о его сущности пока не достигнуто. Повышенный интерес к нему вполне понятен: современное общество пытается строить экономику, политику, образование и культуру в целом, включая и технические системы, именно на знании (Журавлев и др., 2016; Психологическое знание..., 2018).

Все сказанное выше подтверждает чрезвычайную сложность проблем, связанных со знанием как разновидностью реальности, носящей *междисциплинарный* характер (об особенностях последне-

го см.: Журавлев, 2007 и др.). Поэтому для целей нашего исследования необходимо дать хотя бы рабочее определение этой реальности. Знание мы будем рассматривать как *продукт (результат) психического отражения человеком отдельных атрибутов (или фрагментов, свойств и т. п.) воспринимаемого объективного (внешнего и внутреннего) мира, идеальную форму представленности объективной действительности (или ее фрагментов) в психике человека*. Целью нашего исследования станет выявление структурных и содержательных элементов потребностей личности в знаниях по психологии.

Существуют различные мнения о границах возрастной группы, которую можно определять как «молодежь». Тем не менее, если рассматривать ее с позиций общественной социализации, то границы молодежного возраста логично определять в рамках возрастной категории от 15 лет, когда начинаются первые размышления о будущей профессии, и до 29 лет, когда завершается послевузовская адаптация в профессиональной среде (Гараганов, Китова, 2016; Дикая, Журавлев, 2013; и др.). С психологической точки зрения, эта возрастная группа выделяется не только особыми психологическими характеристиками, но и спецификой интеграции в жизнь общества, которая связана с высокой включенностью в образовательную деятельность, с нацеленностью на активную трудовую деятельность, с первичной профессионализацией (с акцентуацией на создание семьи) и с последующим обретением социальной автономии (Китова, 2003; Балова, Китова 2011; Психология адаптации..., 2007; и др.).

Респондентами выступили студенты гуманитарного факультета Московского инновационного университета (МИУ)¹ в возрасте 17–25 лет. Количество участников исследования составило 75 человек, из них 45 юношей (что составляет 60% от общей выборки) и 30 девушек (40%). Все респонденты проживают в Москве.

Участникам было предложено ответить на шесть вопросов, направленных на выявление потребностей молодежи в знаниях по психологии. В работе была задействована методика анонимного анкетирования, которая подробно представлена ниже, по ходу изложения материала.

Первый вопрос звучал следующим образом: «Оцените ваш интерес к психологии по десятибалльной шкале: нижнее значение (1) — не интересно вообще; верхнее значение (10) — чрезвычайно интересно.

¹ Студенты психологических факультетов в данном исследовании не дифференцированы, хотя и представлены в общей выборке.

Полученные ответы свидетельствуют о высоком интересе респондентов к знаниям по психологии. Для наглядности десять позиций, представленных на шкале, разделены на две подгруппы. Если интерес к знаниям по психологии находился в области значений от 1 до 5, то они были объединены под условным названием «неинтересно». Если же интерес к знаниям по психологии находился в области значений от 6 до 10, то под названием «интересно». Таким образом, низкий интерес к знаниям по психологии проявили 11,5% (из них отметили позиции: 1 – 0%; 2 – 6,5%; 3 – 0%; 4 – 5%; 5 – 0%). Высокий интерес продемонстрировали 88,5% респондентов (из них отметили позиции: 6 – 16%; 7 – 53%; 8 – 13%; 9 – 0%; 10 – 6,5%). Обобщенные результаты представлены на рисунке 1.

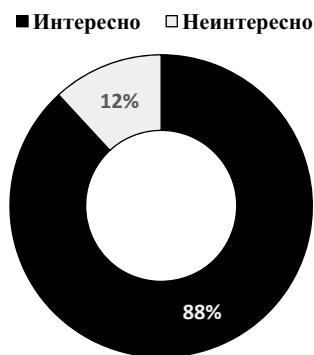

Рис. 1. Распределение интереса молодежи к знаниям по психологии

Второй вопрос был ориентирован на выявление структурных и содержательных особенностей интереса респондентов к знаниям по психологии: им предлагалось перечислить, не ограничивая себя в количестве и характере ответов, все то, что им было бы интересно узнать из области психологии. Вопрос предлагался в открытой форме в виде незавершенного предложения: «Я хотел бы узнать из области психологии информацию о...».

Были получены данные о том, что студентов интересуют знания по самым разнообразным психологическим проблемам. Они хотели бы знать о таких вопросах, как «тестирование способностей», «создание психологического портрета личности», «технология психоанализа», «комплексное знание о себе, о близких и о работе», «психология влияния», «когнитивная психология», «управление другими

людьми», «технология манипулирования», «особенности взаимоотношения людей», «поведение людей в разных ситуациях», «мотивы поступков окружающих», «практические возможности психологии», «использование психологии в криминологии», «психология подростков», «психология общения», «психология взаимоотношений в семье», «психология взаимопонимания» и т. д.

Для *группирования потребностей* респондентов был использован контент-анализ (подробнее см.: Соснин, Журавлев, Красников, 2011; Хашченко и др., 2003; и др.). Так, посредством частотного анализа ответы, которые отражают основные позиции участников исследования, были объединены в семь подгрупп в рамках конкретных направлений психологии: психология личности, психология общения, психология влияния, психология взаимодействия, психология семейной жизни, практическая психология, когнитивная психология (ответы представлены в порядке убывания частоты упоминания). Обобщенное группирование потребностей респондентов в знаниях по психологии представлено в таблице 1.

Третий вопрос выявлял мнение респондентов о сферах жизнедеятельности, в которых им могли бы помочь знания по психологии. Они должны были выбрать ответ из девяти основных сфер жизнедеятельности, которые предлагались нами, или же могли предложить свою дополнительную сферу жизнедеятельности (анкета содержала пункт «иное»). В результате все ответы участников исследования были выдержаны в рамках девяти предложенных позиций, т. е. до-

Таблица 1

Группирование психологических знаний,
которые интересны молодежи (в %)

Характер психологических знаний	Юноши	Девушки	Всего
Психология личности	33,0	24,1	57,1
Психология общения	32,1	21,4	53,5
Психология влияния	25,5	17,2	42,9
Психология взаимодействия	24,2	16,1	40,3
Психология семейной жизни	19,9	13,9	33,8
Практическая психология	19,6	13,1	32,7
Когнитивная психология	15,9	10,6	26,5

Таблица 2

Распределение сфер жизнедеятельности, в которых, по мнению респондентов, могут помочь знания по психологии (в %)

Сферы жизнедеятельности	Юноши	Девушки	Всего
Взаимоотношения с окружающими	51,7	34,5	86,2
Саморазвитие	36,1	24,1	60,2
Самопонимание	31,9	21,3	53,2
Самосовершенствование	27,3	18,5	45,8
Взаимоотношения в семье	24,5	16,3	40,8
Реализация профессиональной карьеры	24,2	16,1	40,3
Управление другими	20,3	13,5	33,8
Взаимоотношения с друзьями	16,0	10,7	26,7
Понимание социальных и общественных процессов	15,7	10,4	26,1

Примечание: При подсчетах учитывались мнения респондентов без ограничения количества высказываний, т. е. число ответов может превышать общее количество респондентов.

полнительных вариантов ответов с их стороны не было. Результаты представлены в таблице 2. Из них следует, что, по мнению респондентов, знания по психологии наиболее полезны в таких сферах жизнедеятельности, как взаимоотношения с окружающими, саморазвитие, самопонимание, самосовершенствование, взаимоотношения в семье, реализация профессиональной карьеры, управление другими, взаимоотношения с друзьями, понимание социальных и общественных процессов. Ответы приведены по убыванию – от более важных позиций к менее значимым.

Четвертый вопрос был ориентирован на выявление у респондентов источников информации, из которых они получают знания по психологии, когда возникает такая необходимость. Он был сформулирован следующим образом: «Как и где вы получаете ответы на вопросы психологического характера?». Участникам исследования предлагалось перечислить все используемые ресурсы, будь то СМИ, электронные издания или устная форма получения информации. Были получены ответы следующего характера: «советуюсь с друзьями (или знакомыми)», «узнаю от родных и близких людей», «обращаюсь к своему жизненному опыту», «ищу в Интере-

те», «чаще всего подобные ответы находятся сами собой, если много о них думать», «путем сравнения с аналогичными жизненными ситуациями у других людей», «исходя из какой-либо похожей ситуации», «обращаюсь к энциклопедиям и словарям», «из специализированных журналов», «от преподавателей», «от персонального психолога». Результаты опроса показали, что наиболее популярными источниками приобретения знаний по психологии являются следующие: Интернет, друзья или знакомые, книги, семья, жизненный опыт, специалисты. Ответы приведены в порядке убывания частоты упоминания в таблице 3.

Таблица 3
Источники получения знаний по психологии (в %)

Источники знаний	Юноши	Девушки	Всего
Интернет	40,02	26,7	66,72
Друзья, знакомые	24,2	16,2	40,4
Книги, специализированные журналы	25,9	17,3	43,2
Семья	24,1	16,1	40,2
Жизненный опыт	9,9	6,6	16,5
Специалисты	8,2	5,4	13,6

Пятый вопрос был сформулирован следующим образом: «Что бы вы сделали, если бы обладали глубокими знаниями по психологии?». Респондентам предлагалось дать ответы в свободной форме. Их анализ показал, что респонденты обладают различной модальностью и широким диапазоном разброса мнений от «искоренила бы войны» до «манипулировал бы людьми» или от «научился бы радоваться жизни» до «жизнь стала бы скучной и неинтересной». Вот несколько типичных ответов, представленных в опросных листах: «написала бы книгу, чтобы поделиться с другими своими знаниями», «завел бы животных, если бы понимал, как с ними общаться», «предсказывал бы за деньги исход различных диалогов», «зарабатывал бы на этом большие деньги», «нашел бы хорошую работу», «завоевала бы весь мир», «стал бы президентом мира» и т. д. Вместе с тем встречаются и следующие единичные ответы: «заставил бы знакомых делать вещи, которые им более всего противны», «заста-

вил бы всех думать, что я божество с другой планеты, и требовал бы соответствующего к себе отношения».

Тем не менее, нам удалось сгруппировать типичные ответы. Так, 32,6% респондентов стали бы заниматься научной деятельностью, что говорит об убежденности студентов в высоком престиже научной деятельности. Вторая треть (32,4%) предпочла бы оказывать влияние на поведение других людей. Мотивы такого воздействия самые разнообразные, начиная от негативной направленности с акцентом на извлечение выгоды «для себя» до стремления достичь всеобщего мира на планете (см. выше). Еще 28,6% изменили бы направление своей трудовой деятельности (скорее всего, речь идет о смене избранной специальности обучения, т. к. все респонденты являются студентами). Четвертая подгруппа участников исследования (17,2%) полагает, что «глубокие» знания в области психологии значительно уменьшили бы интерес к общению и происходящим в их жизни событиям и, возможно даже, к самой жизни. Примечательно, что почти половина (41,2%) затруднилась ответить на поставленный вопрос. Полный спектр ответов представлен в таблице 4.

Таблица 4

Распределение представлений о характере собственного поведения при обладании глубокими знаниями по психологии (в %)

Характер поведения	Юноши	Девушки	Всего
Занялся бы научной деятельностью	19,6	13,0	32,6
Регулировал бы поведение других для своего блага	19,4	12,5	31,9
Устроился на более перспективную работу	17,2	11,4	28,6
Жизнь стала бы менее интересной	10,3	6,9	17,2
Затруднились ответить	24,7	16,5	41,2

Шестой вопрос анкеты был направлен на раскрытие представлений о психологии как науке, ее структуре и содержании. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Как Вы понимаете смысл термина «психологические знания?» Оказалось, что респонденты интерпретируют их как знания, ориентированные на помощь человеку в его

повседневной жизнедеятельности. Участникам исследования представлялось, что психология как наука призвана решать проблемы саморазвития (46,3%), управления эмоциями (33,2%), межличностного взаимодействия (26,4%). Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5

Распределение представления о знаниях по психологии (%)

Характер знаний	Юноши	Девушки	Всего
Саморазвитие	27,8	18,5	46,3
Управление эмоциями	19,9	33,3	53,2
Взаимоотношения	15,8	10,6	26,4

При этом знания по психологии дифференцировались респондентами на теоретические и прикладные (о научных представлениях см.: Журавлев и др., 2016; Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015). К *теоретическим* задачам были отнесены знания о конкретном объекте или предмете психологического анализа. Имеются высказывания о таких психологических феноменах, как «ментальный уровень человека», «гармоничность развития человека», «познание психологии человека», «комфортность социальной среды», «понимание закономерностей мышления» и т. д. Некоторые респонденты описали свои позиции более развернуто: «психологические знания — это термины, понятия, а также научные статьи и работы» или «психология изучает особенности поведения, эмоций, поступков личности и ее социального окружения» и т. д. Прикладные, *инструментальные*, задачи психологии участники исследования связывали с возможностями решения таких психологических проблем, как саморазвитие, бесконфликтное общение и (или) взаимодействие, управление эмоциями, умение жить в мире и согласии с самим собой, понимание поступков других людей, идентификация эмоциональных состояний человека и т. д.

Обобщая полученные результаты, можно отметить следующее.

1. У студентов обнаружена высокая потребность в знаниях по психологии.
2. Интерес молодежи к знаниям по психологии выражен неравномерно. Наиболее высокий интерес вызывают знания по психо-

- логии личности и общения; относительно большое внимание молодые люди уделяют знаниям, связанным с психологией влияния и взаимодействия; наименее выражен интерес к знаниям по психологии семьи, практической и когнитивной психологии.
3. Молодые люди считают, что знания по психологии могли бы помочь им в таких сферах жизнедеятельности, как саморазвитие (самосовершенствование), взаимоотношения с окружающими, профессиональная деятельность, воздействие на поведение других людей и социальная компетентность в объяснении общественных процессов.
 4. Наиболее востребованными источниками получения ответов на вопросы психологического характера у молодежи являются (в порядке убывания популярности) Интернет, друзья, знакомые, книги, специализированные журналы, семья, собственный жизненный опыт и специалисты.
 5. Как оказалось, знания по психологии дифференцируются молодежью на теоретические и прикладные и представляются как знания, сосредоточенные лишь в трех сферах жизнедеятельности человека и отражающие такие прикладные направления психологии, как саморазвитие, управление эмоциями и межличностное взаимодействие.
 6. Несмотря на некоторое фантазирование и склонность к отрыву от реальной социальной действительности при ответе вопрос, связанный с мотивацией получения психологических знаний, многие респонденты дали социально одобряемые версии ответа (исследовательская мотивация, выстраивание положительных отношений с окружающими, самосовершенствование, профессиональное развитие и т. д.).

Результаты исследования показали высокий уровень интереса современной молодежи к знаниям по психологии.

Ориентация молодых людей на поиск прикладной информации по личностному и профессиональному развитию, направленность на создание благоприятных взаимоотношений с окружающими говорят об актуальности избранной нами проблемы исследования. Она усиливается еще и тем, что «развитие потребности в знаниях тесно связано с общим развитием личности, с ее умением и навыками находить в содержании изучаемых наук, в окружающей действитель-

ности ответы на жизненно важные вопросы» (Журавлев и др., 2016, с. 99). Не менее важно отметить и высокую значимость исследования потребностей человека в знаниях в русле отечественной психологической науки, которая пока еще достаточно далека от глубокого понимания повседневных нужд современного, в частности молодого, человека.

Литература

- Балова Д. Ю., Китова Д. А.* Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. С. 9.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Роль нравственной элиты в воспитании молодежи // Ресурсы развития социально-профессиональной траектории учащейся молодежи: вызовы XXI века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2015. С. 25–29.
- Гараганов А. В., Китова Д. А.* Методологические принципы исследования потребностей как основы социальной активности личности // Вестник УРАО. 2016. № 2. С. 104–107.
- Дикая Л. Г., Журавлев А. Л.* Предисловие. Личность профессионала как объект психологического исследования // Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 11–22.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддьяков А. Н., Юревич А. В.* Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 7–17.
- Зинченко В. П.* Живое знание: Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Самара: Самарский дом печати, 1998.
- Интервью с Т. Ю. Базаровым о будущем психологии // Институт пси-

- хологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 169–192.
- Китова Д. А.* Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России: Дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 2003.
- Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- Крысько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Неймер Ю. Л.* Психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Оникс-Лит—Мир и Образование, 2012.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Форум—Инфра-М, 2011.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Франк С. Л.* Предмет знания. Душа человека. М.: Наука, 1995.
- Хащенко В. А., Журавлев А. Л., Роцин С. К., Шорохова Е. В.* История и методы социальной психологии // Психология XXI века: Учебник для студентов вузов. М.: Пер Сэ, 2003. С. 613–634.

Иновативность современной молодежи и культурные факторы социально-экономического развития

И. В. Атаманова, С. А. Богомаз

Анализ публикаций последних лет показывает, что культурные составляющие не только вовлекаются современными исследователями в трактовку социально-психологических явлений, но и выступают в качестве факторов, детерминирующих экономическое развитие государств (Грошев, Краснослободцев, 2017). Развитие высококачественного человеческого капитала позиционируется как ведущий фактор дальнейшего социально-экономического прогресса общества, что приводит к смещению акцентов на изучение ценностей и поведенческих установок человека (Аузан, 2015). Эмпирически обосновывается связь культурного разнообразия регионов России с их экономическим ростом (Лимонов, Несена, 2016). Культурная неоднородность общества потенциально рассматривается в качестве источника инновационных решений (Грошев, Краснослободцев, 2017).

Психологическая наука отвечает на этот вызов исследованиями проблематики личностно-средового взаимодействия, направленными на выявление специфики личностно-профессионального становления современной молодежи в тех или иных социокультурных условиях (Атаманова и др., 2018; Богомаз, 2008; Богомаз, Атаманова, 2017; Богомаз, Мацута, 2010). Эти исследования показывают, как цели и ценности молодых людей связаны с детерминантами тех социально-культурных сред, в которых они проживают и работают. Кроме того, проведенные пилотажные исследования специфики проявления параметров личностного потенциала (Богомаз, Кириченко, 2017) и мотивации к достижениям (Богомаз, Цыганов, 2017) на примере студенчества России и Казахстана показали необ-

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-013-00781 «Ценностные ориентации и психологическая система деятельности молодежи в меняющемся мире: кросс-культурный анализ».

ходимость учета культурно-экономических факторов на ценностном уровне.

Данная статья представляет исследование личностных свойств современной российской молодежи (на уровне их личностной готовности к деятельности) во взаимосвязи с культурными ценностями, рассматриваемыми в качестве факторов социально-экономического развития общества, в контексте инновативности.

Выборку исследования составили студенты университетов, обучающиеся по различным направлениям подготовки (средний возраст $22,1 \pm 3,51$ года; 45,4% женщин и 54,6% мужчин; $N=265$) и молодые вузовские специалисты (средний возраст $24,3 \pm 1,91$ года, 40% женщин, 60% мужчин; $N=183$).

Статистическая обработка проводилась с использованием Statistica 6.0. Применялись описательная статистика, корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

Методическую базу исследования составили опросниковые методы¹, позволяющие оценить следующие группы параметров:

- *культурные факторы социально-экономического развития*: по методике исследования ценностей Г. Хофстеде – дистанция власти (PDI), индивидуализм/коллективизм (IDV), маскулинность/фемининность (MAS), избегание неопределенности (UAI), долгосрочная/краткосрочная ориентация (LTO) и свободное удовлетворение потребностей/сдержанность (IVR); по модифицированному опроснику ценностей Р. Инглхарт в модификации Р. К. Хабибулина – традиционные и секулярно-рациональные ценности (T/S-RV), ценности выживания и ценности самовыражения (S/S-EV);
- *параметры психологической системы деятельности*: по опроснику самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой – целеустремленность, планирование и индекс самоорганизации деятельности; по методике дифференциальной диагностики рефлексивности Д. А. Леонтьева – системная рефлексия; по шкале удовлетворенности жизнью Э. Динер в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина – удовлетворенность жизнью;
- *параметры инновативности личности*: по шкале самооценки инновативных качеств личности Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко –

1 Более детальное описание указанных методик можно найти в следующих работах: Атаманова и др., 2018; Богомаз, 2008; Богомаз, Непомнящая, 2007; Хабибулин, 2015; Hofstede, Minkov, 2013.

креативность, риск ради успеха, ориентация на будущее и индекс инновативности; по опроснику стилей реагирования на изменения Т. Ю. Базарова и М. П. Сычевой): консервативный, инновационный, реактивный и реализующий; по шкале открытости культуре и опыту опросника «Большая пятерка» (Big 5) – открытость культуре, открытость опыту и индекс открытости.

Проведенный статистический анализ позволил вычислить описательные статистики 24 исследуемых показателей, но в данной статье мы размещаем результаты только факторного и регрессионного анализов, которые были проведены для каждой из подвыборок.

Для *факторного анализа полученных данных* (N=265) был применен метод главных компонент с ротацией факторов Varimax; число переменных – 14; факторная структура определялась по критерию «каменистая осыпь»; количество факторов – 5, объясняющих 57,2% дисперсии исходной корреляционной матрицы. В качестве критерия значимости показателя была использована факторная нагрузка более 0,40 (далее факторная нагрузка приводится в скобках).

В самом значимом факторе соединились индекс открытости (0,806), рефлексия (0,720), индекс инновативности (0,571), целеустремленность (0,438) и планирование (0,425). Другими словами, личностная готовность вузовской молодежи к инновационной деятельности может быть связана с такими личностными качествами, как открытость, рефлексия, целеустремленность и планирование.

Фактор 2 объединил культурные ценности традиционные – секулярно-рациональные ценности (0,788) и долгосрочную/краткосрочную ориентацию (0,757) с личностными свойствами – целеустремленностью (0,414) и планированием (0,464). Вероятно, традиционные ценности и долгосрочная перспектива в большей степени отвечают стремлению вузовской молодежи к планомерному достижению своих целей, их личностной готовности к деятельности.

Фактор 3 связал культурные ценности «свободное удовлетворение потребностей/сдержанность» (0,724) и с отрицательным знаком «избегание неопределенности» (–0,552) с личностным свойством удовлетворенности жизнью (0,658). Указанные ценности представляются важными в контексте реализации инновационного потенциала общества.

Фактор 4 включает культурные ценности, которые образуют своего рода биполярную шкалу: на одном полюсе расположилась ценность «индивидуализм/коллективизм (0,681), а на другом, с отрица-

тельным знаком, ценность «маскулинность/фемининность» ($-0,781$). Согласно Г. Хофстеде (Hofstede, Minkov, 2013), представители индивидуалистических культур в большей степени расположены к инновационной деятельности.

Фактор 5 объединил ценности выживания/самовыражения ($0,693$), дистанцию власти ($0,582$) и избегание неопределенности ($0,462$). Фактически, здесь оказались связанными культурные ценности, которые затрудняют экономическое развитие общества.

Таким образом, ведущими оказались параметры инновативности и открытости, а также параметры личностной готовности к деятельности (целеполагание, планирование и рефлексия). Во втором важном факторе организуются традиционные ценности и параметры личностной готовности к деятельности (целеполагание и планирование), что помогает осмыслению феномена достижений в культурах, следующих традиционным представлениям и ориентированным на долгосрочную перспективу. Кроме того, удовлетворенность своей жизнью у вузовской молодежи, по-видимому, зависит от того, насколько современное общество отвечает их запросам и способствует принятию нового.

Для факторного анализа результатов группы молодых специалистов ($N=183$) был также применен метод главных компонент с ротацией факторов «Varimax»; число переменных – 17; факторная структура определялась по критерию «каменистая осыпь»; количество факторов – 7, объясняющих 70,7% дисперсии исходной корреляционной матрицы.

Самыми значимыми факторами, в которых соединились индекс открытости ($0,618$), а также консервативный, инновационный, реактивный и реализующий стили реагирования на изменения ($-0,819$; $0,820$; $-0,842$ и $0,838$, соответственно), стали стили и степень открытости молодых специалистов новому.

Фактор 2 объединил личностные свойства – целеустремленность ($0,634$), планирование ($0,852$) и рефлексия ($0,465$), – которые входят в психологическую систему деятельности. Интересно, что в выборке специалистов ведущим личностным свойством оказалось планирование, а не целеустремленность.

Фактор 3 содержал только один показатель: ценности выживания – ценности самовыражения ($0,832$).

Фактор 4 связал ценности на уровне культуры: с отрицательным знаком ценность индивидуализм/коллективизм ($-0,773$) и тради-

ционные – секулярно-рациональные ценности (0,531), что отражает ценности коллективистских культур и способствует групповой сплоченности.

Фактор 5 включает ценности «дистанция власти» (0,775) и «избегание неопределенности» (0,677); их можно интерпретировать в качестве факторов, препятствующих социально-экономическому развитию общества.

Фактор 6 объединил культурную ценность свободного удовлетворения потребностей/сдержанности (0,833) и личностное свойство – удовлетворенность жизнью (0,662). Также, как и в подвыборке вузовской молодежи, молодые специалисты будут в большей степени удовлетворены своей жизнью в обществе, способствующем реализации основных человеческих потребностей, что напрямую связано с ростом экономики.

Фактор 7 содержит культурную ценность долгосрочной/краткосрочной ориентации (0,871) и личностное свойство – рефлексивность (0,449). Другими словами, ориентация на долгосрочную перспективу в обществе проявляет себя стратегически, а рефлексия, по-видимому, является необходимым личностным качеством для этого. По мнению Г. Хофстеде, такие тенденции отражают движение общества к экономическому процветанию и его направленность на инновации и изменения (Hofstede, Minkov, 2013).

Таким образом, полученные результаты показывают, что ведущими факторами в структуре культурных ценностей, выступающих в качестве характеристик социально-экономического развития общества, и личностной готовности к деятельности современной российской молодежи служат инновационные свойства – инновативность и инновационный стиль. Значимыми параметрами в этом смысле являются личностные свойства, входящие в психологическую систему деятельности: целеустремленность, планирование и рефлексия. Личностная готовность к деятельности у современной молодежи может быть связана и с традиционными ценностями. При этом традиционные ценности отражают коллективистскую направленность общества и способствуют групповой сплоченности, но, скорее всего, оказывают сдерживающее влияние на развитие инновационной экономики. Значимыми, но негативными для социально-экономического развития общества показателями явились ценности выживания, дистанция власти и избегание неопределенности.

В целях создания более целостной картины предикторов инновативных свойств личности нами был проведен регрессионный анализ по каждой из подвыборок.

Мы провели прямой пошаговый *регрессионный анализ данных группы студенческой молодежи* с включением в качестве зависимой переменной интегрального показателя «индекс инновативности». Данный анализ показал статистически достоверную прогностическую модель (объяснительная мощность $R^2=0,286$; скорректировано $R^2=0,261$; стандартная ошибка оценки 0,581), которая свидетельствует о прогностическом влиянии на значимость индекса инновативности. Положительно значимыми являются личностные свойства «открытость опыту» ($\beta=0,346$; $p=0,000$) и «целеустремленность» ($\beta=0,190$; $p=0,001$), а также ценность «маскулинность/фемининность» ($\beta=0,122$; $p=0,026$). Получается, что инновативность как личностное свойство вузовской молодежи зависит от открытости опыту, целеустремленности и приверженности ценностям, традиционно считающимися «мужскими», что находит свое отражение в стремлении к достижениям и конкуренции.

Регрессионный анализ данных группы молодых специалистов с включением в качестве зависимой переменной интегрального показателя «инновационный стиль» выявил статистически достоверную прогностическую модель (объяснительная мощность $R^2=0,298$; скорректировано $R^2=0,265$; стандартная ошибка оценки 3,895), которая свидетельствует о прогностическом влиянии на значимость заявленного показателя. Положительно значимым параметром является личностное свойство «открытость опыту» ($\beta=0,391$; $p=0,000$), отрицательно значимыми – личностное свойство «планирование» ($\beta=-0,208$; $p=0,006$) и ценность «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности» ($\beta=-0,250$; $p=0,001$). Получается, что инновационный стиль реагирования на изменения в контексте личностной готовности к инновационной деятельности у молодых специалистов зависит от степени их открытости опыту. При этом приверженность традиционным ценностям и склонность к планированию могут оказаться сдерживающими факторами реализации инновационной деятельности.

Осознавая слабость полученных регрессионных моделей, следует все-таки отметить, что они позволяют выявить определенную тенденцию во взаимосвязи инновационных свойств личности современной вузовской молодежи с параметрами психологической системы

деятельности, отвечающими за личностную готовность к деятельности, и отдельными культурными факторами социально-экономического развития общества.

Проведенный комплексный анализ позволил соединить в единую структуру культурные ценности, выступающие в качестве факторов социально-экономического развития общества, и параметры психологической системы деятельности современной вузовской молодежи в контексте ее личностной готовности к инновационной деятельности. Было выявлено, что ведущими факторами являются инновационные свойства личности, а именно интегральный показатель инновативности личности и инновационный стиль реагирования на изменения. Значимыми параметрами в этом смысле являются и личностные свойства, входящие в психологическую систему деятельности и отвечающие за готовность к деятельности: целеустремленность, планирование и рефлексия. При этом личностная готовность к деятельности у современной молодежи может быть связана и с приверженностью традиционным ценностям, отражающим коллективистскую направленность общества и способствующим групповой сплоченности, но этот фактор, вероятно, оказывает сдерживающее влияние на развитие инновационной экономики.

Литература

- Атаманова И. В., Козлова Н. В., Богомаз С. А., Залевский В. Г., Неяскина Ю. Ю.* Специфика личностно-средового взаимодействия на примере студенческой молодежи трех российских городов // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 90–105.
- Аузан А. А.* О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 243–248.
- Богомаз С. А.* Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания политической науки и психология ценностей: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 262–297.
- Богомаз С. А., Атаманова И. В.* Оценка восприятия городской и университетской среды через измерение ценностей // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии:

- результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 646–652.
- Богомаз С. А., Непомнящая В. А.* К проблеме поиска психологических оснований развития инновативной компоненты личности в юности и молодости // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 78–82.
- Богомаз С. А., Мацута В. В.* Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у студентов // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
- Богомаз С. А., Кириченко К. А.* Анализ взаимосвязи культурных факторов социально-экономического развития и личностного потенциала // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования: Сб. науч. трудов участников междунар. науч. конф. молодых ученых: В 2 т. Т. 2. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 159–163.
- Богомаз С. А., Цыганов С. А.* Культурно-экономические характеристики как определяющий фактор мотивированности личности на достижение цели // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования: Сб. науч. трудов участников междунар. науч. конф. молодых ученых: В 2 т. Т. 2. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 164–168.
- Грошев И., Краснослободцев А.* О влиянии культуры на экономическое развитие страны // Общество и экономика. 2017. № 1. С. 117–134.
- Лимонов Л. Э., Несена М. В.* Культурное разнообразие российских регионов и экономический рост // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 63–79.
- Хабибулин Р. К.* Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015.
- Hofstede G., Minkov M.* Values survey module 2013. Manual. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

Когнитивные и аффективные аспекты влияния большинства и меньшинства на отношение студентов к социально значимым явлениям

Г. В. Бровман

Феномен социального влияния включает в себя различные процессы, через которые люди могут воздействовать на мысли, поступки и проявления других людей. Выделяют два типа социального влияния. Влияние, которое приводит к изменению мнения или установок, называется личным принятием. Влияние, которое приводит к изменению внешнего поведения, характеризуют как публичную уступчивость (Озерова, 2017).

Одним из наиболее исследуемых аспектов социального влияния является конформность – податливость человека реальному или воображаемому давлению группы, проявляющаяся в сближении его оценок с первоначально не разделявшейся позицией большинства. Поведение большинства традиционно считается мощным фактором, оказывающим влияние на поведение индивидов. На основе множества экспериментов можно констатировать, что большинство в группе является скорее источником социального давления и вызывает уступчивость (аффективное влияние), далеко не всегда оказывая информационное влияние, однако, по мнению некоторых исследователей (Дж. Тернер, Г. Мюни), большинство способно оказывать как аффективное, так и когнитивное влияние (Mugny, 1975).

Влияние же меньшинства зачастую весьма парадоксально и нелогично и показывает сложность, противоречивость групповой жизнедеятельности. В 1980 г. С. Московичи сформулировал теорию конверсии меньшинства. В рамках данной теории утверждается, что большинство скорее подчиняет себе, нежели изменяет убеждения людей, в то время как меньшинство, напротив, заставляет подчас пересмотреть свои взгляды на когнитивном уровне. Таким образом, по мнению С. Московичи, большинство вызывает быстро проявляющуюся, публичную смену мнения, а меньшинство влияет косвенно, что приводит к отсроченным изменениям, ко-

торы, напротив, публично не всегда проявляются (Moscovici, Lage, 1976).

При внимательном анализе литературных источников становится ясно, что общепризнанной является именно модель С. Московичи, и многие работы, исследующие социальное влияние, так или иначе опираются на нее. В то же время существуют и иные мнения по поводу природы влияния большинства и меньшинства, которые косвенно подтверждаются процессами, происходящими сейчас в постиндустриальном обществе. Хотя во многих случаях когнитивное влияние меньшинства более очевидно, чем его прямое аффективное влияние, существуют варианты, когда меньшинство способно оказать аффективное влияние, равное по силе аффективному влиянию большинства (Aebisher et al., 1984). В современном мире традиционное представление о влиянии меньшинства в обществе несколько изменилось. В настоящее время становится ясно, что за внешними изменениями вследствие влияния меньшинства следуют также дискриминация, предубеждения и дальнейшее притеснение в несколько иной, скрытой форме как свидетельство устойчивости большинства к изменениям (Alvaro, Crano, 2017). В этой связи нам представляется важным тот факт, что в социологической и психологической науке по поводу природы процессов влияния как со стороны большинства, так и со стороны меньшинства не сформировано единого мнения. Можно говорить, что они отличаются главным образом формой выражения.

Систему ювенальной юстиции (далее СЮЮ) я можно считать одним из таких явлений, общественное мнение о которых подвергается изменению вследствие процессов социального влияния в современных развитых странах, в том числе и в России. Проблема негативного отношения к системе ювенальной юстиции в России существует уже несколько лет.

В 2016 г., уже после введения элементов системы ювенальной юстиции, в России был проведен опрос общественного мнения по поводу отношения к системе ювенальной юстиции. Проект был реализован на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Был осуществлен опрос репрезентативной всероссийской выборки городского и сельского населения объемом 1600 человек в воз-

расте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Исследование проводилось на дому у каждого респондента методом личного интервью.

Статистика отношения к ювенальной юстиции в России такова: отрицательно к этому разделу юстиции относятся 82% опрошенных, 18% – положительно. Таким образом, большинство опрошенных выступали против применения норм ювенальной юстиции, считая, что эти нормы разрушают семью. В то же время 18% считали, что они весьма полезны и помогут оградить детей от насилия и произвола в семьях, в то же время мотивируя родителей лучше ухаживать за детьми и больше заботиться о них. При этом 23% полагали, что нормы ювенальной юстиции позволят защитить права детей, зато 77% считали, что она позволяет необоснованно отбирать детей у родителей (Отношение российского общества..., 2016).

Таким образом, вместо указанного в принципах СЮЮ поощрения прав и свобод детей, продвижения профилактического подхода и сохранения института семьи, люди видят в ней силу, направленную на разрушение семей, обесценивание свобод и прав родителей и детей. Представления людей о СЮЮ зачастую далеки от реальности, а личный опыт столкновения с ней отсутствует, что делает социальное влияние – как большинства, так и меньшинства – одним из факторов, напрямую влияющих на мнение о СЮЮ. Публичная декларация необходимости защиты прав детей сосуществует с внутренним отторжением и неприятием СЮЮ. Предлоги для неприятия СЮЮ могут быть различны, но нам представляется, что в основе данного процесса лежат все те же механизмы, которыми обусловлены современные социальные проблемы взаимодействия большинства и меньшинства.

В настоящем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что во влиянии большинства в студенческой среде присутствуют когнитивные аспекты, хотя аффективные преобладают, во влиянии же меньшинства в студенческой среде присутствуют аффективные аспекты, хотя преобладают когнитивные. Для проверки этого предположения нами проведены эксперименты с двумя группами студентов (N=40), мужчин и женщин 18–35 лет, имеющих детей.

Первой экспериментальной группе испытуемых (N=20) предлагалось письменное сообщение с описанием мнения актуального большинства в России относительно СЮЮ. Текст сообщения был

основан на данных описанного выше опроса общественного мнения по поводу СЮЮ, проводившегося в России в 2016 г. и выявлявшего представления людей о различных аспектах ювенальной юстиции. Второй экспериментальной группе (N=20) предлагалось аналогичное сообщение, только мнение большинства относительно СЮЮ в нем не совпадало с реальным положением дел. После прочтения сообщений всем испытуемым раздавался письменный опросник.

Аффективный аспект влияния на респондентов оценивался с помощью 4 шкал по фактору «оценка» метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. Когнитивный аспект отношения к ювенальной юстиции оценивался с помощью опросника из 12 вопросов, выявляющих представления респондентов о СЮЮ.

При усреднении четырех шкал семантического дифференциала (Глухов, 2005) для влияния большинства было получено значение $A_b = -0,77$ по шкале Лайкерта, в то время как для влияния меньшинства – значение $A_m = 0,025$. Таким образом, если говорить об аффективном аспекте влияния, то под влиянием мнения большинства респонденты склонны относиться к СЮЮ скорее отрицательно, в то время как меньшинство склоняет респондентов нейтрально относиться к СЮЮ. Таким образом, в отличие от сложившейся точки зрения о преимущественно аффективном влиянии большинства, наши результаты показывают, что аффективное влияние присутствует и в случае влияния меньшинства, но оно на порядок ниже ($0,025 < 0,77$), чем в случае большинства.

Для оценки согласованности мнений в случае аффективного влияния большинства и меньшинства были найдены значения среднеквадратичного отклонения (усреднение для четырех шкал), они составили $S_{ба} = 1,28$ для влияния большинства и $S_{ма} = 1,32$ для влияния меньшинства. Ранее некоторыми исследователями были получены результаты, свидетельствующие о том, что меньшинство в определенных случаях способно оказывать аффективное влияние, сравнимое с аффективным влиянием большинства (Moscovici, Personnaz, 1980). Возможно, присутствие небольшого аффективного аспекта во влиянии меньшинства связано с тем, что нетрадиционная точка зрения на СЮЮ в брошюре в данном случае имела довольно сильное стрессогенное воздействие на студентов-родителей, что может объяснить ситуацию в соответствии с теорией Ч. Немет (Токарева, Донцов, 1996). Стресс порождает «туннельное» мышление, желание

сразу, не думая, согласиться с популярным мнением. Эмоциональная реакция могла привести к конвергентному мышлению и согласованности мнений.

Что касается второй, «когнитивной» части опросника, то при усреднении значений по 12 вопросам анкеты значения ответов для респондентов составили $K_6 = -0,37$ для влияния большинства и $K_m = 0,28$ для влияния меньшинства, по шкале Лайкерта. Для оценки согласованности мнений в случае когнитивного влияния большинства и меньшинства были найдены значения среднеквадратичного отклонения для ответов на каждый вопрос, а также средние значения среднеквадратичного отклонения (усреднение для 12 шкал). Они составили $S_{ок} = 1,53$ для влияния большинства и $S_{мк} = 1,55$ для влияния меньшинства.

Если исходить из классических исследований, то искажения когний присущи в большей степени влиянию меньшинства, в частности, внегруппового, каковым оно и являлось в настоящем исследовании. Можно заключить, что влияние большинства и меньшинства оказалось приблизительно равным, с небольшим перевесом показателя влияния большинства.

С одной стороны, полученные данные можно объяснить тем, что, как показано в ряде исследований (см.: Озерова, 2017; и др.), внегрупповое меньшинство склонно оказывать в большей степени отсроченное латентное воздействие, в то время как в настоящей работе постэкспериментальный опросник непосредственно следовал за экспериментальными сообщениями. В то же время, на результатах эксперимента могло сказаться отсутствие в сообщении информации о лидерах мнения меньшинства о СЮЮ, их прямой речи или аргументации с их стороны. Следовательно, как известно из литературы, в подобных случаях может иметь место «психологизация» меньшинства, которая не позволяет повлиять на большинство маргинальному мнению, в том числе в когнитивном аспекте (Pérez, Molpeceres, 2018).

Испытуемым предлагалось оценить различные аспекты воздействия СЮЮ на российское общество. Под влиянием большинства представление респондентов о социальных последствиях СЮЮ оказалось скорее отрицательным ($K_{61} = -0,75$), в то время как под влиянием меньшинства – стало нейтральным ($K_{м1} = 0,4$). Под влиянием большинства готовность к взаимодействию с СЮЮ была отрицательной ($K_{63} = -1,25$). Мнение же меньшинства сдвигало представле-

ние респондентов о таком взаимодействии в положительную сторону ($K_{м3}=0,75$). Под влиянием большинства испытуемые были более склонны связывать СЮЮ с изъятием детей ($K_{69}=-1,4$), а полномочия СЮЮ оценивали отрицательно ($K_{610}=-0,7$). В случае же меньшинства представления о полномочиях СЮЮ оказались нейтральными ($K_{м9}=0,45$), а связь СЮЮ с изъятием прослеживалась приблизительно в половине случаев ($K_{м10}=0,3$). Также под влиянием большинства респонденты соглашались, что общественность в России относится к СЮЮ скорее плохо ($K_{611}=-0,95$). Под влиянием же меньшинства отношение общественности оценивалось скорее как нейтральное ($K_{м11}=0,05$).

Влияние большинства в научной литературе принято описывать как аффективное, незамедлительное и публичное, осуществляющееся через механизм конформности (Кричевский, Дубовская, 2001). Вклад когнитивной составляющей во влияние большинства обычно не рассматривается. Как видно из вышеизложенных результатов, аффективные аспекты влияния большинства характеризовались значением $A_6=0,77$, в то время как усредненные значения когнитивного аспекта влияния большинства составили $K_6=0,37$. В этой связи можно с уверенностью заключить, что, хотя аффективный компонент во влиянии большинства безусловно выше, когнитивный аспект также присутствовал и имел уровень значимости на уровне $p \leq 0,05$. С одной стороны, подобный результат может быть обусловлен «устойчивостью» позиции большинства к воздействию письменного сообщения. В работах С. Московиси, Е. Лейдж и М. Наффрешу показано, что когнитивные аспекты влияния в большей степени могут определяться устойчивостью, с которой участники дискуссии отстаивают свое мнение, нежели принадлежностью к большинству или меньшинству (см.: Озерова, 2017). Наличие как когнитивного, так и аффективного аспектов влияния большинства согласуется с мнением некоторых исследователей о том, что большинство может оказать и прямое, и косвенное влияние в том случае, когда его позиция воспринимается как умеренно и правдоподобно отличная от изначальной позиции испытуемых (Mugny, 1975).

В настоящей работе также были выявлены показатели аффективного ($A_{м}=0,025$) и когнитивного ($K_{м}=0,28$) влияния меньшинства. Это показывает, с одной стороны, присутствие аффективного компонента во влиянии меньшинства, а с другой – разницу во вкладе когнитивного и аффективного аспектов приблизительно на порядок.

Из научной литературы по социальному влиянию известно, что влияние меньшинства может содержать аффективный компонент, если оно внутригрупповое (Токарева, Донцов, 1996). В случае же внегруппового меньшинства имеет место когнитивное влияние через валидизацию. Именно такое внегрупповое меньшинство и моделировалось в нашем эксперименте. Когнитивное влияние в данной группе испытуемых оказалось намного сильнее аффективного, что согласуется с классическими исследованиями. В то же время меньшинство оказывало и аффективное влияние, хотя и весьма незначительное. Появление аффективного компонента может быть связано со стрессовой ситуацией, которая создавалась из нежелания или боязни притеснить или обидеть «белых ворон». Подобный эффект описан в некоторых работах, где утверждается, что современное большинство испытывает комплекс вины перед маргинальными членами общества по разным критериям вследствие прошлого длительного притеснения маргиналов (Pérez, Molpesceres, 2018).

Анализируя особенности идентичности постмодерна, З. Бауман отмечает, что стиль жизни, которую некогда вели маргиналы на обочине социальных дорог, теперь практикуется большинством в основное время их жизни и в местах, расположенных в центре жизненного мира (Бауман, 1995). Теперь, в эпоху социальных сетей и блогеров, мы можем говорить о растущей роли меньшинства в жизни общества, что делает все более актуальным изучение механизмов его воздействия на общественное мнение.

Результаты данной работы открывают перспективу для дальнейших исследований социального влияния на представления о СЮЮ и других значимых социальных феноменах в студенческой среде с использованием контрольных групп, более широкого спектра методов и методик и более репрезентативных выборок, включающих людей, более тесно контактировавших с СЮЮ.

Остаются открытыми вопросы, связанные с публичным, отложенным и внутригрупповым социальным влиянием меньшинства в студенческой среде. В будущем немаловажными могут стать эксперименты, включающие групповое обсуждение СЮЮ, лонгитюдные методы и интервьюирование испытуемых, что позволит с большей точностью фиксировать аспекты группового влияния на различных временных отрезках.

Полученные нами данные, согласующиеся с положениями теорий социального влияния, указывают на то, что подобные подходы могут быть использованы для изучения не только влияния на мнение о СЮЮ, но и влияния большинства и меньшинства на коллективные переживания по поводу других актуальных проблем современной жизни. Особый интерес здесь могут представлять темы, представления о которых широкого круга людей сильно отличаются от реальности, известной зачастую лишь специалистам. В частности, может быть весьма эвристичным применение данной методики исследования для выявления мнения респондентов по вопросам, связанным с современными стремительно развивающимися технологиями, такими как искусственный интеллект, а также с глобальными рисками, обусловленными развитием техногенного постиндустриального общества.

Литература

- Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
- Глухов В. П.* Основы психолингвистики. М.: АСТ–Астрель, 2005.
- Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Озерова А. В.* Значение влияния меньшинства в исследовании конформизма // Территория науки. 2017. № 3. С. 69–74.
- Отношение российского общества к ювенальной юстиции. 19.07.2016 / Электронная газета «ВЕК». URL: <https://wek.ru/otnoshenie-rossijskogo-obshhestva-k-yuvenalnoj-yusticii> (дата обращения: 20.10.2018).
- Токарева М. Ю., Донцов А. И.* Меньшинство как источник социального влияния // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 50–62.
- Aebischer V., Hewstone M. R., Henderson M.* Minority influence and musical preference: Innovation by conversion not coercion // European Journal of Social Psychology. 1984. V. 14 (1). P. 23–33.
- Alvaro E. M., Crano W. D.* Reflections on Gabriel Mugny's Contributions to Attitude-Centric Theory and Research on Minority Influence // International Review of Social Psychology. 2017. V. 30 (1). P. 161–171.
- Moscovici S., Lage E.* Studies in social influence III: Majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. № 6 (2). P. 149–174.

- Moscovici S., Personnaz B.* Studies in social influence: V. Minority influence and conversion behavior in a perceptual task // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980. V. 16 (3). P. 270–282.
- Mugny G.* Negotiations, image of the other and the process of minority influence // *European Journal of Social Psychology*. 1975. V. 5 (2). P. 209–228.
- Pérez J. A., Molpeceres M. A.* The New Moral Power of Minorities // *International Review of Social Psychology*. 2018. V. 31 (1). P. 5.

Деструктивные отношения в студенческой группе: формы проявления и проблематика

В. В. Глебов, В. В. Ерофеева

В настоящее время актуальны исследования, связанные с особенностями взаимоотношений, складывающихся в малых группах между учащимися образовательных учреждений. Вместе с тем недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с деструктивным поведением членов студенческой группы.

Интерес к малым группам в научной среде возник сравнительно недавно – в 30-е годы XX века. В предшествующий период внимание исследователей было занято изучением больших социальных групп. Многих ученых с мировым именем заставил задуматься вопрос о влиянии малых групп на их участников. Такие работы находим у Ч. Х. Кули, Н. Триплета, Ф. Оллпорта, М. Шерифа, С. Аша, Дж. Г. Мида, Х. Келли, Я. Морено, К. Левина и др. Все они пишут о группе как об объединении людей, связанных общими целями. Данное явление, по их мнению, заслуживает изучения в качестве самостоятельного объекта; сама группа и процессы, протекающие в ней, не могут быть истолкованы исходя из представлений, выработанных в индивидуальной психологии. Сказанное не означает, что личность отдельного участника не может рассматриваться с позиций «индивидуального» подхода, но что в исследованиях западных психологов он сочетается с «групповым».

В отечественной психологии разработкой проблем взаимоотношений участников социальных групп занялись в 60-е годы прошлого века Г. М. Андреева, Н. А. Березовин, К. Е. Данилин, Я. Л. Коломинский, А. А. Кроник, В. С. Маргун, Ю. А. Орн, А. В. Петровский и др., которые пытались рассмотреть группу и протекающие в ней процессы с разных точек зрения. Согласно позиции Г. М. Андреевой, группа представляет собой определенную систему деятельности, заданную ее местом в системе общественного разделения труда и поэтому являющуюся самостоятельным субъектом определенного ви-

да деятельности (в частности, учебной), и через нее включена во всю систему общественных отношений (Андреева, 2009).

Непосредственно изучением студенческих учебных групп занимались в 1960–1980-е годы В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, Г. А. Журавлева и ряд других советских психологов. Научным вкладом этих исследователей является определение учебной группы как социально-психологической системы, выделение присущих ей особенностей и их причин, а также акцентирование внимания на значимости комфортной среды для благоприятного развития личности будущего специалиста и раскрытия его возможностей в полной мере, использования своего потенциала (Эльконин, 2006).

Отношения, складывающиеся между членами группы, оказывают существенное влияние на каждого ее участника. Образовательная система функционирует так, что комплектование учебных групп в большей степени случайно, объединение участников в коллективы не учитывает различий в социальном статусе, уровне интеллекта, поведенческих стереотипах, особенностях личности, в характере взаимодействия с окружающими. Все это становится причиной разнообразных динамических процессов в коллективе. В общении личность получает возможность обрести определенный статус, оценить свои преимущества, найти способы самореализации, самоутвердиться, показать свою идентичность (Глебов, Суворова, Аникина, 2015).

Отношения в группе могут носить самый разнообразный характер, зачастую приобретая конфликтный, деструктивный тон (Психологические исследования..., 2018). Группа становится пространством и одновременно причиной возникновения разнообразных коллизий, ситуаций, сказывающихся на поведении, действиях, поступках, самочувствии и настроении ее членов. Как следствие, формируется определенный эмоциональный фон коллектива, группа становится более сплоченной либо разобщенной, результативной или неэффективной. Развитие отношений в группе неизбежно приводит к формированию микрогрупп, которые складываются стихийно и становятся полноправными участниками взаимодействия, оказывая влияние на окружающих. Такие сообщества могут иметь положительную или негативную, антисоциальную направленность, поэтому так важно учитывать закономерности и стадии жизни группы.

Отношения, приобретающие все признаки деструктивности, требуют особого внимания. Согласно определению, данному в словаре практического психолога, термин «деструкция, деструктив-

ность» означает разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо (Шапарь, 2005). В психоаналитической литературе впервые к данному термину обратились в самом начале XX в. Явление деструкции и его причины рассматривали А. Адлер, В. Штекель, К. Юнг, С. Шпильрейн. В психоанализе принято агрессию, ненависть, уничтожение, разрушение, смерть, убийство объяснять наличием инстинкта (влечения), противоположного конструктивным, жизнеутверждающим устремлениям. В. Райх, один из представителей неотрейдизма, а также основоположник телесно ориентированной терапии, полагал, что в основе разрушительных стремлений любого живого существа заложена цель защиты от опасностей окружающей среды (Райх, 1999). Так агрессия приобретает осмысленный характер. Бихевиористы же (Б. Скиннер и др.) считали, что «деструктивность» — величина постоянная, биологически заданная, проявляющаяся в агрессивном поведении, накапливающаяся и разряжающаяся посредством разрушительных поведенческих актов. В деятельностном подходе, в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова и М. С. Каган, «деструктивность» рассматривается как один из путей преобразования окружающего мира, противопоставленный созиданию.

Современная трактовка термина «деструктивность» в психологической науке неразрывно связана с понятием «отношения». Обратившись к психологическому словарю, найдем определение термина «отношения»: это субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия человека со средой, с человеком (Шапарь, 2005).

Сочетание двух указанных терминов создало новое понятие, впервые использованное Н. Н. Обозовым при описании видов межличностных отношений. Он предположил, что все отношения могут быть отнесены к двум типам: конструктивные и деструктивные. Последние являются следствием дезадаптации личности. Подобные индивиды объединяются в группировки, в том числе и для взаимного участия в удовлетворении аномальных потребностей друг друга, а также поиска объектов для этого (Обозов, 1990).

Согласно данным, приведенным исследователем Ю. В. Гусевым, деструктивные отношения чаще встречаются в таких группах, выход из которых для участников затруднен и у враждующих сторон существует объективная необходимость находиться в одном коллективе. И. Ялом в работе, посвященной групповой психотерапии,

применяет термин «деструктивные отношения» для обозначения всеобщей несдержанности, неограниченности в выражении чувств (Ялом, 2000). Г. В. Ярославцева характеризует деструктивные отношения в педагогическом коллективе школы как такие, которые вызывают негативные эмоции у взаимодействующих субъектов, провоцируют их взаимную неприязнь и агрессивные реакции, но пока еще без конфликтного взаимодействия. Они разрушают устойчивость сложившейся структуры межличностных отношений и социально-психологического климата коллектива, затрудняют совместную деятельность (Ярославцева, 1999). В. В. Бойко указывает на то, что в отношениях между людьми, в том числе участвующими в группе, могут возникать следующие деструктивные установки: скрытая жестокость, открыто проявляемая жесткость, обоснованный негативизм, брюзжание, негативный опыт общения (Бойко, 2004). Исследователь В. Н. Куницына, описывая деструктивное общение, с которым связаны агрессия и негатив в отношениях, указывает формы контактов, пагубно сказывающиеся на личности партнера и осложняющие взаимоотношения, а также перечисляет их особенности (Куницына, 2005). В качестве примера межличностных контактов такого рода служат общение с применением манипуляции, авторитарный стиль, патологическая ревность, зависть, нарциссизм. Не менее деструктивным может быть и невербальное воздействие на партнера – молчание, когда оно используется индивидом как наказание для оппонента, а также утаивание, сокрытие информации. Основой деструктивного общения могут стать различные черты личности: лицемерие, хитрость, склонность к клевете, мстительность, язвительность, цинизм, ханжество, вранье, ложь, обман, эгоизм, агрессивность и т. д.

В. Н. Куницына и К. Муздыбаев полагают, что эгоизм в отношениях между членами учебной группы приводит к тому, что некоторые индивидуумы испытывают чувство унижения, претерпевают страдания, отношения в коллективе осложняются (Куницына, 2005; Муздыбаев, 2000). Разрушительный характер межличностным отношениям способны придавать следующие черты характера эгоистичной личности: игнорирование требований долга, норм морали и закона; оправдание обмана, насильственных форм поведения; приписывание окружающим негативных эмоций, выражение недоверия другим членам группы. Все это создает препятствия к использованию в общении с таким человеком тактики сотрудничества.

Подводя итог, можем отметить, что и зарубежная, и отечественная психологическая наука рассматривают студенческую группу в качестве социально-психологической системы, обладающей рядом присущих только ей особенностей, вызванных различными факторами, и оказывающей большое влияние на развитие личности, реализацию ее возможностей, раскрытие потенциала. Оптимальные результаты развития могут быть достигнуты только при создании максимально комфортных условий.

Взаимоотношения участников студенческой группы могут носить разрушительный характер, отрицательно сказываться на психологическом климате коллектива, расшатывать сложившуюся структуру отношений, понижать эффективность деятельности, осуществляемой совместно, плохо влиять на эмоциональное состояние отдельных членов в группе. Сильное деструктивное воздействие на отношения оказывают агрессия, ложь, обман, эгоизм, проявление иных негативных эмоций к окружающим.

Литература

Бойко В. В. Энергия эмоций. СПб.: Питер, 2004.

Глебов В. В., Суворова И. Ю., Аникина Е. В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации студентов и их идентичность в процессе обучения в вузе // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 258–261.

Куницына В. Н. Национальные и этнические стереотипы и их роль в межличностном познании // Познание человека человеком: Возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 23–28.

Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 30.

Обозов Н. Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Райх В. Анализ личности. М.: Ювента, 1999.

Семечкин Н. И. Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.

Шапарь В. Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005. С. 105–106.

В. В. Глебов, В. В. Ерофеева

Эльконин Д. Б. Педагогика. М.: Педагогическое общество России, 2006.

Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. СПб.: Питер, 2000.

Ярославцева Г. В. Психолого-педагогический тренинг как средство коррекции межличностных отношений в педагогическом коллективе школы: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1999.

**«Женское начало толпы»:
гендерные стереотипы и предрассудки
в теориях стихийных объединений
конца XIX—начала XX вв.**

Д. С. Горбатов

Теории толпы, появившиеся в Италии и во Франции в 1890-е годы, нередко рассматривают в контексте выражения коллективных страхов национальной буржуазии, обеспокоенной разрушением привычного миропорядка — увеличением численности и социальной активности пролетариата, всплеском городской преступности, разгулом анархистского террора, политизацией профсоюзного движения (Bagows, 1990). Не случайно описания стихийных объединений того времени сопровождались сугубо негативными коннотациями. Для первых зарубежных исследователей толпа была олицетворением всего «преступного», «низменного», «животного», «сумасшедшего», «дикарского», «разрушительного» в человеческой природе. Данный перечень был бы неполон без упоминания о «женском начале» толпы, психическая неустойчивость, иррациональность мышления и выраженная внушаемость которой последовательно противопоставлялись «мужской» стабильности и здравомыслию взятого в отдельности индивида (Gallini, 1988).

Нет оснований видеть в этом подспудные проявления особенных страхов в связи с ростом феминистского движения или вероятностью массового притока женщин в ряды революционеров. Отчетливая феминизация толп Г. Лебоном, Г. Тардом, С. Сигеле и другими исследователями имеет такое же происхождение, как и пристрастные описания женщин писателем Э. Золя, историком И. А. Тэнном, журналистом М. Дюканом, антропологом и психиатром Ч. Ломброзо, гипнологом А. О. Льебо, анатомом и антропометристом П. П. Брока и многими другими представителями интеллектуальной элиты второй половины XIX в., на труды которых ссылались авторы первых

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00302 «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX—начала XX вв.».

теорий стихийных объединений. Причина данного явления — во влиянии гендерных стереотипов, неправомерных обобщений, и предрассудков, предвзятых отношений, закрепленных в общественном сознании того времени. Их наличие привело к тому, что случайное в поведении женщин нередко принималось наблюдателями и учеными за типичное, ситуативно обусловленное — за стабильное, конкретно-историческое — за безоговорочно имманентное.

В этом плане показательны итоги сравнений веса головного мозга мужчин и женщин, произведенные со всей тщательностью «апо-столом научной объективности» П. Брока. Взвесив более 400 образцов, лично извлеченных при аутопсиях, авторитетный ученый установил, что женский мозг в среднем на 14% уступает в весе мужскому. Это было истолковано как «исчерпывающее» доказательство того, что различия интеллектуальных характеристик индивидов во многом обусловлены половой принадлежностью. Позже П. Брока провел исследование внутренних объемов 13 черепов первобытных людей, обнаруженных в пещере L'Homme Mort на юге современной Франции. Было обнаружено, что разница между черепными коробками, отнесенными к женским и к мужским, у первобытных людей составляла лишь 99,5 см³, тогда как в современной популяции она располагалась в диапазоне от 129,5 до 220,7 см³. Своеобразна была интерпретация: активное участие мужчин в борьбе за выживание стимулировало интенсивное развитие их головного мозга, тогда как зависимая и пассивная роль женщин будто бы привела к тому, что их мозг почти не получил развития с первобытных времен (Gould, 1980).

Биолог С. Дж. Гулд выразил обоснованные сомнения в достаточности имеющихся палеонтологических предпосылок для столь категоричных выводов. Когда же он пересчитал данные из исследования П. Брока по сравнению веса мозга современников, внося поправку на рост индивидов и их возраст (женщины были значительно меньше и, как правило, старше мужчин), то получил не столь впечатляющую разницу между полами. По его мнению, учет других факторов, способных повлиять на вес мозга, например, характера и продолжительности заболевания, сведет реальные различия мужчин и женщин до значения статистической погрешности (Gould, 1980).

Однако измерения и выводы П. Брока оказали существенное влияние на Г. Лебона, автора наиболее популярной книги по феномену толпы (Лебон, 1896). В одной из предшествовавших работ он

тенденциозно писал о том, что объем черепа парижанки как типичного образца «низшей формы эволюции» ближе к объему черепа гориллы, нежели современного мужчины. Не отрицая существования женщин, превосходящих представителей другого пола по этой анатомической характеристике, Г. Лебон определял их как некую игру природы, аналогичную рождению гориллы с двумя головами. Напрямую связывая показатели объема черепной коробки с интеллектуальной «ущербностью», он отдавал предпочтение женщинам лишь в проявлениях мелкой моторики, интуиции инстинктивного порядка, внешней привлекательности и в тех качествах, которые незаменимы в деле воспитания. Поэтому зарождавшуюся практику одинакового образования для обоих полов Лебон воспринимал как опасную химеру. С его точки зрения, вытекающее из нее дальнейшее соперничество с мужчиной – тупиковый путь женского существования. Подлинное место девушки он видел не в школе, а возле ее матери, способной научить основам семейной жизни (Le Bon, 1881).

Исследователи характеризуют Г. Лебона как умелого компилятора чужих идей, не чуравшегося плагиата (Baggows, 1990). Действительно, в его книге о толпе нетрудно найти тезисы С. Сигеле, Г. Тарда, А. Фурниаля без упоминаний авторов. Однако в том, что касается приписывания толпе «женского начала», мы можем, напротив, констатировать влияние женоненавистнических воззрений Г. Лебона на некоторых исследователей стихийных объединений того времени. Для обоснования этого проследим динамику их взглядов¹.

Авторы первых западноевропейских работ по психологии толпы (Сигеле, 1893; Fournial, 1892) на примерах, главным образом, времен Великой французской революции и Парижской коммуны писали не о толпе «как женщине», а о конкретных женщинах в толпе, отличающихся жестокостью или храбростью. Причину подобного поведения они, вслед за гипнологами того времени, видели в особой податливости внушению как следствию природной впечатли-

1 Чтобы избежать путаницы в хронологии западноевропейских публикаций по проблематике толпы «долебоновского» периода, отметим, что итальянское издание книги С. Сигеле «Преступная толпа» вышло в 1891 г., ее французское издание – в 1892 г., дипломная работа А. Фурниаля была опубликована в январе 1892 г., затем последовали доклад Г. Тарда «Преступления толпы» на Третьем международном конгрессе криминальной антропологии (Брюссель, август 1892 г.) и его эссе «Толпы и преступные секты» (декабрь 1893 г.). Две статьи и отдельная книга Г. Лебона о толпе впервые были опубликованы в 1895 г.

тельности, легковерия и слабости женского характера. Уже в этом они не были свободны от гендерных стереотипов. К примеру, когда С. Сигеле описывал конкретное преступление в толпе, совершенное мужчиной, он нередко ссыался на принадлежность того к категории «прирожденных преступников» по Ч. Ломброзо, указывал специфичность его профессии или подчеркивал роль сумасшествия. Когда же преступление совершалось женщиной, подобной детализации не наблюдалось. Половая принадлежность рассматривалась на правах «все объясняющего» фактора. Проявлялись в его работе и гендерные предрассудки. Так, суждение своего учителя Ч. Ломброзо о том, что «развращенная женщина хуже развращенного мужчины» С. Сигеле считал более чем справедливым в отношении субъектов массовых преступлений (Сигеле, 1893, с. 68–69).

Первым исследователем, сравнившим стихийное объединение с женщиной и обнаружившим черты «сходства», был Г. Тард, утверждавший, что толпа, «подобно женщинам и детям», склонна к странным и бессознательным противоречиям, а ее темперамент «нервный и как бы женский» (Тард, 1893). В своей следующей работе он был более конкретен: «По своим обычным капризам, по своей необузданной восприимчивости, по своему легковерию, нервозности, по своим резким переходам от ярости к мягкости, от отчаянья к взрывам веселости, толпа походит на женщину даже тогда, когда она состоит, как это почти всегда бывает, из мужских элементов. К счастью для женщин, их образ жизни, заставлявший их запираяться в домах, осуждает их на сравнительное уединение» (Тард, 1902, с. 173).

Г. Лебон продвинулся по этому пути заметно дальше, описывая не только «женскую» изменчивость, внушаемость и импульсивность толпы, но и ее интеллектуальную недостаточность — полную неспособность к рассуждениям и критике, характерные для этой «низшей формы эволюции». Именно он от отдельных сравнений перешел к полному уподоблению, утверждая, что «толпа *всегда* (курсив наш. — Д. Г.) обнаруживает черты женского характера» (Лебон, 1896, с. 176). А раз толпа такова, то в общении с ней Г. Лебон рекомендовал действовать фактически в духе ловеласов: рисовать прельщающие образы, опираться на иллюзии, демонстративно разделять переживания, заражать эмоциями, преувеличивать, выражаться категорично и просто, повторять в одних и тех же выражениях, предпочитать лозунги и речевые штампы правилам логики, никогда не доказывать что-либо рассуждениями.

После выхода книги Лебона С. Сигеле тоже стал писать «о толпе как женщине», наделяя ее всеми возможными пороками и отдельными достоинствами, априори «присущими» этому полу, а также провел еще более смелую параллель между любыми проявлениями коллективной психологии и «женской» (Sighele, 1903). Г. Тард, в свою очередь, выделил не только «женскую» толпу, но и такую же публику, более безобидную при всей ее многочисленности (Тард, 1902). Однако предельное выражение сформировавшаяся тенденция получила в книге Ф. Казанова, где гендерные предрассудки и стереотипы настолько смешались с коллективными страхами в отношении активности народных масс, что подчас трудно понять, о чем именно идет речь — о психологической природе женщин, поведении отдельных женщин в толпе или же «о толпе как женщине» (Cazanove, 1904).

Высказывая мнение о том, что позиция Г. Лебона повлияла на последующих исследователей толпы, мы можем подкрепить его тем, что иных источников, столь же отчетливо выражающих эту тенденцию, в период от публикации его книги до начала XX в. не было зафиксировано. Вместе с тем стоит отметить, что феминизация толпы имела отношение только к западноевропейским теориям того времени. В противоположность им никто из российских исследователей стихийных объединений — от Н. К. Михайловского и В. К. Случевского до Л. Н. Войтоловского и В. А. Вагнера — не разделял тезиса о «женском начале». Объяснение активности женщины в буйствующей толпе отечественные исследователи искали прежде всего в социальных факторах. Так, например, И. И. Добровольский ссылался на то, что нервная система женщины, обуславливающая взрыв ее чувств в толпе, отличается особой «расшатанностью и нестойкостью» как в силу общего угнетения народных масс, так и из-за возрастающих тягот семейной жизни, порожденных зависимостью от раздраженного жизненными невзгодами главы семьи (Горбатов, Большаков, 2015).

Таким образом, тенденция к феминизации толпы не была повсеместной. Не являлась она и продолжительной. Уже в конце первого десятилетия XX в. гендерные стереотипы и предрассудки, сохраняющиеся в общественном сознании, перестали оказывать столь заметное влияние на исследователей толпы. Вполне возможно их последующее выражение в трудах по психологии толпы в латентном виде, однако этот вопрос требует особого рассмотрения.

Литература

- Горбатов Д. С., Большаков С. Н.* Теории толпы в российской психологической мысли конца XIX—начала XX вв. СПб.: Art-Xpress, 2015.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896.
- Сигеле С.* Преступная толпа: Опыт коллективной психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1893.
- Тард Г.* Преступления толпы. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893.
- Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: Товарищество А. И. Мамонтова, 1902.
- Barrows S.* Miroirs déformants. Réflexions sur la foule en France à la fin du XIX e siècle. Paris: Aubier, 1990.
- Fournial H.* Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892.
- Cazanove F.* Les femmes dans la foule; leur responsabilité criminelle. Bordeaux: Y. Cadoret, 1904.
- Gallini C.* Scipio Sighele et la foule délinquante // *Hermes*. 1988. № 2. P. 105–133.
- Gould S. J.* Women's brains // *The Panda's Thumb*. N. Y.: W. W. Norton, 1980. P. 152–159.
- Le Bon G.* L'homme et les sociétés. Leurs origines et leur histoire. Deuxième partie. Les sociétés. Leurs origines et leur développement. Paris: J. Rothschild, 1881. Réimpression, Paris: Jean-Michel Place, 1987.
- Sighele S.* U'intelligenza della folla. Torino: F. Bocca, 1903.

Формы деструктивного поведения персонала в организации

И. В. Девятковская, А. О. Сунцова

Для выявления сущности трудового поведения необходимо рассмотреть его как одну из модификаций социального поведения. Социальное поведение, в свою очередь, определяется как производная составляющая социальной среды, которая преломляется в субъективных характеристиках и актах действующих лиц, а также как результат субъективной детерминации человеческой активности (Адамчук, 1999). Таким образом, ключевой характеристикой трудового поведения будет являться его обусловленность социальной средой и субъективными свойствами личности работника. Многообразие его аспектов и функций является причиной возникновения большого количества концептуальных подходов к его определению.

Несмотря на то, что руководство организаций уделяет большое внимание культивированию конструктивного трудового поведения, в организациях наряду с ним существуют и активно распространяются различные формы деструктивного трудового поведения: нежелание добросовестно работать, внутреннее увольнение работника, распускание слухов, саботаж и даже экономические преступления – коррупция, воровство, мошенничество и т. п. Все это приводит к снижению темпов производства, прибыли, качества продукции или услуг, к конфликтам в коллективе, к напряженным отношениям между работниками и работодателями и к другим негативным последствиям, тем самым угрожая стабильности организации, а нередко и самому ее существованию. Таким образом, деструктивное поведение является частным случаем трудового поведения.

Деструктивное поведение персонала представляет собой внешне наблюдаемые действия, поступки субъекта трудовой деятельности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00819 «Модель организационного вандализма персонала: модераторы, средовые предикторы и методы профилактики».

ти, препятствующие достижению целей организации и несущие негативные последствия для нее. В целом поведение работника можно охарактеризовать как деструктивное, если оно становится причиной «целенедостижения» (Щербина, Попова, 2010).

В социологии управления под трудовым поведением понимаются внешне наблюдаемые действия, поступки субъекта трудовой деятельности в их определенной последовательности. Они осуществляются под воздействием различных постоянных и ситуативных факторов рабочей среды – физических, производственно-технологических, управленческих и социально-психологических. Понимание трудового поведения в таком широком контексте роднит данное понятие с термином «организационное поведение», который в самом общем виде отражает различные аспекты существования и взаимодействия работников в организации (Шаталова, 2006).

Трудовое поведение работника включает следующие элементы: циклически повторяющиеся действия, однотипные по результату, воспроизводящие стандартные статусно-ролевые ситуации или состояния; маргинальные действия и поступки, которые формируются в фазах переходного состояния от одного статуса в другой; поведенческие схемы и стереотипы, часто встречающиеся образцы поведения; действия, в основе которых лежат рационализированные смысловые схемы, переведенные в план устойчивых убеждений; поступки, совершаемые под воздействием тех или иных обстоятельств; спонтанные действия, спровоцированные эмоциональным состоянием; осознанное или неосознанное повторение стереотипов массового и группового поведения; действия и поступки как трансформация влияния других субъектов, применяющих различные формы принуждения и убеждения (Адамчук, 1999).

Деструктивное поведение персонала расценивается как выход работника за пределы статусно-ролевых предписаний, дисциплинарных рамок трудового процесса. Ключевой характеристикой деструктивного организационного поведения являются негативные последствия либо для конкретных членов организации, отделов, бизнес-процессов, либо для всей организационной системы в целом, либо для стейкхолдеров организации (клиенты, поставщики, заказчики). Деструктивное поведение персонала может поставить под угрозу стабильность организации в целом.

Существуют различные виды деструктивного организационного поведения: абсентеизм, внутреннее увольнение, распускание

слухов, саботаж, воровство, вербальные оскорбления, сниженная трудовая активность (выражается в уклонении от работы, в ориентации на занятие собственными делами) и т. д. Такое многообразие видов изучаемого поведения, а также целей его исследования способствует возникновению большого количества различных подходов к их упорядочению.

Так, А. М. Лялин выделяет следующие виды деструктивного организационного поведения: агрессивное; нарциссическое (эгоцентрическое); ригидное; неэтичное; психически обусловленное деструктивное (вследствие синдрома дефицита внимания, гиперактивности, тревожности, депрессии, нервного истощения и т. п.) (Лялин, 2009). В данной классификации различные виды деструктивного поведения выделены сразу по двум основаниями – способу выражения (агрессивное, нарциссическое, ригидное, неэтичное) и источнику (последний вид).

Еще одна классификация видов деструктивного поведения представлена П. А. Златиным: противоправное (работник совершает поступки, нарушающие закон), административно-управленческое (в том числе и рестрикционизм, т. е. сознательное ограничение выработки или замедление темпов работы как способ защиты группы от повышения нормы, снижения расценок, сокращения персонала и т. п.) и прямое невыполнение своих обязанностей; дисфункциональное (профессиональная некомпетентность); индивидуально-целевое, носящее крайне эгоистический характер, направленное на реализацию сугубо личных интересов; групповой эгоизм работников, ставящих свои групповые интересы выше интересов других групп (отделов, филиалов); имитационное поведение как подражание деятельности окружающих людей; псевдоактивность – создание впечатления повышенной загруженности различными обязанностями; виды группового и индивидуального поведения, связанные с сохранением консервативных привычек и традиций, которые в той или иной мере сдерживают инициативу, творчество, новаторство; девиантное поведение, связанное с реализацией асоциальных привычек и склонностей, а также с отклонением от принятых в обществе нравственных норм (Златин, 2008).

Зарубежные авторы также активно исследуют различные формы деструктивного поведения персонала в организации. П. Е. Спектор, С. Фокс и Т. Домагальски объединяют различные виды деструктивного организационного поведения в следующие группы: агрессив-

ное поведение по отношению к коллегам по работе; некачественное выполнение своих должностных обязанностей; саботаж, в том числе поломка собственности организации; воровство; абсентеизм, выражающийся в опоздании, умышленном увеличении перерывов и т. д. (Spector, Fox, Domagalski, 2003).

Одним из деструктивных вариантов поведения персонала является организационный вандализм, который понимается как социально-психологическое явление, проявляющееся в несанкционированном изменении (порче, разрушении, деформации, преобразовании и пр.) персоналом организационной среды (материальной, информационной, культурной, социально-психологической), наносящем ущерб (экономический, экологический, социальный) организации (Кружкова, 2017).

Обратимся к работам зарубежных авторов. Ф. Нердинген на основании отношения работника к организационным целям и правилам выделяет три основные формы поведения персонала – продуктивное, контрпродуктивное и экстрапродуктивное (Nerdinger, 2008). Продуктивным называется поведение, характеризующее действия сотрудника, которые способствуют достижению организационных целей. Вместе с тем, справедливо отмечается, что способы достижения результата могут различаться: поведение сотрудника может, с одной стороны, укреплять цели организации или причинять им вред, а с другой – соответствовать или нет принятым в организации правилам. Исходя из этого выделяют экстрапродуктивное и контрпродуктивное поведение. Экстрапродуктивным считается поведение, полностью служащее целям организации и полностью соответствующее всем принятым в ней правилам, поэтому оно может быть описано как «идеальное» с точки зрения организации. Как контрпродуктивное рассматривается поведение персонала, направленное на нанесение ущерба организационным целям и противоречащее установленным правилам (Nerdinger, 2008). В качестве иллюстраций контрпродуктивного поведения представлен широкий спектр действий сотрудников (хищение на рабочем месте, саботаж, сопротивление изменениям, моббинг, сексуальное преследование и т. д.).

С. Робинсон и Дж. Беннет предложили различать типы контрпродуктивного поведения по двум основаниям – интенсивности (от относительно невинного нарушения правил до физически или психически угрожающего поведения) и объекту направленности (на других

людей или на организацию в целом) (Nerdinger, 2008). Они выделяют четыре типа контрпродуктивного поведения: причинение вреда продукции (слишком раннее окончание рабочего дня, нерациональное использование ресурсов, намеренно медленное выполнение работы и т. д.); причинение вреда собственности организации (похищение имущества организации, получение взяток, саботаж, поломка рабочего оборудования и т. д.); политическое отклонение (распространение слухов о сотрудниках, перекалывание вины на других, кумовство и т. д.); агрессия (сексуальное преследование, оскорбления, угрозы или кражи у сотрудников и т. д.).

Все рассмотренные выше классификации упорядочивают многообразие видов деструктивного организационного поведения по различным основаниям и критериям. Для всестороннего анализа данного явления, а также с точки зрения изучения его рисков для организации предлагаем группировать *виды деструктивного трудового поведения* по следующим основаниям:

- 1) по конечной направленности его негативных последствий:
 - несущее негативные последствия для отдельных членов организации, групп, отделов (агрессия, сплетни, оскорбления и т. д.);
 - несущее негативные последствия для всей организации в целом (воровство, саботаж, мошенничество и т. д.);
 - несущее негативные последствия для внешней среды и различных групп стейкхолдеров (заказчиков, поставщиков, клиентов и т. д.).
- 2) по уровню тяжести нарушения:
 - нарушающее социальные нормы и предписания (сплетни, оскорбления и т. д.);
 - нарушающее дисциплинарные предписания (опоздания, некачественное выполнение заданий, прогулы и т. д.);
 - нарушающее административные предписания (мелкое хищение, уничтожение или повреждение имущества и т. д.);
 - нарушающее уголовные предписания (мошенничество, воровство и т. д.).
- 3) по причинам его возникновения:
 - обусловленное личностными характеристиками работника;
 - обусловленное характеристиками общественной среды;

- обусловленное организационными особенностями, процессами и явлениями;
- обусловленное особенностями непосредственно выполняемой работы.

Предложенная классификация позволит наиболее полно описать весь спектр различных видов деструктивного поведения работников и выявить их причины и факторы снижения организационных рисков, исходя из специфики того или иного вида поведения.

Рост негативных последствий от распространения деструктивного поведения персонала наблюдается во всем мире. При этом особенно большой ущерб оно наносит коммерческим и государственным организациям в нашей стране. Согласно Российскому обзору экономических преступлений от Pricewaterhouse Coopers за 2016 г., 48% участвовавших в исследовании российских компаний (флагманы энергетики, промышленности, строительства, крупные государственные корпорации и т. п.) считают себя пострадавшими от экономических преступлений. При этом 50% компаний-респондентов подчеркнули, что экономические преступления оказали значительное отрицательное влияние на моральное состояние сотрудников («Левада-центр»..., 2018).

Таким образом, проведенный анализ подходов отечественных и зарубежных авторов к пониманию и классификации видов деструктивного поведения персонала показал, что существует большое разнообразие вариантов. Выбор подхода определяется целью исследования и его практическими задачами. С учетом задач прогнозирования и минимизации рисков деструктивных действий сотрудников для организации нами предложены три основания для классификации видов деструктивного трудового поведения: причины его возникновения, конечная направленность его негативных последствий и уровень тяжести нарушения.

Литература

- Адамчук В. В., Ромашов О. В., Сорокина М. Е.* Экономика и социология труда. М.: Юнити, 1999.
- Златин П. А.* Социология и психология труда: Учебник для студентов вузов. М.: МГИУ, 2008.
- Кружкова О. В., Девятковская И. В.* Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 150–169.

«Левада-центр»: Четверть россиян считают нормальным воровать на рабочем месте. URL: <http://rusplt.ru/news/levadatsentr-chetvert-rossiyan-schitayut-normalnyim-vorovat-narabochem-meste.html> (дата обращения: 14.10.2018).

Лялин А. М. Теория менеджмента. СПб.: Питер, 2009.

Шаталова Н. И. Деструктивные формы трудового поведения // Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В. А. Ядов. СПб., 2006. С. 47–48.

Щербина В. В., Попова Е. П. Развитие деловых организаций: Теоретические модели и проблемы практического применения. М.: РГГУ, 2010.

Nerdinger F. W. Unternehmensschädigendes Verhalten erkennen und verhindern. Göttingen: Hogrefe, 2008.

Spector P. E., Fox S., Domagalski T. Emotions, violence and counterproductive work behavior. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/216443807_Emotions_Violence_and_Counterproductive_Work_Behavior (дата обращения: 20.10.2018).

Проектирование социально-психологической помощи учащейся молодежи в личностном развитии

С. Г. Елизаров, Г. Н. Ларина

Системные преобразования, произошедшие в России на рубеже XX–XXI вв., оказались источником целого ряда проблем, связанных с интеллектуальным, духовным, эмоциональным и физическим напряжением человека. Появление и стремительное развитие новых технологий значительно расширило прежние и породило новые формы воздействия на личность, новые коммуникативные возможности, активизировало миграционные процессы. Данные изменения проявляются на всех основных уровнях существования человека – физиологическом, психологическом, социальном, что отражается в перестройке ментальности, смене целей, ценностей, ориентаций индивидов (Фельдштейн, 1994).

Неопределенность и противоречивость социальных, политических и экономических процессов усиливает кризисное развитие личности, что особенно актуально в период ранней юности, традиционно рассматриваемой в психологии как самостоятельный период развития личности, для которого ведущей является задача личностного самоопределения, включающая построение целостного замысла жизни, самопроектирования себя в будущем. Причем социальная ситуация развития юношей и девушек включает в себя, с одной стороны, различные элементы социальной среды, а с другой, аффективный отклик на них. Оценивая данное обстоятельство, целый ряд исследователей (Г. М. Андреева, Л. П. Буева, Я. Л. Коломинский, С. Л. Рубинштейн и др.) отмечали, что группа сверстников в данном возрасте является не только составной частью социальной среды, но и оказывает сильнейшее влияние на формирование и развитие личности, т. е. выступает не как обстановка, условие развития, а как его источник (Андреева, 2015; Буева, 1968; Коломинский, 2010; Рубинштейн, 2003). В этой связи методологически важным представляется положение Б. Ф. Ломова о системной взаимосвязи поведения,

ситуации и психологии индивида (Ломов, 1984). Личность юношей и девушек существует в системе воздействий. Ситуация, в которой реализуется поведение, не сохраняется в неизменном виде, но изменяется под влиянием поведения (деятельности), благодаря чему возникают новые воздействия на субъект.

Вышеназванные положения являются основой теоретической и практической деятельности Курской социально-психологической научной школы Л. И. Уманского—А. С. Чернышева по проектированию и оказанию социально-психологической помощи учащейся молодежи в личностном развитии, которая родилась в 1960-х годах и была связана с созданием в Курской области летних профильных центров (оздоровительных лагерей, действующих по особым, «профильным», технологиям). Эти центры стали пространством значительных позитивных личностных изменений молодежи и юношества, ее социального обновления, проявляющегося в переоценке нравственных установок, жизненных целей, в открытии в себе новых рациональных возможностей как базы для выстраивания своей судьбы (Шаронов, 1996). К числу таких центров прежде всего относились ОШМЛ (Областная школа молодежных лидеров Курской области) «Комсорг», созданная при непосредственном участии Л. И. Уманского и А. С. Чернышева, а также объединенный центр «Монолит», в создании которого приняли участие ученики А. С. Чернышева — Т. А. Антопольская, С. Г. Елизаров и С. В. Сарычев.

Данные объединения подростков и старших школьников представляют собой особую социально-психологическую реальность — развивающую социальную среду, под которой курскими психологами понимается социум, отличающийся от обычной, привычной для старших подростков и юношей, школьной образовательной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания (Чернышев, Лунев, Лобков, Сарычев, 2005).

На сегодняшний день в целом ряде работ уже подробно описаны как методологические и теоретические основы развивающей социальной среды, так и практические технологии ее реализации (Чернышев и др., 2005, 2010, 2016), выступающие до настоящего времени в качестве пролонгированного естественного формирующего эксперимента курской социально-психологической научной школы (Журавлев, Дробышева, 2008), поэтому в рамках данной статьи мы

считаем возможным ограничиться перечислением основных характеризующих ее положений.

К социально-психологическим особенностям такой социальной среды относятся:

- более высокие по содержанию и интенсивности характеристики совместной деятельности и общения;
- эмоционально и интеллектуально насыщенная атмосфера сотрудничества и созидания;
- специально спроектированные условия совместной деятельности, стимулирующие внутригрупповые и межгрупповые механизмы социализации личности;
- особая роль психологов и педагогов, заключающаяся преимущественно в разработке единых «правил игры» для всех субъектов развивающей социальной среды;
- обеспечение обучающего эффекта преимущественно за счет социальной активности самих обучающихся;
- «социальное обучение» как ведущее направление деятельности, осуществляемое преимущественно в формате учебных сборов.

Деятельность педагогов и психологов в условиях развивающей социальной среды имеет единое методологическое основание, опирающееся на известную формулу С.Л. Рубинштейна: психология отвечает на вопрос, что делать, а педагогика – как делать (Рубинштейн, 2003). Если психолог определяет предмет воздействия, объясняет закономерности эмоционально-когнитивных, социально-психологических процессов, отслеживая личностные и групповые изменения, то педагог получает четкие ориентиры для построения адекватной системы воспитательного воздействия. Только в этом случае педагогические действия будут эффективны.

Высококачественная и многоплановая жизнедеятельность подростков и юношей в таких психологически обогащенных средах привела к значительным личностным изменениям – «социальному обновлению личности» как на уровне сознания, так и на уровне поведения (Шаронов, 1996), при одновременном формировании высокоорганизованных, психологически зрелых групп. Наиболее значимые личностные изменения были установлены в следующих сферах: 1) в сфере Я-концепции за счет качественных позитивных изменений структуры самооценки и уровня притязаний, нахождения новых личностных ресурсов для самоактуализации; 2) в систе-

ме установок на личную позицию в социально ценном изменении окружающей среды; 3) в духовно-нравственной составляющей мироощущения и социального самоопределения.

Проведенное ретроспективное исследование показало, что существенная часть бывших воспитанников профильных центров в наши дни стали успешными руководителями в политической, экономической, научной и культурной сферах как региона, так и других субъектов Российской Федерации и страны в целом. Воспитанники центров являются ядром добровольческой деятельности в регионе, что отражает их готовность к участию в жизни других людей, оказанию им разносторонней помощи и противоречит сложившемуся в последние десятилетия мнению о бездуховности и меркантильности современной молодежи и юношества.

Формирование высокоорганизованных, сплоченных учебных групп юношей и девушек способствует не только личностному развитию индивидов в данный момент, но и закладывает опыт «объединения своей энергии с энергией группы», чтобы выйти на качественно новый уровень взаимодействия с обществом. «Позитивно включенные» (Елизаров, 2017) в жизнедеятельность центров учебные группы проявляют умение выбирать наиболее благоприятные для себя социальные ситуации и социальные среды, а также позитивно изменять саму социальную среду, т. е. обнаруживают способность ее проектировать. Повышается самостоятельность и творческий характер совместной деятельности, складывается своеобразный верер деятельности – учебной, трудовой, игровой, художественной, которые выполняются успешно как в период летних сборов центров, так и после их окончания, в рамках так называемых «программ последствий».

Наличие большого числа воспитанников профильных центров в регионе оказывает значительное позитивное воздействие на молодежное движение, а сами центры как престижные молодежные организации являются ценностью для подростков и юношей.

Основные принципы описанной нами выше развивающей социальной среды были также использованы нами в реализации проекта по оказанию социально-психологической помощи учащейся молодежи в личностном развитии в условиях вуза. Таким проектом стало создание по инициативе А. С. Чернышева в Курском государственном университете студенческого психологического клуба «Бумеранг» (авторы являются руководителями клуба с момента его создания).

Как молодежное объединение студентов-психологов, клуб обладает рядом специфических социально-психологических признаков, сложившихся в результате почти двадцатилетней его жизни. К таковым мы относим:

- направленность на практическую психологию, актуализированная в коллективной цели, являющейся основой объединения членов коллектива и воспринимаемая большинством как социально значимая, лично привлекательная;
- особый доверительный стиль взаимоотношений – «дух коллектива», теплая атмосфера и заинтересованность в результатах совместной деятельности;
- поле интеллектуально-морального напряжения («психологический настрой»), определяющее нравственный облик коллектива, его интеллектуальную атмосферу и эмоциональное единство;
- совместная деятельность, в процессе которой коллектив клуба приобретает субъектные свойства, а самодеятельность превращается в воспитывающий фактор;
- возможность удовлетворения потребности в «Мы-чувстве», поскольку подобные объединения обладают очень важной функцией, недоступной, скажем, тем же научным студенческим кружкам: они могут выступать и как один из дополнительных каналов социализации личности в форме индивидуальной и групповой включенности в социальную среду, и как средство определенного расширения и обогащения социальной жизни студентов (Елизаров, 2017).

Программа деятельности клуба базируется на имеющихся у студентов, его членов, психологических знаниях, умениях и навыках и построена на актуализации их личностных качеств и свойств, раскрытии творческих способностей и склонностей в разнообразных видах деятельности, оптимизации процессов взаимодействия и общения в коллективе, создания соответствующего психологического климата.

Многосторонний и творческий характер деятельности клуба способствует определенным изменениям в личности самих студентов-психологов, членов клуба. Практически у всех них, в том числе и у новичков, отмечается повышение интереса к приобретению новых, прежде всего психологических, знаний и к будущей профессиональной деятельности.

Показателем значительных успехов членов психологического клуба «Бумеранг» как студенческого объединения является высокий уровень его общественного признания как в регионе, так и за его пределами. Члены клуба активно взаимодействуют со старшеклассниками школ г. Курска и Курской области, с клубами и объединениями профильных центров Курской области и соседних областей. Активисты клуба составляют основу психологической службы в международном летнем студенческом центре «Славянское содружество», объединившем студентов России и ряда стран СНГ. Концепция деятельности клуба была успешно апробирована на ряде представительных всероссийских и международных научных форумов, его члены — неизменные участники образовательного мероприятия «Социальное проектирование» в рамках проекта «Губернаторская тысяча» в Курской области и отбора волонтеров во Всероссийский волонтерский корпус. Выпускники клуба неоднократно становились победителями и призерами конкурсов практических психологов как на региональном, так и на федеральном уровнях. Деятельность клуба и его членов получила высокую оценку жюри всероссийского конкурса «Золотая Психея».

Специфическим воплощением принципов развивающей социальной среды стало использование ряда ее важнейших элементов в оказании социально-психологической помощи в личностном развитии особой социальной группы учащейся молодежи — подросткам и юношам, находящимся в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации. Впервые это было реализовано в 1995 г. в рамках проекта «Летняя деревня содружества детей», участниками которого стали дети-сироты и лишившиеся родительского попечения, воспитывавшиеся в Новопоселеновском детском доме Курской области (руководители проекта Т. А. Антопольская и С. Г. Елизаров).

В настоящее время элементы данной технологии нашли свое применение в рамках проекта «Возрождение надежды», реализуемого в Курском областном учреждении социального обеспечения «Курский областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних». Целью проекта является повышение эффективности системы реабилитации несовершеннолетних выпускников Центра за счет внедрения пролонгированного постреабилитационного комплекса психолого-педагогических мероприятий, способствующих их полноценной интеграции в общество (научный руководитель С. Г. Елизаров).

Принципы развивающей социальной среды удалось реализовать в процессе организации и проведения общих сборов целевой группы подростков и юношей, находящихся в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации «Подари себе будущее» и «Горизонты будущего» на базе ряда оздоровительных центров Курской области.

Содержанием сборов являлось укрепление системы межличностных и межгрупповых отношений в сформированных в процессе сборов группах из числа подростков и юношей данной категории и их ближайшего социального окружения, проведение серий коллективных творческих дел, решавших задачи формирования коммуникативных умений и навыков, положительного опыта творческого самовыражения участников сборов, формирования и развития «Я-концепции» в условиях реальной совместной деятельности просоциальной направленности, укрепления физического и психического здоровья.

Несмотря на свою кратковременность, социально-психологическое воздействие на личность и учебные группы подростков и юношей, находящихся в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, в комплексе с другими коррекционно-реабилитационными мероприятиями проекта «Возрождение надежды» способствовало позитивным изменениям в поведении и учебной деятельности этих подростков и юношей, формированию у них базовых знаний, умений и навыков, а также позитивных личностных качеств, связанных с будущим личностным и профессиональным самоопределением, формированию системы взаимоотношений ребенок-ребенок, ребенок-родитель, ребенок-взрослый (педагог, воспитатель), переориентации на занятость в детских объединениях по интересам, в спортивных секциях и т. п., помогло восстановлению благоприятной семейной среды, необходимой для личностного роста и развития.

Социально-психологическая помощь учащейся молодежи в личностном развитии может проходить по следующим ключевым направлениям:

- проектирование развивающих социальных сред, выступающих как достаточно эффективная и универсальная социальная технология духовно-нравственного обогащения личности современ-

- менных подростков и юношей различных социальных категорий (лидеры, обычные, трудные и оказавшиеся в социально опасном положении);
- включение индивидов и групп в развивающие социальные среды, что обеспечивает значимые психологические новообразования как у личности, так и учебной группы в целом;
 - распространение опыта воздействия на личность и группу в условиях развивающей социальной среды («тиражирование») в социальных организациях, реализующих различные цели (воспитательные, развивающие, коррекционные и т. д.), что способствует позитивному развитию молодежного движения.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2015.
- Бувва Л. П.* Социальная среда и сознание личности М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1968.
- Елизаров С. Г.* Мотивационно-ценностная включенность малой группы в условиях развивающей социальной среды // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы» (21–22 апреля 2017 г., Ростов-на-Дону, Курск). М.: Кредо, 2017. С. 255–258.
- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Специфика естественного формирующего эксперимента в социально-психологическом исследовании // Вестник практической психологии образования. 2008. № 3 (16). С. 18–24.
- Коломинский Я. Л.* Социальная психология взаимоотношений в малых группах. М.: АСТ, 2010.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Фельдштейн Д. И.* Особенности личностного развития подростка в условиях социально-экономического кризиса // Мир психологии и психология в мире. 1994. № 10. С. 38–46.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В.* Психологическая школа лидеров. М.: Изд-во МПСИ, 2005.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лобков Ю. Л., Елизаров С. Г., Беспалов Д. В.* Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся-

С. Г. Елизаров, Г. Н. Ларина

ся России (на рубеже XX–XXI вв.) / Под общ. ред. А. С. Чернышева. Курск: Курский гос. ун-т, 2010.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лобков Ю. Л., Елизаров С. Г., Беспалов Д. В., Матвеева А. В. Социально-психологические условия становления успешных лидеров-организаторов. Курск: Курский гос. ун-т, 2016.

Шаронов А. В. Организация отдыха, оздоровления, занятости детей и подростков и оказание им психологической помощи // Психологическое обозрение. 1996. № 1 (2). С. 58–62.

Роль природно-географических факторов в становлении якутского менталитета

Н. Д. Елисеева

Изменения, происходящие в мире, процесс урбанизации, касающийся всех сфер жизнедеятельности человека, привносят все новые коррективы в осмысление категории менталитета. По-новому необходимо расставлять акценты, анализировать содержание и функции понятия (подробнее см.: Кольцова, Журавлев, 2018; и др.). Исследование менталитета различных народов, живущих в одних природно-климатических условиях и имеющих единый исторический опыт¹, представляется весьма сложной и перспективной задачей. Здесь следует говорить о социально-психологических детерминантах, связующих различные менталитеты в единое целое. Целью проводимого нами исследования является поиск таких системообразующих качеств, которые интегрируют все свойства в единое целостное образование – якутский менталитет.

Республика Саха (Якутия) является субъектом России, в ней проживает 14 народов. В 2010 г. население Якутии составляло менее 1 миллиона человек, большая часть его – якуты (саха) (49,9%) и русские (37,8%). Другие коренные национальности – эвенки (2,2%), эвены (1,6%), долганы (0,2%), юкагиры (0,1%), чукчи (0,1%) – составляют всего 4,2% от общего числа населения. Оставшаяся часть (8,1%) – люди других национальностей, прибывшие на территорию республики². Системообразующей национальностью является народ саха. Поэтому в нашем исследовании он является основой в изучении якутского менталитета.

Исследования менталитета народа саха в основном проводились в этнографии, культурологии, этнопедагогике и философии.

- 1 У каждого народа своя история, но, проживая вместе, они приобретают единый исторический опыт.
- 2 Используются данные Территориального фонда по статистике Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) от 2010 г.

Большой вклад в его изучение внесла А. П. Оконешникова (Оконешникова, 1996). Одной из фундаментальных работ является труд «Менталитет народа саха» А. Г. Новикова (Новиков, 1995), в котором подчеркивается особая значимость климато-географических условий.

Якутия – край вечной мерзлоты. Летнего тепла хватает лишь на то, чтобы верхний слой почвы оттаял на глубину 1–3 м. Вечная мерзлота оказывает сильнейшее влияние на все природные процессы. С ней приходится считаться и в хозяйственной деятельности. Малейшее изменение ландшафта оборачивается таянием вечной мерзлоты, что приводит к гибели растительного и животного мира¹. Эти уникальные суровые природные условия сформировали неповторимый характер коренных народов Якутии, отличительной особенностью которого является *отсутствие природопреобразующей деятельности*, что связано с высокой чувствительностью и медленной восстанавливаемостью среды обитания. Коренные жители Якутии считают себя частью природы, ее детьми. Строгие запреты на преобразование природного мира и по сей день хранятся в их коллективной памяти (Марфусалова, 2002).

Для более полного раскрытия характера *отношений человека с природой* целесообразно вводить понятие «субъектное отношение к природе». С. Л. Рубинштейн считал, что человек, познавая мир, влияет на него, а мир, в свою очередь, оказывает влияние на самого человека. Естественно, природный мир не может быть «субъектом» в полном смысле слова, но в то же время С. Л. Рубинштейн отмечал, что сведение природы к простым материальным законам физики не является правильным. Автор работы «Человек и мир» различает несколько ипостасей отношений человека с окружающим миром: Человек и Вселенная; Человек и Природа; Человек и Мир; Человек и Действительность; Жизнь человека – в мире, в природе, в человечестве, в других людях (Рубинштейн, 1997, с. 38).

Субъектное отношение к природе коренных народов Якутии связано с проявлениями анимизма в их религиозных воззрениях. В их менталитете особое место занимают категории «почитание» и «уважение», где уважение начинается с природы, старших по возрасту людей и заканчивается уважением себя. Веками культивировались качества бережного отношения к людям и природе.

1 Подробнее см.: <https://www.sakha.gov.ru/o-respublike-saha--kutiya-/obschie-svedeniya> (дата обращения: 02.11.2018).

Высокая ценность гостеприимства и некоторые особенности воспитания детей являются тому подтверждением.

На сегодняшний день еще не поставлена точка в вопросе происхождения титульного этноса Якутии – народа саха. Существуют гипотезы о его рождении в степях Монголии, в лесах Прибайкалья или даже в Китае. В своем исследовании мы будем придерживаться точки зрения В. В. Ушницкого, говорящего о формировании народа саха в отдельный этнос в XIV–XVI вв. на территории Средней Лены в результате объединения тюрко-монгольских племен с выходцами из Приамурья и Маньчжурии, а также с коренными северными народами Якутии (Ушницкий, 2004).

Официальной датой присоединения Якутии к России считается 5 октября 1632 г. – день основания Ленского острога Иваном Бекетовым. Но только с открытием Якутско-Иркутского ямщицкого тракта во второй половине XIX в. увеличилось количество русских переселенцев и расширилась география их расселения. Следует отметить, что встреча коренных народов Якутии с более развитой и отличной во многих своих основных составляющих русской культурой происходила по типу *взаимного обмена* культурным наследием. В современном якутском обществе шаманизм и православие представлены в равной степени, как это было и в XVIII–XIX вв.: жители верят и в якутских Айыы («жителей Верхнего мира», прародителей народа саха), и в христианского Бога.

Приведем примеры культурной специфичности русских, прибывших в Якутию с открытием Якутско-Иркутского ямщицкого тракта. В настоящее время на севере Якутии сохранились два русских старожильческих региона – низовья Колымы и Индигирки. Общая численность населения – около 1 тыс. человек. А. Г. Чикачев следующим образом характеризует современных русских старожил: «по языку и самосознанию – русские, по антропологическим чертам – метисы, по способу ведения хозяйства близки к юкагирам и северным якутам, по верованиям – христиане и язычники одновременно. Основными чертами характера являются: простота, дружелюбие, терпимость к другой вере, заимствование местных положительных традиций. Сегодня существует особый арктический вариант северно-русской культуры. Переняв промысловый опыт коренных жителей, русские старожилы во многом усовершенствовали его и стали такими же умелыми следопытами и тонкими почитателями родной природы» (Чикачев, 2005, с. 169).

Наибольшие изменения в менталитете произошли с началом отношения к Якутии как к сырьевому ресурсу СССР. Отношение к природе как к сырьевому приращку противоречило субъектно-му отношению к природе коренных народов. Появлению изменений также способствовал ряд социальных мер, принятых для освоения недр Якутии: введение интернатной системы для школьников на Крайнем Севере, что сказалось на институте семьи, привлечение большого количества трудовых мигрантов. По статистическим данным, в 1970-е – 1980-е годы в Якутию прибывало каждый год по 60–70 тыс. человек, убывало 50–60 тыс. человек. Процесс урбанизации в сочетании с коммунистической идеологией послужили причиной трансформации традиционных ценностей. Исследователи отмечают исчезновение многих норм и правил, в том числе «культуры молчания», почитания животного и растительного мира, уважения старших по возрасту и т. д. (Оконешникова, 1996; Портнягин, 1999; и др.).

Социально-политические и социально-экономические изменения, происшедшие в России в постперестроечное время, послужили причиной для резкого всплеска национального сознания народов, населяющих страну. Рост национального самосознания наблюдался и у всех народов Республики Саха (Якутия). В первые годы шла реставрация традиционных этнических ценностей. Так, в нашем исследовании, проведенном в 2001–2003 гг., было выявлено, что современные имплицитные представления о нравственном человеке связаны с традиционными ценностями народа саха, и прежде всего – с субъектным диалогическим отношением к природе. Показано, что нормы и правила якутской культуры направлены на поддержание представлений об одухотворенности природы. Основной ценностью является почитание социального и природного мира. Наблюдается расширение границ нравственного поведения за счет понимания природного мира как полноправного участника жизни человека, ориентация на мнение группы, акцент на способность человека сотрудничать с социальным и природным миром (Елисеева, 2004).

Отношение человека к миру, себе и другим людям является базисной социально-психологической категорией (Позняков, 2012). Анализ исследований в области психологии, культурологии, этнографии, социологии, педагогики показывает, что существует основной

неизменный фактор, оказывающий стабильное системное влияние на менталитет, – *отношение к природе* (см. также: Журавлев, 1996; и др.).

В целом на основе анализа литературных источников и результатов первого этапа нашего эмпирического исследования можно выделить следующие *особенности менталитета* коренных народов Якутии: субъектное отношение к природе, «культура молчания» в общении, безоценочное, уважительное отношение к другим людям, сдержанность в проявлении эмоций, образное восприятие мира, любовь к малой родине (либо отсутствие такого вида патриотизма), доверчивость, справедливость, дружелюбие, гостеприимство, доверие и уважение к человеку, рефлексивность и др. В связи с тем, что нравственное отношение к себе, к другим и к миру, на наш взгляд, является вектором, определяющим направленность менталитета, исследование имплицитных представлений о нравственности позволяет определить отличительные стороны менталитета. Сравнительный анализ фольклора, художественных произведений как продукта деятельности носителей менталитета, несмотря на идиографический характер исследования, дает представление о динамике социально-психологических характеристик менталитета (об исторической динамике см., напр.: Историогенез..., 2016).

Для исследования социально-психологических особенностей якутского менталитета необходимо провести анализ основных факторов, влияющих на формирование менталитета полиэтничной Республики Саха – климатических, географических, культурологических, исторических. Наше исследование свидетельствует о том, что одним из системообразующих явлений менталитета жителей Якутии является особое отношение к природе, которое пронизывает религиозные воззрения ее коренных народов, их фольклор и культуру и, по сути, является важнейшим ориентиром для поведения человека в жизни.

Литература

- Елисеева Н. Д.* Культурологические особенности социальных представлений народа саха о нравственном человеке: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Журавлев А. Л.* Динамика отношения человека к природе в посткатастрофный период (на примере аварии на ЧАЭС) // Динамика

- социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 186–195.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Разработка понятий современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 162–185.
- Марфусалова А. Д.* Мудрость экотрадиций северян. Якутск: Общественная академия «Шаг в будущее», 2000.
- Новиков А. Г.* О менталитете саха. Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте РС (Я), 1996.
- Оконешникова А. П.* Этнопсихологические особенности народов в воспитании детей. Пермь: Якутский гос. ун-т, 1996.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной деятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Портнягин И. С.* Этнопедагогика «Кут-сур». М.: Академия, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Ушницкий В. В.* Происхождение народа саха (по материалам исторических преданий): Автореф. дис. ... канд. историч наук. Якутск, 2004.
- Чикачев А. Г.* Русские арктические старожилы: четыре века в Якутии // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества: Материалы научно-практической конференции, посвященной Международному десятилетию коренных народов мира (15 декабря 2004 г., Якутск). Новосибирск: Наука, 2005. С. 167–170.

Психологические аспекты исследования динамики экономического сознания предпринимателей в российском обществе

Н. А. Журавлева

Политические и социально-экономические изменения в стране, появление и развитие новой для российского общества сферы социально-экономических отношений – сферы бизнеса, – привели к возникновению в России на рубеже XX–XXI столетий новой социальной группы – *предпринимателей* (подробнее см.: Совместная деятельность..., 1997; и др.)

Выделяют следующие присущие предпринимательской деятельности *социокультурные признаки*: высокая степень экономической свободы, заключающаяся в свободном выборе направленности и содержания деятельности; целевая установка на получение прибыли; деньги как критерий успеха; планирование предпринимательских действий на основе рационального сопоставления целей, средств достижения целей и результатов деятельности; риск и высокая степень ответственности предпринимателя за результаты хозяйствования.

Предпринимательская деятельность основана на умении рисковать, предвидеть возможные последствия рисков и пути преодоления нежелательных результатов. Этим можно объяснить высокую адаптированность предпринимателей к изменениям социально-экономической среды и достаточно высокую успешность этого социального слоя. Исследования показывают, что большинство предпринимателей считают оптимальной среднюю степень риска, но отмечают, что реальный риск их деятельности несколько превышает эти оценки.

Помимо этого, российские предприниматели характеризуются выраженными соревновательными установками в своей деятельности. Отсутствие психологической готовности соревноваться с другими людьми обнаруживается лишь у 16% предпринимателей (Кочеткова, Журавлев, 1999).

Эффективность экономического, политического и социально-развития России во многом зависит от качества управленчес-

кой деятельности. Предприниматели являются носителями новых социально-экономических отношений, которые непосредственно влияют на эффективность социально-экономических преобразований в стране. Мы предполагаем, что наиболее важными психологическими факторами предпринимательской и управленческой деятельности выступают особенности *экономического сознания* личности. Особенно актуальным является изучение *структуры и динамики* экономического сознания бизнесменов в изменяющихся социально-экономических условиях российского общества (Журавлев, 1998; Журавлева, 2015).

В связи с социально-экономическими трансформациями в российском обществе после распада СССР изменениям подверглись различные *социально-психологические феномены* на уровне личности, малых и больших социальных групп, межличностных и межгрупповых отношений (Абульханова, 2013; Воловикова, 2012; Кольцова, 2011; Позняков, Журавлев, 1992; Юревич, 1999, 2008, 2009а, б). Поэтому в центре внимания исследователей оказались прежде всего проблемы изменения личностных и групповых характеристик человека в динамичной социально-экономической среде (см., напр.: Динамика социально-психологических явлений..., 1996; и др.). В нашем исследовании была поставлена цель проанализировать динамику экономического сознания предпринимателей, тесно связанную с социально-экономическими изменениями в российском обществе в 1990-е годы и в начале XXI в.

Под *экономическим сознанием* мы понимаем социальные представления, установки, отношения, оценки, мнения личности и т. п. о различных явлениях экономического содержания (экономических объектах), которые оказывают влияние на реальное экономическое поведение. Применялась специально разработанная программа стандартизированного опроса, включающая разделы, направленные на изучение различных характеристик экономического сознания личности (Журавлева, Журавлев, 2002).

В качестве выборки исследования выступили московские предприниматели различных отраслей малого бизнеса, за шесть исследовательских «срезов» было опрошено 574 человека в возрасте от 18 до 55 лет. Оценка динамики экономического сознания бизнесменов в изменяющихся социально-экономических условиях осуществлялась с помощью метода поперечных «срезов» каждые 2–3 года в течение 12 лет. Она выполнялась в относительно спокойные в соци-

ально-экономическом плане периоды (не менее чем через 1 год после острых экономических кризисов): в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 г. Состояние экономического сознания личности впервые было зафиксировано осенью 1994 г. после острого социально-экономического кризиса 1992–1993 гг.; далее в период, отличавшийся более высокой, по сравнению с первым, экономической стабильностью, осенью 1997 г.; третий исследовательский «срез» был сделан примерно через год после экономического дефолта августа 1998 г. — осенью 1999 г.; четвертый был выполнен весной 2001 г. в условиях относительной экономической стабилизации; пятый и шестой исследовательские «срезы» были осуществлены осенью 2003 г. и осенью 2006 г. в период наметившегося экономического роста.

Выяснилось, что экономическое сознание современных предпринимателей все в большей степени характеризуется стремлением преумножить свой капитал, однако иным способом, чем приобретение материальной собственности и т. п. От «среза» к «срезу» все более распространенным становилось стремление повысить свои доходы, все выше оценивались свои возможности в этом, возрастал приоритет вложения финансов в рост: открытия счета в банке и приобретения ценных бумаг банков и предприятий.

Так, если в 1994 г. 75% опрошенных предпринимателей собирались повысить уровень своих доходов, то в последующие годы (1997 и 1999–2001) свою готовность отметили 89% и 97–98% респондентов (т. е. в 1,2–1,3 раза больше), а в 2003 и 2006 г. этот показатель составил соответственно 91% и 98%. В 1994–1997 гг. на высокие возможности в повышении доходов указали около половины опрошенных (45–47%), в следующем исследовательском «срезе» 1999 г. — более половины (58%), в 2001–2003 гг. так считали две трети (62–64%), а в 2006 г. высоко свои возможности оценили уже три четверти респондентов (76%).

Если в 1994 г. никто из опрошенных бизнесменов не отметил, что при наличии свободных денежных средств в первую очередь предпочтет приобрести ценные бумаги банков, предприятий, фирм, то в 1997 г. так ответили 9% респондентов, в последующие годы (1999–2006) эта цифра стабильно составляла 15–18%. Если в середине 1990-х годов (1994–1997 гг.) лишь 7–9% предпринимателей при наличии свободных денежных средств в первую очередь предпочли бы вложить их в открытие счета в банке, то в последующие исследовательские «срезы» 1999–2006 гг. эта цифра возросла и устойчиво характеризовала 21–25% респондентов.

В период исследования постепенно возрастала и частота социальных представлений бизнесменов о том, что богатство олицетворяет собой возможность материально помогать близким, а также делать пожертвования на общественные нужды. В 1994 и 1997 г. возможность материально помогать близким в качестве основного критерия богатства отметили соответственно 21% и 17% предпринимателей, а в последующие годы (1999–2006) этого мнения придерживалась уже треть опрошенных – 31–35% (т. е. в 1,6–2 раза больше). До 2001 г. возможность делать пожертвования на общественные нужды ведущим критерием богатства считали 9–10% предпринимателей, в 2003 г. так полагали 12% опрошенных, а в 2006 г. – 18%.

Все чаще богатство связывалось предпринимателями с возможностью путешествовать. В 1994 г. этот критерий в первую очередь связывали с богатством 9% бизнесменов, в 1997–2001 гг. эта цифра возросла до 11–14%, а в условиях наметившегося экономического роста (2003–2006 гг.) составила 18–19%. По-видимому, этому способствовала выявленная нами общая тенденция повышения в иерархии жизненных ценностей предпринимателей значимости образованности, широты взглядов и снижения погруженности в работу.

В период 1994–2006 гг. в структуре экономического сознания бизнесменов постепенно снижался приоритет операций с валютой. Менее распространенными стали социальные представления о валютных операциях как о наиболее доходном виде деятельности, о богатстве как о наличии валюты, а также психологическая готовность на свободные денежные средства покупать твердую валюту. Так, если в 1994 г. примерно половина предпринимателей (46%) придерживалась мнения, что валютные операции являются наиболее доходным видом деятельности, то спустя 3 года, в 1997 г., так считали уже около трети опрошенных (34%), в 1999 г. – 29%, в 2001 г. – 20%, а в 2003 г. лишь 7% предпринимателей. В 1994 и 1997 г. соответственно 18% и 26% предпринимателей связывали богатство прежде всего с наличием валюты и драгоценностей, в 1999 г. данного мнения придерживались уже 11%, а в 2001–2006 гг. так считали лишь 4–5% опрошенных. Если в 1994 г. 21% предпринимателей предпочли бы при наличии свободных денежных средств вложить их в покупку золота, драгоценностей, твердой валюты, то в последующие 3 исследовательских «срезах» 1997–2001 г. эта цифра резко снизилась до 9–10% (т. е. стала в 2,3 раза меньше), в 2003–2006 гг. составила лишь 1% опрошенных.

В период с 1994 по 2006 г. в экономическом сознании предпринимателей выявлено возрастание стремления преумножить свой капитал, готовности на свободные денежные средства больше помогать близким, путешествовать и жертвовать на общественные нужды.

Следует отметить, что относительно стабильной в период исследования была выраженная ориентация на предпринимательскую деятельность: широко распространенными оставались социальные представления о собственнике прежде всего как о владельце частного предприятия (52–70%) и о богатстве в первую очередь как о наличии прибыльного дела (57–69%); сохранялось преобладание суждений о возрастании деловой активности в последнее время (60–70%), оставались высокими оценки уровня своей деловой активности (49–57%).

Устойчивыми являлись и среднечастотные социальные представления предпринимателей о богатстве, связанные с общими хорошими условиями жизни: возможностью не думать о завтрашнем дне (27–43%), жить там, где захочется (24–32%), наличием недвижимости – хорошей квартиры, загородного дома (23–32%), а также представлением о собственнике прежде всего как о владельце дома с участком (17–27%). Стабильными оставались и значительно реже встречающиеся социальные представления предпринимателей о собственнике, определяемые финансовыми критериями – наличием счета в иностранном банке (13–24%) и твердой валюты (6–14%), – и о богатстве как о наличии высокооплачиваемой работы (12–20%).

Литература

- Абульханова К. А.* Личность во времени человеческой культуры // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 3. С. 40–53.
- Воловикова М. И.* История и современное состояние исследований в лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Современная личность: психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 59–76.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Журавлев А. Л.* Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-психологическая динамика в условиях эконо-

- мических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 11–37.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций предпринимателей в условиях макросоциальных преобразований // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 46–60.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л.* Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Кольцова В. А.* Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.
- Кочеткова Н. В., Журавлев А. Л.* Динамика социально-психологических качеств современного российского предпринимателя // Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999. С. 130–142.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. № 4. С. 24–32.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Юревич А. В.* Психологические особенности российской науки // Вопросы философии. 1999. Т. 53. № 4. С. 11–23.
- Юревич А. В.* Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 5–14.
- Юревич А. В.* Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник Российской академии наук. 2009а. Т. 79. № 2. С. 112–120.
- Юревич А. В.* Нравственное состояние современного российского общества // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. № 3. С. 107–117.

Сравнительный анализ выраженности агрессивности у жителей большого и малого городов

В. А. Капустина, К. С. Манзыркова

Согласно данным статистики 2016 г., в Новосибирской области значительно меньше (16,4 на 1 тысячу человек) совершается преступлений, чем в Забайкальском крае, который занимает 2 место в Российской Федерации по количеству преступлений (27,5 на 1 тысячу человек), однако численность серьезных преступлений в этих регионах мало отличается (примерно по 27%) (Корчагин, 2017). Это дает основание полагать, что имеются некие общие и парциальные социально-психологические предпосылки для возникновения преступных группировок и совершения преступлений с высокой степенью тяжести (разбой, насилие, вымогательство, убийство) как в Забайкальском крае, так и в Новосибирской области. По мнению В. Л. Васильева, для выявления причин возникновения и функционирования организованной преступной группы необходимо исследовать социальную среду (коллектив предприятия, населения города или поселка и т. д.) (Васильев, 2009). С нашей точки зрения, указанные преступные деяния носят умышленный характер, связанный с разным проявлением агрессии жителями регионов. Данный факт позволяет предположить наличие, с одной стороны, личностных особенностей, с другой – специфики территориальных условий проживания, детерминирующих осознанное агрессивное поведение жителей.

Сопоставляя урбанистические тенденции двух регионов, заметим, что Забайкальский край в основном включает малые города, в которых число жителей не превышает 20 тыс. человек (всего населения – 1 млн чел.). В Новосибирской области при общей численности 3 млн. человек более 1,5 млн человек проживает в г. Новосибирске. Мы полагаем, что выраженность криминальной обстановки в разных регионах может быть обусловлена психологическими характеристиками жителей, проживающих в условиях большого или ма-

лого города. Так, по данным специалистов (С. Милграм, Е. И. Николаева, О. А. Куторкина, С. Н. Ениколопов и др.), высокая плотность городского населения стимулирует повышенный уровень агрессивности – как личностной черты, так и формы поведения.

Исследования особенностей личности жителей разных населенных пунктов в основном проводятся в контексте изучения социально-психологического климата (Веретнов, 2014; Клейман, 2006; и др.), территориальной и городской идентичности (Муравьева, Литвина, Богомаз, 2015; Покатиловская, Шибаева, Хохлова, 2016; Радина, 2015; и др.), психологического и других видов благополучия (Дробышева, Войтенко, 2015, 2017; Емельянова, 2015; Социально-психологические исследования..., 2016; и др.). Исследований, посвященных сравнению агрессивности как личностной черты жителей крупного и малого города, на наш взгляд, недостаточно. В то же время исследователи отмечают, что повышенная агрессивность и низкий уровень самоконтроля свойственны современному российскому обществу. В психологическом плане агрессивность характеризуется ими как одна из главных социальных проблем современной России (Юревич, 2016; и др.).

Научной *проблемой*, на решение которой было направлено наше исследование, стало выявление факторов агрессивности личности в условиях проживания в большом или малом городах. *Актуальность* этого исследования обусловлена необходимостью определения специфики психологического содержания агрессивности людей, проживающих в городах с разной численностью населения, с целью профилактики негативных социальных процессов и повышения эффективности решения социальных конфликтов.

Цель исследования – выявить различия в выраженности агрессивности респондентов, проживающих в большом или малом городах, в зависимости от их личностных характеристик. В соответствии с этим мы выдвинули две *гипотезы*: 1) уровень агрессивности (предпочтение агрессивного поведения) у респондентов из большого города выше, чем у респондентов из малого города, при этом последним более свойственна физическая агрессия, в то время как первым – вербальная; 2) агрессивность в группе участников исследования из большого города связана с их личностными чертами.

Исследование проводилось в городах Могоча (Забайкальский край) и Новосибирск (Новосибирская область). Объем выборки – 50 человек, 25 жителей малого города – Могоча (16 женщин и 9 муж-

чин, средний возраст 35–40 лет) и 25 жителей города Новосибирск (15 женщин и 10 мужчин, средний возраст 35–40 лет). Выбор городов обусловлен их принципиальным различием по численности населения (г. Могоча – малый город, г. Новосибирск – большой город) и статистическим сходством по составу преступлений, совершенных в регионах, к которым данные города относятся; при этом для Забайкальского края характерны малые города с численностью до 20 тысяч человек, а в Новосибирской области более половины общего населения проживает в городе-миллионнике (г. Новосибирске).

Программа исследования включала следующие методики: для выявления уровня агрессивности применяли опросник Л. Г. Почебут; с целью анализа связи выраженности агрессивности с личностными характеристиками респондентов применяли индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик, методику оценки тревожности Ч. Д. Спилбергера (в адаптации Ю. Л. Ханина), методику диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова, опросник диагностики ведущего типа реагирования в конфликте М. М. Кашапова и Т. Г. Киселевой.

Данные, полученные при проведении исследования, подвергались математико-статистической обработке, использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена и U-критерий различий Манна–Уитни.

Результаты исследования выраженности агрессивности у респондентов, проживающих в разных по численности городах, показали следующее.

Было установлено, что по всей выборке наиболее выражены показатели самоагрессии, которые имеют одинаковые средние значения, независимо от численности населенного пункта ($M=4,56$). Это означает, что в целом для всех респондентов характерны состояние недовольства собой, ослабленность механизмов психологических защит, что может быть следствием общего ухудшения экономической ситуации в Сибирском Федеральном округе.

Респонденты, проживающие в малом городе, более склонны проявлять физическую агрессию (т. е. применять физическую силу по отношению к другому человеку), в отличие от респондентов из большого города ($M=4$ у участников исследования из малого города, $M=3,56$ у участников исследования из большого города), что частично подтверждает нашу гипотезу, так как статистически значимых различий не обнаружено. Возможно, предпочтение фи-

зической агрессии жителями малого города связано с недостаточно высоким уровнем их образования, с меньшим разнообразием коммуникативных ситуаций.

Отсутствие разнообразия в жизни малого города как фактор стресса рассматривается разными специалистами (Дж. Джекобс, С. Милграм и др.). В то же время они отмечают, что в большом городе больше разнообразных контактов и больше условий для свободного времяпрепровождения. Так, С. Милграм приводит в качестве примера г. Манхэттен, в центре которого служащий может встретить 220 тыс. человек в радиусе 10 минут от своего рабочего места (Милграм, 2000).

Участники нашего исследования, проживающие в большом городе, продемонстрировали более высокий показатель по шкале вербальной агрессии ($M=3,64$), чем респонденты из малого города, т. е. они чаще склонны использовать словесные оскорбления для проявления агрессивного отношения к другим людям. Полученные нами данные, по всей видимости, отражают специфику общения жителей крупных городов. М. Хейдметс отмечал, что в большом городе общение носит анонимный и обезличенный характер (Хейдметс, 1989), что дает возможность проявлять вербальную агрессию без опасений, что в дальнейшем придется сглаживать последствия возникшего конфликта. Полученные данные отчасти согласуются с результатами исследования Т. А. Шкурко и А. А. Балакиной (Шкурко, Балакина, 2015), обнаружившими взаимосвязь между отношением к Другим по факторам «подчинение/агрессия/дружелюбие» и размером города проживания (мегаполис, большой и малый города).

Анализ ответов респондентов по индивидуально-типологическому опроснику Л. Н. Собчик показал, что наиболее выраженными чертами личности как у респондентов – жителей малого города, так и у респондентов из большого города, являются экстраверсия ($M=6,76$ и $M=6,2$ соответственно) и ригидность ($M=6,76$ по всей выборке). Этот результат указывает на акцентуированность данных черт личности (норма значения до 5–7 баллов) у респондентов, независимо от размеров города их проживания. Особенности подобной комбинации черт личности респондентов показывают, что для них характерны, с одной стороны, социальная активность, общительность, ориентация на внешний мир и окружающих людей, с другой – субъективизм, инертность установок, настойчивость и настороженная подозрительность.

Средние значения агрессивности как личностной черты у респондентов, проживающих в городе-миллионнике, выше, чем у респондентов из малого города ($M=4,96$ и $M=3,96$, соответственно). Данные различия статистически достоверно значимы ($U=0,192$; $p \leq 0,02$). Это означает, что участникам исследования из города-миллионника в большей степени свойственны тенденции самоутверждения, активной самореализации, отстаивания своих интересов. Мы полагаем, что такой результат обусловлен ситуацией достаточно жесткой конкуренции, характерной для больших городов, и соответствующей системой ценностей, в то время как у респондентов из малых городов нет таких ресурсов, ради которых стоит активно бороться. В частности, в исследовании Т. П. Емельяновой (Емельянова, 2015) было обнаружено, что для жителей г. Москвы более значимы ценности богатства, успешности, свободы и развлечений, безопасности и достижений, по сравнению с жителями г. Чебоксары. Поскольку г. Новосибирск является третьим по численности населения городом России и самым крупным городом Сибири, мы считаем, что он привлекает людей с системой ценностей, схожей с той, которая характерна для молодежи, проживающей в г. Москве.

Стоит отметить, что в рейтинге регионов по качеству жизни, составленном в 2017 г. на основе анализа 11 показателей (уровень доходов, образования, экономического развития и развития малого бизнеса, занятость, здоровье населения, жилищные условия, безопасность, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры)¹, Новосибирская область находится на 26 месте, Забайкальский край занимает 81 место, причем доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в Новосибирской области составляет 59%, а в Забайкальском крае – 77%. В этом случае, с одной стороны, социальное неравенство в Новосибирской области выражено меньше, чем в Забайкальском крае, с другой стороны, разница в заработной плате может быть десятикратной (по данным hh.ru, вакансии в г. Новосибирске предлагают зарплату от 30 тыс. руб. до 1 млн руб., в г. Могоча – от 35 тыс. руб. до 60 тыс. руб.), что может стимулировать трудоспособное население к активному самопродвижению

1 Рейтинг регионов РФ по качеству жизни // Риарейтинг. 2017. URL: http://vid1.rian.ru/jg/ratings/life_2017.pdf (дата обращения: 03.11.2018).

за счет сравнения себя с более успешными в их представлении согражданами, подогревать их стремление к богатству.

Иначе выглядят результаты исследований Е. И. Николаевой и Ю. А. Куторкиной агрессивности подростков большого и малого городов. Авторами получены данные о том, что уровень агрессивности выше у подростков из малых городов, чем из больших. Они объясняют выявленное различие в первую очередь особенностями проявления индивидуальности респондентов, а также повышенным интересом подростков к оформлению внешнего облика: школьники из больших городов привыкли к «разнообразию внешнего вида людей и их привычек», в отличие от подростков из малых городов (Николаева, Куторкина, 2016).

По результатам диагностики уровня развития рефлексивности были получены следующие данные: средние значения рефлексивности у респондентов из малого города ($M=4,16$) выше, чем у респондентов из большого города ($M=3,8$), т. е. способность человека выходить за пределы собственного Я, осмысливать, изучать, анализировать что-либо с помощью сравнения образа своего Я с какими-либо событиями, личностями, в большей степени проявляется у жителей малого города. Вероятно, различия в показателях рефлексивности связаны с тем, что жители больших городов живут в более быстром ритме, чем жители малого города, склонны экономить время на обдумывание разных решений, вынуждены принимать их быстро. К тому же, как отмечает Т. П. Емельянова, большое число людей, высокая плотность и неоднородность населения могут провоцировать у жителей большого города перегрузку, «неспособность справляться со всем объемом поступающей извне информации» (Социально-психологические..., 2016, с. 117).

На основе анализа ответов респондентов по методике оценки тревожности Ч. Д. Спилбергера было установлено, что показатели ситуативной ($M=36,4$ у респондентов из малого города и $M=36,7$ у респондентов из города-миллионника) и личностной тревожности ($M=43,3$ у респондентов из малого города и $M=44$ у респондентов из города-миллионника) достаточно близки. Это означает, что в целом для жителей и больших, и малых городов характерна умеренная ситуативная и личностная тревожность, при этом уровень личностной тревожности ближе к высокому, что позволяет сделать вывод о том, что испытуемым свойственно проявление состояния тревожности

в разнообразных ситуациях, особенно когда они касаются оценки их компетенции и престижа.

По результатам диагностики ведущего типа реагирования в конфликте были получены следующие данные. У участников исследования из большого города выраженность показателей реагирования по типу «Агрессия» ($M=17$) ниже, чем у жителей малого города ($M=18,4$). Данный тип реагирования характеризуется совокупностью поведенческих реакций, имеющих отрицательную эмоциональную окраску по отношению к партнеру, сопровождающихся грубостью, порицанием партнера с целью его подчинения себе. Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом: у респондентов, проживающих в большом городе, лучше сформированы навыки самоконтроля в связи с большим количеством ситуаций делового и межличностного общения.

При этом необходимо обратить внимание на то, что не только выраженность «агрессии» у респондентов из малого города выше, чем из большого, но и выраженность такого типа реагирования, как «оптимальное решение» ($M=34,6$). Возможно, такой результат является следствием того, что жителям больших городов необходимо контактировать с множеством людей и при этом поддерживать конструктивные отношения на деловом уровне, т. е. взаимодействовать преимущественно в рамках ролей, а для жителей малых городов характерны более тесные межличностные связи, так как большинство знакомы друг с другом и вынуждены в социально напряженных ситуациях эффективно реагировать на конфликт, выбирая оптимальное решение, поскольку ситуации взаимодействия у них случаются чаще.

Проведенный анализ результатов *респондентов из малого города* (по критерию Спирмена, при $p \leq 0,05$) выявил наибольшее количество значимых корреляций по фактору «оптимальное решение» как типа реагирования в конфликте. В частности, было обнаружено, что существуют обратные корреляции показателей такого типа реагирования, как «оптимальное решение», с одной стороны, и показателей (по опроснику Л. Г. Почебут) «физической агрессии» ($R_s = -0,52$; $p \leq 0,01$), «эмоциональной агрессии» ($R_s = -0,41$; $p \leq 0,04$), «общего показателя агрессивности» ($R_s = -0,45$; $p \leq 0,02$) – с другой. Интерпретируя, можно утверждать, что респонденты из малого города, которые в ситуации конфликта признают различия во мнениях и готовы рассмотреть иные точки зрения, чтобы понять причины конфликта и достичь компромисса, не склонны выражать свою агрессию

и применять физическую силу. Также заметим, что у них не возникает эмоционального отчуждения при общении с другим человеком, сопровождаемого подозрительностью, враждебностью, неприязнью или недоброжелательностью по отношению к нему. В данной группе респондентов обнаружена также значимая обратная корреляция между показателями лабильности и физической агрессии ($R_s = -0,45$; $p \leq 0,02$), т. е. чем более выражены изменчивость настроения, мотивационная неустойчивость, повышенная эмотивность и демонстративность, тем меньше склонность использовать физическую агрессию по отношению к другим людям.

Аналогичный анализ, проведенный в группе *респондентов из большого города*, показал принципиально иные результаты. В частности, были обнаружены взаимосвязи между показателями личностной агрессивности, показателем физической агрессии ($R_s = 0,40$; $p \leq 0,05$) и уровнем ситуативной тревожности ($R_s = 0,52$; $p \leq 0,01$). Чем выше уровень агрессии как личностной черты у жителей большого города, тем более выражены у них ситуативная тревожность и физическая агрессия. Это означает, что участники исследования из большого города, имеющие агрессивную манеру самоутверждения и отстаивания своих интересов вопреки интересам окружающих, склонны испытывать субъективный дискомфорт, напряженность, беспокойство и вегетативное возбуждение в стрессовой ситуации, а также проявлять агрессию в форме физической силы. Стоит отметить, что физическая агрессия у респондентов из большого города имеет значимые корреляции с такими личностными чертами, как спонтанность ($R_s = 0,57$; $p \leq 0,01$) и ригидность ($R_s = 0,58$; $p \leq 0,01$), т. е. чем более выражены самоутверждение, стремление к лидерству, инертность установок, педантизм, настороженная подозрительность, тем выше вероятность применения физической силы для отстаивания своих интересов. Важным результатом, на наш взгляд, является наличие в данной группе респондентов значимой обратной корреляции между агрессивным способом реагирования в конфликте и уровнем рефлексивности ($R_s = -0,55$; $p \leq 0,01$). Данный факт свидетельствует о том, что жители большого города, имеющие низкий уровень рефлексивности, склонны проявлять грубость и отрицательные эмоции по отношению к партнеру по общению, готовы принуждать его к принятию своей точки зрения в ситуации конфликта.

Мы полагаем, что для развития навыков рефлексии, самоконтроля социального поведения у жителей большого города необходи-

мо целенаправленно проводить профилактическую работу. Данный вид деятельности позволит определенным образом воздействовать на уровень их конфликтной компетентности в сторону его повышения.

В результате исследования было обнаружено, что наиболее выраженными чертами личности у респондентов из малого и большого городов являются экстраверсия и ригидность. То есть выраженность таких черт личности респондентов, как субъективизм, инертность установок, настойчивость, настороженная подозрительность и т. п. в сочетании с социальной активностью, общительностью не связана с размерами города проживания. По всей видимости, данная совокупность характеристик личности респондентов может быть объяснена иными факторами (например, возрастными или другими социально-демографическими).

Анализ выраженности агрессии показал следующее. Самоагрессия, которая рассматривается как состояние недовольства собой, ослабленность механизмов психологических защит, характерна для всей выборки респондентов, т. е. тоже не зависит от размеров города проживания. Для всех респондентов свойственно и проявление умеренной ситуативной и личностной тревожности. Уровень личностной тревожности у жителей как большого, так и малого городов ближе к высокому. Таким образом, жители городов с разной численностью населения в Сибирском Федеральном округе испытывают повышенное состояние тревожности в разнообразных ситуациях, которые касаются оценки их компетенции и престижа.

Уровень агрессивности как личностной черты у респондентов из большого города выше, чем у респондентов из малого города, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Это означает, что для участников исследования, проживающих в большом городе, более характерны проявления эгоцентризма и склонности к агрессивной манере самоутверждения вопреки интересам окружающих, вплоть до явных агрессивных высказываний или действий.

Гипотеза о том, что агрессивность у жителей большого города связана с их личностными чертами, а именно – что чем выше агрессивность, тем выше личностная тревожность и тем ниже рефлексивность, подтверждена частично. У жителей из большого города с высоким уровнем агрессивности обнаружен более высокий уровень ситуативной тревожности, чем у жителей малого города. Такой вид

тревожности характеризуется как реакция на стрессоры чаще всего социально-психологического плана (ожидание агрессивной реакции, угроза самоуважению и т. д.). При этом рефлексивность респондентов из большого города связана с агрессией как стилем реагирования в конфликте. Данный результат, по мнению авторов, является крайне важным с точки зрения профилактики агрессивного поведения у жителей крупных городов, поскольку позволяет разрабатывать программы, направленные на формирование у них навыков самоконтроля и осмысленного поведения, что может способствовать снижению агрессивности.

Литература

- Васильев В. Л.* Юридическая психология. СПб.: Питер, 2009.
- Веретнов А. И.* Социально-психологический климат современного мегаполиса и его влияние на психологический портрет горожанина // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: Материалы XVII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. С. 235–238.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Город как объект исследования в социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Социально-психологическое благополучие детей в условиях мегаполиса: методологические основы исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 1. С. 21–25.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе: представления детей о городе проживания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 169–189.
- Емельянова Т. П.* Психологическое благополучие и социальные представления о жизни в мегаполисе // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 213–223.
- Клейман М. Б.* Особенности формирования социально-психологического климата современного российского города // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2006. Вып. 1. С. 81–88.

- Корчагин Ю. А.* Рейтинг регионов РФ по преступности // Виперсон. 2017. URL: <http://viperson.ru/articles/rejting-regionov-rf-po-prestupnosti> (дата обращения: 20.10.2018).
- Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб: Питер, 2000.
- Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А.* Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148.
- Николаева Е. И., Куторкина Ю. А.* Особенности агрессивности и тревожности у подростков, проживающих в городах с разной численностью населения // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18. № 7. С. 94–96.
- Покатиловская Е. Н., Шибаева Л. В., Хохлова Н. И.* Применение метода репертуарных решеток для исследования особенностей восприятия города как психологического пространства жителей с разной мерой идентичности // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2 (34). С. 162–168.
- Радина Н. К.* Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: Деком, 2015.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Хейдметс М. Э.* Социально-психологические факторы формирования пространственной структуры жилой среды: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Шкурко Т. А., Балакина А. А.* Особенности отношений к другим людям жителей городов юга России, дифференцированных по территориально-пространственно-временным параметрам проживания в городе // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 1. С. 91–99.
- Юревич А. В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Идентичность и патриотизм: этнопсихологические и региональные особенности и уровни проявления

А. Д. Карнышев, О. А. Карнышева

В современных естественных, социальных и гуманитарных науках понятия «идентичность» и «идентификация» занимают все более значимое место (см., например: Новое в науках о человеке, 2015; Проблемы субъектов..., 2007; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.). Одним из свидетельств этого являются позиции двух известных в мире нейробиологов, авторов популярных *концепций автопоэзиса* (самопроизводства) Ф. Варелы и У. Матураны. Задавшись целью найти ключевое свойство всяких живых систем, в ходе теоретической и экспериментальной работы они предположили, что «сущность жизни заключается в способности живой системы поддерживать свою идентичность» (Синергетика..., 2013, с. 380).

Если анализировать термины «идентификация» и «идентичность» в содержательном плане, то их соотношение можно рассмотреть как процесс и его результат. Например, понятие «идентификация» буквально может означать «делание тождества» (*лат. identicus* — «тождественный» + *facere* — «делать»; по аналогичному принципу образовано слово «стратификация»), т. е. находить тождество между какими-либо явлениями, процессами, свойствами и т. п. В таком случае эти понятия можно рассматривать по следующим схемам:

- 1) Я (Мы) осуществляю собственную идентификацию;
- 2) Я (Мы) идентифицирую других;
- 3) Другие идентифицируют нас (кстати, существует даже так называемый «критерий приписывания» — человек учитывает то, кем значимые другие его воспринимают).

Статья подготовлена на основе исследований по гранту РФФИ № 18-013-00785 «Экономический патриотизм как объект междисциплинарных исследований в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)».

Наличие как минимум трех возможностей показывает, что установление собственной идентичности требует от личности аналитической работы. «Идентификация является способностью осознать и классифицировать некоторые сходства и различия, которые мы можем наблюдать в окружающем мире» (Дескола, 2012, с. 156).

Одним из основных разработчиков концепции идентичности считается американский психолог Э. Эриксон. Причем он подчеркивал не только личный, но и *междисциплинарный характер* данного понятия: «Я могу попытаться более явно представить суть идентичности, только рассмотрев ее с разных точек зрения. С одной стороны, ее можно отнести к сознательному ощущению личной идентичности, с другой — это бессознательное стремление к целостности личного характера, с третьей — это критерий для процесса синтеза Эго. И наконец, внутренняя солидарность с групповыми идеалами и групповой идентичностью» (Эриксон, 2001, с. 206). Для рассматриваемой нами концепции патриотизма все аспекты важны, но особо следует выделить последний, поскольку солидарность с другими предполагает как единство ценностей с группой, так и уважение человеком других людей.

У рассматриваемых понятий кроме общих компонентов есть и социально-психологический, касающийся групповой принадлежности. «В самом упрощенном виде этническая или групповая идентификация (в масштабах больших и малых групп) включает осознание, категоризацию или самоидентификацию индивида как члена данных сообществ. Вместе с тем, идентификация имеет и другой аспект, поскольку она связана с самоутверждением, гордостью и позитивной оценкой социума, к которому принадлежит индивид, предполагая, кроме того, определенный характер поведения, свойственный данной этнокультурной группе. Для понимания вариативности идентификации можно провести также аналогию идентичности с изоморфизмом, рассматриваемым как ограничивающий процесс, который вынуждает единицу популяции походить на другие единицы, существующие в условиях той же среды» (Классика..., 2014, с. 166). *Психологический изоморфизм* основывается на процессе идентификации в тех случаях, когда идентичность личности с какой-то социальной системой представляет собой признание человеком наличия у себя элементов схожести с группой.

В достаточно современной американской психологической энциклопедии (Психологическая энциклопедия, 2006) статьи, поясняя

ющей термин идентичность, нет, но есть две статьи, характеризующие некоторые параметры процесса формирования идентичности. В содержании статей для нас особо значимо то, что личная идентичность понимается как чувство тождественности или преемственности. Существенной для анализа мы считаем следующую констатацию: «Некоторые выбирают негативную идентичность – отказ от прежней идентификации, независимо от того, касается ли она расы, половой роли, религии или социально-экономического положения» (там же, с. 967). Стоит добавить, что к вопросу о *негативной идентичности* в чем-то примыкает вопрос о том, каким образом человек воспринимает определенные посягательства на собственную идентичность. «Если мы будем рассматривать угрозу идентичности как опосредующую переменную личностного уровня, оказывающую влияние на ответное поведение, можно сделать вывод, что события, которые представляют опасность для идентичности, вызывают ответное поведение (акт возмездия)» (Психология и культура, 2003, с. 504).

Негативная идентификация в отношении «чужой группы», с одной стороны, часто становится мощным источником «привязанности» к своей группе, а с другой стороны, принижение достоинств других групп способно повисить самооценку и мотивировать борьбу, направленную на достижение социальных перемен. При этом конфликты между группами обычно возникают вследствие преувеличения групповых различий и переживания угрозы агрессии, которая всегда сопровождает сильную идентификацию и принижение чужих групп. Человек не может быть представителем сразу нескольких «одноуровневых» групп, поскольку, как правило, некоторые из них не только расходятся в своих позициях, но и конфликтуют друг с другом.

Д. Мацумото несколько усложняет понятие идентичности показом его связи с параметрами культуры в процессе социального взаимодействия. В своей книге он пишет по этому поводу: «Культура – это макроуровневый социальный конструкт, идентифицирующий характеристики и атрибуты, которые мы разделяем с другими людьми... Будь то на работе, в учебе, во время досуга или общения с другими людьми, мы опираемся на свою культуру и свое культурно ограниченное ощущение Я. Эти Я-конструкты помогают нам понять окружающий мир и людей в нем, направляя нас и наши действия, хотя мы это не всегда осознаем» (Мацумото, 2002, с. 71).

Принадлежность к определенной группе для многих людей сопровождается освоением тех средств, которые необходимы для жизнедеятельности всех ее членов. Идентификацию в практическом плане можно рассматривать как готовность принять определенный набор ресурсов для решения важных проблем. Ф. Дескола пишет: «Идентификация и отношение могут пониматься как хранилище инструментов социальной жизни, в котором складированы те простейшие детали, из которых коллективы различного размера и природы создают схематизацию своего опыта, не обязательно при этом осознавая, что они делают или что из этого получается» (Дескола, 2012, с. 156).

Обладание экономическими, технологическими и организационными ресурсами составляет основу «бытия в командах» и предполагает развитие *коллективных форм идентификации*, которые уже сегодня широко распространены. Основатель синергетики Г. Хакен в свое время ввел понятия «корпоративная идентичность» и «социальный климат внутри коллектива», которые, по его мнению, «являются одними из значимых параметров порядка в обществе» (Синергетика..., 2013, с. 100). Его коллега К. Майнцер, один из ведущих немецких специалистов по сложным системам и самоорганизации, демонстрирует психофизиологические детали реализации таких сложных явлений: «Корпоративная идентичность компании поддерживается общим чувством и опытом групп людей. Менеджеры должны быть чувствительны к эмоциям людей и не приводить доводы только с рациональной точки зрения. Телесно воплощенные эмоции поддерживают саморегулируемый контроль долгосрочных планов и намерений» (Синергетика..., 2013, с. 234).

Понятия типа «корпоративная» и/или «родственная» идентичность показывают, что в первую очередь происходит идентификация человека с группами, в которые он по тем или иным причинам включен. Но это составляет лишь незначительную часть процесса идентификации. Нередка идентификация человека с местностью, в которой он проживает («Я – москвич», «Я – сибиряк» и т. д.).

Интересно сопоставление идентификации с социальным процессом *стратификации* (расслоения) в социальных структурах, поскольку принадлежность к определенным «слоям», «пластам», «сословиям» специфически характеризует человека. Но можно уверенно говорить о двух неперенных значениях стратификации для личности. С одной стороны, поскольку *страта* – это определенная группа людей, индивид склонен идентифицировать себя с ней, особенно

если она в структуре общества имеет хороший статус, признаваема и уважаема (феномен «звезд» и «элиты»). С другой стороны, расслоение в обществе (как и наличие в природе пластов земли – чернозема, песка, глины, супеси и т.д.) – явление в социальной природе закономерное. Главное, на чем держится стратификация, – это заинтересованность многих индивидов в ее существовании, поскольку в высших и средних стратах соответствующая идентификация часто приносит ее обладателям чувство удовлетворения и стабильности социального положения.

Понятия *гражданственности и патриотизма*, о которых сегодня много говорят, на наш взгляд, нельзя рассматривать вне связи ценностей человека с гуманистическими целями прогрессивной общественности. Здесь можно и нужно вспомнить слова А. Маслоу: «Идентификация Я с высшими ценностями всегда в какой-то мере обозначает слияние с не-Я. Но слияние не только с неким абстрактным, вселенским не-Я. Она ведет и к слиянию этого возвысившегося Я с наиболее высокими частицами Я других самоактуализированных людей, к их взаимному единению» (Маслоу и др., 2005, с. 326). Данная мысль о «высших» аспектах идентификации позволяет ученым выстраивать «ценностные» слагаемые связи человека со страной в определенную иерархию. Истинная идентичность творческой личности как живой системы высшего порядка проявляется для себя и окружающих прежде всего через самовыражение. В теоретическом плане здесь можно привести пример, когда объединение идей Ф. Варелы и У. Матураны с идеями А. Маслоу стало одним из катализаторов оригинальной концепции. В ней упомянутые исследователи через понятие автопоэзиса зафиксировали три момента: во-первых, автономию, когда живые системы сами себя организуют (личность, как известно, – это автономная и самоорганизующаяся субстанция); во-вторых, производство, действие (формирование, развитие, самовыражение личности также нельзя представить вне ее действий); в-третьих, и это самое главное, – подчеркивание динамической квинтэссенции живых систем, «не просто возвращение системы к самой себе, самовосстановление, интеграция, повторение пройденного, но и ее самодополнение, самодостраивание, самообновление» (Синергетика..., 2013, с. 381). Если опять-таки обратиться к личности, то ее развитие и самоактуализацию ни в коей мере нельзя представить без трех последних «само» из приведенной цитаты.

В целостной личности совокупность высших ценностей и стремление к самосовершенствованию естественно сочетаются с живым вниманием к интересам общества, в котором она живет, развивается, трудится. Высший уровень идентичности личности с социумом уверенно можно представить в *феномене патриотизма*. Мы согласны с В. Е. Семеновым в том, что «идентичность, прежде всего, в своей национально-гражданской ипостаси, связана с феноменом патриотизма» и что «патриотизм выступает как ценностно-ментальная идентичность» (Семенов, 2017, с. 117). Но все же больше приближена к реальности позиция А. Л. Журавлева и А. В. Юревича, показывающих, что патриотизм — многосоставное понятие и явление, а основными слагаемыми его ядра выступают: 1) чувство любви к родине; 2) готовность приносить личные интересы в жертву общественным; 3) соответствующее поведение; 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом (Журавлев, Юревич, 2016). На наш взгляд, именно обращенность к категориям «поведение», «жертвенность» и «идентификация со страной» характерна в реальной жизни для *экономического патриотизма* — феномена, который все больше становится актуальным в современных хозяйственных, финансовых и торговых отношениях (Карнышев, Иванова, Карнышева, 2017).

Патриотизм традиционно был связан с национальным отождествлением, с национальными чувствами. Психологи считают, что этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Они часто отмечают, что термин «этническое самосознание», используемый в отечественной психологии, по смыслу близок к понятию этнической идентичности, принятого в западной научной традиции. «Шкалы для оценки этнической и культурной идентичности часто включают вопросы, связанные с принадлежностью (в какой степени индивид ощущает себя частью соответствующей группы), центрированностью (насколько значима принадлежность к определенной группе для личностной идентификации индивида), оценкой (позитивные и негативные ощущения, связанные с группой) и традициями (соблюдение сложившихся обычаев и признание традиционных норм и ценностей группы)» (Психология и культура, 2003, с. 662—663).

М. Барретт, один из известных в мире специалистов в области кросс-культурных исследований национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности, в своей работе показал несколько

когнитивных и аффективных компонентов национальной идентичности. В кратком изложении приведем некоторые из них (сохраняя нумерацию).

1. Чтобы человек на психологическом уровне осознавал свою национальную идентичность, он должен иметь некоторое знание о существовании национальной группы.
3. Национальная идентичность на географическом уровне связана с конкретной географической территорией.
4. Существуют разнообразные институты, символы, обычаи и традиции, а также определенные исторические события и исторические деятели, которые служат символами или репрезентациями национальной идентичности на психологическом уровне.
5. Имеется большое количество различных обыденных (имплицитных) представлений, которые могут также формировать важную часть чувств национальной идентичности народа. Например, для некоторых индивидуумов чувство национальной идентичности может быть связано с имплицитными представлениями относительно общего происхождения и родства всех членов национальной группы.
7. Сознание национальной идентичности может также включать имплицитные представления о себе самом по отношению к национальной группе, в частности, о том, насколько я сам похож на национальный тип.
8. Сознание национальной идентичности может быть связано с нашими представлениями о том, как другие люди, не члены нашей национальной группы, оценивают нашу национальную группу.

Кроме того, Барретт рассматривает чувства национальной солидарности, национальной гордости, национального стыда, национального смущения, национальной вины, национального самоуважения и т. п. (Барретт, 2001 с. 27). На наш взгляд, именно эти названные феномены ложатся в основу *этнического патриотизма*.

Формирование этнической идентичности исследуется на уровне индивидуальных изменений в контексте развития самосознания. Нельзя не брать во внимание, что этот процесс сочетается с формированием гражданского, патриотического мировоззрения. Причем этнический патриотизм порой может входить в противоречие с общенациональным патриотизмом. Факторами формирования этнической идентичности являются этническое пространство (се-

мья, школа и т. д.), культурная основа (религии, обычаи, ценности), включенность индивида в этнос (организационно-ролевой компонент) и др.

В эмпирической части статьи проиллюстрируем некоторые выделенные выше положения на основе социально-психологических исследований. Начнем с исследования, проведенного в одном из сельских районов Иркутской области осенью 2016 г. Молодые респонденты должны были из 12 возможных вариантов идентификации выбрать и поставить по рангу только пять вариантов. В таблице 1 отражены первые места выборов.

Таблица 1
Особенности собственной идентификации
молодых респондентов из сельских районов (в %)

№ п/п	Варианты	В целом по выборке (N=280)
1	Член моей семьи	66,8
2	Женщина/мужчина	60,6
3	Гражданин своей страны	50,0
4	Студент	47,6
5	Патриот своей родины	41,3
6	Сибиряк	34,6
7	Любимый человек	30,3
8	Работающий человек	28,8
9	Представитель своего народа	25,0
10	Городской житель	23,1
11	Гражданин мира	22,6
12	Сельский житель	3,4

В таблице 1 четко прослеживается приоритет идентификации молодежи с семьей, и это значимый и позитивный факт. Несмотря на все изменения и потрясения, происходящие в обществе, семья продолжает играть важную роль в жизни человека и является важнейшим социальным институтом формирования личности. Следует также особо отметить, что идентификация на основе «гражданства

в стране» и патриотизма заметно превалирует над идентификацией с «гражданами мира».

В повторном исследовании респондентов из села была поставлена задача детализировать их *патриотическую идентичность*. В одном из заданий респонденты по десятибалльной шкале (1 – минимум, 10 – максимум) оценивали ее на основе ряда территориальных и социальных сообществ. Мы предполагали, что уровневая вариативность патриотической идентификации будет носить оттенки не только территориального, но и национального своеобразия. Детализация в данном направлении показателей таблицы 1 подтвердила это (см. таблицу 2).

Таблица 2

Самооценка патриотической идентичности в зависимости от национальности респондентов (в баллах)

№ п/п	Варианты идентификации	Сельские респонденты		
		Русские N=103	Буряты N=157	Другие национальности N=28
1	Патриот страны в целом	8,07*	7,49	7,47
2	Патриот малой родины (село, город)	7,72	8,24*	7,83
3	Патриот родного края (район область)	8,03	8,10	7,33*
4	Патриот байкальского края	6,79	6,65	6,56
5	Патриот организации, где работаю, учусь	6,38	6,77	6,00
6	Патриот Земли в целом (terra patria)	5,95*	5,52	5,67
7	Патриот материка	4,78	5,56*	3,56*
8	У меня девиз: «Где хорошо, там и родина»	3,25	3,85	4,76*
9	Не признаю слова «патриот»	2,24	2,33	2,67

Примечание: $p \leq 0,05^*$.

Четко прослеживается, что русские респонденты выделяются более высоким уровнем идентичности со страной в целом. У представителей бурят в приоритете патриотизм по отношению к малой родине. Учитывая, что предки бурят проживали в Прибайкалье с давних

времен, этот результат вполне объясним. Представители других национальностей ниже оценивают свою патриотичность по отношению к родному краю, чем буряты и русские, зато оценки девиза «Где хорошо, там и Родина» у них заметно выше. Патриотами материка в большей мере считают себя буряты, и на азиатском континенте это понятная зависимость. Соответствующим образом можно объяснить все отмеченные достоверные различия, но это задача других публикаций.

Патриотизм основывается на процессе идентификации в тех случаях, когда идентичность личности с какой-то социальной группой представляет собой не только признание человеком наличия у себя элементов схожести с ней, но и признание ее ценностей и идеалов.

Патриотизм традиционно был связан с национальным отождествлением, национальными чувствами. Проведенные нами исследования показали, что уровневая вариативность патриотической идентификации связана не только с территориальным, но и с национальным своеобразием. В психологическое содержание патриотизма включены такие чувства, как национальная солидарность, национальная гордость, национальное самоуважение и т. п.

Литература

- Барретт М.* Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги западноевропейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Отв. ред. М. Барретт, Т. Рязанова, М. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 16–58.
- Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
- Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А.* Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Классика новой экономической социологии. М.: ИД ВШЭ, 2014.

А.Д. Карнышев, О.А. Карнышева

- Маслоу А., Мэй Р., Оллпорт Г., Роджерс К.* Экзистенциальная психология. М.: Институт общегуманитарных исследований; Инициатива, 2005.
- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Еврознак, 2002.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-центр, 2007.
- Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006.
- Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Семенов В. Е.* Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психологи. 2017. Т. 2. № 3. С. 116–142.
- Синергетика. Антология. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
- Эриксон Э.* Детство и общество. М.: Питер, 2001.

Программа социально-психологического исследования представлений молодежи о коррупции

Д. А. Китова

Важная роль психологии в исследовании проблем неправомерного поведения, связанных с формированием личности правонарушителя, с выявлением психологических механизмов, детерминант и условий такого поведения, давно уже стала общепризнанной. Тем не менее проявления коррупции пока еще не являются традиционным объектом психологических исследований в рамках как отечественной психологии, так и зарубежной (Китова, 2018; Соснин и др., 2017; Социально-психологические исследования коррупции, 2017). Это обусловлено многими причинами, среди которых можно отметить, наряду с высокой латентностью коррупционных правонарушений, такие факторы, как отсутствие научных традиций, общепринятых методологических подходов и конкретных методик психологического исследования данного феномена (Журавлев, Юревич, 2012; Журавлев, Соснин, 2013; Китова, 2016в; и др.).

Вместе с тем в современной психологии уже наметился ряд тенденций в исследовании коррупции, которые можно классифицировать по различным основаниям: уровню (макро-, мезо- и микроуровни), объекту (личность, группа, общество), направленности (на психические процессы, состояния или свойства личности). В целом, результаты, полученные в ходе таких исследований и представленные в научной литературе, подтверждают, что данное явление все-таки поддается психологическому анализу (Журавлев, Юревич, 2014; Китова, 2016а, б, в, 2017; Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Соснин, Китова, 2018).

В частности, анализ материалов некоторых психологических исследований коррупции и коррупционных правонарушений обнаруживает личностные характеристики, способствующие криминальному поведению.

Так, исследования А. Агбо продемонстрировали, что внешняя мотивация вызывает коррупционные тенденции, в то время как внутренняя обратна связана с коррупционными склонностями. Автором выявлено, что экстраверсия оказывает положительное влияние на коррупционное поведение и надежнее предсказывает коррупционные правонарушения, в отличие от добросовестности и ответственности, а анализ демографических переменных показал, что мужчины более склонны к коррупции, чем их коллеги-женщины (Agbo, 2016).

Д. Саймон и Д. Эйтцен, исследуя коррупционное поведение «белых воротничков», пришли к мнению, что преступления высокопоставленных лиц являются самыми тяжелыми и безнравственными (Simon, Eitzen, 1990).

Среди отечественных специалистов можно выделить О. В. Ванновскую, многолетние исследования которой позволили представить своеобразный *психологический портрет коррупционера*, в которых ведущими психологическими факторами выступают стремление к роскоши, негативное самоотношение, импульсивный тип реагирования и недифференцированная иерархия нравственных установок (Ванновская, 2009).

Исследования В. В. Киселева показали, что коррупционное поведение обусловлено низкой способностью индивида противодействовать внешнему давлению, нестойкостью к коррупционным воздействиям со стороны, слабым чувством ответственности и низким уровнем самоконтроля (Киселев, 2016).

Директор Центра судебных бухгалтерских исследований при исламском университете Индонезии Х. Прабово отмечает, что коррупционные навыки не являются врожденными характеристиками личности, они формируются в рамках общества, организаций и групп. У каждой культуры есть свой специфический набор проблем, связанных с коррупцией. Так, в коллективистском обществе более распространены *феномен групповой коррупции* и приобретение коррупционных навыков, как правило, происходит быстрее, чем в индивидуалистическом обществе. Такое поведение вызвано желанием людей сохранить свою групповую идентичность, «делая все то, что делают другие члены группы, будь это хорошо или плохо» (Prabowo, 2017, p. 2).

Общие методологические подходы к исследованию коррупции

В международной практике исследование проблем коррупции имеет широкое распространение. Ведущим подходом к анализу коррупции

является создание банка данных, который формируется через систему постоянного отслеживания коррупционного состояния общества.

Международные программы мониторинга коррупции включают в себя комплекс структурных блоков, которые ориентированы на выявление целого ряда ее параметров. Анализируются проявления коррупции (международные рейтинги измерения уровня коррупции), организационно-методологические основы измерения ее уровня (чаще всего это числовые оценки — индексы репрезентативности, межгосударственных оценок, правопорядка, коррупционной устойчивости и т. д.), дается оценка проявлений коррупции в различных регионах, региональных образованиях и на муниципальном уровне (сюда же можно включить методики оценки проявлений коррупции на микроуровне — в корпорациях и учреждениях), осуществляется мониторинг регулярных воздействий на условия возникновения коррупции со стороны властных структур.

Наиболее динамичная часть мониторинга коррупции сопряжена с мониторингом условий возникновения коррупции. Здесь чаще всего обращаются к разработке базовой модели выявления детерминант и условий распространения коррупции, связывая их с эффективностью мер по противодействию коррупции. Такие модели различаются структурой, содержанием и характером используемого научного инструментария, но неизменно направлены на поиск возможностей для выявления и устранения причин коррупции.

Методики мониторинга проявлений коррупции являются достаточно объемными, сложными и дорогостоящими. Так, индикаторы развития антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики включают в себя 6 разделов:

- индикаторы исполнения международных стандартов;
- экономические и макроэкономические показатели свободы предпринимательства;
- показатели опросов населения;
- показатели опросов профессионального юридического и правозащитного сообществ;
- показатели опросов предпринимательского сообщества;
- международные оценки.

Более того, каждый из этих разделов имеет свои подразделы, в которых представлено более 200 индикаторов. Несмотря на сложность

и высокую себестоимость, эти методики носят лишь информативный характер и не обладают антикоррупционной эффективностью.

Наиболее эффективным влиянием на регулирование коррупционных ситуаций обладают правовые и психологические механизмы воздействия. Но разработка и внедрение соответствующих методов также сопряжена с рядом объективных и субъективных трудностей (Дышеков, Китова, 2011; Найманова, Китова 2016; Разработка..., 2013; Узденов, Китова, 2009; Юревич, Журавлев, 2012). К объективно-правовым препятствиям можно отнести отсутствие консенсуса в определении самого феномена, сложность получения объективных и/или стандартизированных первичных данных. К субъективно-психологическим факторам (а также к культурно-историческим) можно отнести неявное противодействие субъектов коррупционного поведения, которое связано с распространенностью мифов об исторической обусловленности коррупции, невозможности борьбы с ней, романтизацией криминального поведения (Журавлев, Соснин, 2013; Егизов, Китова, 2015; Формирование..., 2011). Сюда же следует отнести сложное сплетение индивидуально-психологических характеристик личности, определяющих коррупционное поведение, которые с трудом поддаются внешнему воздействию (например, алчность).

Так, Х. Прабово отмечает, что одна из самых больших ошибок в профилактике коррупции – это отношение к людям как «к машинам, которые имеют одну и ту же архитектуру» (Prabowo, 2017, р. 2). Автор предостерегает от самой большой ошибки – надежды на то, что поведение людей изменится вслед за изменениями «существующих систем и структур». Он правомерно отмечает, что современные тенденции противодействия коррупции подводят к мысли о том, что наиболее важными и одновременно наиболее игнорируемыми факторами коррупционного поведения являются *гуманитарные факторы*. В профилактике коррупции разные люди (так же, как и разные социальные группы) требуют различных подходов (там же).

Наиболее яркой демографической группой, способной оказать существенное влияние на протекание коррупционных процессов в обществе, несомненно, выступает молодежь (Апреликова, Китова, 2018). Молодые люди обладают существенным потенциалом для общественного развития и составляют практически пятую часть населения России с численностью 26,397 млн чел. (Федеральная служба..., 2018). Эти данные актуализируют значимость научного обращения

к исследованию коррупционных представлений молодежи (Журавлев и др., 2017; Китова, 2018).

Методологические подходы к психологическому исследованию коррупции

Отечественные и зарубежные психологи активно проводят как теоретические, так и эмпирические исследования коррупции (Журавлев, Юревич, 2012, 2014; Китова, 2017а, б, в; 2018; Социально-психологические исследования..., 2017). Но разнородность методологических подходов и приемов не позволяет выделить единые основания для системного анализа проблемы. Объективно коррупция объединяет несколько субъектов (участников) этого процесса. На *макросоциальном* уровне эти субъекты представлены институтами государства, бизнеса и общества. На *микроуровне* (уровне участников коррупции) субъектами выступают государственные чиновники, предприниматели, руководители и «незримый Другой» (референтная группа или общественное мнение). *Макропсихологические подходы* (см. об этом: Макропсихология..., 2009) в современных исследованиях коррупции отражают самые разнообразные проблемы: религиозного взгляда и переживания греха; специфики индивидуалистических и коллективистических культур; трансформаций цивилизационных парадигм; сложности отграничения коррупции от других видов правонарушений; экономической «целесообразности» коррупции для развития государства и рыночных отношений и др. Не менее разнороден спектр *микропсихологических исследований* коррупции: коррупционные цели, мотивы, ожидания людей тесно переплетаются с множеством личностных характеристик и непрогнозируемым стечением жизненных обстоятельств (Социально-психологические..., 2017).

Дополнительную нагрузку накладывает на методологические подходы к исследованию коррупции и разнообразие целей конкретного эмпирического анализа (Актуальные проблемы..., 2015; Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования..., 2018). Вот некоторые примеры: Моррис и коллеги исследовали коррупцию, опираясь на «бизнес-принцип: как можно больше прибыли для себя» (Morris et al., 1995); Рабл исследовал влияние на коррупцию размера «общины» и «продолжительности существования организации» (Rabl, 2011); Ласкомес, Томеску-Хатто в основу эмпи-

рического изучения типологии коррупционного поведения заложили механизм «оправдания» (Lascomes, Tomescu-Hatto, 2008); в основу исследования Климовицкого и Кареповой была положена авторская модель коррупционного поведения: «Коррупционная среда – мотивация – коррупционное поведение и коррупционная саморегуляция» (Климовицкий, Карпова, 2013).

Самостоятельной методологической проблемой выступают исследования *коррупционного поведения* людей, которые так же проводятся по различным схемам. Все это позволяет утверждать, что в психологии пока не разработано сколь-нибудь универсального метода измерения коррупции или принимаемой большинством методологии ее анализа. Такая ситуация, в свою очередь, создает дополнительные трудности при разработке эмпирических методов исследования явления. Его изучение чаще всего проводится посредством шкальных авторских методик в самых разнообразных сферах деятельности: импорт и экспорт; уплата налогов; использование займов и инвестиций; вознаграждение за выполнение общественных контрактов; принятие законов, политических и юридических решений, нормативных актов.

Для сбора первичных данных западные и отечественные исследователи обращаются к разнообразным индексам (Индекс восприятия коррупции – «Corruption perception index», Индекс восприятия взятки – «Bribery perception index») и данным опросов¹. С психологической точки зрения, существует ряд дополнительных трудностей при разработке конкретных исследовательских методик. В этом направлении уместно сказать, например, о необходимости создания специальных методик для исследования разных уровней коррупции – бытовой, корпоративной, межведомственной, государственной, международной и т. п. Исследователи единодушно признают, что непосредственно измерить коррупцию практически невозможно. Поэтому большинство эмпирических данных о проявлениях коррупции в научной литературе представлены на основе анализа частных событий, полевых исследований и интервью (Социально-психологические исследования..., 2017). Наиболее рациональный путь для социально-психологического анализа феномена коррупции заключается в разработке индивидуальных опросных методик

1 При этом необходимо отметить практическое отсутствие во многих исследовательских подходах социально-психологических методов измерения коррупции (Социально-психологические исследования..., 2017).

и иных социально-психологических методов, позволяющих использовать гибкий инструментарий для оценки конкретного проявления изучаемого феномена.

Теоретические подходы к изучению представлений о коррупции

Представления являются объектом исследования разных научных отраслей знания (философии, права, педагогики, психологии), каждая из которых вносит в определение данного феномена свою специфику. В психологии представления признаются формой индивидуального познания, имеющего своим результатом целостный образ определенного объекта.

Теория представлений достаточно полно отражена в работах зарубежных (S. Moscovici, J. Abric, I. Markova, W. Doise, R. Fair, C. Fraser, W. Wagner et al.) и отечественных психологов (К. А. Абульханова, Г. М. Андреева, М. И. Воловикова, Т. П. Емельянова и др.). В отечественной традиции исследований представления тесно связаны с личностной направленностью, обращением к глубинным, архетипическим основаниям, концепцией субъекта деятельности (К. А. Абульханова, М. И. Воловикова, И. А. Джидарьян, Т. П. Емельянова).

Можно выделить следующие общие теоретико-методологические позиции в исследовании представлений (Узденов, Китова, 2009):

1. Представление конституируется как на основе памяти, чувственно связывая настоящее с прошлым, так и в контексте продуктивного воображения, связывая прошлое и настоящее с будущим.
2. Представления можно рассматривать и как процесс формирования образа, и как результат этого процесса.
3. Исходным пунктом и результатом представлений личности является образ мира, который опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие.
4. Представления, допуская возможность обобщения, выступают исходным инструментарием мыслительных операций, что позволяет оценивать представления по степени соответствия реальности (реалистическое, идеалистическое) и степени новизны и оригинальности (репродуктивное и творческое).
5. Представления, выступая креативным механизмом психики, осуществляют «отрыв» от прошлого опыта, преломляют наличный опыт и на этой основе порождают новые образы.

- б. Процесс формирования нового образа выражается в следующем: в построении самого образа, средств его трансформации и ожидаемых ее результатов; в создании программы поведения в ситуации неопределенности; в продуцировании образов, отражающих специфику предстоящей деятельности; в создании воображаемых образов, соответствующих описаниям ожидаемых (прогнозируемых) объектов, явлений и состояний.

Таким образом, представления относятся к числу высших психических процессов, которые позволяют не только познавать, но и преобразовывать мир. В одном из своих значений представления выступают своеобразной формой обыденного сознания, посредством них личность воссоздает и как бы заново созидает объекты, людей, события и явления окружающего мира. Подобная трактовка феномена позволяет рассматривать представления личности как *универсальный механизм социального познания и поведения*. Как таковые, представления наделяются разнообразными функциональными характеристиками: воспроизводства образов, регуляции поведения и деятельности, оценки происходящего, прогнозирования и мотивации жизнедеятельности. Адекватность представлений способствует повышению эффективности жизнедеятельности личности (подробнее см.: Апреликова, Китова, 2018; Узденов, Китова, 2009). В рамках нашего исследования *представления о коррупции* рассматриваются как свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального окружения, которые находят свое отражение в поведении человека.

Некоторые особенности разработки программы пилотного исследования проблемы

С теоретических и методических позиций, первичное обращение к представлениям молодежи целесообразно организовать посредством опроса (подробнее см.: Психология, 2000; и др.). Такой подход ведет к непосредственному взаимодействию исследователя и респондентов и позволяет получить ответы не только на заранее сформулированные вопросы, но и задавать уточняющие вопросы в устной форме, фиксировать и корректировать те, которые вызвали неоднозначное восприятие или сомнения респондентов.

Нами были определены требования к формулировке вопросов пилотного исследования: вопросы должны быть логичными, кон-

кретными, краткими, не содержать подсказок, исключать получение шаблонных ответов, не быть загруженными специальными или специфическими терминами.

В пилотной части исследования все вопросы носили открытый характер, а цель исследователя заключалась в получении наиболее развернутых ответов респондентов. По завершении опроса его участникам предлагалось указать некоторые социально-демографические сведения о себе: пол, возраст, место работы (если студент трудится). Вопросы, включенные в опросный лист на этапе пилотного исследования, представлены в Приложении 1.

Основные результаты пилотажной части исследования

Проведенный опрос респондентов позволил сделать некоторые выводы. Приведем здесь основные из них (подробнее см.: Китова 2016а, б, в).

Молодые люди считают коррупцию сложным, многоуровневым и опасным явлением в жизнедеятельности общества, которое представляет серьезную угрозу социально-экономическому развитию государства. В структуре их представлений о коррупции отражено более десяти экономических преступлений, таких как взяточничество, воровство, вымогательство, отмыwanie денег, мошенничество и т. д.

Молодые люди по-разному объясняют социальные причины коррупции и причины коррупционного поведения личности. В частности, они называют шесть групп факторов распространения коррупции и лишь четыре – коррупционного поведения. Использование в ходе исследований контент-анализа позволило распределить представления респондентов о причинах коррупции в шесть основных подгрупп: социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и политические. При этом все представленные сферы жизнедеятельности, детерминирующие распространение коррупции, респондентами корректно выделены и описаны.

Молодежь склонна считать, что коррупционное поведение выступает личностной особенностью конкретного человека и не может быть оправданно сложившимися жизненными ситуациями, общеполитической обстановкой или спецификой законодательной базы государства. Таким образом, при оценке коррупционных правонарушений объектом осуждения становится не социально-политическая ситуация в стране, а преступление конкретной личности.

Исторически сложившуюся традицию благодарить за оказанную услугу (помощь) молодые люди считают наиболее важным фактором, вызывающим коррупционное поведение. Респонденты склонны считать, что пренебрежение этими нормами может вызывать социальное осуждение.

К ведущим социальным факторам коррупционного поведения респонденты относят наличие устоявшейся коррумпированной среды в организациях, которая вынуждает своих работников принять устоявшиеся варианты коррупционного поведения. Сопrotивление укоренившимся стереотипам поведения, по мнению респондентов, будет провоцировать враждебное отношение со стороны коллег.

Респонденты отмечают низкий уровень жизни государственных служащих и отсутствие для них социальных гарантий, что вынуждает их относиться к коррупционерам с некоторой долей сочувствия и сострадания.

При оценке своего отношения к коррупционеру молодые люди приводят более 50 его характеристик. Коррупционеры оцениваются с моральных и нравственных позиций. Более 80% морально-нравственных оценок носят негативный характер, а со стороны организационных и профессиональных качеств коррупционеры оцениваются положительно. Коммуникативные характеристики коррупционера оцениваются по-разному: встречаются как позитивные оценки, отмечающие его коммуникабельность, общительность, обаяние, так и негативные, указывающие на его грубость, наглость, лживость, жесткость.

В ответах респондентов представлены более 30 социальных сфер распространения коррупции. К наиболее коррумпированным сферам общества молодые люди относят судебные и правоохранительные органы, сферу образования и медицины, военные комиссариаты. В меньшей степени отмечают банковскую сферу.

Называя эти конкретные сферы распространения коррупции, молодые люди приводят примеры более сотни «коррупционных услуг». Характер этих ответов позволяет утверждать, что их представления о коррупции формируются с учетом бытовых ситуаций, с которыми им приходится сталкиваться в реальной жизни, лично или опосредованно (через рассказы родителей и знакомых).

Небольшая часть молодых людей связывает коррупцию с экономическим ущербом государству, называя такие негативные ее последствия, как нерациональное расходование бюджетных средств,

разрушение эффективности конкурентной среды, рост теневой экономики, снижение инвестиций и налогов, отток квалифицированных кадров за рубеж и т.д. Очень незначительная часть респондентов (1,2%) осознает социальные последствия коррупции, связанные с ростом социального неравенства, усилением напряженности в обществе, снижением имиджа власти.

Полученные эмпирические результаты были весьма полезны для разработки окончательного варианта программы исследования, которая включила в себя 8 относительно самостоятельных блоков вопросов, направленных на выявление различных аспектов проблемы (анонимный опрос) (см. Приложение 2).

В рамках изучения психологических особенностей коррупции и коррупционного поведения личности нами предлагается методическая часть программы исследования представлений молодежи о коррупции, ориентированной на анализ феномена взяточничества. Она позволяет узнать мнение молодых людей о психологических характеристиках дачи и получения взятки. Полученные ответы помогут лучше понять происходящие в современном обществе процессы и совершенствовать социально-психологические технологии противодействия коррупции.

Приложение 1

Опросный лист «Психологические особенности коррупции»

1. Почему люди дают взятки?
2. Любой ли подарок взятка? (Обоснуйте, пожалуйста, вашу позицию.)
3. Приходилось ли вам давать взятку?
4. Если приходилось давать взятку, что вы при этом чувствовали?

Если не приходилось давать, то попробуйте представить, что бы вы, возможно, чувствовали при необходимости дать взятку.

До того, как передали:

- по отношению к себе;
- по отношению к коррупционеру;
- по отношению к ситуации или стране.

Во время передачи:

- по отношению к себе;

- по отношению к коррупционеру;
- по отношению к ситуации или стране.

После передачи:

- по отношению к себе;
 - по отношению к коррупционеру;
 - по отношению к ситуации или стране.
5. Как лучше бороться с взятками?
 6. Попробуйте объяснить, что такое взятка: сначала с юридической точки зрения, а потом с психологической.
 - С юридической точки зрения, взятка – это...
 - С психологической точки зрения, взятка – это...
 7. Продолжите, пожалуйста, предложение.
 - Я не стала бы считать подарок взяткой, если бы...
 8. Какие преимущества дает взятка тому, кто ее предлагает? Перечислите их, пожалуйста.
 9. Как вы думаете, что чувствует человек, который берет взятку?
 - по отношению к себе;
 - по отношению к человеку, который предлагает взятку;
 - по отношению к ситуации;
 - по отношению к стране.
 10. Попробуйте описать среднестатистического коррупционера:
 - возраст;
 - пол;
 - образование;
 - семейное положение;
 - уровень жизни;
 - психологические характеристики коррупционера (приведите не менее пяти характеристик, пожалуйста).
 11. Как вы думаете, как он (коррупционер) относится:
 - к себе;
 - к своей работе;
 - к своей семье;
 - к своим друзьям;

- к своим коллегам;
 - к населению в целом;
 - к своей стране.
12. Как, по вашему мнению, он видит (планирует) свое будущее?
 13. Как вы думаете, «коррупционер» в России — это в большей степени характеристика конкретного человека или сложившейся общественной ситуации? Объясните, пожалуйста, свою позицию.
 14. Что бы вы хотели высказать еще относительно обсуждаемой проблемы?

Приложение 2

Программа исследования представлений молодежи о коррупции Психологические особенности коррупции

1. Как вы думаете, почему люди дают взятки? (Можно отметить 5 вариантов ответа.)
 - 1) чтобы получить превосходство над другими людьми в различных жизненных ситуациях;
 - 2) чтобы получить определенную (или дополнительную) выгоду материального или социального характера;
 - 3) чтобы получить услуги, материальные ценности или возможности, которые не положены по закону;
 - 4) чтобы защитить себя от недобросовестных действий должностных лиц;
 - 5) в силу своих морально-психологических характеристик;
 - 6) чтобы получить услуги более высокого качества;
 - 7) чтобы уменьшить суммы официальных выплат;
 - 8) чтобы подстраховаться от неприятностей;
 - 9) чтобы сэкономить силы и время;
 - 10) чтобы обеспечить более внимательное отношение себе;
 - 11) чтобы ускорить решение вопроса;
 - 12) чтобы выпутаться из неприятностей;
 - 13) чтобы уйти от ответственности перед законом;
 - 14) люди вынуждены прибегать к даче взятки потому, что у них нет иных вариантов решения данной проблемы;
 - 15) иное (напишите);
2. Как, по вашему мнению, нужно бороться с взятками? (Можно выбрать 3 варианта ответов).

- 1) ужесточить законодательство;
 - 2) усилить государственный контроль и меру наказания;
 - 3) ввести конфискацию имущества;
 - 4) ограничить контакты чиновников с населением;
 - 5) создать антикоррупционные условия развития общества;
 - 6) разрешить альтернативные коммерческие варианты решения проблем;
 - 7) не давать самим;
 - 8) повысить зарплаты и чиновникам, и населению;
 - 9) разбираться в каждой ситуации индивидуально;
 - 10) больше работать с молодежью;
 - 11) бесполезно что-либо предпринимать, мы так устроены;
 - 12) иное (напишите).
3. Любой ли подарок, выражающий благодарность должностному лицу, является взяткой?
- 3.1. Да, любой подарок должностному лицу – это взятка.
- 3.2. Нет, благодарность – не взятка, если она выражена:
- 1) добровольно;
 - 2) бескорыстно;
 - 3) без каких-либо условий;
 - 4) после оказания услуги;
 - 5) выражает личное отношение человека;
 - 6) если это продукты питания (конфеты, например);
 - 7) иное (напишите).
4. Приходилось ли вам давать взятку?
- да;
 - нет;
 - приходилось выражать благодарность, но я не стал бы считать это взяткой;
 - иное.
5. Если вам приходилось давать взятку, что вы при этом чувствовали?
- а) оцените эмоциональный фон ваших чувств (выберите один из вариантов эмоционального фона – негативный, нейтральный или позитивный)

- по отношению к себе:

Негативные	Нейтральные	Позитивные
3 2 1	0	1 2 3

- по отношению к принимающему взятку:

Негативные	Нейтральные	Позитивные
3 2 1	0	1 2 3

- по отношению к ситуации или стране:

Негативные	Нейтральные	Позитивные
3 2 1	0	1 2 3

б) оцените интенсивность ваших чувств (выберите один из вариантов):

- слабая (1);
- умеренная (2);
- сильная (3).

6. Если вам приходилось давать взятку, то опишите, пожалуйста, психологические особенности человека, которому вы ее передали.

6.1. Если вы считаете, что характерных особенностей у коррупционера нет и каждый из них имеет свои уникальные, нетипичные особенности, выберите данную позицию и пропустите вопросы 6.2 и 6.3.

6.2. Если вы считаете, что характерные особенности у коррупционера есть, то оцените, пожалуйста, эти особенности по приведенной ниже шкале (цифры указывают на степень выраженности психологической характеристики: 1 — незначительное проявление; 2 — явное присутствие; 3 — высокая выраженность).

Отношение коррупционера:	Негативное	Нейтральное	Позитивное
— к своей профессии	3 2 1	0	1 2 3
— к человеку, который принес взятку	3 2 1	0	1 2 3
— к самому себе	3 2 1	0	1 2 3
— к стране	3 2 1	0	1 2 3

- 6.3. Оцените, пожалуйста, степень выраженности следующих шести психологических характеристик человека, принявшего взятку, по шкале от 1 до 7 (1 – минимальная выраженность признака, 7 – максимальная выраженность признака).

Характеристики	Выраженность признака						
Профессиональная компетентность	1	2	3	4	5	6	7
Морально-нравственные характеристики	1	2	3	4	5	6	7
Культура поведения	1	2	3	4	5	6	7
Уровень самообладания	1	2	3	4	5	6	7
Коммуникабельность	1	2	3	4	5	6	7
Уровень интеллекта	1	2	3	4	5	6	7

7. Как вы думаете, «коррупционер» в России – это в большей степени характеристика конкретного человека или сложившейся общественной ситуации?

- человека;
- ситуации;
- равновесно (и человека, и ситуации);
- каждый случай индивидуален;
- иное.

8. Опишите, пожалуйста, социально-демографический портрет среднестатистического коррупционера (его возраст, пол, образование, семейное положение, уровень жизни):

Возраст:

- от 20 до 30 лет;
- от 31 до 50 лет;
- от 50 лет и выше.

Пол:

- мужской;
- женский;
- не имеет значения.

Образование:

- высшее;

- высшее, и не одно;
- не имеет значения;
- имеет какие-то преимущества.

Семейное положение:

- семейный;
- холостой;
- не имеет значения.

Уровень жизни:

- низкий;
- средний;
- выше среднего;
- высокий;
- очень высокий;
- разный.

9. Что бы вы хотели сказать дополнительно по обсуждаемой проблеме?
10. Укажите, пожалуйста, некоторые данные о себе (пол, возраст, место работы, социальное положение):

Пол:

- мужской;
- женский.

Возраст:

- 18–29;
- 30–39;
- 40–49;
- 50–59;
- 60 и старше.

Место работы или учебы:

- государственные структуры;
- частные структуры;
- смешанные структуры (государственно-частные).

Социальный статус:

- учащийся, студент;

- специалист;
- рабочий;
- руководитель;
- домохозяйка;
- безработный;
- пенсионер;
- предприниматель;
- творческий работник (писатель, поэт, артист, ученый и т. п.).

Литература

Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности / Под ред. Д. А. Китовой, О. И. Кашеевой. СПб.: НИЦ-АРТ, 2015.

Апреликова Н. Р., Китова Д. А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 110–133.

Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.

Волков В. С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982.

Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.

Егизов У. С., Китова Д. А. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 4. С. 50–54.

Журавлев А. Л., Соснин В. А. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4 (67). С. 6–16.

Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.

- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 63–71.
- Киселев В. В.* Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников государственной организации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.
- Китова Д. А.* Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016а. № 6. С. 131–140.
- Китова Д. А.* Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник Университета Российской академии образования. 2016б. № 5. С. 91–97.
- Китова Д. А.* Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016 в. Т. 1. № 4. С. 145–167.
- Китова Д. А.* Представления молодежи о сферах распространения коррупции // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 1. С. 43–48.
- Китова Д. А.* Противодействие коррупции в молодежной среде: по итогам всероссийской научно-практической конференции «Межведомственное взаимодействие при реализации мероприятий по борьбе с коррупцией в образовании» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 43–58.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Найманова Б. А., Китова Д. А.* Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружина. СПб.: Питер, 2000.

- Разработка научно обоснованных социологических параметров проявления коррупции: Отчет ИСПИ РАН для ИЗиСП для Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013.
- Соснин В. А.* Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 79–80.
- Соснин В. А., Китова Д. А.* Макропсихологические аспекты исследования коррупции // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 129–141.
- Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Коррупция в предметном поле психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Узденов Т. М., Китова Д. А.* Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.
- Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества. Карачаевск: Изд-во КГУ им. У. Д. Алиева, 2011.
- Agbo A. A.* Corruption as a propensity: Personality and motivational determinants among Nigerians // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 2016. № 4 (150). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/26646198> (дата обращения: 11.10.2018).
- Prabowo H. Y.* How to nurture an anti-corruption // The Jakarta Post. 9.01. 2017. P. 2.
- Simon D., Eitzen D.* Elite Deviance. Boston etc.: Allyn & Bacon, 1990.

Феноменологическое описание подростков с различной степенью суицидального риска

В. Е. Купченко

Подростковый возраст считается одним из самых кризисных периодов в жизни человека. Стремление быть взрослым при объективно недостаточной самостоятельности, психической и личностной незрелости, физиологические и гормональные изменения, потребность в поддержке старших при внешнем ее отрицании, возросшая роль оценки сверстников и острое желание быть принятым в их коллективе — все это является благоприятной почвой для внутренних и внешних конфликтов и противоречий, роста дезадаптивных тенденций. На почве подросткового кризиса нередко проявления разного рода девиаций, в частности, растет риск суицидального поведения. Данная проблематика соотносится с задачами изучения психологического здоровья нации (Каропова, Безвербный, Сорокин, 2017; Никифоров, 2016; Психологическое здоровье..., 2014; Психология..., 2014).

Суицидальный риск (СР), согласно А. П. Чуприкову, Г. Я. Пилагиной и В. Ф. Войцех, представляет собой «степень вероятности возникновения суицидальных побуждений, формирования суицидального поведения и осуществления суицидальных действий» (Чуприков, Пилагина, Войцех, 1999, с. 11). На сегодняшний день существует достаточно много концепций суицида, — его причин, видов и стадий развития суицидального намерения. В отечественной практике завоевала особое признание модель А. Г. Амбрумовой с соавторами (Амбрумова, Войцех, 1985; Амбрумова, Тихоненко, 1980; Амбрумова, Шаповалова, 1991), основанная на психологической теории деятельности и рассматривающая суицид как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях конфликтов. Согласно данной модели, суицидальное поведение проходит три основных этапа: пресуицидальный, суицидальный и постсуицидальный.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00500.

Пресуицидальный этап делится на два периода: 1) период анти-витальных переживаний, который начинается с размышления об отсутствии ценности жизни («жить не стоит», «не живешь, а существуешь»), однако намерение лишиться себя жизни отсутствует; к концу этого периода у человека, как правило, развивается депрессия; 2) период внутреннего суицидального поведения, когда возникает осознанное желание умереть.

За пресуицидальным этапом следует суицидальный, который включает в себя уже внешнее суицидальное поведение: сначала пассивные суицидальные мысли, а затем уже более четкие суицидальные замыслы (продумываются способы самоубийства, время и место), суицидальные намерения (к замыслам присоединяется решимость (волевой компонент)), формируется суицидальная готовность и совершается суицидальная попытка (целенаправленное оперирование средствами лишения себя жизни). Если эта попытка заканчивается смертью, то имеет место заверченный (истинный) суицид.

Постсуицидальный этап оценивается по отношению к самому суициду и времени, которое прошло с момента совершения суицидальной попытки (Алимова, 2014).

В зависимости от того, на какой из указанных стадий находится человек, Н.А. Сакович выделяет три степени СР (вероятности осуществления суицида):

- 1) незначительная степень риска (есть суицидальные мысли без определенных планов);
- 2) средняя степень риска (присутствуют суицидальные мысли и даже план их реализации, однако нет четких сроков и средств для выполнения замысла);
- 3) высокая степень риска (есть суицидальные мысли, разработан план для их реализации с четкими сроками и средствами) (Сакович, 2012).

Стоит отметить, что *специфической особенностью СР в подростковом возрасте является мозаичная, слабо выраженная пресуицидальная стадия, вплоть до полного ее отсутствия*. В связи с этим распознать суицидальные мысли подростка со стороны бывает очень сложно. Как отмечает М.А. Алимова, особенно суицидоопасна в этом возрасте *скрытая депрессия*, которая может маскироваться гиперактивностью и агрессивностью. Поэтому даже на доклиническом уровне *депрессивное состояние можно расценивать как один из центральных*

показателей риска суицидального поведения (Алимова, 2014). Проведя масштабное исследование подростковой депрессивности, зарубежный ученый М. Ковач выделил следующие ее компоненты: негативное настроение, межличностные проблемы, низкая самооценка, неэффективность, ангедония (отсутствие интереса к происходящему, отсутствие положительных эмоций) (цит. по: Белова, 2008).

Констатация суицидального поведения выглядит очевидной только на первый взгляд. Однако одни и те же действия могут быть и попыткой суицида, и не связанным с ним актом в зависимости от цели, которую преследовал субъект. Проблема неоднозначности действий суицидального вида освещена также в работе А. Е. Личко, где отмечается, что в отечественной практике принято выделять три типа суицидального поведения:

- истинное (осознанное и продуманное желание лишить себя жизни);
- аффективное (обусловлено сильным аффектом, возникшим в результате внезапного острого психотравмирующего события или под влиянием аккумуляции хронических психотравм);
- демонстративно-шантажное (в его основе лежит не стремление лишить себя жизни, а желание привлечь к себе внимание) (Личко, 2000).

Согласно статистике, демонстративно-шантажное суицидальное поведение более всего характерно именно для подросткового возраста. Рассматривая СР в этом возрасте, необходимо иметь в виду, что причинами суицидального поведения подростков могут быть даже самые незначительные, пустяковые, по мнению взрослых, конфликты и неурядицы. Подростковый максимализм, неумение предвидеть последствия своих поступков и спрогнозировать развитие сложившейся ситуации вызывают ощущение безысходности, отчаяния, что может приводить к суицидальным последствиям. Тем не менее, как отмечает в своей работе Н. А. Сакович, если внимательно наблюдать за подростками, то можно вовремя заметить эмоционально-поведенческие нарушения и *признаки суицидального поведения*: у детей и подростков, попавших в кризисную ситуацию, изменяются эмоциональная составляющая, поведение, внешний вид, отношения с одноклассниками и друзьями, интересы и др. (Сакович, 2012).

Целью нашего исследования явилось феноменологическое описание особенностей подростков с различной степенью СР. В нем

приняли участие 72 подростка (43 мальчика и 29 девочек), учащиеся 7–8 классов общеобразовательной школы г. Омска в возрасте от 13 до 14 лет. Для выявления более полной картины риска суицидальной направленности были опрошены также их родители (мамы) и три классных руководителя. При разделении подростков на группы в соответствии с выраженностью СР учитывались результаты опроса каждой из представленных групп (подростки, родители, учителя).

Диагностика СР характеризуется особой сложностью. Мы применяли следующий комплекс методик:

- 1) личностный опросник ИСН (исследование суицидальной направленности) для выявления особенностей суицидальной направленности подростков с точки зрения самих подростков;
- 2) опросник депрессивности у детей и подростков (Children's depression inventory, CDI) М. Ковач (в адаптации А. П. Беловой, С. Б. Малых, Е. З. Сабировой и М. М. Лобасковой) – в качестве дополнительного инструментария исследования фактора депрессивности подростков, выступающего одним из признаков СР;
- 3) анкету оценки поведенческих критериев СР В. Е. Купченко и О. Ю. Грогoleвой для оценки поведения подростков со стороны родителей (матерей) по следующим симптомам: отношения дома, отношения со сверстниками, мысли о вреде другим, поведение в школе, социальная адаптация, эмоциональные состояния;
- 4) методику «Карта риска суицида» в модификации для подростков Л. Б. Шнейдер для оценки факторов риска суицидального поведения подростков со стороны педагогов (классных руководителей).

У 7% подростков была выявлена высокая степень СР, у 39% – средняя, у 54% – низкая. Результаты измерения компонентов СР в трех подгруппах респондентов по методикам «ИСН» и «CDI» представлены в таблице 1.

Согласно U-критерию Манна–Уитни, значимые различия в подгруппах существуют по всем исследованным выше параметрам, за исключением ангедонии (см. таблицу 2).

У подростков с высокой степенью СР показатели депрессивности ($U=38$; $p\leq 0,05$), невротизации ($U=19$; $p\leq 0,01$), негативного настроения ($U=45,5$; $p\leq 0,05$) выше, чем у подростков с низкой его степенью,

Таблица 1

Компоненты СР у подростков с разной степенью его выраженности, согласно оценке самих подростков (в баллах)

Компоненты СР	Группа с высокой степенью СР	Группа со средней степенью СР	Группа с низкой степенью СР
Депрессивность	10,8 (±7,6)	8,5 (±3,5)	2,6 (±1)
Невротизация	8,4 (±3,8)	7,2 (±2,9)	3,1 (±1,9)
Общительность	8,8 (±5,4)	9,5 (±2,4)	12,9 (±2,7)
Негативное настроение	3 (±2,7)	2,8 (±2,1)	0,8 (±1)
Межличностные проблемы	3 (±1,2)	0,8 (±1)	1,7 (±1,3)
Неэффективность	2,4 (±1,5)	0,8 (±1)	0,7 (±0,7)
Ангедония	4,8 (±2,7)	2,8 (±2,1)	2,5 (±1,4)
Негативная самооценка	3,6 (±1,5)	1,8 (±1,3)	0,8 (±0,8)

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Таблица 2

Различия компонентов СР у подростков с разной степенью его выраженности, согласно оценке самих подростков (U-критерий Манна–Уитни)

Компоненты СР	Высокая степень СР	Средняя степень СР	Низкая степень СР
Депрессивность	38*	–	76***
Невротизация	19**	–	184***
Общительность	41*	–	221***
Негативное настроение	45,5*	–	227***
Межличностные проблемы	46,5*	13,5**	353**
Неэффективность	22,5**	24,5*	–
Негативная самооценка	8***	22,5**	302,5***

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

а показатели межличностных проблем ($U=46,5$; $p \leq 0,05$), неэффективности ($U=22,5$; $p \leq 0,01$) и негативной самооценки ($U=8$; $p \leq 0,001$) выше, чем у подростков с низкой степенью СР. Показатели общи-

тельности, напротив, меньше у подростков с высокой степенью СР, чем у подростков с низкой его степенью.

Опираясь на эти данные, можно заключить, что подростки с высокой степенью СР, по сравнению с подростками с низкой его степенью, отличаются депрессивной направленностью, тревожностью, наличием более серьезных межличностных проблем, они менее успешны в деятельности и значительно ниже оценивают себя. Что касается подростков с высокой и средней степенью СР, то и те, и другие могут быть подвержены приступам плохого настроения, эмоционально реагируют на события. Однако у подростков со средней степенью СР при этом нет выраженных межличностных проблем и проблем с самооценкой и они более эффективно справляются с повседневными делами, в том числе с учебной.

При сравнении подгрупп подростков со средней и низкой степенью СР установлено, что у подгруппы подростков со средней степенью СР показатели депрессивности ($U=76$; $p \leq 0,001$), невротизации ($U=184$; $p \leq 0,001$), негативного настроения ($U=227$; $p \leq 0,001$) и негативной самооценки ($U=302,5$; $p \leq 0,001$) выше, а показатели общительности ($U=221$; $p \leq 0,001$) и межличностных проблем ($U=353$; $p \leq 0,001$) ниже, чем у подростков с низкой степенью СР. Тот факт, что межличностные проблемы хоть и выражены у обеих групп невысоко, но все же более свойственны группе с низкой степенью СР, является неожиданным. Можно предположить, что причина развития определенных симптомов депрессивных состояний и невротизации у подростков со средней степенью СР лежит не в области взаимоотношений, а в каком-то травмирующем событии.

Результаты измерения компонентов СР в трех подгруппах подростков по оценке их родителей (по анкете оценки поведенческих критериев СР В. Е. Купченко и О. Ю. Грогoleвой) представлены в таблице 3.

Из таблицы 3 следует, что среди других параметров СР выше всего родители подростков с высокой степенью СР оценили «отношения со сверстниками» (2,2 балла), родители подростков со средней степенью СР – «отношения со сверстниками» (3,3 балла) и «эмоциональные состояния» (3,3 балла), а родители подростков с низкой степенью СР – «отношения дома» (1,4 балла). Отметим, что даже ведущие параметры выражены здесь низко и не совпадают с выявленной ранее оценкой своего состояния самими подростками. В целом, можно заключить, что подростки с высокой степенью СР не расска-

Таблица 3

Компоненты СР у подростков с разной степенью его выраженности, согласно оценке родителей

Компоненты СР	Группа с высокой степенью СР	Группа со средней степенью СР	Группа с низкой степенью СР
Отношения дома	0,2 (\pm 0,4)	1,4 (\pm 1,8)	1,4 (\pm 1,6)
Отношения со сверстниками	2,2 (\pm 2)	3,3 (\pm 2,3)	0,5 (\pm 1)
Мысли о вреде другим	0 (\pm 0)	0,5 (\pm 0,8)	0 (\pm 0)
Поведение в школе	0,4 (\pm 0,9)	0,7 (\pm 1,2)	0,8 (\pm 1,3)
Социальная адаптация	0 (\pm 0)	0 (\pm 0)	0,1 (\pm 0,3)
Эмоциональные состояния	0,4 (\pm 0,9)	3,3 (\pm 2,6)	0,5 (\pm 0,8)
Общий СР	3,2 (\pm 3,7)	9,3 (\pm 6,5)	3,4 (\pm 3)

зывают родителям о своих проблемах или же родители не воспринимают эти проблемы всерьез.

Согласно Н-критерию Краскела–Уоллиса, значимые различия в подгруппах существуют по таким параметрам, как отношения со сверстниками ($N=25,6$; $p \leq 0,001$), эмоциональные состояния ($N=22$; $p \leq 0,001$) и общий СР ($N=12,2$; $p \leq 0,01$). Для выявления направления этих различий и конкретизации групп, между которыми они существуют, мы сравнили компоненты СР у подростков, согласно оценке их родителей, попарно с помощью U-критерия Манна–Уитни. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Как показал математический анализ, такой компонент СР, как эмоциональные состояния, а также общий СР, выше оценивается родителями подростков со средней степенью СР, чем подростков с высокой и низкой его степенью (см. табл. 3, 4). СР из-за отношений со сверстниками также выше оценивается родителями подростков со средней степенью СР, чем подростков с низкой его степенью. Причина, по которой родители подростков с высокой степенью СР ниже оценивают проблематичность различных сфер у своих детей, чем родители подростков со средней степенью риска, как мы уже писали выше, может заключаться в скрытности подростков или невнимательном отношении родителей к их переживаниям. В свою очередь, родители подростков со средней степенью СР более вни-

Таблица 4

Различия компонентов СР у подростков с разной степенью его выраженности, согласно оценке родителей (U-критерий Манна–Уитни)

Компоненты СР	Степень СР		
	Высокая и низкая	Высокая и средняя	Средняя и низкая
Отношения со сверстниками	–	–	176,5***
Эмоциональные состояния	–	25,5*	216,5***
Общий СР	–	31,5*	286,5***

Примечание: * – $p \leq 0,05$; *** – $p \leq 0,001$.

матерельны к своим детям и выше оценивают их трудности в различных сферах. Возможно, определенная поддержка родителей также является фактором, препятствующим дальнейшему развитию СР у подростков со средней степенью его выраженности.

Результаты измерения компонентов СР в трех подгруппах респондентов, согласно оценке их классных руководителей (по методике «Карта риска суицида», модифицированной для подростков Л. Б. Шнейдер), представлены в таблице 5.

Таблица 5

Компоненты СР у подростков с разной степенью его выраженности, согласно оценке классных руководителей (в баллах)

Компоненты СР	Группа с высокой степенью СР	Группа со средней степенью СР	Группа с низкой степенью СР
Биографические данные	-2,2 ($\pm 0,7$)	-1,2 ($\pm 2,5$)	-1,8 (± 2)
Актуальная конфликтная ситуация	-0,3 ($\pm 7,1$)	-3,3 ($\pm 4,8$)	-4,4 ($\pm 1,9$)
Волевые характеристики	2,4 ($\pm 2,3$)	2 ($\pm 1,3$)	3,3 ($\pm 0,9$)
Эмоциональные характеристики	4,1 ($\pm 9,3$)	-0,2 ($\pm 4,8$)	-1,6 ($\pm 3,3$)
Общая степень СР	4 ($\pm 15,3$)	-2,7 ($\pm 8,7$)	-4,6 ($\pm 4,9$)

Ведущим фактором СР у подростков с высокой его степенью, по мнению педагогов, выступают эмоциональные характеристики (4,1 балла), а у подростков со средней и низкой его степенью – волевые характеристики (2 балла и 3,3 балла). В целом стоит отметить, что проблемы с волевыми характеристиками, по мнению педагогов, присутствуют у подростков всех подгрупп, что объясняется, на наш взгляд, возрастными особенностями этого периода и объективно слабым волевым самоконтролем.

Согласно Н-критерию Краскела–Уоллиса, значимых различий в подгруппах не выявлено. Таким образом, гипотеза, что у подростков с высокой степенью СР, в отличие от подростков со средней и низкой его степенью, присутствуют признаки актуальной конфликтной ситуации со сверстниками, не подтвердилась. Педагоги и родители не отметили наличие таких ситуаций, а сами подростки не оценивали этот параметр.

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы.

У 7% подростков выявлена высокая степень СР, у 39% – средняя, у 54% – низкая. У подростков с высокой степенью СР показатели депрессивности, невротизации и негативного настроения выше, чем у подростков с низкой его степенью, а показатели межличностных проблем, неэффективности и негативной самооценки выше, чем у подростков со средней и низкой его степенью. Показатели общительности, напротив, ниже у подростков с высокой степенью СР, чем у подростков с низкой его степенью.

Такой компонент СР, как эмоциональные состояния, а также общий СР выше оцениваются родителями подростков со средней степенью СР, чем подростков с высокой и низкой его степенью. СР из-за отношений со сверстниками также выше оценивается родителями подростков со средней степенью этого риска, чем подростков с низкой его степенью.

Согласно оценке педагогов, ведущим компонентом СР у подростков с высокой его степенью являются эмоциональные характеристики, а у подростков других групп – волевые характеристики.

Литература

- Алимова М. А.* Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. Барнаул, 2014.
- Амбрумова А. Г., Вроно Е. М.* О ситуационных реакциях у подростков в суицидологической практике // Журнал невропатологии и психиатрии. 1985. № 10. С. 1557–1560.
- Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А.* Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М., 1980.
- Амбрумова А. Г., Шаповалова Л. И.* Социально-психологические факторы в формировании суицидального поведения: Методические рекомендации. М., 1991.
- Белова А. П., Малых С. Б., Сабирова Е. З., Лобаскова М. М.* Оценка депрессивности в подростковом возрасте // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2008. № 32. С. 10–18.
- Кареева С. В., Безвербный В. А., Сорокин О. В.* Теоретико-методологические подходы к изучению факторов девиации в современной России // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 190–213.
- Личко А. Е.* Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков М.: Эксмо, 2000.
- Никифоров Г. С.* Барьеры, препятствующие здоровому поведению // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 4. С. 74–93.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Сакович Н. А.* Диалоги на Аидовом пороге: Сказкотерапия в профилактике и коррекции суицидального поведения подростков. М.: Генезис, 2012.
- Чуприков А. П., Пилягина Г. Я., Войцех В. Ф.* Глоссарий суицидологических терминов. Киев, 1999.

Влияние национально-психологических особенностей на экономическое сознание казахстанских предпринимателей

Н. А. Ладзина, Л. С. Назырова

На фоне роста этнического самосознания проявляется и закономерный рост интереса исследователей к проблемам влияния национально-психологических особенностей на различные аспекты жизнедеятельности человека. Несомненна высокая теоретическая значимость разработки данного направления. Кроме того, реальная практика требует от исследователей объяснения ряда феноменов и закономерностей, с которыми встречаются психологи-консультанты в полиэтнических коллективах. В частности, в многочисленных работах отечественных и зарубежных ученых, исследовавших предпринимательскую и управленческую деятельность, отражены четкие представления о взаимосвязи моделей профессиональной деятельности с национальной психологией их субъектов.

Одним из наиболее важных в настоящее время аспектов заявленной проблемы (в плане социально-экономических последствий) является изучение экономического сознания и экономического поведения представителей различных социальных групп и выявление объективно существующих различий, детерминированных национальной психологией (Опабекова, 2012; Павлов, 2006). Необходимо повышение эффективности процесса консультирования организаций и коучинг-сессий на основе осмысления, учета и использования национально-психологических особенностей прежде всего предпринимателей и руководителей.

Анализ теоретико-методологических подходов в исследовании экономического сознания позволяет конкретизировать социально-психологическую проблему особенностей экономического сознания личности как процесса и результата познания экономических отношений, как фактора поведения различных социальных групп, как результата отражения условий хозяйственной жизни личности (Журавлев, Журавлева, 2002; Журавлев, Позняков, 2004; Титова, 2005).

И поскольку экономическое сознание опосредовано социально-экономическим положением человека, практическим опытом, традициями, культурой и конкретными ситуациями, то на данном этапе в качестве проверки выдвинутой нами гипотезы необходимым является изучение специфики проявления национально-психологических особенностей структурных составляющих экономического сознания и экономического поведения представителей титульных этносов Республики Казахстан.

Для обоснования методологии изучения национально-психологических особенностей экономического сознания необходимым шагом является выделение этнопсихологических факторов, детерминирующих данный процесс. Это в свою очередь требует рассмотрения сущностных характеристик и системы основных понятий этнопсихологического знания.

Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что основной причиной, лежащей в основе межэтнических различий психики, является культура. Среди множества выполняемых ею функций одной из важнейших является регулятивная, в той или иной мере определяющая поведение людей. Продолжив ряд логических умозаключений, можно прийти к выводу, что культура же определяет и выбор экономических моделей как вариантов поведения человека. В процессе этнической социализации индивид усваивает и присваивает ценности, нормы, обычаи и т. п., характерные для его этнической группы. Наложение таких «культурных синдромов» на необходимость выполнять определенную социальную роль формирует определенный стиль деятельности и поведения.

Национальная психология существует в виде специфических качеств национального характера, национального самосознания, национальных чувств и настроений, национальных интересов, ориентаций, традиций, привычек, проявляющихся в форме своеобразно протекающих психических процессов и состояний человека как представителя той или иной этнической общности, национальной специфики взаимодействия, взаимоотношений и общения людей, которые обычно называют *национально-психологическими особенностями* (Крысько, 2008). Последние, концентрируя в своем содержании национальную специфику психологических процессов и состояний, а также национальное своеобразие взаимодействия, взаимоотношений и общения людей, обладают способностью детерминировать на уровне личности или группы характер функциониро-

вания этих психологических явлений, придавая ему особую направленность.

Взяв за основу разработанный Н. А. Ладзиной (Ладзина, 2002) сравнительный анализ проявления национально-психологических особенностей различных этнических групп в организационной культуре и дополнив его характеристиками специфики проявления экономического сознания и экономического поведения (см. таблицу 1), мы можем отследить очевидное влияние на компоненты экономического сознания этнопсихологических особенностей.

Основная *цель* нашего исследования заключалась в том, чтобы обнаружить различия, объясняющие национально-психологические особенности экономического сознания казахстанских предпринимателей, и изучить специфику их проявления в экономическом поведении.

Для формулирования гипотез мы использовали предложенный ранее уровневый подход к исследованию влияния национальной психологии на взаимодействие и поведение людей (Ладзина, 2002), включающий следующие постулаты. Влияние национальной психологии на совместную деятельность, взаимодействие и поведение людей осуществляется на трех уровнях: 1) уровне национального своеобразия выполнения собственно деятельности, проявляющемся в национально своеобразных стилях поведения, алгоритме и способах принятия решений, моделях и стратегиях взаимодействия, в специфических стереотипах и ролевых ожиданиях; 2) уровне национальной специфики проявления личностных качеств, отражающимся в своеобразных причинах выбора профессии и выстраивания карьеры, в структуре профессионально важных индивидуальных характеристик взаимодействия и поведения, в степени их сформированности, в специфике ценностно-мотивационной сферы личности работника как представителя определенной этнической общности; 3) уровне национального своеобразия проявления групповых детерминант взаимодействия и поведения людей, выражающемся в специфическом социально-психологическом климате коллектива, в различных факторах удовлетворенности работой, в особенностях сформированности неформальной структуры организации, в содержании ее нормативной и ценностной системы.

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

- 1) о влиянии национальной психологии на экономическое сознание, которое проявляется в следующем: в специфике экономи-

Таблица 1
Влияние этнопсихологических особенностей
на экономическое сознание

Параметры культуры	Характеристика параметра в казахской культуре	Проявление параметра в экономическом сознании казахов	Характеристика параметра в русской культуре	Проявление параметра в экономическом сознании русских
Индивидуализм— Коллективизм	Групповые цели (семья, род) превалируют над индивидуальными	В выборе партнеров по бизнесу, инвесторов приоритет может отдаваться родственникам	Групповые цели (община, друзья) превалируют над индивидуальными	В выборе партнеров по бизнесу, инвесторов приоритет может отдаваться друзьям, коллегам по прежней работе
Маскулинность— Фемининность	В системе ценностей преобладает пресс воспитания с упором на взаимность и служение друг другу. Выраженная мужественность системы ценностей	Превалирует экономическое поведение, направленное на повышение благосостояния семьи. Большая часть доходов тратится на родственников	Феминность выражена больше, чем в казахской культуре, более сильная мотивация достижений	Превалирует соревновательное экономическое поведение
Толерантность	Низкая толерантность к людям с отличающимися идеями и поведением, тенденция к внутригрупповому согласию, санкции по отношению к людям, нарушающим этнические нормы	Ориентация в оценке деятельности на выходящие органы (госслужбы), на критерии отношений, следование нормам, жесткая система санкций. Конформное поведение, избежание конфликтов	Более высокая толерантность к другой системе ценностей	Ориентация в оценке профессиональной деятельности на деятельностные критерии, проявление самостоятельности, нетерпимость к другому способу действий

Продолжение таблицы 1

Параметры культуры	Характеристика параметра в казахской культуре	Проявление параметра в экономическом сознании казахов	Характеристика параметра в русской культуре	Проявление параметра в экономическом сознании русских
Избегание неопределенности	Высокий уровень избегания неопределенности в нормативном поведении	Стремление к «прописыванию» правил ведения дел, высокая склонность к риску при поддержке семьи	Более низкий уровень избегания неопределенности, меньшая нормативность и конформность поведения, чем в казахской культуре	Возможность продуктивной работы в ситуации неопределенности, отсутствие жестких инструкций, готовность к риску
Отношение ко времени	Ориентация во времени на прошлое и настоящее	Легче ставят и реализуют краткосрочные цели и задачи («короткие деньги»), живут «здесь и сейчас»	Ориентация во времени на прошлое и будущее	Часто ставят долгосрочные цели, зачастую игнорируют проблемы сегодняшние ради реализации задач в будущем
Эмоциональный контроль	Степень допустимости эмоциональной экспрессивности на вербальном уровне достаточно низкая, высокий эмоциональный контроль	Хорошо контролируют эмоции, сдержанны. Закрытость жестов и чувств	Высокая степень допустимости эмоций. Открытость в выражении чувств	Эмоциональная несдержанность, открытость проявления чувств, выраженные жесты, мимика

Параметры культуры	Характеристика параметра в казахской культуре	Проявление параметра в экономическом сознании казахов	Характеристика параметра в русской культуре	Проявление параметра в экономическом сознании русских
Дистанция власти	Большая дистанция власти, при этом допускается в дискурсе подчеркивание родственных отношений	Высокая иерархичность, полное подчинение руководителю. Больше значение придается фактору отношений, исполнительности	Более короткая дистанции власти	Плоские управленческие структуры, больше делегирования полномочий, фактору отношений придается меньшее значение
Высокая/низкая контекстность	Высокая контекстность отношений	Высокое значение статуса, дипломатичность высказываний. Изменение дискурса речевого этикета на термины родства	Средний уровень контекстности отношений и поведения	Низкая рефлексия отношений фактора, прямота высказываний
Дистанция общения	Большая дистанция с людьми, не входящими в круг родственников (при этом круг родственников включает дальнее родство)	При построении деловых контактов превалирует замкнутость на своей этнической группе. Стремление к переходу на неформальный уровень общения	Низкая дистанция общения	Излишняя открытость в общении, игнорирование иерархических ролей, что часто приводит к конфликтам

ческого поведения; в специфике ценностной структуры; в уровне интернальности экономических отношений, их модальности; в личностных конструктах, описывающих экономические представления казахов и русских; в дифференциации представлений об экономических ролях и экономическом партнерстве; в различии структуры становления финансовых отношений в казахских и русских семьях; в специфике формирования управленческих команд и модераторов экономической политики;

- 2) о влиянии ряда факторов на формирование экономического сознания – социально-политических, социально-экономических, культурологических, фактора профессиональной деятельности;
- 3) о том, что в качестве условий, способствующих формированию продуктивного экономического сознания, выступают степень сформированности экономических знаний, уровень рефлексивности экономического поведения и экономическая компетентность.

На основании поставленных целей нами были выдвинуты группы исследовательских *задач*, из которых в данной статье мы остановимся на одной: с помощью метода «Цветовых метафор» М. Люшера в модификации И.Л. Соломина выявить мотивы экономического поведения и определить ценностное отношение к экономическим категориям (деньги, инвестиции, собственное дело, риск и т. д.) в каждой группе респондентов.

Особенности и специфика проявления экономического сознания титульных этносов Казахстана исследуются по данной программе у представителей малого и среднего бизнеса – частных предпринимателей, являющихся руководителями различных ТОО либо соучредителями данных фирм. Включение в фокус исследовательского интереса особенностей экономического сознания предпринимателей не случайно: именно предпринимательская деятельность наиболее ярко и адекватно представляет проявление всех выделенных критериев экономического сознания и поведения.

Метод цветовой метафор И.Л. Соломина создан на основе цветового теста отношений (ЦТО) А. Эткинды с целью выявления мотивации человека (подробнее о применении данной методики в этнопсихологических исследованиях см.: Данилевич, Ладзина, Назырова, 2004; Соломин, 2000).

Мы посчитали необходимым использование данного метода для выявления эмоционально-мотивационного отношения к струк-

турным составляющим экономического сознания и определения типов поведения. В связи с этим был предложен список понятий, характеризующих структурную компоненту экономического сознания и виды экономического поведения. Все понятия были разбиты на блоки. В первый блок вошли понятия, характеризующие *отношение к финансовой сфере*: инвестиции, кредиты, ценные бумаги, капитал, вклады, собственность, стартовый капитал, сделки, затраты. Во второй блок мы поместили понятия, характеризующие *отношение к личной жизни и деятельности*: моя семья, мое здоровье, успех, партнерство, бизнес, собственное дело, производство, посредничество, труд, расширение фирмы, качество деятельности. Третий блок содержит понятия, характеризующие *временную компоненту*: мое прошлое, мое настоящее, мое будущее. В четвертом блоке мы расположили понятия, характеризующие *межличностные отношения*: дружба, общение, конфликты, указания, исполнение, замкнутость, скрытность, доверие, лицемерие, компаньон, раздражение, удовлетворение, деловые контакты. В пятый блок входят понятия, характеризующие *отношение к социально-экономическим факторам*: налоги, инфляция, экономический рост, экономический кризис, экономическое образование, стабильность национальной валюты, контролирующие органы, реформы, указы, элементарные экономические знания. Шестой блок состоит из понятий, характеризующих *отношение к закону*: взяточничество, обман, казнокрадство, законопослушность, конституция, государство, служебное положение, коррупция, профессиональная этика. Седьмой блок содержит понятия, характеризующие *отношение к профессиональной деятельности*: риск, собственное дело, богатство, независимость, конкуренция, прибыль, принятие решений, лидерство, оптимизм, выгода, руководитель, выигрыш, ответственность, потребность в достижениях, эффективность, моя стратегия, эгоизм, альтруизм, жизненный опыт, радость.

Основаниями для составления списка послужили структурированное интервью и анализ теоретического материала. Краткость статьи не дает нам возможность детально проанализировать весь кластер вербальных характеристик и мотивов, но позволяет представить их дифференциацию между казахскими и русскими предпринимателями.

Обработка данных сводилась к подсчету количества случаев обозначения понятия каждым из восьми цветов и к выделению на основе этого восьми групп понятий. Более детальному анализу под-

вергались те группы, которые включали в себя интересующие нас понятия — «бизнес», «кризис», «коррупция». Кроме того, нами было подсчитано общее число совпадений присвоения всеми респондентами группе понятий одного и того же места, т. е. сколько всего человек обозначили все понятия, входящие в одну группу, цветом, занимающим в их индивидуальных цветовых рядах одинаковое место. Вычисление коэффициента вариации (v) позволило нам определить процентную долю всех признаков, которые не входят в модальную категорию. В общем, чем меньше коэффициент вариации, тем типичнее, или значимее (верно отражает картину), мода.

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что предприниматели-казахи объединяют понятие «бизнес» в одну группу с шестью понятиями и ставят их на первое место по степени привлекательности.

Объединение анализируемого нами понятия с шестью остальными можно проинтерпретировать следующим образом. Бизнес воспринимается как неотъемлемая часть жизнедеятельности и ее необходимое условие. Он влияет на благосостояние семьи в настоящем, дает власть над подчиненными, в рамках него происходит общение с влиятельными людьми. Кроме того, предпринимательская

Таблица 2
 Модальные категории понятий
 по группе предпринимателей казахской национальности
 (первое место по степени привлекательности)

Понятия	Частота использования понятий (в %)
Мой имидж	64
Моя семья	55
Богатство	52
Власть	54
Общение	55
Мои подчиненные	49
Карьера	46
Общее число совпадений	43
Коэффициент вариации	0,37

деятельность рассматривается как возможность дальнейшей карьеры в госструктурах.

У предпринимателей русской национальности выявляется несколько иная тенденция в отношении к анализируемому нами понятию (см. таблицу 3). Вероятно, для данной группы испытуемых предпринимательская деятельность – это прежде всего труд и обязанности, выполняемые в рамках своей организации, которые дают респондентам независимость, власть, материальное благополучие и возможность самовыражения.

Нас интересовал блок отношения к закону и инновационным понятиям, поэтому мы проанализировали модальность совпадений по категории «экономический кризис» и «коррупция». В казахской выборке данные понятия находились на 4 и 5 месте соответственно, что показывает отрицательное отношение. Кроме того, они были объединены с такими понятиями, как «налоги», «реформа», «государство и власть», «казнокрадство». В русской выборке понятие «кризис» находилось на 3 позиции, что говорит о значимом в эмоциональном плане значения данной категории. В кластер с этим понятием были включены категории «государство», «принятие решений», «стратегия». Категория «коррупция» находилась на пятом месте,

Таблица 3

Модальные категории понятий
по группе предпринимателей русской национальности
(первое место по степени привлекательности)

Понятия	Частота использования понятий (в %)
Мое будущее	69
Труд	54
Независимость	67
Материальное благополучие	44
Моя организация	61
Власть	46
Риск	56
Общее число совпадений	41
Коэффициент вариации	0,39

как и в казахской выборке. Однако кластер характеристик включал иные понятия: «служебное положение», «контролирующие органы», «родственники». Коэффициент ковариации в обоих случаях был выше 0,5, что позволяет говорить скорее о тенденции, чем о статистическом различии между выборками.

Итак, рассмотрение результатов исследования подтверждает явную дифференциацию мотивационных и эмоционально-ценностных компонентов экономического сознания казахов и русских, что расширяет спектр исследования экономического поведения различных этнических групп.

Полученные результаты призывают уделить большее внимание специфике и особенностям проявления национальной психологии во всех сферах жизнедеятельности личности, углубляют научные представления о возможностях диагностики такой сферы личности, как экономическое сознание. Анализ различий в моделях экономического поведения казахов и русских, традиции более тесного родственного решения экономических проблем в казахской семье позволяют сделать предположение, что стандартные оценки финансового состояния семьи казахов и русских по уровню дохода на одного члена семьи не дают реальной картины экономической ситуации.

Литература

- Данилевич Ю. И., Ладзина Н. А., Назырова Л. С.* Этнопсихологические исследования: методология и методики: Учебное пособие. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ, 2004.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А.* Динамика экономического сознания российских предпринимателей в 90-е годы XX века // Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 122–144.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Крысько В. Г.* Этническая психология. М.: Академия, 2008.
- Ладзина Н. А.* Особенности организационной культуры предприятия в условиях полиэтничного государства // Региональное развитие Казахстана за десять лет независимости республики: соци-

ально-экономический анализ: Сб. науч. трудов. Усть-Каменогорск: Облакимат–МКИОС РК, 2002. С. 123–131.

Опабекова А. Б. Влияние национальных особенностей на психологическое поведение в бизнесе // Психологические науки: теория и практика: Материалы Международной научной конференции (февраль 2012 г., Москва). М.: Буки-Веди, 2012. С. 54–57.

Павлов К. В. Национальные особенности экономического поведения // Приоритеты России. 2006. №4. С. 1–7.

Позняков В. П., Титова О. И. Конкурентные и партнерские отношения российских предпринимателей: региональные и гендерные особенности // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. Т. 2. С. 181–204.

Соломин И. Л. О «цветовых метафорах», и не только о них // Психологическая газета. 2000. № 3/54. С. 12–15. 2001. № 2/65. С. 16–19.

Hofstede G. Culture consequenses. CA: Sage Publications, 1980.

Проблемы взаимодействия в бригаде летного экипажа воздушного судна

З. В. Машарский, О. С. Машарская

При организации воздушных перевозок вопросы бригадной работы становятся все более и более важными. Знания них накапливались в течение десятилетий, что привело к значительному прогрессу в понимании данного феномена. В настоящее время больше стало известно о совместимости характеров членов бригады, о руководстве ею и принятии решений, о взаимоотношениях между ее членами, об их компетентности и о бригадной работе в целом. В целях повышения уровня безопасности полетов и авиационной безопасности летному экипажу необходимо общаться, сотрудничать и работать единой бригадой.

Индивидуальные, бригадные, целевые и рабочие характеристики соответствующим образом воздействуют на процесс выполнения бригадной работы, который, в свою очередь, влияет на качество работы бригады. От работы бригады требуется более чем просто работа одного человека; даже квалифицированный летный экипаж может трудиться неудовлетворительно в составе бригады. Когда члены экипажа хорошо работают вместе, то подразумевается, что они дополняют действия друг друга. При этом качество работы совместно работающих людей в составе бригады выше качества проделанной работы каждого отдельного человека. Хорошая работа в команде основана на концепции синергизма («synergy» — технический термин из мира медицины, который означает «работа вместе»). Это такая концепция взаимодействия, при которой объединенные усилия группы людей превышают сумму индивидуальных усилий. Коллективная работа может считаться успешной, если результат ее лучше, чем сумма результатов деятельности отдельных членов экипажа.

Синергизм возникает в результате взаимодействия членов экипажа, каждый из которых поощряется к эффективному участию в решении общих задач. Маловероятно, что удастся достичь взаимо-

действия, если все члены экипажа не вполне понимают свои роли в группе и то, как эти роли могут меняться в зависимости от обстоятельств, в которых выполняются действия и принимаются решения.

Соответственно, хорошее взаимодействие в группе, высокая степень осознания ситуации и точное понимание процесса принятия решения всеми членами экипажа — необходимые условия достижения синергизма и эффективной работы всей команды.

Условиями синергизма являются:

- общая (совместная) цель;
- четкая экипажная структура;
- четкое распределение задач;
- дух команды;
- хорошее руководство.

Структура организации работы летного экипажа при наличии четко определенных ролей и обязанностей каждого члена экипажа должна привести к более высокому уровню взаимодействия. На борту воздушного судна командир корабля является командиром экипажа. Старший бортпроводник летного экипажа сообщает командиру корабля о возникновении любой проблемы эксплуатационного или коммерческого характера. Командир корабля информирует старшего бортпроводника об оперативных и технических проблемах, а тот, в свою очередь, сообщает об этом остальным членам летного экипажа.

Для организации взаимодействия между членами летного экипажа необходимо соблюдать следующие условия:

- распределение задач (т. е. кто и за что отвечает): старший член экипажа распределяет обязанности и роли членов летного экипажа, согласно «Технологии работы бортпроводников», где говорится о том, что должен делать каждый член летного экипажа, в какое время кто и за что конкретно отвечает;
- распределение власти и передача функций руководства (поскольку в каждой бригаде должен быть руководитель);
- дружественные и профессиональные отношения.

В последнее время повышенное внимание привлекают аспекты определения качества работы бригады. К критическим аспектам бригадной работы относятся: оценка процесса работы бригады (отношения и координация), результаты ее работы и компетенции каждого

отдельного члена экипажа или бригады в целом. К инструментам, которые можно использовать для оценки качества работы бригады с точки зрения выполнения процесса, относятся:

- анализ критических инцидентов;
- оценка квалификации;
- анализ взаимоотношений.

Такие характеристики бригадной работы, как, например, сплоченность коллектива и компетентность членов бригады, также влияют на ее качество. На сплоченность коллектива оказывают влияние приверженность делу и стандарты бригады для достижения приемлемого качества работы. Сплоченность в большей степени влияет на работу бригады в реальных условиях, а желание выполнить задачи оказывается наиболее важным компонентом сплоченности коллектива.

Следует отметить, что большое влияние на качество и эффективность бригадной работы оказывает *совместимость* членов летного экипажа, которая имеет свои критерии оценки:

- результат деятельности;
- интеллектуально-энергетические затраты ее участников;
- удовлетворенность членов экипажа этой деятельностью.

Совместимость рассматривается как трехуровневое понятие. В основе лежит первый уровень — *психофизиологический*. Члены экипажа имеют различные психофизиологические особенности: индивидуальный темп работы, зависящий от особенности темперамента; степень физического развития и выносливости; устойчивость качества деятельности в напряженной обстановке; уровень профессиональных способностей и подготовленности, натренированность двигательных навыков и умений. Второй уровень — *личностный*: общность интересов, потребностей, мотивации поступков, отношения к деятельности, коллегам и жизни; сходство моральных и деловых качеств, определенных особенностей характера (честолюбие, стремления к истине и др.), общекультурного и интеллектуального развития. Третий уровень — *коммуникативный* (социальный), различия в особенностях общения.

Далеко не каждый вид совместной деятельности требует психофизиологической совместимости ее членов. Где деятельность более индивидуальна, там достаточно только социального (коммуникативного) уровня. Деятельность летного экипажа, напротив, требу-

ет высокой степени совпадения всех трех уровней совместимости у его членов.

Можно выделить следующие типы поведения людей при совместной работе:

- люди, которые могут решать задачу, лишь подчиняя себе других членов группы;
- индивидуалисты, пытающиеся решить задачу в одиночку;
- приспособляющиеся к группе, легко подчиняющиеся;
- коллективисты, старающиеся решить задачу совместными усилиями, не только принимая предложения других, но и выступая с инициативой.

Для летных экипажей наиболее эффективны коллективисты, наиболее губительны – индивидуалисты, так как только совместная и слаженная работа способна обеспечить необходимую безопасность полетов.

Эффективность и действенность работы бригады летного экипажа в большой степени зависит от руководителя. *Роль руководителя* состоит из следующих компонентов:

- четкое заявление об ожидаемых результатах;
- координация и контроль;
- расчет объема работы и времени ее выполнения;
- предотвращение и разрешение конфликтов;
- умение слушать и выполнять предложения членов бригады;
- четкое обеспечение и сохранение стандартов безопасности и обслуживания;
- принятие решений.

Хороший лидер также обладает следующими характеристиками:

- создает атмосферу, которая способствует взаимодействию членов команды;
- выслушивает результат и предложения членов команды;
- мотивирует команду путем признания заслуг и похвалой, когда необходимо;
- берет инициативу на себя и помогает членам команды закончить задание в случае сложной ситуации;
- остается спокойным в конфликтной ситуации, способен быть объективным и предлагать решения конфликта;

- имеет способность различать, «что верно, а не кто прав»;
- умеет решать проблемы путем сбора информации, определения проблемы, поиска ответов;
- информирует членов команды в случае изменения плана;
- не лишен чувства юмора.

Иногда руководство соотносится с признанной должностью на служебной лестнице в организации, обеспечивающей полномочия руководителя. Статус командира корабля и старшего члена летного экипажа определяется авиакомпанией. Руководитель также определяется характеристиками личных качеств, отношением к работе и пониманием им различных ценностей. Руководство иногда осуществляется человеком, который не занимает должность руководителя, но делает это ввиду особой компетенции, требующейся в данной ситуации (т. е. ситуационное руководство).

Хороший руководитель имеет соответствующие технические знания, обладает способностями к эффективному общению с различной аудиторией в разнообразных обстоятельствах, координирует работу и управляет действиями бригады, успешно разрешает конфликты, умеет слушать своих подчиненных. Руководитель также оказывает помощь членам бригады, координируя их работу и передавая им соответствующие их уровню полномочия по решению проблем с целью предоставить свободу при выполнении работы. Очень важно, чтобы в рамках организационной политики оговаривалась компетенция таких руководителей, имелись инструменты для их эффективного отбора и программы обучения, помогающие им постоянно совершенствоваться.

Подводя итог, можно сказать, что главной целью бригадной работы является высокое качество принимаемых решений в течение всего полета. В этом контексте тщательное предполетное планирование не только устанавливает надежные критерии для принятия решений в полете, но и помогает членам экипажа эффективно выполнять конкретные обязанности. Понимание плана позволяет членам экипажа участвовать в принятии решений в полете. В дальнейшем важно, чтобы командир воздушного судна регулярно корректировал понимание плана членами экипажа, сообщая о любых его изменениях по ходу выполнения полета. Это особенно важно в нештатных и аварийных ситуациях, когда условия, влияющие на безопасность полета, меняются очень быстро. В этих условиях регулярное обнов-

ление представлений о состоянии полета позволяет каждому члену экипажа сохранять достаточное понимание ситуации и быть в курсе текущих задач, чтобы эффективно участвовать в процессе принятия решений. Участие всех членов экипажа в процессе принятия решений не означает, что все решения должны приниматься методом голосования. Степень участия подчиненных членов экипажа в известной мере зависит от контекста (условий) и типа деятельности (поведения), лежащей в основе механизма принятия решения.

Литература

Козлов В. В. Человеческий фактор в условиях перехода к управлению безопасностью полетов. М.: Полиграф, 2011.

Козлов В. В. Человеческий фактор: история, теория и практика в авиации. М.: Полиграф, 2014.

Рыбалкин В. В., Зубков Б. В. Человеческий фактор и безопасность полетов: Учеб. пособие. М.: МГТУГА, 1994.

Циркуляр ИКАО 240-AN/144. Человеческий фактор. Сборник материалов № 7. Изучение роли человеческого фактора при авиационных происшествиях и инцидентах. 1993.

Актуальность социально-психологического обучения школьников начальных классов

А. С. Силаков

Впервые приходя в школу, учащиеся начальных классов начинают не только осваивать систему знаний, предусмотренных государственными образовательными стандартами, но и включаются в сложную систему взаимоотношений как со взрослыми, так и со сверстниками. Они на девять или одиннадцать лет входят в состав новых групп – школьных классов. В них дети проводят значительную часть своего времени, развивая навыки общения и взаимодействия. Но, к сожалению, этот процесс часто оказывается вторичным на фоне задач, стоящих перед школой.

Из перечня требований к результатам освоения Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) начального общего образования можно выделить лишь два, носящих непосредственно социально-психологический характер. В разделе, посвященном личностным результатам его освоения (пункт 9), говорится о развитии навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками в разных социальных ситуациях, умений не создавать конфликтов и находить выходы из спорных ситуаций. В разделе, посвященном метапредметным результатам (пункт 13), говорится о готовности к конструктивному разрешению конфликтов за счет учета интересов всех сторон и сотрудничества (Федеральный..., 2009).

С ценностью этих требований трудно не согласиться. Но как именно их можно реализовать, и можно ли говорить о наличии *социально-психологического обучения* в начальной школе? Под ним, в рамках поднятой темы, мы понимаем такую систему воздействий на личность и коллектив, которая позволяет передать систему знаний о базовых закономерностях межличностного общения, механизмах воздействия на личность и группу, причинах конфликтов и способах их разрешения. На базе этих знаний должны формироваться умения, позволяющие эффективно общаться, снимать возникающую

при взаимодействии напряженность, строить такую систему межличностных отношений, в которой каждый получает возможность реализовать свои социальные потребности, полноценно общаться со сверстниками, идентифицировать себя с группой, членом которой является. На групповом же уровне главным показателем эффективности социально-психологического обучения выступает позитивная динамика группового развития, проявляющаяся в формировании общегрупповых просоциальных ценностей, в положительной психологической атмосфере в группе, в росте групповой сплоченности, организованности группы и в повышении качества внутригрупповой коммуникации.

Несомненно, что достижение таких результатов является крайне важным. Но если учесть общий объем обязанностей педагога начальной школы, прежде всего организационных и дидактических, то вряд ли можно ожидать от него активной работы по формированию социально-психологических знаний и умений своих подопечных, и прежде всего — первоклассников, потому что именно с приходом в школу начинается процесс группообразования, зарождается система межличностных отношений, закладывается фундамент общения и взаимодействия, значимый для всей дальнейшей школьной жизни данного класса.

На протяжении ряда лет студентам Курского государственного университета, готовящимся стать учителями начальной школы, задавался вопрос о необходимости социально-психологического обучения детей и готовности будущих педагогов к такой деятельности. Все 100% опрошенных признавали высокую важность такой работы, говорили о своем желании заниматься сплочением ученической группы, развитием навыков общения, конструктивного решения конфликтов.

Аналогичное обсуждение велось и с действующими учителями начальных классов, имеющими разный стаж работы. Никто из них не отрицал значимости вышеназванных целей, но, говоря о реальных действиях по их достижению, более 70% из них признавали, что у них банально не хватает времени на подобные занятия. На первое место выходят именно учебные показатели, организационная работа со школьниками, а целенаправленная коррекция недостатков межличностного общения возникает лишь в случае каких-либо негативных происшествий. Да и тогда все часто сводится к купированию последствий неумения или нежелания детей учитывать ин-

тересы сверстников, а не к работе с причинами такого поведения. Соответственно, если все идет тихо и гладко, то и необходимости в целенаправленном социально-психологическом обучении детей как бы нет. Заметим, что явных взаимосвязей между готовностью уделять особое внимание развитию социально-психологических характеристик учебной группы и стажем работы не было обнаружено. Более значимым фактором, с нашей точки зрения, выступает личная мотивация педагога к работе с детьми в данном направлении.

В период с 2011 по 2018 гг. мы проводили ретроспективные опросы студентов Курского государственного университета, обучающихся в бакалавриате и магистратуре по направлению «Психология». Всего было опрошено 146 человек в возрасте от 19 до 25 лет. Им давалось задание вспомнить собственные годы обучения в начальной школе и такие действия своего первого учителя, которые можно было бы трактовать как направленные на развитие умения общаться, гасить конфликты, слушать другого и т.д. Респонденты на момент исследования имели достаточный объем психологических знаний, были осведомлены о различных социально-психологических закономерностях межличностного и внутригруппового общения, представляли основные направления работы учителя в данной сфере. Тем не менее, ни один из них не смог уверенно сказать, что их педагоги реализовали какую-либо целенаправленную деятельность по обсуждаемой теме.

Несомненно, можно сказать, что эти результаты недостаточно надежны, так как эффективное педагогическое воздействие как раз и не должно «идти в лоб» и быть заметным для детей, опосредованное влияние гораздо эффективнее прямого. Также признаем, что в памяти младшеклассника могли просто не сохраниться интересные нас события.

Однако косвенным подтверждением реальности обсуждаемой проблемы выступает следующий факт. Далее этих же студентов спрашивали, могут ли они назвать свой бывший школьный класс дружным, сплоченным коллективом. Увы, но 82% из них либо сразу отрицали это, либо уточняли, что в классе им было достаточно комфортно, но сам он был разбит на несколько микрогрупп по интересам и не воспринимался ими как единое целое. Представляется, что это все-таки достаточно явный показатель нехватки социально-психологической работы со школьниками. Оставшихся 18%, тепло вспоминающих своих школьных товарищей, просили уточнить, благодаря чьим усилиям их класс стал высокоразвитой группой.

пой. В 2/3 случаев бывшие школьники не видят в этом заслуги педагогов, и лишь 1/3 признала их положительную роль.

Респондентам был также задан вопрос о том, когда в классе сложился доминирующий на протяжении всего обучения стиль общения и взаимодействия. Почти 90% студентов указали на первые годы обучения в школе.

Ни в коем случае нельзя рассматривать приведенные показатели как упрек учителям начальной школы. Многие из них прекрасно понимают обозначенную проблему и стараются в меру сил решать ее. К сожалению, этих сил часто оказывается недостаточно, так как все они направлены прежде всего на реализацию учебной программы. Усилия педагогов-психологов в этот период также сосредоточены на том, чтобы скорректировать те или иные трудности, возникающие у школьников в ходе обучения, а социально-психологические аспекты их жизнедеятельности часто сводятся к внешним показателям адаптации ребенка к школьной жизни (Содержание деятельности..., 2016).

Вполне справедливо замечено, что в тех условиях реализации целей образования, которые заданы новым поколением образовательных стандартов, резко возрастает роль различных социальных технологий и активных методов обучения, способных кардинально менять характер учебной деятельности. По-прежнему открытым остается вопрос о том, как сочетать воспитательные действия школы, регулируемые на общественном уровне, и зачастую противоречащие им воспитательные действия семьи, регулируемые собственными взглядами родителей (Хухлаева, Кядикова, 2014). Однако упоминавшиеся выше личностные и метапредметные результаты психологического и социального развития учащихся являются целевыми ориентирами именно образовательных программ, а значит, и реализовывать их должны педагоги. Согласно закону Российской Федерации об образовании, психолог подключается к образовательному процессу только тогда, когда ребенок испытывает явные сложности в обучении, когда педагогические средства воздействия уже неэффективны (Андреева, Данилова, 2016).

Несомненно, значительный вклад в решение данной проблемы может внести внеурочная деятельность. Она идет по пяти основным направлениям развития личности (спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, социальное, общеинтеллектуальное, общекультурное), реализуется в различных формах на протяжении

всего школьного обучения; при этом как минимум в трех последних направлениях психологическая составляющая выглядит вполне естественной и даже необходимой (Серафимович и др., 2016). Но все же охват начальной школы внеурочной деятельностью достаточно далек от ста процентов, и для большинства конкретных ее направлений задачи социально-психологического плана выступают лишь вспомогательными.

Таким образом, приходится констатировать, что хотя потенциальных возможностей для социально-психологического обучения младших школьников и немало, но получение соответствующих знаний и умений часто является либо узконаправленным, отвечающим конкретным потребностям взаимодействия в системе «учитель – ученик», либо вообще пускается на самотек. Итогами являются стихийно возникшая система внутригрупповых отношений в классе или перенос в школу тех навыков общения, которые сформировались за ее пределами. Это чаще всего приводит к тому, что учебная группа не превращается в общность, референтную для своих членов.

Высокий авторитет первого учителя дает педагогу шанс активно формировать именно ту систему межличностных отношений, умений и навыков общения, целей и ценностей группы, которая может стать фундаментом для роста сплоченности, качественных, позитивных взаимосвязей школьного коллектива на весь период обучения. К сожалению, рассчитывать в этом плане лишь на энтузиазм педагогов, с учетом их реальной нагрузки, слишком оптимистично. Данную проблему помогло бы решить введение отдельных форм работы, расширение возможностей и кадрового состава психологической службы, в идеале – появление в школе и социальных психологов, ориентированных прежде всего не на обеспечение учебного процесса как такового, а на помощь школьникам в решении проблем общения, в развитии учебных групп до высокого уровня. Это позволило бы решить целый спектр задач, начиная от психического здоровья детей и заканчивая полноценной реализацией их потребности в общении со сверстниками в рамках школы, их эффективной социализации.

Литература

Андреева А. Д., Данилова Е. Е. Психолого-педагогическое сопровождение учащихся начальной школы в современных социокуль-

турных условиях: новые проблемы и факторы риска // Вестник Мининского университета. 2016. № 2. С. 30.

Серафимович И. В., Куликова С. Ю., Баранова Ю. Г. К вопросу об особенностях социально-психологического сопровождения формирования и развития личностных результатов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 2. С. 262–267.

Содержание деятельности педагога-психолога: Методические рекомендации / Под общ. ред. Н. П. Анисимовой, И. В. Кузнецовой. Ярославль: ИД «Канцлер», 2015.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. 6 октября 2009 г. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/922> (дата обращения: 10.10.2018).

Хухлаева О. В., Кядикова Е. А. Структура деятельности педагога-психолога в соответствии с профессиональным стандартом // Справочник педагога-психолога. М.: МЦФЭР, 2014. № 12. С. 4–11.

Стиль жизни героев телевизионных сериалов как фактор формирования потребительских предпочтений зрителей

Т. В. Фоломеева

В данной работе под сериалом понимается разновидность телевизионных передач, имеющих продолжительный сюжет, который раскрывается серия за серией (Allen, 1985). Повествование в сериалах строится по типу сюжетной арки (последовательность эпизодов, связанных *общей сюжетной линией*), которая может охватывать несколько серий, а иногда объединять пару сезонов (Fulton et al., 2005). Такое построение отличает сериалы от традиционного эпизодического телевидения.

Сериалы изначально были неотъемлемой частью телевидения (Барсукова, 2011), однако значение их сейчас во многом изменилось. Новой и основной отличительной чертой современных сериалов становится их общедоступность. Так, после выхода очередного эпизода найти его можно при помощи Интернета в любом формате и на любом языке. Возможности виртуального пространства в значительной степени расширили аудиторию большинства сериалов не только в языковом плане, распространив возможность просмотра на все страны и регионы, но и во временном. Новый формат медиaproстранства позволяет просматривать и пересматривать сериалы любой давности, в отличие от формата телевидения, ограничивавшего срок «жизни» сериала рамками сетки вещания.

Появилась «культура сериалов» (Лапина-Кратасюк, 2011), сформированная зрительской аудиторией, особо увлеченной конкретным сериалом. Подобная культура представлена сообществами, посвященными обсуждению сериала на сайтах и в социальных сетях, попытками фанатов сериала дописать, раскрыть или переписать истории, увиденные на экране, с использованием того же вымышленного

Работа выполнена в рамках НИР по гранту РФФИ № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

мира, времени и персонажей (так называемые «фанфики»). Она поддерживается ориентированными на эту аудиторию магазинами товаров, встречами с актерами на различных мероприятиях, продажей реальных предметов со съемок.

П. М. Валькенбург с соавт. в статье «Медиаэффекты: теории и исследования» выделяют пять основных положений данных теорий (Valkenburg et al., 2016):

- избирательность при использовании СМИ определяется тремя группами факторов: диспозиционными, факторами развития и факторами социального контекста;
- определенные свойства СМИ (модальность, свойства контента, структурные свойства) являются предикторами влияния;
- медиаэффекты имеют косвенное влияние;
- медиаэффекты условны, они могут быть усилены или ослаблены индивидуальными различиями и факторами социального контекста;
- транзактность медиаэффектов предполагает взаимные причинно-следственные связи между характеристиками пользователей медиа, их выборочным просмотром контента, другими факторами в их социальном окружении и последствиями просмотра.

В структуре сериала, независимо от жанра, есть главный герой или герои. Группа героев чаще, чем единичный персонаж, является повествовательным (нарративным) фокусом в ситкоме. Именно благодаря взаимодействию персонажей, а не просто активности и действиям одного героя, развивается сюжет сериала.

Все сериалы представляют собой рассказ о нормах и способах повседневного существования, к какой бы сюжетной линии они ни относились. Многосерийность вносит в повествование характер некой неизменности, стабильности, вне зависимости от того, повествуется ли о приключениях персонажа в вымышленном мире или о жизни самой обычной современной семьи. Отражением стабильного персонажа становится его стиль жизни, который является главным аспектом сюжетной линии сериала (Рапопорт, 2013).

Достаточно продолжительный сериал охватывает в большей или меньшей степени все стороны жизни, а значит, и ее экономическую составляющую. Тут важно подчеркнуть, что экономическая сторона жизни представлена не только в сериалах о современной повседневной жизни. В любой футуристической вселенной нельзя

избежать пояснений о том, как именно трансформировалась экономическая сфера. Каждый персонаж оказывается в том или ином экономическом контексте: он ходит в магазины, работает, сталкивается с рекламой, предпочитает некоторые бренды, формирует отношение к экономической ситуации в стране и т. д. Обязательное наличие экономического контекста позволяет предположить, что информация о поведении персонажа, преподнесенная в доступном и легко запоминаемом виде, может оказывать некоторое влияние на потребительское поведение и потребительские предпочтения аудитории.

Планируя исследование, мы опирались на концептуальную схему социально-психологического подхода к изучению потребительского поведения (Фоломеева, 2012). Конструирование потребительских предпочтений происходит на социальном и индивидуальном уровнях, т. е. эти предпочтения изменчивы. Их изменчивость основывается на культурном производстве обществом потребительских норм и на социальных изменениях. Телевизионный сериал можно рассматривать как источник потребительских норм для определенной группы. При этом мы предполагаем, что сериал является источником подтверждения данных норм и в гораздо меньшей степени задает их сам.

Процесс потребления можно рассматривать как процесс классификации и социальной дифференциации, определения (подтверждения) своей идентичности. Потребление становится особой формой представления себя другим, превращается в потребление символов. Сериал может рассматриваться как один из источников этих символов, так как в нем раскрывается образ жизни представителя определенной социальной группы.

Важной тенденцией в изучении потребительского поведения является внимание к концептуальному потреблению (англ. *conceptual consumption*). Д. Ариэли и М. Нортон описали случаи, когда желание людей потратить «концепт» подталкивает их к материальному потреблению, ситуации, когда люди отказываются от потребления привлекательного продукта в пользу концептуального потребления, и случаи, когда люди ради концептуального потребления идут на приобретение товара или услуги, которые могут нанести вред здоровью (Ariely, Norton, 2009).

Проблема нашего исследования, проведенного совместно Н. А. Носковой в 2017 г., заключалась в поиске взаимосвязей между

стилем жизни героев в телевизионном сериале и потребительскими предпочтениями его зрителей, в выявлении наиболее сходных характеристик стиля жизни зрителей и героев сериала. Анализ литературы позволил выдвинуть следующие гипотезы исследования:

- 1) чем более сходны стиль жизни героев сериала и его зрителей, тем более сходны их потребительские предпочтения;
- 2) чем более привлекательными кажутся зрителям герои сериала, тем более сходны стиль их жизни и стиль жизни зрителей;
- 3) чем ближе воспринимаются герои сериала к значимой социальной группе зрителя, тем более сходен его стиль жизни с жизнью героев сериала;
- 4) чем более сходны интересы героев сериала с интересами зрителей, тем выше сходство стилей их жизни.

Эмпирическим объектом исследования выступили зрители телевизионного сериала «Теория большого взрыва», объектом исследования – восприятие и интерпретация зрителями персонажей сериала. Предметом исследования явились стиль жизни и потребительские предпочтения героев и зрителей данного телевизионного сериала.

Выборку составили 77 респондентов (женщины и мужчины в возрасте от 15 до 58 лет, $M=27$, $Sd=7,8$), распределение по полу и возрасту соответствует основной целевой аудитории телевизионных сериалов (по показателям пола и возраста). Все респонденты смотрели хотя бы несколько сезонов сериала, некоторые из которых являются членами посвященного ему интернет-сообщества.

В качестве методов исследования использовались контент-анализ и опрос. Стиль жизни героев (активность, интересы, мнения) был выделен посредством контент-анализа сериала, в основу категориальной сетки легли классические категории.

Для измерения близости героев сериала к значимой социальной группе зрителя предлагались следующие вопросы: «Насколько герои сериала схожи с вашими друзьями?» и «Насколько главные герои сериала схожи с важными для вас людьми? (ответы в обоих случаях по шкале от «ничего общего» (1 балл) до «очень сильно похожи» (5 баллов)).

Для измерения привлекательности выбранного героя для зрителя использовались следующие вопросы: «Насколько привлекательным вам кажется этот герой?» (от «не особо нравится» (1 балл)

до «обожаю» (5 баллов)) и «Насколько этот герой вам близок, хорошо знаком?» (от «мало о нем знаю» (1 балл) до «знаю о нем практически все» (5 баллов)).

Исследование проходило в два этапа. На первом были выделены стили жизни главных героев сериала. При первом просмотре сериала три эксперта сформулировали единицы анализа для всех категорий. Затем регистрировалась частота встречаемости выбранных единиц для каждой серии 10-го сезона «Теории большого взрыва».

Единицами анализа для категории «активность» стали следующие понятия: на работе, у друзей в гостях, ест заказанную еду, спит, разговаривает с кем-то, угощает кого-то, участвует в свадебной церемонии, везет кого-то на машине, рисует на доске, завтракает с кем-то, разыгрывает друга, дома у друзей, смотрит сериал, кушает что-то, делает массаж и т. д.

Единицами анализа для категории «интересы» были следующие: родители, свадьба, друзья, девушка, рабочий проект, личная безопасность, лучший друг, арфа, карьера, жена, физика, ученый/изобретатель, сериалы, социальные сети, наука, муж, ребенок, телешоу, вечеринки, танцы, семья, интеллект, Комик Кон, флаги, музыка, поезда, комиксы, супергерои, фильмы, йога, шоппинг.

Для выделения единиц категории «мнения» в сериале были отобраны и подвергнуты контент-анализу высказывания, содержащие оценочные суждения. В качестве единиц анализа в категории «мнения» выступали следующие: «В общении с людьми вам легче согласиться, чем долго спорить»; «Одно из самых важных качеств в человеке – это его интеллект»; «Вы любите острить про друзей»; «Вы с друзьями очень близки, и они важны для вас»; «Если есть проблема, ее надо без промедления решать»; «Вы любите держать ситуацию под контролем»; «Из любой ситуации можно найти выход с помощью ума и науки»; «Вы любите вечеринки и шумные компании»; «Круто иметь уголок с гик-вещами»; «У вас серьезные интересы, по крайней мере, вы не занимаетесь такими глупостями, как окружающие»; «Вам нравится, когда все хорошо организовано и идет по плану»; «Вы любите пошутить про себя» и др.

На втором этапе был проведен опрос зрителей телевизионного сериала «Теория большого взрыва», в основу анкеты которого легли выделенные на первом этапе стили жизни и потребительские выборы. Она состояла из двух идентичных частей, каждая включала 2 блока (стиль жизни и потребительские предпочтения), а также

фрагмент сериала, в котором главные персонажи ярко демонстрируют свои потребительские поведение и предпочтения. Респонденты оценивали приведенные высказывания по пятибалльной шкале от своего имени и от лица выбранного персонажа. Поскольку каждый зритель по-своему интерпретирует сюжет и героев, сравнивались индивидуальные зрительские интерпретации стиля жизни и потребительских предпочтений персонажа и оценки своего собственного стиля жизни и потребительских предпочтений. Использовалась статистическая обработка данных в SPSS (корреляционный анализ).

Контент-анализ позволил выделить стиль жизни персонажей сериала, содержащий ярко выраженные интересы в области общения с друзьями, науки, супергероев и коллекционирования, а также несколько очень часто повторяющихся поведенческих паттернов (например, посиделки с друзьями дома, заказ готовой еды на дом, просмотр и обсуждение любимых сериалов и фильмов и др.).

Полученные данные с помощью критерия Колмогорова–Смирнова проверили на нормальность распределения. Так как данные о «схожести стиля жизни» являются нормально распределенными, а о «совпадении потребительских предпочтений» нет, был рассчитан коэффициент корреляции Спирмена и получена значимая корреляция $-0,56$ на уровне значимости $0,01$, что подтвердило первую гипотезу. Для данных о «схожести стиля жизни» и «схожести героев со значимой группой» (являются нормально распределенными) был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона, получена значимая корреляция $-0,48$ на уровне значимости $0,01$. Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась. Для проверки корреляции стиля жизни и «близости, привлекательности персонажа» использовался коэффициент корреляции Спирмена. Была получена значимая корреляция $-0,56$ на уровне значимости $0,01$, что подтвердило третью гипотезу. Для оценки корреляции стиля жизни и «схожести интересов» также был использован коэффициент корреляции Пирсона. Была получена значимая высокая корреляция $0,82$ на уровне значимости $0,01$, что подтвердило четвертую гипотезу.

Для контент-анализа ответов на открытый вопрос после просмотра видеоролика («Насколько поведение выбранного вами героя из ролика обусловлено его стилем жизни? Пожалуйста, максимально развернуто обоснуйте свой ответ») была разработана категориальная сетка (см. таблицу 1).

Таблица 1
Категориальная сетка контент-анализа ответов
на открытый вопрос

Категории	Подкатегории
А. Стиль жизни	А1. Никак не обуславливает
	А2. Сильно обуславливает
	А3. Все решают сценаристы
	А4. Не упоминают
Б. Интересы	Б1. Субкультура гиков (комиксы, Комик Кон)
	Б2. Друзья
	Б3. Отличные от друзей интересы
	Б4. Не упоминают
В. Личностные качества	В1. Упоминают личностные качества
	В2. Не упоминают
Г. Социальная идентичность	Г1. Гик
	Г2. Ученый
	Г3. Крутая девчонка
	Г4. Не упоминают

Большинство зрителей (57%) полагают, что демонстрируемое героем поведение сильно обусловлено стилем его жизни, при этом часть зрителей (30%) не отвечают прямо на этот вопрос, небольшая часть респондентов (8%) считает, что стиль жизни никак не влияет на поведение, и только три человека (5%) отметили, что все происходящее в сериале определяют исключительно сценаристы. Дополнительные категории, влияющие на поведение, отметили 70%, 30% зрителей отметили интересы, 22% выделили личностные качества персонажей и только 13% упомянули социальную идентичность героев.

Таким образом, нами были обнаружены несколько значимых корреляций, которые можно интерпретировать как наличие связи между стилем жизни героев телевизионного сериала и потребительскими

предпочтениями зрителей. Привлекательность персонажа сериала и восприятие его зрителями как представителя значимой социальной группы также связаны с их стилем жизни и потребительскими предпочтениями. Это согласуется с данными, полученными другими исследователями (Fulton et al., 2005; Petty, Cacioppo, 1986; Valkenburg et al., 2016) и свидетельствует о значимой роли социальной идентичности в потребительском поведении.

Корреляция между стилем жизни героев сериала и потребительскими предпочтениями его зрителей подтверждает результаты других исследователей (Залесский, 2002) и указывает на важную роль медиа в формировании потребительских предпочтений.

Сходство интересов героев сериала и зрителей связано со сходством их стилей жизни. Это подтверждает результаты других исследований (Fulton et al., 2005) о том, что зрители выбирают сериалы, которые подтверждают их представления, ценности и интересы, что приводит к усилению медиаэффекта.

Литература

- Багоци Р. П., Герхан-Канли Ц., Пристер Й. Р. Социальная психология потребителя: Учебное пособие для студентов вузов / Науч. ред. рус. текста Т. В. Фоломеева. М.: Академия, 2008.
- Барсукова О. В. Социально-психологические особенности телевидения и его функции // Новое в массовой коммуникации. 2011. № 1–2 (96–97). С. 6–14.
- Залесский П. К. Влияние социального статуса на потребительское поведение городского населения России: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.
- Лапина-Кратасюк Е. Г. Информационный труд в эпоху экономического кризиса: прогнозы и репрезентации (на примере телевизионных сериалов 2006–2011 гг.) // Артикульт. 2011. № 2. С. 19–32.
- Рапопорт Е. В. Логика сериала // Логос. 2013. № 3. С. 21–37.
- Фоломеева Т. В. Социально-психологический подход к исследованию потребительского поведения // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2012. № 1. С. 145–154.
- Allen R. C. Speaking of soap operas. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1985.
- Ariely D., Norton M. Conceptual consumption // The Annual Review of Psychology. 2009. V. 60. P. 475–499.

Fulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A. Narrative and Media. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

Livingstone S. M. Making sense of Television: The psychology of audience interpretation. Oxford: Pergamon, 1990.

Valkenburg P. M., Peter J., Walther J. B. Media effects: Theory and research // The Annual Review of Psychology. 2016. V. 67. P. 315–338.

Ценностно-смысловые ориентации как основания социальной активности молодежи

Р. М. Шамионов

Анализ ценностно-смысловых ориентаций как оснований социальной активности личности и групп является приоритетной задачей современной социальной психологии. Несмотря на, казалось бы, длительный опыт исследований в этой области, необходимо признать наличие определенных пробелов в части теоретических знаний о характере активности субъекта в связи с характерными комбинациями его ценностных приоритетов. Это связано, во-первых, с чрезвычайной изменчивостью ценностей как оснований социальной активности в современном мире, во-вторых, с несовершенством используемых инструментов их измерения, которые считаются универсальными в условиях различных культур, и, наконец, с изменением условий адаптации современного человека, что обуславливает опору на иные, порой более конкретные, обстоятельства в выборе стратегий активности. Тем не менее, М. Рокич считал, что выявление ценностей человека помогает понять его поведение в различных условиях (Рокич, 1979). Он также утверждал, что ценности вырабатываются общественным поведением и становятся его регуляторами, причем направления активности могут быть самыми разными — от взаимодействия с другими до религиозного, правового, экономического и др.

В условиях постоянных изменений, происходящих в обществе, неминуемы ценностные сдвиги, которые отражаются на ценностях личности и групп. Так, на основе эмпирических исследований А.Л. Журавлевым и Т.В. Дробышевой было показано, что ценностные ориентации обладают свойством 1) «социальной чувствительности» как способности улавливать малозаметные изменения в окружающей социальной среде и адекватно реагировать на них и 2) «гибкости» как способности к изменениям в различных социальных условиях

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-18-00298.

(Журавлев, Дробышева, 2010). Соответственно происходят изменения ценностей и на уровне различных сообществ. Необходимо особо отметить и то, что не только социальные, но и экономические, и политические сдвиги обуславливают изменения в системе ценностных ориентаций. Так, Н. А. Журавлева отмечает возрастание за относительно небольшой период времени – в 1990–2000-е годы – значимости прагматических ценностей, ценности достижения успеха делового и в личной жизни (Журавлева, 2012, а, б), что было связано с объективными изменениями жизни россиян в тот период.

Между тем, например, на выборке молодых людей было показано, что традиционные ценности являются более стабильными и приоритетными (Шамионов, Аренков, 2016). Очевидно, множественные социальные факторы во взаимосвязи с меняющимися условиями становятся основанием для выстраивания личностью и группами своей активности в социуме. Объективные обстоятельства при этом могут вступать в противоречие с ценностями, что может обуславливать их перенос на уровень скрытых мотивов.

Как следует из работ А. В. Капцова, можно выделить устойчивую (основные принципы жизни) и динамичную (ценности этапа жизни) подсистемы «аксиосферы» (Капцов, 2010). По-видимому, это обстоятельство и является отправной точкой для понимания причин не только полинаправленности, но и некоторой противоречивости социальной активности молодежи.

Цель данного исследования заключается в анализе ценностно-смысловых ориентаций как оснований социальной активности молодежи столицы (Москва) и российского региона (Саратов).

В исследовании приняло участие 400 студентов Саратовского региона и Москвы (Россия), которые заполнили анкеты и опросники. Ценностная сфера и ее конфликтность изучались с помощью методики Т. И. Фанталовой. Для выявления базовых смысловых категорий социальной активности была использована модифицированная методика Ж. Нюттена и разработана анкета с открытыми и закрытыми вопросами, охватывающими ряд сфер социальной активности. Для оценки предпочтений социальной активности и поведения использованы 11 авторских шкал.

Рассмотрим ценности, лежащие в основе социальной активности студенческой молодежи. Из полученных нами данных следует, что у провинциальной молодежи в большей степени фрустрированы ценности «здоровье», «любовь», «материально обеспеченная

жизнь», «семья», занимающие вершину иерархии значимости. Это свидетельствует о внутренней конфликтности в отношении тех сфер, которые являются основными ориентирами, о когнитивной неудовлетворенности; такая ситуация становится определяющей в поисках новых способов жизнедеятельности, способных реализовать потребности, касающиеся ряда насущных сфер. Необходимо признать и наличие «внутреннего вакуума» в отношении сфер «активная, деятельная жизнь», «красота природы и искусства», «познание и «творчество». Все названные ценности занимают основание иерархии, поэтому этот вакуум не является основным фактором влияния в системе.

Столичная молодежь в меньшей степени фрустрирована. Основные сферы недоступности также относятся к высшим в иерархии ценностям («здоровье», «любовь», «семья»), но выраженность фрустрации весьма низкая. Обращает на себя внимание совпадение с представителями провинции внутреннего вакуума относительно сфер «активная деятельная жизнь» и «красота природы и искусства». Однако подобного рода проявлений больше не обнаружено, большинство сфер оказываются вполне согласованны по ценности и доступности, что свидетельствует о достаточно комфортных отношениях с миром и удовлетворении жизненных потребностей.

Изучение конфликтности ценностной сферы личности студенческой молодежи в столице и провинции показало наличие явных различий. Так, и внутренний вакуум (доступно, но не ценно), и конфликтность (ценно, но недоступно) более выражены в «провинциальной» выборке. Столичная молодежь демонстрирует более высокие показатели согласованности ценности и доступности, что характеризует их мотивацию как более гармоничную и тем самым их самих — как способных адекватно решать возникающие проблемы, внутренне согласованных, цельных.

Исходя из интегральных показателей индексов расхождения ценностей и их доступности (R) в изучаемых выборках студенческой молодежи, можно сделать вывод о том, что региональная молодежь характеризуется значительно более высокими показателями рассогласования, дезинтеграции в личностно-мотивационной сфере, что, как известно, связано с неудовлетворенностью, блокадой потребностей, внутренним дискомфортом, в целом — внутренней конфликтностью личности. Эти данные весьма красноречиво свидетельствуют в пользу различий двух изучаемых групп в возможностях социаль-

ной активности и реализации базовых ценностей. Между тем, невзирая на, казалось бы, некоторую относительность «блокированных» ценностей в изучаемом ракурсе (провинция — столица), их недостижимость во многом связана с ограничениями географического, экономического, культурного и т. п. свойства.

Для классификации смысложизненных ориентаций молодежи нами был проведен факторный анализ, который выявил в обеих выборках по два весьма разных фактора после varimax-вращения. Так, в «провинциальной» выборке выделились факторы «семья» (43% общей дисперсии) и «любовь» (19% общей дисперсии). Анализ этих факторов позволяет сделать вывод, что в смысловой системе личности представителя провинциальной молодежи семья достаточно тесно связана с карьерой (0,674), здоровьем (0,643) и образованием (0,611), однако самореализация (−0,353) и достижения (−0,390) при этом оказываются несовместимыми с этой смысловой единицей. Любовь (0,688) как смысловая категория связана с общественным признанием (0,600) и полнотой жизни (0,606), но при этом она отвергает достижения (−0,443) и мечту, а также благополучие детей (−0,328), которое оказывается вне данной смысловой категории.

Необходимо отметить, что смысловые категории «семья» и «любовь» не взаимосвязаны, равно как и соответствующие ценности-цели также не имеют связи между собой. Однако такая связь есть на уровне доступности этих ценностей ($r=0,399$, $p \leq 0,01$). Это говорит о том, что на уровне долженствования связь между этими категориями сохраняется, но реальные цели, смысловые единицы не увязаны друг с другом.

В выборке столичной молодежи выделены также два, но других фактора: «карьера» (32% общей дисперсии) и «независимость» (17% общей дисперсии). Фактор «карьера» образован такими категориями, как «достижения» (0,624), «образование» (0,468), «благополучие детей» (0,607), однако «жизнь во всей ее полноте» (−0,525) и «удовольствия, счастье, благополучие» (−0,324) включены в него с отрицательным знаком, что свидетельствует о внутренней готовности ради карьеры отказаться от этих явлений. Фактор «независимости» с меньшей дисперсией связан со смысловыми категориями «образование» (0,534) и «карьера» (0,392) (с положительным знаком) и «самореализация» (−0,558) и «достижения, мечта» (−0,485) (с отрицательным знаком). Очевидно, чем больше смысловая направленность на независимость, тем выше — на хорошее образование и карьеру.

еру (предполагающая материальную составляющую), но при этом самореализация и мечты становятся недостижимыми. Весьма показательна, на наш взгляд, в этом факторе связь между самореализацией и зависимостью; она может отражать весьма важную тенденцию в необходимости помощи других, их соучастия в достижениях и самореализации личности.

Весьма информативны и результаты исследования, отражающие представляемые смысловые характеристики социальной активности в будущем. Был выявлен ряд тенденций, анализ которых целесообразно провести с учетом разнообразия используемых испытуемыми категорий. Прежде всего обращает на себя внимание высокая степень гедонизма респондентов в отношении будущего (53% в провинции и 71% в столице, $F=2,89$ при $p \leq 0,05$); невзирая на имеющиеся различия, молодые люди в основном ориентированы на благополучие и достаток. Следом идут характеристики, отражающие различные аспекты самореализации (достижения собственных целей), которая свойственна трети респондентов (33% и 32%), и веры в перспективы, надежды на их реализацию (21% и 39%); не менее значимы семейные ценности и их реализация в будущем (20,9% и 38,7%). Обращает на себя внимание апеллирование к внешним силам (Богу, государству) у провинциалов в будущем (21% и 3%, $F=5,28$ при $p \leq 0,01$). Выражение страхов, опасений свойственно незначительной части респондентов. Категория неопределенности выделена только в провинциальной выборке (16,3%).

Таким образом, будущее воспринимается молодыми людьми достаточно оптимистично; обнаружен высокий уровень сходства категорий, выделяемых респондентами обеих групп, что говорит о небольших различиях относительно их представлений о будущем. Стоит упомянуть, что нами опущены частные случаи, отражающие представления менее 5% респондентов.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов.

Различия социальной активности студенческой молодежи в мегаполисе и в регионе связаны прежде всего с приверженностью традиционным ценностям (регион) и ценностям гедонизма (мегаполис).

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что в провинции весьма сильны традиционные для россиян (и коллективистских культур в целом) установки на помощь и поддержку в реализации активности. Типичному представителю провинциаль-

ной молодежи в большей степени подходит характеристика «оказывает и ожидает помощь и поддержку», чего нельзя сказать о представителе столичной молодежи.

Социальная активность студентов провинции и столицы обусловлена разными смысловыми категориями: семья и любовь (Саратов) и карьера и независимость (Москва). Социальная активность в будущем в представлениях студентов провинции и столицы связана с достижением благополучия и достатка, с верой в перспективы, с самореализацией. У провинциалов сильны надежды на внешние силы (Бога, государство).

Социальная активность студентов провинции и столицы детерминирована разным уровнем дифференциации ценностей: столичная молодежь демонстрирует низкий уровень дифференциации, провинциальная – высокий (индекс различий составляет 3,7 против 7,8).

Литература

- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.
- Журавлева Н. А.* Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // Психологический журнал. 2012а. Т. 33. № 1. С. 30–39.
- Журавлева Н. А.* Экономико-психологические характеристики личности с разным типом ценностных ориентаций // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 6. С. 34–49.
- Кацов А. В.* Устойчивость личностных ценностей: сущность и детерминанты // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2010. № 1. С. 50–69.
- Семенов В. Е.* Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 92–96.
- Шамионов Р. М., Аренков А. П.* Ценностные отношения и гражданская идентичность молодежи // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 3. С. 35–48.
- Rokeach M.* Understanding human values: individual and societal. N. Y.: The Free Press, 1979.

Аннотации

Основные направления разработки Е. В. Шороховой проблем истории, теории и методологии социальной психологии

А. Л. Журавлев, В. П. Позняков

В статье представлены ведущие направления разработки Е. В. Шороховой проблем истории, теории и методологии социальной психологии. Анализируются ее научные взгляды на психологические факторы и механизмы социальной детерминации поведения человека, ее вклад в развитие психологической теории отношений: представления о феномене социально-психологических отношений, их структуре и функциях, о взаимосвязях объективных общественных и субъективных психологических отношений. Теоретико-эмпирические исследования Шороховой заложили основу ряда новых и перспективных направлений современной социальной психологии: самоопределения человека в изменяющихся социально-экономических условиях, совместной жизнедеятельности малых групп и организаций, нравственно-психологических проблем современного российского общества и ряда других.

Ключевые слова: социальная психология, теоретические и методологические проблемы, социальная детерминация поведения человека, отношения собственности, психологические отношения.

Some directions of the development of history, theory and methodology problems of social psychology by E. V. Shorohova

A. L. Zhuravlev, V. P. Poznyakov

Some directions for the development of problems of history, theory, and methodology of social psychology by E. V. Shorokhova presented. The ideas of Shorohova about the psychological factors and mechanisms of social de-

termination of human behavior analyzed. Shorokhova made the significant contribution in the development of psychological theories of relationships: the ideas about the phenomenon of socio-psychological relations, their structure, and functions, nature, and mechanisms of the bonds of objective and subjective psychological public relations. Theoretical and empirical research E. V. Shorokhova founded the several new and perspective directions of modern social psychology: the self-determination of the man in changing socio-economic conditions, the joint activity of small groups and organizations, moral and psychological problems of contemporary Russian society.

Keywords: social psychology, theoretical and methodological problems, the social determination of human behavior, property relations, psychological relationships.

Социальная психология искусства vs искусство манипуляций

Г. В. Акопов

Искусство представляет одну из форм общественной техники чувств (Л. С. Выготский). Эстетическая деятельность, трансформируясь в эстетическое (художественное) сознание, становится частью социального сознания. Социальная коммуникация как механизм функционирования социального сознания определяет возможности социального действия. Уровневая структура коммуникации описывает различные фазы становления социально-коммуникативного содержания. В контексте авторской двухфакторной модели сознания коммуникативный процесс имманентно сопряжен с творческим процессом, который продуцирует то или иное художественное содержание либо инициируется им. В управленческом взаимодействии (субъективно принимаемом либо внешне детерминирующем) возможны две формы манипуляции: информационно-содержательная (значения) и художественно-содержательная (смыслы). Развитие и социальное расширение метакоммуникативных технологий позволяет в той или иной степени сохранять социальную субъектность как отдельной личности, так и различных социальных групп.

Ключевые слова: психология искусства, эстетическая деятельность, художественное сознание, свобода и смысл, общение и коммуникация, информация и манипуляция, метакоммуникация и социальные технологии.

Social psychology of art vs the art of manipulation

G. V. Akopov

Art represents one of the forms of social technique of feelings (L. S. Vygotsky). Aesthetic activity, transforming into aesthetic (artistic) consciousness, becomes a part of social consciousness. Social communication as a mechanism of social consciousness functioning determines the possibilities of social action. The level structure of communication describes the different phases of the formation of social and communicative content. In the context of the author's two factors model of consciousness the communication process is inherently fraught with the creative process that generates or is triggered by one or another artistic content. In administrative interaction (subjectively accepted, or externally defining) two forms of manipulation are possible: information and content (values); art and content (meanings). The development and social expansion of metacommunicative technologies allows to some extent to preserve the social subjectivity of both the individual and various social groups.

Keywords: art psychology, aesthetic activity, artistic consciousness, freedom and meaning, social contact and communication, information and manipulation, metacommunication and social technologies.

Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности (на примере старшеклассников Саратовской области)

Е. Е. Бочарова

Представлены результаты эмпирического исследования регулятивных и мировоззренческих факторов различных форм социальной активности (на выборке старшеклассников г. Саратова и г. Балашова Саратовской области). Выявлена специфика проявления изучаемых факторов в актуализации разных форм социальной активности. Так, на выборке саратовских старшеклассников установлено, что фактор «Саморегуляция социальной активности» связан с актуализацией социально-экономической и духовной активности, фактор «Справедливость» обуславливает вовлечение Другими в досугово-коммуникативную, альтруистическую и интернет-сетевую деятельность, фактор «Протестная активность» связан с проявлением реактивной (ситуативной) активности в случае неспособности оперативно интер-

претировать происходящие события. В выборке старшеклассников г. Балашова фактор «Социальная ригидность» связан с рациональным выстраиванием приоритетов достижения намеченных целей при отсутствии необходимости проявления социальной активности, фактор «Доверие к окружающему миру» – с реализацией гражданской, досугово-коммуникативной и альтруистической активности, а фактор «Недоверие к окружающему миру» актуализирует радикально-протестную и субкультурную активность.

Ключевые слова: личность, социальная активность, факторы активности, формы социальной активности, старшеклассники.

Regulatory and worldview factors of various forms of social activity (a case study of the Saratov region's high school students)

E. E. Bocharova

The article presents the results of an empirical study of regulatory and worldview factors of various forms of social activity, undertaken on a sample of high school students of the Saratov region (Saratov and Balashov Saratov region). The specific features of the studied factors in actualization of different forms of social activity are revealed. Thus, in the sample of Saratov high school students identified factors: "Self-Regulation of social activity" is associated with the actualization of socio-economic, spiritual activity, "Justice" causes the involvement of Others in leisure-communicative, altruistic and Internet-network activity, the factor of "Protest activity" is associated with the manifestation of reactive (situational) activity in the case of inability to quickly interpret the events. In the sample of Balashov high school students identified factors: "Social rigidity" associated with the rational prioritization of achieving the goals in the absence of the need to display social activity, "Trust in the world" associated with the implementation of civil, leisure and communicative and altruistic activity and the factor of "Distrust of the world", which updates the radical-protective and subcultural activity.

Keywords: personality, social activity, activity factors, forms of social activity, high school students.

Возможности экстраполяции научных идей Я. А. Пономарева о психологическом механизме группового творчества

Т. В. Галкина

Статья посвящена рассмотрению научных представлений Я. А. Пономарева о психологическом механизме группового творчества и возможностей их использования в современной науке и практике. Пономарев предложил изменить стратегию исследования коллективного творчества – перейти к действенно-преобразующему типу научного знания, выделив ядро психологического механизма группового решения творческих задач, которым, по его мнению, является т. н. «побочный продукт». Механизм его порождения и преобразования идентичен в вариантах индивидуального и коллективного творчества, однако в случае группового решения творческой задачи складывается особая коллективная форма его преобразования, которая и имеет свои преимущества. Исследования психологического механизма группового творчества, осуществленные Пономаревым, актуальны и значимы как для общей теории психологии, так и для социальной практики – науки, образования, бизнеса и др.

Ключевые слова: творчество, креативность, инновации, психологический механизм творчества, решение творческих задач, изобретательство, побочный продукт, действенно-преобразующий тип научного знания, социальная психология творчества.

Possibilities of extrapolation of Ya. A. Ponomarev's scientific ideas about the psychological mechanism of group creativity

T. V. Galkina

The article is devoted to the main scientific ideas of Ya. A. Ponomarev about the psychological mechanism of group creativity and the possibilities of using them in modern science and practice. Ponomarev proposed to change the strategy of collective creativity researches – to pass to the effective-transforming type of scientific knowledge, highlighting the nucleus of the psychological mechanism of the group solution of creative problems, which, in his opinion, is a “by-product”. The mechanism of generation and transformation of the by-product is identical both in the case of individual and collective creativity, but in the case of a group solution of a creative problem, a special collective form of its transformation develops, in which the advan-

tages of a collective solution are contained. Ponomarev's researches of the psychological mechanism of group creativity are of great importance, both for the general theory of psychology, and for social practice: science, education, business, etc.

Keywords: creativity, innovations, psychological mechanism of the creativity, solution of the creative tasks, invention, by-product, the effective-transforming type of scientific knowledge, social psychology of creativity.

Модель ценностной системы психосоциального человека

А. В. Капцов

В работе рассмотрены подходы к созданию модели ценностной системы человека. Обращено внимание на уровневое построение данной модели с учетом динамических характеристик ценностной системы, приведены результаты ее практической реализации с наличием устойчивой и динамичной составляющих. Показана перспективность включения в нее – в условиях ограничений по количеству изучаемых ценностей – противоположных ценностей, что, в совокупности с используемой техникой репертуарных решеток, позволило реализовать на практике идеографический метод изучения ценностной системы.

Ключевые слова: ценностная система, модель психосоциального человека, противоречия, динамические компоненты.

Model of the value of psychosocial person

А. В. Капцов

The paper considers approaches to the creation of a value system model. Attention is paid to the level construction of the model considering the dynamic characteristics of the value system. The results of the practical implementation of the model with the presence of stable and dynamic components are presented. Under the conditions of restrictions on the number of values studied, the prospects of inclusion of opposite values in the model of the value system are shown, which together with the technique of repertoire lattices allowed to implement in practice the ideographic method of studying the value system.

Keywords: value system, model, psychosocial person, contradictions, dynamic components.

Принцип целостности как методологический вектор интеграции социально-психологической информации

А. А. Кriuлина

Развивается идея целостного понимания научных объектов исследования в социальной психологии. Предложены приемлемые механизмы интеграции социально-психологической информации в виде внутридисциплинарного и междисциплинарного ее синтеза. Приведены примеры конкретных исследований, относящихся к академической и практической социальной психологии, в которых такой синтез уже осуществлен. Выделены конечные целостные результаты, полученные авторами этих работ и отличающиеся широким масштабом осуществленной интеграции, обозначены перспективные возможности продолжения подобных исследований.

Ключевые слова: холизм, целостность, интеграция, внутридисциплинарный синтез, междисциплинарный синтез, социально-психологическая информация, механизм.

Holism as a methodological vector for socio-psychological integration of information

A. A. Kriulina

This investigation represents the idea of holistic approach to scientific research objects in the area of Social Psychology, as they can be traced in some integrative processes. Some suitable mechanisms of socio-psychological information integration in the form of intradisciplinary and cross-disciplinary synthesis are offered here. Besides, some examples of concrete research in academic and practical spheres of Social Psychology are given. In this article, some final holistic results received by the investigators are noted distinction with the degree of such integration. Perspective opportunities for research of socio-psychological information integration are defined.

Keywords: holism, wholeness, integration, intradisciplinary synthesis, cross-disciplinary synthesis, socio-psychological information, mechanism.

**Возможности и проблемы интеграции
качественных и количественных методов
в социальной психологии**

С. А. Липатов

Приводятся основные характеристики и различия между количественными и качественными методами. Проанализированы преимущества и недостатки этих групп методов применительно к изучению социально-психологических явлений и процессов, делается вывод о том, что отдельное использование исключительно одного класса методов в исследовании может привести к построению не совсем адекватной картины изучаемой реальности. Закономерно появление стратегии соединения разнотипных методов. Их совместное использование в одном исследовании предполагает решение ряда методологических и методических проблем их соотношения. Подробно рассматриваются варианты совмещения количественных и качественных методов, предложенные Д. Морганом в его модели последовательных приоритетов.

Ключевые слова: качественная методология, количественная методология, стратегия совмещения разнотипных методов, модель последовательных приоритетов Д. Моргана.

**Possibilities and problems of integrating
qualitative and quantitative methods
in social psychology**

S. A. Lipatov

The article describes the main characteristics and differences between quantitative and qualitative methods. The advantages and disadvantages of these groups of methods are analyzed regarding the study of socio-psychological phenomena and processes, it is concluded that the separate use of only one class of methods in the study can lead to the construction of an inadequate picture of the reality under study. The emergence of a strategy of "mixed methods" is natural. However, the joint use of different methods in one study involves solving many methodological and methodological problems of their correlation. The variants of combining quantitative and qualitative methods, proposed by D. Morgan in his sequential priorities model, are considered in detail.

Keywords: qualitative methodology, quantitative methodology, mixed methods research, Morgan' sequential priorities model.

**Интеграция в современной психологии:
лики интеграции**

В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко

В статье рассматривается проблема интеграционных процессов в современном психологическом знании. Определяется место и роль психологии в современных глобальных процессах, выделяются две ключевые линии интеграции психологии – интеграция психологического знания и психологического сообщества. Анализу подвергаются различные классификации, типологии интеграционных процессов в научном знании и в психологии. Выделяются два вида интеграционных процессов в современном психологическом знании – стихийный и целенаправленный. Анализируется роль интеграции психологического знания в решении проблемы организации междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: психология, интеграция, научное знание, междисциплинарные исследования.

**Integration into modern psychology:
the faces of integration**

V. A. Mazilov, Yu. N. Slepko

The problem of integration processes in modern psychological knowledge is considered in the article. The place and role of psychology in modern global processes is determined, two key lines of integration of psychology are highlighted – the integration of psychological knowledge and the psychological community. Various classifications, typologies of integration processes in scientific knowledge and in psychology are subjected to analysis. There are two types of integration processes in modern psychological knowledge – spontaneous integration and purposeful integration. As an independent, the role of integration of psychological knowledge in solving the problem of organization of interdisciplinary research is analyzed, and the existing ideas about the solution of this problem are described in science.

Keywords: psychology, integration, scientific knowledge, interdisciplinary research.

Концепция А. Г. Асмолова в свете методологии историко-эволюционного подхода

Д. К. Паркина

Описаны точки соприкосновения историко-эволюционного подхода и концепций Л. С. Выготского, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Рассмотрены основные положения концепции А. Г. Асмолова, касающиеся историко-эволюционного подхода и взглядов на личность с позиций данного подхода. Таким образом, в статье принята попытка выяснить, является ли историко-эволюционный подход частью культурно-исторического подхода или это принципиально иная концепция.

Ключевые слова: современные концепции психологии, историко-эволюционный подход, личность, методология психологии.

The concept of A. G. Asmolov in terms of the methodology of the historical-evolutionary approach

D. K. Parkina

Contemporary psychological approaches explain the phenomenon of personality from the side of sociogenesis. According to Asmolov, there is a necessity for clarification of question of personality's activity which suggests the changes in a naturalistic process. In this paper, we had considered the backgrounds of historical-evolutionary approach formation. In this way, it was an attempt to figure out, is the historical-evolutionary approach a part of a culture-historical approach or this is the essentially different conception.

Keywords: modern concepts of psychology, historical-evolutionary approach, personality, methodology of psychology.

Полиментальность как методологический принцип социальной психологии

В. Е. Семенов

В статье рассматриваются методологические проблемы современной российской социальной психологии в сравнении с советским периодом, переход от единственной парадигмы марксистской социальной психологии к деидеологизированному плюрализму разнообразных подходов и направлений. Автор выдвигает и обосновывает

новый методологический принцип полиментальности для исследований на уровне общества, группы, личности. При этом дается типология и характеристика менталитетов в обществе и в профессиональной группе психологов. Затем ставится вопрос о совместимости менталитетов психологов и населения. Статья заканчивается выводом о значительных креативных возможностях использования методологического принципа полиментальности в научно-исследовательских и практических целях.

Ключевые слова: методологические принципы в социальной психологии, полиментальность как методологический принцип, типология российских менталитетов, ценностно-ментальные типы российских психологов, совместимость менталитетов населения и психологов.

Polymentality as a methodological principle of social psychology

V. E. Semyonov

The methodological problems of modern Russian social psychology in comparison with the Soviet period, the transition from the one paradigm of the Marxist social psychology to deideologized pluralism of different approaches and directions discussed. The author puts forward and explains a new methodological principle of polymentality for research at the level of society, group, or person. The article proposes the typology and characterization of mentalities in society and in professional group of psychologists. Then the article raises the question about the compatibility of mentalities of psychologists and population. In the end, the conclusion is made about significant the creative possibilities of using the methodological principle of polymentality in research and practical purposes.

Keywords: methodological principles of social psychology, polymentality as a methodological principle, the typology of Russian mentalities, values and mental types of Russian psychologists, the compatibility of mentalities of psychologists and population.

Перспективы полевой этнопсихологии: культура как цель и средство познания

Н. В. Ткаченко

В статье рассматривается особое направление этнопсихологии — полевая этнопсихология, анализируются ее ключевые понятия — куль-

тура и человек в контексте культуры. Культура является исторически обусловленной и целостной совокупностью способов конструирования, организации и регуляции человеческой деятельности, проявляющейся в ее содержании. Как цель и средство познания она изучается на базе качественной методологии с опорой на феноменологическую, этнографическую, биографическую стратегии. Человек в контексте культуры понимается с позиций теоретических исследовательских ориентаций: абсолютизма, конструктивизма и инструментализма. Обозначены основные теоретические ориентации и методологические принципы полевой этнопсихологии, представлены основные направления полевых этнопсихологических исследований.

Ключевые слова: культура, человек в контексте культуры, этничность, этнос, полевая этнопсихология, методология качественных исследований.

Perspective of field ethnopsychology: culture as a goal and means of cognition

N. V. Tkachenko

The field ethno-psychology is the direction of ethno-psychology, based on the field study of man and community in the context of his natural residence. In the article, we define the key concepts of this direction, namely culture and human in the context of culture. Culture is a historically determined and integral set of ways of constructing, organizing and regulating human activity, manifested in its content. While a person in the context of culture understood in the context of theoretical research orientations: absolutism, constructivism and instrumentalism. Culture as a goal and means of cognition is studied based on a qualitative methodology and here we rely on a phenomenological, ethnographic, biographical strategy. Also in the results of the work, we designate the main theoretical orientations and methodological principles of field ethnopsychology and derive the main directions of field ethnopsychological studies.

Keywords: culture, man in the context of culture, ethnicity, ethnos, field ethnopsychology, methodology of qualitative research.

**Проблема единства теории, эксперимента и практики
в социальной психологии**

А. С. Чернышев, С. В. Сарычев

В статье рассмотрены проблемы соотношения теории, эксперимента и практики в социальной психологии. Показаны возможности реализации фундаментального положения Б. Ф. Ломова о единстве теории, эксперимента и практики в познании группового субъекта совместной деятельности посредством использования аппаратурных методик в естественном эксперименте и социального обучения молодежи – в крупномасштабном естественном формирующем эксперименте.

Ключевые слова: эксперимент, теория, практика, аппаратурные методики исследования, социальное обучение.

**The problem of unity of theory, experiment and practice
in social psychology**

A. S. Chernyshev, S. V. Sarychev

The article deals with the problems of correlation between experiment, theory and practice in social psychology. The possibilities of realizing the fundamental position of B. F. Lomov's concerning the unity of theory, experiment and practice to cognition of group as the subject of joint activity through the use of apparatus methods of research in laboratory experiment and social education of young people in a large-scale natural experiment are shown.

Keywords: experiment, theory, practice, apparatus methods of research, social education.

**Принцип субъекта и социальная психология:
к построению программ исследований**

А. П. Якунин

Представлен теоретический анализ проблем социальной психологии с позиции принципа субъекта. Рассматриваются условия построения теоретической схемы индивидуального субъекта на основе критериев принципа субъекта, разработанных К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинским. Предлагается рассматривать классификацию

и типологизацию как методы исследования субъектности человека. На основе данных методов предлагается программа исследования субъектности человека как условия его включенности в социально-психологическую реальность. Обосновываются условия построения нового метода в социальной психологии для исследования критериев принципа субъекта, — в частности, предлагается рассматривать в качестве такового социальное представление.

Ключевые слова: принцип субъекта, социальная психология, теория, метод исследования, индивидуальный субъект, программы исследования.

The principle of the subject and social psychology: designing research programmes

A. P. Yakunin

The aim of the article was the theoretical analysis of the problems of social psychology from the position of the principle of the Subject. The conditions of construction of a theoretical scheme of an individual subject based on the criteria of the principle of the subject developed by K. A. Abulkhanova and A. V. Brushlinsky are considered. The program of theoretical research in construction of the scheme of the individual subject based on the established criteria of the principle of the subject is offered. It is offered to consider classification and typology as methods of research of subjectivity of the person. Based on these methods the program of research of subjectivity of the person as a condition of its inclusion in socially psychological reality is offered. Conditions of construction of a new method in social psychology for research of criteria of the principle of the subject are proved. This method is proposed to consider the social representation.

Keywords: the principle of the subject, social psychology, theory, method of research, individual subject, research programs.

Отношение к моде и созависимость у людей с разным типом темперамента

Н. Г. Артемцева

Представлен анализ психологического аспекта отношения к моде и феномена созависимости. Мода рассматривается как сложный, многозначный феномен, выступающий индикатором исторических

социокультурных изменений в обществе. Несмотря на то, что стереотипы обыденного сознания по-прежнему связывают моду с одеждой, такие современные сферы моды, как экономика, политика, наука, образование, современные технологии, медицина значительно расширяют ее содержательное пространство. В индивидуально-личностном плане влияние моды проявляется на уровне субъективных предпочтений и ценностно-смысловых ориентиров конкретного человека — его увлечения модными книгами, музыкой, картинами художников, подверженность модным эталонам мира вещей, отношений, поведения, образа жизни и мировоззрения. Эмпирически показано, что отношение к моде, обусловленное особенностями темперамента, можно рассматривать как ситуацию, актуализирующую созависимость.

Ключевые слова: психология моды, познание, индивидуальность, мода, стиль, тип темперамента, созависимость.

The attitude towards fashion and codependency of people with different type of temperament

N. G. Artemtseva

The analysis of psychological aspect of the attitude towards fashion and a codependence phenomenon is presented in article. Fashion — the composite multiple-valued phenomenon acting as the indicator of historical socio-cultural changes in society. Although stereotypes of common consciousness still connect fashion with clothes, such modern aspects of fashion as economy, policy, science, education, the modern technologies, medicine considerably expand substantial space of fashion. In the individual and personal plan influence of fashion is shown at the level of subjective preferences and valuable and semantic reference points of the specific person — hobby for fashionable books, music, pictures of artists, susceptibility to fashionable standards of the world of things, relations, behavior, a way of life, outlook. It is empirically proved that the attitude towards fashion caused by features like temperament can be considered as the situation that actualizes codependency.

Keywords: psychology of fashion, cognition, personality, fashion, style, temperament, codependency.

Нелинейная зависимость параметров коммуникативной толерантности от убежденности в благосклонности мира

М. М. Басимов, И. А. Николаева

Нелинейный анализ ценностных отношений личности выполнен авторским статистическим методом на массиве многопараметрического описания отношений, включая коммуникативную толерантность, базовые убеждения и ценностные отношения личности к себе и Другим. Дана интерпретация группы зависимостей, в которых центральным параметром является благосклонность мира. Нелинейный анализ зависимостей между параметрами реализует синергетический подход в описании социально-психологических явлений и позволяет строить гипотезы о динамике психологических параметров в процессах их формирования и психокоррекции.

Ключевые слова: благосклонность мира, ценностные отношения к себе и Другим, коммуникативная толерантность, нелинейные зависимости, интерпретация.

Nonlinear dependence of parameters of communicative tolerance on the belief in benevolence of world

M. M. Basimov, I. A. Nikolaeva

The article presents the results of application of the new author's method of nonlinear statistical analysis. Nonlinear analysis of personal relations is made on the array of multivariate dependencies, including communicative tolerance, core beliefs and value attitude of a personality towards yourself and others. Interpretation of the group of dependencies, in which the central parameter is "Benevolence of world". Nonlinear analysis of dependencies between parameters implements a synergistic approach to the description of socio-psychological phenomena and allows building hypotheses about the dynamics of psychological parameters in the processes of formation and psychotherapy.

Keywords: benevolence of world, attitudes to yourself and others, tolerance, nonlinear dependences, interpretation.

Ключевые признаки партнерских отношений

Т. С. Вавакина

В статье обсуждается возможность установления отношений партнерства в разных сферах жизнедеятельности человека. Представле-

ны результаты эмпирического исследования, посвященного изучению этих отношений в различных ситуациях: предпринимательство (бизнес), сфера интимно-личностных отношений, сфера экстремальных и спортивных достижений, сферы деятельности, в которых люди объединяют усилия для достижения какого-либо конкретного значимого результата. Выявлены наиболее важные характеристики партнерских отношений, ключевыми из которых являются доверие, ответственность и уважение личности партнера.

Ключевые слова: взаимодействие, социальное взаимодействие, партнерство, деловое партнерство, отношения партнерства, партнерские отношения.

Key signs of partnerships relations

T. S. Vavakina

The article discusses the possibility of establishing partnerships in various spheres of human life. The results of an empirical study devoted to the consideration of partnership relations in various situations are presented: entrepreneurship (business), sphere of intimate personal relations, sphere of extreme and sport achievements, spheres of activity in which people unite efforts to achieve any concrete meaningful result. Are revealed the most important characteristics of partnerships. The key attributes of partnerships are: trust, responsibility and respect for the partner's personality.

Keywords: interaction, social interaction, partnership, business partnership, partnership relations.

Векторы социально-ролевой идентичности менеджеров в контексте ресурсов инновационного развития организации

В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, С. Ю. Коробова

Рассматривается актуальность исследования социально-ролевой идентичности менеджеров в направлении принятия креативных ролевых моделей, а также толерантности к роли криэйтора в контексте изучения социально-психологических ресурсов инновационного развития организации. Представлены результаты эмпирического исследования с помощью методики «Ролевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) структуры социально-ролевой идентичности менеджеров, работающих на про-

мышленных предприятиях с разным уровнем инновационного развития. Анализируются особенности индивидуальной и групповой социально-ролевой идентичности менеджеров разных предприятий, а также различия в структуре идентичности у групп менеджеров, идентифицирующих себя с ресурсными ролями «криэйтора» и «спасателя в кризисе».

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, инновационное развитие, криэйтор, РОССТЛ, толерантность к творческим сотрудникам.

Vectors of social-role identity of managers in the context of innovative development resources of the organization

V. G. Gryazeva-Dobshinskaya, Yu. A. Dmitrieva, S. Yu. Korobova

The urgency of the study of the social-role identity of managers in the direction of adoption of creative role models, as well as tolerance to the role of the creator in the context of studying the socio-psychological resources of the organization's innovative development. The results of an empirical study of the structure of social and role identity of 95 managers working at industrial enterprises with different levels of innovative development are presented. The structure of social-role identity of managers and tolerance to the role of the creator was investigated using the method "Role relationships of social subjects with creative personalities" (ROSSTL). Features of individual and group social-role identity among managers of different enterprises and the differences in the structure of social and role identity among the groups of managers who identify themselves with the resource roles of the "creator" and "rescuer in crisis" are analyzed.

Keywords: identity, social identity, innovative development, creator, ROSSTL, tolerance to creative employees.

Вариативность психологического содействия руководителю в состоянии ролевого конфликта (на примере социономического типа профессий)

О. И. Деревянко

Эмпирическое исследование, направленное на выявление и описание особенностей возникновения и развития ролевого конфликта руководителя в разных условиях профессиональной среды (обра-

зовательной и медицинской), позволило определить средства и методы психологического содействия в управленческой деятельности. Выявлено, что своеобразное сочетание личностных (локус ролевого конфликта, психологическое благополучие, жизнестойкость, мотивационный потенциал профессиональной деятельности) и организационных (тип организационной культуры, стрессогенные факторы профессиональной среды) факторов определяют степень выраженности и тип ролевого конфликта руководителя. В результате статистического анализа установлено, что исследуемые профессиональные среды значимо различаются по степени выраженности ролевого конфликта личности руководителя и типу ролевого конфликта. На основании полученных данных разработаны проекты программ психологического содействия управленческой деятельности.

Ключевые слова: руководитель, ролевой конфликт, психологическое содействие, профессиональная среда, образовательная профессиональная среда, медицинская профессиональная среда.

The variability of psychological assistance to the head in a state of role conflict, for example help type professions

O. I. Derevyanko

Empirical research aimed at the identification and description of features of origin and development of the role of conflict Manager in different professional environments (educational and medical), allowed to determine the means and methods of psychological assistance in managerial activities. It was found that the unique combination of personality (locus of role conflict, psychological well-being, resilience, motivation potential for professional activities) and organizational (type of organizational culture, stressors professional environment) factors determine the severity and type of role conflict supervisor. The result of the statistical analysis established that the test of the professional environment is significantly different according to the degree of intensity of role conflict Manager's personality and type of role conflict. Based on the obtained data was developed the draft programmes of psychological assistance management activities.

Keywords: role conflict, psychological assistance, professional environment, educational and professional environment by a professional medical environment.

Социокультурные особенности восприятия и оценки организационно-профессионального пространства

Т. И. Дрынкина, Е. А. Карпова

Проведен теоретический обзор интегральной концепции стилей совместной профессиональной деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования – сравнения социокультурных особенностей восприятия и интерпретации татарскими и русскими руководителями актуального организационно-профессионального пространства. Сделан вывод о том, что восприятие и оценка организационно-профессионального пространства опираются на существующие у татарских и русских руководителей когнитивные репрезентации разного типа.

Ключевые слова: совместная профессиональная деятельность, когнитивные стили, организационно-профессиональное пространство, восприятие.

Social and cultural peculiarities of organizational professional space perception

T. I. Drynkina, E. A. Karpova

The article is a brief theoretical overview of the joint professional activity integral concept. The article presents the results of an empirical study aimed at comparing sociocultural features of perception and interpretation by Tatar and Russian leaders of the actual organizational and professional space. It is concluded that the perception and evaluation of organizational and professional space is based on cognitive representations of various types existing among Tatar and Russian leaders.

Keywords: joint professional activity, cognitive styles, organizational and professional space, perception.

Организационная идентичность и поведенческие стратегии выпускников технического университета в процессе трудоустройства

Л. Н. Котлярова

Представлены результаты эмпирического исследования особенностей организационной идентичности у студентов-выпускников

технического университета, выявлены связи между показателями организационной идентичности, мотивацией учебной и профессиональной деятельности и поведенческими стратегиями в процессе выбора компании для трудоустройства.

Ключевые слова: организационная идентичность, мотивы деятельности, поведенческие стратегии.

Organizational identity and behavior strategies of a technical university graduates in the process of employment

L. N. Kotlyarova

The article presents the results of the empirical research of the peculiarities of the organizational identity among graduate students of the technical university and the indicated correlations between the indices of the organizational identity, motivation to educational and professional activities and behavioural strategies in the process of choosing a company for the job placement.

Keywords: organizational identity, activity motives, behavioral strategies, young engineers.

Чувственные характеристики мужского дружеского общения

Л. В. Куликов, О. В. Грива

В результате изучения взаимосвязей интеракционных (диспозиционных) чувств и дистанции в межличностных отношениях выявлено, что степень позитивности чувств в дружеских отношениях тесно связана с дистанцией в них. Близкие отношения друзей способствуют ослаблению астенических и меланхолических настроенческих чувств. Позитивные чувства — сближающие и гедонические — более выражены в тех дружеских отношениях, где друг воспринимается как человек сильный, уверенный в себе, независимый, самостоятельный. Весомым фактором усиления сближающих чувств и ослабления удаляющих, астенических и меланхолических, выступает степень доверия в отношениях. В дружеских отношениях как с уменьшенной, так и с увеличенной дистанцией обнаруживается широкий спектр удаляющих чувств, имеющих невысокий уровень силы.

Ключевые слова: чувства, дружеские отношения, дистанция в межличностных отношениях, оценка друга, эмоциональная близость.

Sensual characteristics of male friendly communication

L. V. Kulikov, O. V. Griva

Because of studying of interrelations of interacting (dispositional) feelings and a distance in the interpersonal relations, it is revealed that degree of positivity of feelings in the friendly relationships closely connected with the distance in them. Close ties of friends promote the weakening of asthenic and melancholic mood feelings. Positive feelings – pulling together and hedonism – are more expressed in those friendly relations where the friend perceived as the person strong, self-assured, independent, independent. As the essential factor of strengthening of the pulling together feelings and the easing of deleting asthenic and melancholic, trust degree in the relations acts. In the friendly relations both with reduced and with the increased distance the full range of the deleting feelings having the low level of force found.

Keywords: feelings, the friendly relations, a distance in the interpersonal relations, the friend's assessment, emotional proximity.

Идеальный образ Я и идеальный образ мира субъекта познания и общения на примере модели перфекционизма

Н. Д. Нагибина, Л. А. Сабра

В статье дан анализ зарубежных и отечественных моделей перфекционизма. Показано, что модели Р. Фроста, Р. Хьюитта и Г. Флетта и др. не отражают всех возможных вариантов отношений человека с миром. Перфекционизм как стремление к идеалу включает в себя влияние внешних причин, которые действуют через внутренние условия. Внешние причины обусловлены культурой и требованиями социума. Внутренние условия (цель образа-идеала и предпочитаемые стратегии его достижения) заданы психотипом (в рамках психосмологии). Дана новая модель перфекционизма, в которой максимально учтены эмпирически полученные варианты стремления к идеальному Я и идеальному миру.

Ключевые слова: идеальное Я, идеальный мир, перфекционизм, модель, субъектцентрированность, объектцентрированность.

The ideal self-image and the ideal image of the world of the subject of cognition and communication on the example of perfectionism model

N. D. Nagibina, L. A. Sabra

The analysis of foreign and domestic models of perfectionism given. Shown that R. Frost, R. Hewitt, and G. Flett's models, etc. do not reflect all possible options of the relations of the person with the world. Perfectionism as aspiration to an ideal includes influence of the external reasons which work through internal conditions. The external reasons are caused by culture and requirements of society. Internal conditions (the purpose of an image ideal and the preferred strategy of its achievement) set by psycho-type (within a psy-cosmology). The new model of perfectionism in which empirically received aspiration options to the ideal I and the ideal world most considered given.

Keywords: self-ideal, world-ideal, perfectionism, model, subject-orientation, object-orientation.

Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования

T. A. Нестук

Приводятся результаты эмпирического исследования отношения российских граждан к прошлому, настоящему и будущему России. Выделены пять типов отношения: толерантные к неопределенности оптимисты, пессимистические фаталисты, стратегические пессимисты, уверенные оптимисты, выжидающие. Показано, что осмысление коллективной истории и ожидания в отношении будущего зависят от веры личности в возможность что-либо изменить в окружающем ее мире. При наличии такого убеждения возрастает ценность уроков прошлого для будущего, а вместе с ней – протяженность коллективной временной перспективы, интерес к долгосрочному прошлому и будущему страны. Эмпирически подтвержден феномен «стратегического оптимизма» в отношении коллективного будущего, заключающийся в обратной связи между предсказуемостью будущего страны и его позитивной оценкой, позволяющей защитить веру в справедливый мир и позитивную групповую идентичность. Выявлено влияние групповой идентичности и социального доверия на оценку вероятности позитивных и негативных сценариев буду-

шего России. Выделены социально-психологические функции альтернативных сценариев коллективного будущего. Намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: коллективный образ будущего, сценарии будущего, коллективная память, социальное доверие, групповая идентичность, временная перспектива, толерантность к неопределенности.

Attitudes toward past, present and future of Russia: an empirical study

T. A. Nestik

The results of an empirical study of the attitudes of Russian citizens toward the past, present and future of Russia are presented. The types of the person's attitudes to the collective past, the present and the future are singled out ("tolerant optimists", pessimistic fatalists, strategic pessimists, confident optimists, expectant). It was shown that the representations of history and expectations about the collective future depend on the person's belief in the possibility of changing the world around her. With this belief, the value of lessons from the past for the future increases, and along with it the length of the collective time perspective, interest in the long-term past and the future of the country. The phenomenon of "strategic optimism" regarding the collective future was identified, that means a negative relationship between the predictability of the future of the country and its positive assessment, which helps to protect positive group identity and the faith in a just world. The influence of group identity and social trust on the perceived probability of positive and negative scenarios of Russia's future is revealed. Socio-psychological functions of alternative scenarios of the collective future are singled out. Prospects for further research are outlined.

Keywords: collective image of future, collective history, future scenarios, social identity, social trust, time perspective, tolerance of uncertainty.

Организационный вандализм как реакция на ограничение свободы индивида

А. Г. Оболенская

Рассмотрен психологический и экономический подход к проблеме вандализма в организационной среде, анализируется взаимообразное влияние среды и личности в данном аспекте. Проявления ван-

дальной активности различаются в организациях с разным уровнем допущения свободы сотрудников в профессиональном и личном аспектах. Выявлены основные тенденции распространенности типов вандалного поведения в организационной среде (на примере организаций г. Екатеринбурга) в зависимости от уровня свободы в организации. Подтверждена гипотеза о том, что наибольшее число результатов вандалной активности (порчи имущества и оборудования, информационного вандализма, саботирования распоряжений, других видов деструктивного поведения сотрудников) представлено в тех организациях, культура которых деструктивна, уровень свободы не соответствует должностному функционалу сотрудника, среда которых в целом менее благополучна и куда не стремятся успешные профессионалы. Данные исследования могут быть использованы для создания программ по улучшению организационной среды, построения стратегий развития организаций разной отраслевой принадлежности.

Ключевые слова: вандализм, организационный вандализм, экономическая свобода, экономическое поведение, экономическая психология, личность, свобода личности.

Organizational vandalism, as a reaction to the restriction of individual freedom

A. G. Obolenskaya

The psychological and economic approach to the problem of vandalism in the organizational environment is considered, and this problem is indicated the mutual influence of the environment and personality. Manifestations of vandalism differ in organizations with different levels of employee's freedom in the professional and personal aspects. The purpose of this article is to identify the main trends in the prevalence of vandalism types in the organizational environment (by the example of organizations in Yekaterinburg), depending on the freedom level in the organization. The result was a confirmation of the research hypothesis that the greatest number of results of vandal activity (damage to property and equipment, information vandalism, sabotage of orders, other types of destructive behavior of employees) will be presented in those organizations where the level of freedom does not correspond to the official functions of the employee, the environment as a whole less prosperous, where successful professionals do not strive, organization-

al culture is destructive. The data obtained in the study can be used to create programs to improve the organizational environment, building a strategy for organizations of different industry affiliations.

Keywords: vandalism, organizational vandalism, economic freedom, economic behavior, economic psychology, personality, individual freedom.

Психологические факторы выбора ценности карьеры в условиях неопределенности профессиональной деятельности

Е. С. Письменюк

Рассматриваются особенности взаимосвязи психологических факторов выбора ценности карьеры в условиях неопределенности профессиональной деятельности. Выявлены различия выбора ценности карьеры у менеджеров, связанные с определением данного выбора как реализуемого или же не реализуемого. Установлено, что менеджеры, выбирающие ценность карьеры, но не реализующие ее, формируют активность к риску в условиях неопределенности профессиональной деятельности. Менеджеры, выбирающие ценность карьеры и реализующие ее, избегают неоправданного риска, сохраняя существующее положение в условиях неопределенности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: выбор ценности, ценность карьеры, риск, условия неопределенности.

Psychological factors of the selection of the value of the career in the conditions of uncertainty in professional activity

E. S. Pismeniuk

Features of the interrelation of psychological factors of the choice of the value of the career in conditions of the uncertainty of professional activity considered. Distinctions of the choice of value of career at the managers defining this choice as realized and as not realized are revealed. Established that the managers who are choosing career value but did not realize it form activity to risk in a situation of the uncertainty of professional activity. The managers were choosing the value of career and realizing it avoid unjustified risk, keeping the current situation in the conditions of uncertainty of professional activity.

Keywords: choice of value, career value, risk, uncertainty conditions.

Личностные качества, акцентуации характера и механизмы психологической защиты у женщин среднего возраста

С. Е. Поддубный, Е. В. Эгамбердиева

Проведен сравнительный анализ между женщинами с высокой выраженностью психологических защит и женщинами с низкой выраженностью психологических защит. Установлено, что женщины с разными уровнями выраженности механизмов психологической защиты отличаются по личностным качествам и акцентуациям характера. Получены взаимосвязи между личностными качествами, акцентуациями характера и механизмами психологической защиты.

Ключевые слова: личность, акцентуации характера, механизмы психологической защиты, стресс, женщины среднего возраста, средний возраст, регрессия, отрицание, гипертимный тип, дистимный тип, нейротизм, экстраверсия, демонстративный тип.

Personality, character accentuations and psychological defense mechanisms for middle-aged women

S. E. Poddubny, E. V. Egamberdieva

The comparative analysis between women with the high expressiveness of psychological protection and women with the low expressiveness of psychological defenses carried out. Established that women with different levels of expressiveness of mechanisms of psychological defenses differ in personal qualities and accentuation of character. Interrelations between personal features, attenuation of nature and mechanisms of psychological defenses are also received.

Keywords: personality, character accentuations, psychological defense mechanisms, stress, middle-aged women, middle age, regression, denial, hyperthymic type, destiny type, neuroticism, extraversion, demonstrative type.

Социально-психологические особенности учащихся учреждений начального профессионального образования

Е. В. Федосенко

В статье представлены результаты исследования социально-психологических и психологических особенностей учащихся начального профессионального образования (НПО). Контрольную группу со-

ставили школьники старших классов. Выявлены достоверно значимые различия между рабочей и контрольной группами по таким аспектам семейного окружения обследуемых, как состав семьи, ее материальное положение, взаимоотношения в ней, состояние здоровья родителей. Уровни этих показателей направлены в сторону ухудшения у учащихся НПО. Выяснилось также, что учащиеся данной группы обладают высокой склонностью к суицидальному риску, аддиктивному и делинкветному поведению, признаками истероидной и психопатической акцентуаций характера.

Ключевые слова: подросток, начальное профессиональное образование, девиантное поведение, семья, воспитание, суицидальный риск, акцентуации характера.

Social and psychological peculiarities of students of initial vocational education

E. V. Fedosenko

Results of the research of social and psychological factors – a family environment of pupils of primary professional education, personal features, the tendency to various factors of deviant behavior and psychological instability presented. The control group was made by pupils of high school. Authentically significant distinctions on such aspects of a family environment surveyed as family composition, her financial position, relationship in it, the state of health of parents, towards deterioration at pupils of NGO who possess besides high tendency to suicide risk, addictive and delinkvetny behavior are revealed. By results of inspection of pupils by means of a technique of SMIL and R. Kettell's questionnaire (youthful option) signs of the isteroidny and psychopathic aktsentuation which are shown in inability to control the emotions and behavior in society were revealed.

Keywords: teenager, primary professional education, deviant behavior, family, upbringing, suicidal risk, character accentuation.

Оценка персонала в организациях: современное видение

В. А. Чикер

Рассматриваются и обобщаются основные направления оценки персонала организаций, сложившиеся в нашей стране к настоящему времени. Анализируются модель оценки профессионально важ-

ных качеств, компетентностная и функциональная модели, а также ассесмент-центр как метод моделирования и комплексной оценки персонала. Показан вклад отечественных исследователей в развитие ключевых идей, основных концептуальных компонентов оценки персонала.

Ключевые слова: оценка персонала, модель оценки профессионально важных качеств, компетентностная модель, функциональная модель, компетенции, управленческие функции, ассесмент-центр.

Personnel assessment in organizations: a modern vision

V. A. Chiker

The article discusses and summarizes the main directions of the assessment of the personnel of organizations that have developed in our country so far. The approach of professional quality, competence, functional approach and Assessment center as a method of modeling and integrated assessment of personnel is analyzed. Discusses the contribution of Russian researchers to the development of the key ideas of evaluation of personnel. The basis of the integrated staff assessment was laid in our country some 50 years ago and contained all the necessary conceptual components.

Keyword: assessment of personnel, professional quality, competence, managerial functions, assessment center.

Социально-психологические особенности эффективности деятельности менеджеров с различным уровнем образования

И. А. Юров

В статье ставится проблема требований к личностным качествам менеджера и его образовательному уровню, обеспечивающим эффективность его профессиональной деятельности. Автором выполнено сравнительное исследование эффективности деятельности менеджеров со средним и высшим образованием. Было установлено, что менеджеры со средним образованием отличаются более высокими показателями избегания и приспособления при взаимодействии с клиентами, большей выраженностью косвенной агрессии, раздражения, обиды, подозрительности, негативизма, чувства вины, нейротизма, личностной и ситуативной тревожности, а менеджеры с высшим образованием отличаются более высокими показателями

соперничества, компромисса, сотрудничества при взаимодействии с клиентами. Эффективность работы менеджеров с высшим образованием выше, чем со средним, по показателям объема продаж, дохода и карьерного роста.

Ключевые слова: менеджмент, соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление, агрессия, негативизм, подозрительность, чувство вины.

Economic effectiveness of education in management

I. A. Yurov

The article defines the concept of “management” and poses the problem of requirements to the personal qualities of the manager and his educational level, ensuring the effectiveness of his professional activities. The author carried out a comparative study of the effectiveness of managers with secondary and higher education. It was found that managers with secondary education are distinguished by higher rates of avoidance and adaptation in interaction with clients, greater severity of indirect aggression, irritation, resentment, suspicion, negativism, guilt, neuroticism, personal and situational anxiety, and managers with higher education differ more high rates of competition, compromise, cooperation in interaction with customers. The effectiveness of managers with higher education is greater than the average in terms of sales, income and career growth.

Keywords: management, rivalry, cooperation, compromise, avoiding, adaptation, aggression, negativism. suspiciousness, sense of guilt.

Специфика потребностей молодежи в знаниях по психологии

Н. Р. Апреликова, Д. А. Китова

Молодежь как социальная группа имеет высокий социальный потенциал, который в ближайшей перспективе будет определять социально-экономические и общественно-политические векторы развития общества в целом. Формирование личности молодых людей и их базовых потребностей выступает актуальной задачей современной психологической науки и практики. Работа посвящена выявлению потребностей молодых людей в знаниях по психологии как фактору, в значительной степени определяющему личностное развитие. В работе представлены структурные и содержательные характерис-

тики этих потребностей. По результатам исследования, у студентов отмечается высокая потребность в таких знаниях: повышенный интерес к ним продемонстрировало 88,5% респондентов.

Ключевые слова: знания, потребности, студенческая молодежь, представления молодежи, знания по психологии, потребности в знаниях по психологии.

Specifics of needs of youth for knowledge of psychology

N. R. Aprelikova, D. A. Kitova

The youth as the social group has the high social potential which will define in the short-term social and economic and social and political vectors of development of society in general. Formation of the identity of young people and their basic requirements act as a relevant problem of modern psychological science and practice. Work is devoted to the detection of needs of young people for knowledge of psychology as to the factor substantially defining personal development. In work, structural and substantial characteristics of these requirements submitted. By results of research, at students the high need for such knowledge is noted: 88,5% of respondents showed a keen interest in them.

Keywords: needs, student youth, young people's views, knowledge of psychology, needs in knowledge of psychology.

Иновативность современной молодежи и культурные факторы социально-экономического развития

И. В. Атаманова, С. А. Богомаз

Статья представляет исследование, направленное на комплексный анализ параметров психологической системы деятельности современной вузовской молодежи (студенты и молодые специалисты) в сочетании с культурными ценностями, выступающими в качестве факторов социально-экономического развития общества в контексте личностной готовности к инновационной деятельности. Факторный и регрессионный анализ показали, что ведущими факторами являются инновационные свойства личности (интегральный показатель иновативности и иновационный стиль). Параметры, входящие в психологическую систему деятельности (целеустремленность, планирование и рефлексия), важны для понимания личностной го-

товности к осуществлению деятельности, в том числе и инновационной. Приверженность традиционным ценностям может сдерживать развитие личностной готовности современной вузовской молодежи к инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновативность, инновационный стиль, открытость, культурные ценности, личностная готовность к деятельности, целеустремленность, планирование.

Innovativeness of modern youth and cultural factors of socio-economic development

I. V. Atamanova, S. A. Bogomaz

The article presents a study aimed at a comprehensive analysis of parameters of the psychological system of activity in modern university youth (students and young professionals), combined with cultural values, acting as factors of socio-economic development of the society in the context of personal readiness for innovative activity. Factor and regression analysis showed that the leading factors are innovative properties of personality (an integral indicator of innovativeness and an innovative style). The parameters included in the psychological system of activity (purposefulness, planning and reflection) are important for understanding one's personal readiness for realization of activity, including the innovative one. Adherence to traditional values can constrain the development of modern university youth's personal readiness for innovative activity.

Keywords: innovativeness, innovative style, openness, cultural values, personal readiness for activity, purposefulness, planning.

Когнитивные и аффективные аспекты влияния большинства и меньшинства на отношение студентов к социально значимым явлениям

Г. В. Бровман

В статье на основе экспериментальных данных, полученных в московских вузах, рассматриваются когнитивные и аффективные аспекты влияния большинства и меньшинства на мнения студентов о системе ювенальной юстиции. Показано, что под влиянием большинства более выражены изменения в аффективных компонентах представления о ювенальной юстиции, тогда как под влиянием меньшинст-

ва более выражены изменения когнитивных компонентов. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: влияние большинства, влияния меньшинства, когнитивные и аффективные аспекты, система ювенальной юстиции.

Cognitive and affective aspects of majority and minority influence on students' attitudes toward socially relevant phenomena

G. V. Brovman

In this article were studied cognitive and affective aspects of majority and minority influence on opinions on the juvenile justice system in the student environment based on experimental data obtained in Moscow universities (N=40). This investigation was carried out using some sociological theories, as well as using experimental methods of research. In particular, on the basis of the method of semantic differential of C. Osgood, the affective aspect of influence is analyzed. Thus, this paper compares the cognitive and affective aspects of majority influence on the opinion of the juvenile justice system among students and undergraduates and the cognitive and affective aspects of minority influence on the opinion of the juvenile justice system in the student environment. Therefore, the work revealed the presence of both cognitive and affective aspects in both cases of influence. Moreover, the paper analyzes the degree of divergence of opinions in the student group with minority and majority influences.

Keywords: majority influence, minority influence, cognitive and affective aspects, juvenile justice system.

Деструктивные отношения в студенческой группе: формы проявления и проблематика

В. В. Глебов, В. В. Ерофеева

Студенческая группа рассматривается в качестве социально-психологической системы, обладающей рядом присущих только ей особенностей, связанных с различными факторами внешней и внутренней среды. Группа оказывает большое влияние на развитие личности каждого ее члена, реализацию его возможностей, раскрытие потенциала. Показано, что взаимоотношения участников студенческой группы могут носить разрушительный характер, негативно сказываться на психологическом климате в группе, снижать эффективность дея-

тельности в учебном коллективе. Деструктивное влияние на внутригрупповые отношения студентов оказывают агрессия, ложь, обман, эгоизм, проявление иных негативных эмоций к окружающим.

Ключевые слова: студенты, деструктивность, малые группы, индивид, отношение в группе.

Destructive relationships in the student group: forms of manifestation and challenges

V. V. Glebov, V. V. Erofeeva

The article presents the manifestations of destructive relations in the student group, where the student group is considered as a socio-psychological system with many inherent features. This is due to various factors of the external and internal environment, and has a great influence on the development of the individual, the realization of opportunities, and the disclosure of the individual's potential. The paper notes that the optimal results can be achieved only when creating the most comfortable conditions for the development of the individual and group. It is shown that the relationship of the student group members can be destructive, which can adversely affect the psychological climate in the group, which ultimately reduce the effectiveness of the educational team. Destructive influence on the intra-relations of students has aggression, lies, deception, selfishness, manifestation of other negative emotions to others.

Keywords: students, destructiveness, small groups, individual, group relation.

«Женское начало толпы»: гендерные стереотипы и предрассудки в теориях стихийных объединений конца XIX – начала XX вв.

Д. С. Горбатов

В первых западноевропейских теориях толпы отчетливо проявилась тенденция к феминизации стихийных объединений и к переносу на них стереотипов и предрассудков, существовавших в те годы в общественном сознании в отношении женщин. Если вначале исследователи характеризовали лишь женщин в толпе, то позже, во многом под влиянием идей Г. Лебона, они стали приписывать толпе в целом «фемининные» черты – изменчивости настроения, импульсивности поведения, чрезмерности переживаний, податливости к внушению, неспособности к рассуждениям и др. Данная тенденция не была ха-

ракторной для отечественных исследователей толпы того времени, не была продолжительной, однако ее наличие представляется несомненным. В статье рассматриваются особенности ее формирования в конце XIX—начале XX вв.

Ключевые слова: толпа, теории толпы, женщины в толпе, женский характер толпы, гендерные стереотипы, гендерные предрассудки.

“Female character of a crowd”: gender stereotypes and prejudice in the theories of spontaneous associations of the late XIX—early XX centuries

D. S. Gorbatov

The tendency of the feminization of spontaneous associations, the dissemination of many stereotypes and prejudices that existed in the public mind towards women, in the first Western European theories of the crowd was clearly manifested. Initially, the researchers characterized only women in the crowd, but later, largely influenced by the ideas of G. Le Bon, they began to ascribe to the crowd the “female” characteristics (the variability of mood, impulsiveness of behavior, excessive feelings, pliability to suggestion, inability to reason, et al.). This tendency was not typical for the Russian researchers of the crowd of that time and was not long. However, the presence of this tendency is unquestionable. Specificity of its formation in the late XIX—early XX centuries is described.

Keywords: crowd, theories of crowd, women in the crowd, female character of a crowd, gender stereotypes, gender prejudice.

Формы деструктивного поведения персонала в организации

И. В. Девятовская, А. О. Сунцова

Представлены результаты теоретического анализа подходов отечественных и зарубежных авторов к выделению видов и форм деструктивного поведения персонала. На основании проведенного анализа и обобщения полученных результатов авторами предложена классификация деструктивных форм поведения персонала, эффективная для дальнейшего изучения их последствий и рисков для организации.

Ключевые слова: социальное поведение, трудовое поведение персонала, деструктивное поведение персонала, формы деструктивного поведения.

Forms of destructive behavior of personnel in the organization

I. V. Deviatovskaia, A. O. Suntsova

The purpose of the article is to analyze the forms of destructive behavior of personnel in the organization. Using the methods of theoretical analysis, the authors describe various approaches of domestic and foreign authors to identifying the types and forms of destructive behavior of personnel. Based on the analysis and generalization of the results obtained, the authors propose a classification of destructive forms of personnel behavior from the point of view of further studying the consequences and risks of the organization from the described types of personnel behavior. Thus, the material presented in the article may be of interest to teachers, psychologists and human resource management specialists in the organization.

Keywords: social behavior, labor behavior of personnel, destructive behavior of personnel, forms of destructive behavior.

Проектирование социально-психологической помощи учащейся молодежи в личностном развитии

С. Г. Елизаров, Г. Н. Ларина

В статье представлены особенности социально-психологической помощи учащейся молодежи в личностном развитии на основе внедрения принципов и технологии развивающей социальной среды в образовательных и воспитательных учреждениях различного типа. Изложены теоретико-методологические основы создания развивающей социальной среды, реализуемые Курской социально-психологической научной школой Л. И. Уманского—А. С. Чернышева. Авторы раскрывают значительные потенциальные возможности проектирования развивающих социальных сред в воспитании и коррекции современной учащейся молодежи. Описаны конкретные личностные изменения и социальные достижения, являющиеся результатом включения молодежи в такие социальные среды, перечислены действующие в Курской области проекты с использованием данной социально-психологической технологии.

Ключевые слова: социально-психологическая помощь, развитие личности, развивающая социальная среда, проектирование, естественный формирующий эксперимент.

Designing socio-psychological assistance for students in personal development

S. G. Elizarov, G. N. Larina

The article presents the features of the socio-psychological assistance of students in personal development based on the introduction of the principles and technology of the developing social environment in educational and educational institutions of various types. The authors disclose significant potential opportunities for designing developing social environments in the education and correction of modern student youth.

Keywords: social and psychological assistance, personal development, developing social environment, design, natural shaping experiment.

Роль природно-географических факторов в становлении якутского менталитета

Н. Д. Елисеева

В статье ставится проблема социально-психологического исследования якутского менталитета, формулируется задача его исследования как сложного социально-психологического образования. Обосновывается необходимость учета влияния климато-географических, религиозных, культурных, социальных факторов на формирование менталитета жителей Республики Саха (Якутия). Выдвигается задача поиска системообразующего фактора менталитета. Делается вывод об отношении к природе как о факторе, формирующем социально-психологические характеристики якутского менталитета.

Ключевые слова: менталитет, социальная психология, Республика Саха (Якутия), климатические условия, география, культура, религиозные воззрения, субъектное отношение к природе, «культура молчания», имплицитные представления.

The role of natural and geographical factors in the formation of the Yakut mentality

N. D. Eliseeva

The article raises the problem of socio-psychological study of the Yakut mentality. The problem of studying mentality as a complex socio-psychological education is substantiated. The necessity of taking into account the influ-

ence of climatic-geographical, religious, cultural, social factors on the formation of the mentality of the Republic of Sakha (Yakutia) is substantiated. The task of search of the system-forming factor uniting mentality is put forward. The conclusion is made about the importance of attitude to nature as a factor that forms the socio-psychological characteristics of the Yakut mentality.

Keywords: mentality, social psychology, Republic of Sakha (Yakutia), climatic conditions, geography, culture, religious views, subjective attitude to nature, “culture of silence”, implicit representations.

Психологические аспекты исследования динамики экономического сознания предпринимателей в российском обществе

Н. А. Журавлева

Поставлена цель проанализировать динамику экономического сознания предпринимателей в условиях социально-экономических изменений в российском обществе. Применялась специально разработанная программа стандартизированного опроса, включающая разделы, направленные на изучение различных характеристик экономического сознания личности. Оценка динамики экономического сознания бизнесменов в изменяющихся социально-экономических условиях выполнялась в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 годах. В качестве выборки исследования выступили московские предприниматели различных отраслей малого бизнеса — за шесть исследовательских «срезов» было опрошено 574 человека. В экономическом сознании предпринимателей выявлено возрастание готовности, используя свободные денежные средства, больше помогать близким, путешествовать и жертвовать на общественные нужды.

Ключевые слова: экономическое сознание, социальные представления, предприниматели, динамика, социально-экономические изменения.

The psychological aspects of the investigation of the economic consciousness' dynamics of businessmen in Russian society

N. A. Zhuravleva

In the article, we analyze the dynamics of the goal of economic consciousness of businessmen in terms of socio-economic changes in the Russian society. Used a specially designed program of standardized survey which

includes a section aimed at studying the different characteristics of the economic consciousness of the individual. Assessment of the dynamics of economic consciousness of the businessmen under changing socio-economic conditions are fulfilled in 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 and 2006. As the study sample were Moscow businessmen of various branches of small business – during six research “cuts” were interviewed 574 people. Economic conscious of businessmen demonstrates an increasing in readiness by free money to help relatives, travel and part of free money give for public purposes.

Keywords: economic consciousness, social ideas, businessmen, dynamics, socio-economic changes.

Сравнительный анализ выраженности агрессивности у жителей большого и малого городов

В. А. Капустина, К. С. Манзыркова

Статья посвящена исследованию особенностей проявления агрессивности у жителей большого и малого городов на примере г. Новосибирска и г. Могоча. Выборка исследования включала в себя 50 человек, из них 25 – жители большого города, 25 – жители малого города. Предположили, что уровень агрессивности будет выше у респондентов, проживающих в большом городе, чем в малом, и что он будет связан с личностной тревожностью и рефлексивностью. В результате исследования было обнаружено, что наиболее выраженными чертами личности жителей как малого, так и большого города являются экстраверсия и ригидность; среди показателей агрессии в большей степени проявляется самоагрессия. При этом уровень агрессивности как личностной черты у жителей большого города выше, чем у жителей малого города. Обнаружено, что агрессивность как личностная черта у жителей большого города связана с ригидностью и с ситуативной тревожностью.

Ключевые слова: агрессивность, горожане, личность, конфликт, малый город, большой город.

Comparative analysis of aggressiveness of citizens from the big and small towns

V. A. Kapustina, K. S. Manzyrkova

The article is devoted to the research of specific of aggressiveness of citizens from millionaire city and small city (on the example of Novosibirsk and

Mogocha). The sample included 50 respondents (25 – citizen of millionaire city, 25 – citizen of small city). Authors supposed, that the level of aggression in the structure of the personality is higher among residents of a millionaire city, the aggressiveness of inhabitants of millionaire city is associated with personal anxiety and reflexivity. It was found, that the most typical personal traits (extraversion and rigidity) are equal for citizens from millionaire city and small city, self-aggression is more pronounced among the indicators of aggression, the level of aggression as a personal trait is higher among the citizens from the millionaire city. Aggression as a personal trait among residents of a millionaire city is associated with rigidity and situational anxiety.

Keywords: aggressiveness, citizen, personality, conflict, small city, big city.

Идентичность и патриотизм: этнопсихологические и региональные особенности и уровни проявления

А. Д. Карнышев, О. А. Карнышева

Авторы междисциплинарных исследований утверждают, что сущность жизни заключается в способности живой системы поддерживать свою идентичность. У людей в первую очередь происходит идентификация человека с группами, в которые он по тем или иным причинам включен. Идентичность связана с самоутверждением, гордостью и позитивной оценкой социума, к которому принадлежит индивид, включает солидарность с групповыми идеалами и групповым поведением, свойственными данной этнокультурной группе. Высший уровень идентичности личности с социумом уверенно можно представить в феномене патриотизма, который, в свою очередь, традиционно связан с национальным отождествлением, национальными чувствами. В статье приводятся данные конкретных исследований, подтверждающие некоторые теоретические положения.

Ключевые слова: идентификация, изоморфизм, Я-конструкты, уровни и национальные особенности патриотизма.

Identity and patriotism: ethnopsychological and regional features and levels of manifestation

A. D. Karnyshev, O. A. Karnysheva

Authors of cross-disciplinary researches claim that the essence of life consists of the ability of a live system to maintain the identity. People first of all have an identification of the person to groups in which he is for one reason

or another included. The identity relates to self-affirmation, pride and positive assessment of society to which the individual belongs includes solidarity with the group ideals and group behavior peculiar to this ethnocultural group. The highest level of identity of the personality with society can confidently be presented in a phenomenon of patriotism which, in turn, is traditionally connected with national identification, national feelings. The data of real researches confirming some general provisions provided in the paper.

Keywords: identification, isomorphism, “I-constructs”, levels and national features of patriotism.

Программа социально-психологического исследования представлений молодежи о коррупции

Д. А. Китова

Несмотря на общепризнанную значимость участия психологов в решении вопросов противодействия неправомерному поведению, психология коррупции еще не стала традиционным объектом исследований. Это обусловлено многими причинами, среди которых – отсутствие научных традиций, общепризнанных методологических подходов и конкретных методик психологического исследования данного феномена. В работе предлагается методическая часть программы исследования представлений молодежи о коррупции. В связи с ранее полученными эмпирическими результатами, которые показали фиксацию представлений молодежи в основном на бытовом уровне коррупции, программа ориентирована на анализ феномена взяточничества. Программа опроса включает в себя 8 относительно самостоятельных блоков вопросов.

Ключевые слова: коррупционное поведение, проявление коррупции, макро- и микроуровни коррупции, бытовая коррупция, взятка, условия распространения коррупции, представления молодежи, психологический портрет коррупционера.

Program of the social and psychological research of youth representations about corruption

D. A. Kitova

Despite the general importance of psychology in the solution of questions counteraction to illegal behavior, the corruption psychology did not be-

come a traditional object of researches yet. The reason connected with many causes among which there is a lack of scientific traditions, the conventional methodological approaches and particular techniques of the psychological study of this phenomenon. In work, a regular part of the program of research of ideas of the youth of corruption offered. Due to earlier received empirical results which showed fixing of representations of youth generally at the household level of corruption the program focused on the analysis of a phenomenon of bribery. The program of the survey includes eight somewhat independent blocks of questions.

Keywords: corruption behavior, manifestation of corruption macro- and corruption microlevels, household corruption, a bribe, conditions of distribution of corruption, representation to youth, a psychological portrait of the corrupt official.

Феноменологическое описание подростков с различной степенью суицидального риска

В. Е. Купченко

В статье дано феноменологическое описание подростков с различной степенью суицидального риска, полученное на основе соотношения самооценочных суждений и оценки поведенческих параметров. Показано, что у подростков с высоким суицидальным риском показатели депрессивности, невротизации, негативного настроения, межличностных проблем, неэффективности и негативной самооценки выше, чем у подростков со средней и низкой степенью суицидального риска. Показатели общительности, напротив, ниже у подростков с высокой степенью суицидального риска, чем у подростков с низкой его степенью.

Ключевые слова: суицидальный риск, подростковый возраст.

Phenomenological description of adolescents with varying degrees of suicidal risk

V. E. Kupchenko

The phenomenological description of adolescents with different suicidal risks based on correlation of self-evaluation judgments and evaluation of behavioral parameters presented. Proved that in adolescents with high suicide risk, the indicators of “depressiveness”, “neurotic”, “negative mood”, “interper-

sonal problems”, “inefficiency” and “negative self-esteem” are higher than in adolescents with moderate and low suicidal risk. Indicators of “sociability”, on the contrary, are lower in adolescents with high suicide risk than in adolescents with low suicide risk.

Keywords: suicidal risk, adolescence, types.

Влияние национально-психологических особенностей на экономическое сознание казахстанских предпринимателей

Н. А. Ладзина, Л. С. Назырова

Представлены результаты серии эмпирических исследований, проведенных группой преподавателей и магистрантов ВКГУ им. С. Аманжолова. Авторы демонстрируют целостную концепцию влияния национально-психологических особенностей на взаимодействие и поведение людей в полиэтнической среде. Была изучена специфика проявления этих особенностей в стереотипах, конфликтах, трудовой деятельности, менеджменте, организационной культуре. Продолжением данной программы стало исследование этнопсихологических особенностей как предикторов экономического сознания и экономического поведения казахов и русских. Выделены параметры национальной культуры и их проявление в экономическом сознании. Предложена методика изучения личностных конструктов, определяющих модели экономического сознания и их различия у казахов и русских.

Ключевые слова: национально-психологические особенности, экономическое сознание, экономическое поведение, параметры национальной культуры.

The influence of national psychological characteristics on the economic consciousness of Kazakhstani entrepreneurs

N. A. Ladzina, L. S. Nazyrova

The authors showed a holistic concept of the influence of national psychological features on the interaction and behavior of people in a multiethnic environment. The specifics of the manifestation of these features in stereotypes, conflicts, labor activity, management, organizational culture were studied. The continuation of this program was the study of ethnopsychological features as predictors of economic consciousness and econom-

ic behavior of Kazakhs and Russians. The parameters of the national culture and their manifestation in the economic consciousness are singled out. A technique for studying personal constructs defining models of economic consciousness and their differences among Kazakhs and Russians is proposed.

Keywords: national-psychological features, economic consciousness, economic behavior, parameters of national culture.

Проблемы взаимодействия в бригаде летного экипажа воздушного судна

З. В. Машарский, О. С. Машарская

Рассматривается проблема качества работы летных экипажей воздушных судов и его влияния на безопасность полетов. Выделяются необходимые условия обеспечения эффективности работы летного экипажа – высокое качество взаимодействия и совместимость членов бригады. Главная роль в формировании благоприятного психологического климата внутри экипажа отводится командиру воздушного судна.

Ключевые слова: экипаж, синергизм, психофизиологическая совместимость, личностная совместимость, коммуникативная совместимость, командир воздушного судна, лидер, психологический климат.

Problems of socio-psychological interaction of the crew of the aircraft

Z. V. Masharski, O. S. Masharskaya

The quality of the work of crew depends on the safety and security of passengers. The quality of the interaction and compatibility of crew, psychophysiological features are necessary conditions for ensuring high work efficiency of crew. The main role in the formation of a favorable psychological climate inside the crew plays the commander of the aircraft.

Keywords: crew, synergy, physiological compatibility, personality compatibility, communication compatibility, the aircraft commander, the leader, psychological climate.

Актуальность социально-психологического обучения школьников начальных классов

А. С. Силаков

В статье говорится о необходимости целенаправленного социально-психологического обучения школьников начальных классов для получения ими эффективных умений и навыков общения и взаимодействия со сверстниками и взрослыми. Одной из важных проблем развития личности школьников выступает повышенная акцентированность внимания педагогов на том, что связано непосредственно с учебной деятельностью, приводящая к недостаточной работе с группой в плане развития ее сплоченности, формирования комфортной психологической атмосферы, построения позитивных межличностных отношений. Отмечаются те проблемы, которые препятствуют реализации соответствующих результатов освоения Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования.

Ключевые слова: социально-психологическое обучение, учащиеся младших классов, педагоги начальной школы, коммуникативные умения и навыки.

The relevance of socio-psychological education of primary school students

A. S. Silakov

The article deals with the need for targeted socio-psychological training of primary school students to obtain effective skills and communication skills and interaction with peers and adults. One of the important problems of the development of the personality of schoolchildren is the emphasis of teachers' attention on what is directly related to educational activities, which leads to insufficient work with the group in terms of the development of its cohesion, the formation of a comfortable psychological atmosphere, the construction of a positive structure of interpersonal relations. The problems which hinder realization of the corresponding results of development of the Federal state educational standard of primary General education are noted.

Keywords: socio-psychological training, elementary school students, primary school teachers, communication skills.

Стиль жизни героев телевизионных сериалов как фактор формирования потребительских предпочтений зрителей

Т. В. Фоломеева

В статье отражены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи между образом жизни, представленным в телевизионном сериале, и потребительскими предпочтениями зрителей. Мы предположили, что механизм идентификации обеспечивает связь наблюдаемого и проинтерпретированного поведения героев с собственным осуществляемым поведением зрителя. Результаты исследования показали, что данная связь определяется привлекательностью героя сериала, сходством интересов героя и зрителя и восприятием героя сериала как представителя значимой социальной группы.

Ключевые слова: телевизионные сериалы, потребительские предпочтения, стиль жизни, массовая культура, экономическое поведение.

The life style of the television series characters as a factor which forms consumer preferences of viewers

T. V. Folomeeva

The article reflects the results of empirical research aimed at studying the relationship between the lifestyle presented in the television series and viewer's consumer preferences. We suggested that the identification mechanism provides a link between the viewer's interpretation of the characters' behavior with their own behavior. The results of the study showed that this relationship is determined by the attractiveness of the TV series character, the similarity of interests of the character and the viewer and the perception of the character as a representative of a significant social group.

Keywords: TV series, consumer preferences, lifestyle, mass culture, economic behavior.

Ценностно-смысловые ориентации как основания социальной активности молодежи

Р. М. Шамионов

Изложены результаты анализа ценностно-смысловых ориентаций представителей столичной и региональной молодежи как оснований

Аннотации

их социальной активности. Показано, что полинаправленность активности основана на сложных соотношениях в ценностно-смысловой сфере личности. Традиционные ценности и ценности гедонизма выступают главными дифференцирующими признаками социальной активности. На основе результатов факторного анализа показано, что социальная активность студентов провинции и столицы обусловлена разными смысловыми категориями – семья и любовь (Саратов) и карьера и независимость (Москва).

Ключевые слова: личность, молодежь, социальная активность, ценности, смысловые категории.

Value-semantic orientations as the basis of social activity of youth

R. M. Shamionov

The article presents the results of the analysis of value-semantic orientations of representatives of the capital and regional youth as the basis of social activity. It is shown that the multidirectional activity is based on complex relations in the value-semantic sphere of the individual. Traditional values and values of hedonism are the main differentiating features of social activity. Based on the results of factor analysis it is shown that the social activity of students in the province and the capital is due to different semantic categories: the meanings of family and love (Saratov) and career and independence (Moscow).

Keywords: personality, youth, social activity, values, semantic categories.

Сведения об авторах

Акопов Гарник Владимирович – доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Россия; e-mail: info-psy@rambler.ru; akopovgv@gmail.com.

Апреликова Наталия Руслановна – аспирант кафедры психологии ОЧУ ВО «Московский инновационный университет», Москва, Россия; e-mail: aprelikovant@mail.ru.

Артемова Наталия Георгиевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: artyomtseva@gmail.com.

Атаманова Инна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии ФГБОУ ВО «Томский государственный университет»; e-mail: iatamanova@yandex.ru.

Басимов Михаил Михайлович – доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»; e-mail: basimov_@mail.ru.

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии ФГБОУ ВО «Томский государственный университет», e-mail: bogomazsa@mail.ru.

Боcharова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», Саратов, Россия; e-mail: bocharova-e@mail.ru.

Бровман Григорий Владимирович – магистр психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия; e-mail: gregoire1984@mail.ru.

Вавакина Татьяна Сергеевна – кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: tvavakina@mail.ru.

Галкина Татьяна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности, ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия; e-mail: galkina@list.ru.

Глебов Виктор Васильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры судебной экологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва, Россия; e-mail: vg44@mail.ru.

Горбатов Дмитрий Сергеевич – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: gorbatov.rus@gmail.com.

Грива Ольга Викторовна – аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: snezhik42@mail.ru.

Грязева-Добшинская Вера Геннадьевна – доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии развития и возрастного консультирования, факультет психологии, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», Челябинск, Россия; e-mail: vdobshinya@mail.ru.

Девятковская Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и акмеологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия; e-mail: rosirin@yandex.ru.

Деревянко Ольга Ивановна – магистр психологии, преподаватель кафедры общей и организационной психологии Института психологии БГПУ, Минск, Белоруссия; e-mail: o.derevianka@yandex.by.

Дмитриева Юлия Александровна – старший преподаватель, кафедра психологии развития и возрастного консультирования, факультет психологии, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», Челябинск, Россия; e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru.

Дрынкина Татьяна Ивановна – кандидат психологических наук, Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: drynkina@mail.ru.

Елизаров Сергей Геннадьевич – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия, e-mail: sergei_elizarov@mail.ru.

Елисеева Наталья Дмитриевна – кандидат психологических наук, директор ГБУ «Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи», докторант ФГБУН «Институт психологии РАН», Якутск, Республика Саха (Якутия); e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru.

Ерофеева Виктория Вячеславовна – кандидат биологических наук, преподаватель кафедры судебной экологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва, Россия; e-mail: erofeeva-viktori@mail.ru.

Журавлев Анатолий Лактионович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель института, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: alzhuravlev@yandex.ru.

Журавлева Надежда Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: smlgr@psychol.ras.ru.

Капустина Валерия Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Новосибирск, Россия; e-mail: pskabinet@gmail.com.

Капцов Александр Васильевич – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии управления ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия», Самара, Россия; e-mail: avkaptsov@mail.ru.

Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия; e-mail: ale3441@yandex.ru.

Карнышева Ольга Александровна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия; e-mail: borisovvla@yandex.ru.

- Карпова Елена Алексеевна* – кандидат психологических наук, доцент ГАО УВО «Ленинградский государственный университет им А. С. Пушкина»; e-mail: dr.karpova@mail.ru.
- Китова Джульетта Альбертовна* – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: j-kitova@yandex.ru.
- Коробова Светлана Юрьевна* – аспирант факультета психологии ФГА-ОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», Челябинск, Россия; e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru.
- Котлярова Любовь Николаевна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом НИЯУ «МИФИ», Москва, Россия; e-mail: lnkot-konf@yandex.ru.
- Криулина Александра Александровна* – доктор психологических наук, профессор кафедры профессионального обучения и методики преподавания технологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия; e-mail: anitim@list.ru.
- Куликов Леонид Васильевич* – доктор психологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: leon-piter@mail.ru.
- Купченко Виктория Евгеньевна* – кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», Омск, Россия; e-mail: kupchenko07@mail.ru.
- Ладзина Наталья Алексеевна* – доктор психологических наук, профессор Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, Семей, Казахстан; e-mail: ladzina_natalya@mail.ru.
- Ларина Галина Николаевна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия; e-mail: galka.larina@yandex.ru.
- Липатов Сергей Алексеевич* – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия; e-mail: s_lipatov@mail.ru.
- Мазилев Владимир Александрович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», Ярославль, Россия; e-mail: v.mazilov@yspu.org.

- Манзыркова Ксения Степановна* – студентка 5 курса (профиль «Социальная психология») ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Новосибирск, Россия; e-mail: pskabinet@gmail.com.
- Машарская Ольга Сергеевна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии УО «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Белоруссия; e-mail: distm@mail.ru.
- Машарский Захар Владимирович* – кандидат психологических наук, заведующий отдела исследований в области воздушного транспорта, БелНИИТ «Транстехника», Минск, Белоруссия; e-mail: distm@mail.ru.
- Нагибина Наталья Львовна* – доктор психологических наук, научный руководитель АНО ДПО «Центр развития человека», Москва, Россия; e-mail: nagibina-nata@rambler.ru.
- Назырова Лариса Сабировна* – кандидат психологических наук, доцент Восточно-Казахского государственного университета, Усть-Каменогорск, Казахстан; e-mail: larisa.nazyrova@mail.ru.
- Нестик Тимофей Александрович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: nestik@gmail.com.
- Николаева Ирина Александровна* – кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», Курган, Россия; e-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru.
- Оболенская Алена Германовна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и акмеологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия; e-mail: a.obolenskaya@mail.ru.
- Паркина Дарья Константиновна* – аспирант кафедры педагогики и психологии факультета гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Новосибирск, Россия; e-mail: parkina@corp.nstu.ru.
- Письменюк Екатерина Сергеевна* – аспирант ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», г. Челябинск, Россия; e-mail: pismieniuk@list.ru.
- Поддубный Сергей Евтихиевич* – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Одинцовского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный инсти-

тут международных отношений МИД РФ»; Одинцово, Россия; e-mail: sergodd@mail.ru.

Позняков Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия; e-mail: pozn_v@mail.ru.

Сабра Лейла Абдалла – младший научный сотрудник АНО ДПО «Центр развития человека», Москва, Россия; e-mail: l-sabra@mail.ru.

Сарычев Сергей Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия; e-mail: kurskpsychol@ya.ru.

Семенов Валентин Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор, научный руководитель НП «Центр политических и психологических исследований», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vsms88@yandex.ru.

Силаков Александр Святославович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия; e-mail: alssil@mail.ru.

Слепко Юрий Николаевич – кандидат психологических наук; доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», Ярославль, Россия; e-mail: slepko@inbox.ru.

Сунцова Алина Олеговна – магистрант ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия; e-mail: a-suntsova94@ya.ru.

Ткаченко Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский психолого-педагогический университет», Москва, Россия; e-mail: tata.tkachenko@gmail.com.

Федосенко Екатерина Владимировна – кандидат психологических наук, проректор по воспитательной и научно-организационной работе ЧОУ ВО «Балтийский гуманитарный институт», Санкт-Петербург, Россия, efedosenko@yandex.ru.

Фоломеева Татьяна Владимировна – доцент, кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия; e-mail: tfolomeeva@gmail.com.

Чернышев Алексей Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия; e-mail: psychology@kursksu.ru.

Чикер Вера Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vchiker@yandex.ru.

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психолого-педагогического и специального образования ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», Саратов, Россия; e-mail: shamionov@mail.ru.

Эгамбердиева Евгения Витальевна – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Одинцовского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений МИД РФ»; Одинцово, Россия; e-mail: egamberdievaev@gmail.com.

Юров Игорь Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления и гуманитарных дисциплин ОЧУ ВО «Московский инновационный университет», Москва, Россия; e-mail: sov36@mail.ru.

Якунин Анатолий Павлович – кандидат психологических наук, администратор ООО «Центр делового сотрудничества „Потенциал“», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru.

Научное издание

Серия «Труды Института психологии РАН»

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 1

Состояние и перспективы исследований

Редактор – *Т. А. Сарыева*

Макет и верстка – *В. П. Ересько*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7(495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru; www.ipras.ru

Сдано в набор 13.11.18. Подписано в печать 21.11.18
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 30,1. Уч.-изд. л. 23,8
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел. (495) 685-93-18

Книги издательства «Институт психологии РАН»

2018 г.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 402 с.

Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В., Лотарева Т. Ю. Жизнеспособность замещающей семьи: профилактика отказов от приемных детей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 223 с.

Психофизиологическое обеспечение профессиональной надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли:

Сборник материалов III отраслевой научно-практической конференции, г. Обнинск, 15–17 октября 2018 г. / Отв. ред. Е. В. Леонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 294 с.

Артемяева Т. И. Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук за 2007–2015 годы. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 152 с.

Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 702 с. (Методология, теория и история психологии)

Психологические исследования: Вып. 9 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 174 с.

Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Системная интеграция индивидуальности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 176 с.

Носуленко В. Н., Харитонов А. Н. Жизнь среди звуков: психологические реконструкции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 422 с.

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 412 с. (Психология социальных явлений)

Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 568 с. (Труды Института психологии РАН)

Кольцова В. А., Левкович В. П. Социально-психологические проблемы супружеских отношений: история и современное состояние. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 174 с.

Анатолий Лактионович Журавлёв. Библиография научных трудов: К 70-летию со дня рождения / Авт.-сост. В. И. Белопольский, Е. Н. Аксамит, О. В. Шапошникова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 120 с.

Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 530 с.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с. (Психология социальных явлений)

Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 716 с. (Методология, история и теория психологии)

2017 г.

Когнитивные исследования. Вып. 7. Избранные труды конференции «Когнитивные исследования на современном этапе» / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. А. Медынцева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Изд-во «Когито-Центр», 2017. 188 с.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с. (Психология социальных явлений)

Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 2714 с.

Психология – наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». 14–

- 15 ноября 2017 года, Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 998 с.
- Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А.* Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 480 с.
- Артемцева Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 228 с.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 424 с. (Психология социальных явлений)
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с. (Социокультурные аспекты национальной безопасности)
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с. (Психология социальных явлений)
- Сухарев А. В.* Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 398 с. (Методология, история и теория психологии)
- Харламенкова Н. Е., Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А., Казымова Н. Н., Дымова Е. Н., Шаталова Н. Е.* Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 262 с. (Труды Института психологии РАН)
- Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И.* Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 191 с.
- Ясюкова Л. А., Белавина О. В.* Социальный интеллект детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 181 с.
- Толочек В. А.* Профессиональная карьера как социально-психологический феномен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 262 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 285 с. (Психология социальных явлений)

- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с. (Методы психологии)
- Морозов В. П.* Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды 1964–2016. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 398 с.
- Гостев А. А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 467 с.

2016 г.

- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня – 02 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 637 с.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 487 с. (Методология, теория и история психологии)
- Ожиганова Г. В.* Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 282 с.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 496 с.
- Хащенко В. А.* Личность и группа в системе экономических и управленческих отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 535 с.
- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 214 с. (Методология, теория и история психологии)
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 276 с.
- Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Отв. ред. В. Н. Носуленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 457 с. (Фундаментальная психология – практике)

- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 320 с. (Психология социальных явлений)
- Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 2–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 720 с.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддьяков А. Н., Юревич А. В.* Социальная психология знания / Под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 446 с. (Психология социальных явлений)
- Логинова Н. А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 366 с. (Методология, теория и история психологии)
- Волкова Е. В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 256 с. (Методы психологии)
- Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 950 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 122 с.
- Прохоров А. О.* Образ психического состояния. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 245 с. (Экспериментальные исследования)
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 144 с. (Психология социальных явлений)
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 755 с.
- Психологические исследования: Вып. 8 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 231 с.
- Сварник О. Е.* Активность мозга: Специализация нейрона и дифференциация опыта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 190 с. (Перспективы психологии)